

№ 2(26). 2018

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал

НАШИ НАГРАДЫ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
"ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ"

Серебряное перо – 2015 г., Золотое перо -2016 г.
Национальной литературной премии «Золотое перо Руси»

Апрель 2018 № 2 (26)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко
Телефон: +7 9118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционный совет:

Николай Иванов — Председатель Правления Союза писателей России
Григорий Блехман — член Союза писателей России
Елена Груцкая — поэт
Игорь Ерофеев — член Союза писателей России
Евгений Журавли — поэт, прозаик, публицист
Александр Казинцев — член Союза писателей России, заместитель
главного редактора журнала «Наш современник»
Сергей Кириллов — писатель, поэт, публицист
Валентин Курбатов — член Союза писателей России, член Совета
по культуре при Президенте РФ
Александр Новосельцев — член Союза писателей России
Сергей Пылёв — член Союза писателей России
Андрей Растворцев — член Союза писателей России
Геннадий Сазонов — член Союза писателей России
Валерий Старжинский — доктор философских наук, профессор кафедры
философских учений БНТУ
Дмитрий Филиппов — прозаик, публицист

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39-00302 от 24 сентября 2014
Дата выхода номера в свет: 10 апреля 2018 года
Тираж: 1000 экз.
Адрес редакции, издателя: 236010, Калининград, ул. Белинского, 44-58
Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна, адрес:
236010, Калининград, ул. Белинского, д. 44, кв. 58
Цена свободная
Издание предназначено для лиц от 12 +
Дизайн обложки — Анна Степанова
Фото на обложке Валентины Архиповской
Вёрстка — Елена Балантаева
Отпечатано в типографии ООО «График Артс»
г. Калининград, проспект Мира, 5, тел. 92–14-90, e-mail: 921490@mail.ru
При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега» обязательна.
Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов,
может не разделять точку зрения опубликованных авторов.
Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи должны быть сохранены документом Word (шрифт — Roman, кегль 14, межстрочный интервал — 1). Текст не форматировать, не подчеркивать, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста — краткие сведения об авторе — *курсивом*. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

Проза

Александр Проханов. Гость. Роман (Завершение. Начало в №1 (25)-2018)	4
Сергей Пылёв. Никишин сад. Повесть (Завершение Начало в №1 (25)-2018)	30
Александр Новосельцев. Сваты. Рассказ	50
Александр Чумиков. «Кам-са-мол!». Повесть	60
Привалов Иван. Тот, кто лежал у окна. Рассказ	81

Поэзия

Игорь Тюленев. Стихи	85
Наталья Советная. Земля. Стихи	88
Николай Дик. Стихи	91
Эд Побужанский. Ромашковый чай. Стихи	95

Берега литературного наследия

Юрий Кузнецов. Лекция «Слёзы в поэзии». Подготовила Марина Гах	98
---	----

Берега памяти

Михаил Фёдоров. «Это вам за пацанов!» Посвящается Герою России лётчику Роману Филипову	102
---	-----

Берега культуры и искусства

Елена Лебедева. Париж поминал Шаляпина	115
---	-----

Берега истории

Княгиня В. Д. Лобанова-Ростовская. О российской трагедии XX века. До и после 1917 года: Воспоминания матери (1903–1935). «Из Белого стана», вступление профессора Екатерины Фёдоровой. Комментарии Л. Г. Умновой и Е. С. Федоровой	128
---	-----

Русский мир без границ

Берега Варшавы.

Барбара Кригер. Может ли славянская цивилизация быть универсальной?	161
--	-----

Рижские берега.

Татьяна Житкова. Стихи	166
-------------------------------------	-----

Латгальские берега.

Пётр Антропов. Звенят в душе латгальские мотивы. Стихи	171
---	-----

Берега Алматы.

Станислав Ли. Солнечный свет.	174
---	-----

Критика

Лидия Довыденко. Метафизика Александра Проханова	177
Алексей Казаков. Благодатный дар Андрея Авдеева	180

Бережок

Елена Родченкова. Сказка про Аиста	183
---	-----

Наши друзья

Советуем почитать. Подписка и приобретение журнала	186
--	-----

Проза

Александр Проханов

Александр Андреевич Проханов – прозаик, публицист, общественный деятель. Родился 26 февраля 1938 года в Тбилиси. Член секретариата Союза писателей России. Главный редактор газеты «Завтра». Лауреат премии Ленинского комсомола. Кавалер орденов Красного Знамени, Трудового Красного знамени, «Знак Почёта», Красной звезды. Автор свыше тридцати книг, переведённых на многие языки, к самым известным из которых следует отнести «Семи-книжие», «Господин Гексоген», книгу из четырёх частей «Поступь русской победы». Лауреат премии «Национальный бестселлер», Международной Шолоховской премии, Бунинской премии, премии имени Н.С. Лескова, премии «Белые журавли России», премии «Золотой Дельвиг» и многих других.

ГОСТЬ

Роман

(Завершение. Начало в предыдущем номере)

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Ещё в машине он прочитал на айфоне сообщение Янгеса: “Эффект невероятный. Сейсмографы во всех районах мира зарегистрировали землетрясение. Видимо, так погибали ящеры и оставались жить теплокровные. Вы содействуете естественному отбору, в результате которого выживают сильнейшие. Ваш Дарвин. Транш прошёл”.

Веронов не понимал иносказаний Янгеса. Его разум был сотрясён. Он ещё не пришёл в себя после пережитого, подобного смерти наслаждения, какое испытывает самоубийца, кидаясь на асфальт с небоскрёба. На мгновение ему открывалось упоительное знание об абсолютной смерти, в которой исчезало пространство и время, и бытие прекращалось в чёрной ослепительной вспышке. Как будто совершалось зачатие иного мироздания. Вспышка длилась мгновение и когда гасла, начиналась тоска, мука, желание снова и снова переживать это, ни с чем не сравнимое состояние – переход из светлого мира в мир абсолютной тьмы.

Он вернулся домой под вечер и стал просматривать “Фейсбук”, который орал, проклинал, рыдал, грозил ему казнью, сулил страшные болезни. С презрением он читал вопли бессмысленных, обездоленных людей, которым не суждено приблизиться к той кромешной бездне, куда он каждый раз спускается, одинокий, бесстрашный, всесильный.

Он отправился в ванную и обнаружил, что змея на груди опять появилась. Её голова подходила к самому горлу, а хвост кончался в области паха. Она была голубоватой, словно татуировка, и кожу жгло от бесчисленных уколов иглы. Он тёр змею, но она не смывалась. Ему казалось, что в горле, в пищеводе, в желудке что-то шевелится, сжимается и разжимается, словно в нём поселилась посторонняя пульсирующая жизнь.

Монастырь за окном не пропал, но утратил свой нежный белоснежно-розовый цвет, напоминавший девичий кружевной наряд. Теперь монастырь был серо-чёрный, по нему перебегали и гасли тусклые огоньки, какие блуждают по тлеющему полюну.

В Веронове тлело жжение. Тёмная муть застилала глаза. Он прислушивался к существу, которое в нём поселилось, и это существо требовало пищи. Этой пищей было то смертельное наслаждение, которое он пережил, и пережить которое снова стремился.

Он включил телевизор. Показывали какие-то фестивали песен, скабрёзости из жизни актёров, старые советские фильмы о пограничниках и колхозниках. Внезапно передачи прервались на срочное сообщение.

Пассажирский самолёт, летевший в Сирию из России, разбился над Чёрным морем. В самолёте находился хор военных певцов, которые собирались выступить перед российским контингентом, воюющим в Сирии. А так же известная своим милосердием доктор, которая спасала раненых детей Донбасса, кормила бомжей на площади «Трёх вокзалов», целила людей с дефектами нервной системы. В заявлении говорилось, что все пассажиры погибли. Причиной крушения была ошибка пилотов. Расследование продолжается. Спасатели ловят в море останки.

Веронов помрачённно смотрел на экран, где журналист расспрашивал приморских жителей, свидетелей катастрофы. Представлял поющий хор военных молодцов в парадных мундирах, в фуражках с кокардами, их могучие, наполненные звуком груди, их цветущие лица, которые поглотила пучина. Представлял милое усталое лицо доктора среди обездоленных бомжей, которым она привозила прямо на площадь полевую кухню с горячим бульоном и кашей.

Нет, то была не ошибка пилота. Это он, Веронов, в Петрищеве своим чудовищным святотатством сотряс и землю, и небо, и волна разрушения покатила по миру, настигла самолёт турбулентным вихрем, швырнула к земле. В тот момент, когда тряпичная кукла горела и падала с виселицы на землю, а толпа ошеломлённо молчала, сокрушающий вихрь понёсся по миру, заматывая в свой смертельный рулон самолёт, направляя его в море.

Журналист расспрашивал жителя приморского посёлка, и тот утверждал, что видел, как с земли к летящему самолёту протянулся прозрачный волнистый след, достиг самолёта, после чего тот стал разваливаться.

Веронов был поражён неизвестным недугом. В нём поселился неведомый гость. На его теле проступали голубые трупные пятна. Он хотел избавиться от недуга. Избавиться от смертельной пагубы. Сбросить иго, которым закабалил его Янгес, таинственный лемур с глазами, из которых брызжут острые, как бритвы, лучи.

Веронов собрал всю свою волю, весь оставшийся здравый смысл, весь остаток духовного здоровья и решил сопротивляться недугу. Излечиться от пагубы.

Утром он отправился в дорогую частную клинику, где решил пройти обследование.

Его пронзали ультразвуком, и, лёжа в полутьме, чувствуя, как липкий щуп скользит по его голому животу, он видел на лунном экране свои почки, печень, предстательную железу, страшась узреть эмбрион, лобастый, пучеглазый, скрюченный. Результат жуткого зачатия. Но все внутренние органы были здоровы, без патологий.

Он настоял, чтобы ему просветили желудок, в котором чувствовал непрерывное шевеление. Давясь, борясь со спазмами, он проглотил гибкую кишку с фонариком и телевизионной камерой, которая рыскала в его утробе, но не обнаружила постороннего тела. Пищевод, желудок, кишечный тракт были здоровы.

Его просвечивали на томографе. Медленно влекли сквозь огромное магнитное кольцо, которое рассекало его тело, как рассекают на тонкие ломти колбасу. Каждый срез являл собой разноцветные круги и овалы, похожие на древесные кольца, в которых откладывались прожитые им годы.

И здесь не обнаружили патологий. Он был здоров. Голубоватая змея на груди, которую он показал врачу, была гематомой. Отпечатком предмета, о который он незаметно ударился.

Ему захотелось увидеть бывшего друга Фёдора Степанова, с кем работали в космическом институте, проектировали поселения для дальнего Космоса, искали пути в потустороннюю реальность, где царят иные физические и геометрические законы, существуют иные субстанции, с которыми придётся столкнуться человеку в дальнем Космосе. Веронов давно не виделся с другом. Они расстались, когда распалась страна, был закрыт институт, и Веронов, спасаясь от разрухи, уехал в Америку, а Степанов остался на пепелище, пропал из виду среди смуты, нищеты и бессмыслицы. Теперь же Веронов вспомнил о Степанове, об их возвышенных исканиях, восхитительных мечтаниях, надеясь в общении с другом вернуть себе былое духовное здоровье.

Телефон, который сохранился у Веронова, оказался не действителен. И он наугад отправился на Плющиху, где когда-то в старых домах жил Степанов. У жильца, входящего в подъезд, узнал, что

Степанов живёт здесь по-прежнему, и уже звонил в обшарпанную дверь, на которой ножом было вырезано лучистое солнце.

Дверь открыла молодая женщина, и в неярком свете прихожей Веронову её молодость показалась увядшей, опечаленной, горестной, будто преждевременная хворь выпила её свежесть.

– Вам кого?

– Фёдора Фёдоровича. Он ведь здесь живёт?

– А что Вы хотели?

– Я его старый друг, Аркадий Петрович Веронов.

– Да, я Вас помню. Я дочь Фёдора Фёдоровича – Людмила. Вы к нам приходили.

В этом увядшем лице Веронов угадал прелестную цветущую девушку, которая излучала такое обожание, светлую наивность, ожидание чудесной жизни, что Веронов, приходя к другу, обязательно хотел увидеть его дочь, её улыбающиеся нежные губы, бело-розовую свежесть лица, лучистые восхищённые глаза. Но какая-то тьма пролетела над этой девушкой, погасила лучистые глаза, выпила нежную свежесть губ. В её голосе чудились тихие всхлипы.

– А Фёдор? Я могу его увидеть?

– Проходите, – произнесла она и повела Веронова через плохо прибранную прихожую внутрь квартиры, в кабинет Степанова, который так хорошо помнил Веронов.

Из кабинета доносился монотонный металлический стук, словно птица клевала карниз. На мгновение замарала и снова принималась клевать.

В кабинете, куда ступил Веронов, было сумрачно, словно стёкла давно не мыли. Посреди кабинета стояла инвалидная коляска, и в ней сидел Степанов. Он был небрит, волосы седые, нечёсанные. На худых плечах висел поношенный пиджак, а колени накрывал клеенчатый фартук, какие раньше носили мастеровые – жестянички или точильщики ножей. Он зажал между колен деревянную колодку, на которую было насажено металлическое изделие из белой жести. Степанов молоточком, его заострённым уголком стучал по предмету, оставляя на жести маленькие лунки. В лунку сразу же попадал свет, и капелька света начинала мерцать, и всё изделие звенело, мерцало, трепетало под руками Степанова.

– Что ты делаешь? – спросил Веронов, не здороваясь.

Степанов поднял голову, узнал Веронова и не удивился, хотя с последней их встречи прошло двадцать пять лет.

– Видишь ли, простая консервная банка таит в себе бесчисленные формы, которые нужно из неё извлечь. Я подозреваю, что мир в начале своего творения имел цилиндрическую форму. Господь Бог сотворил всё множество последующих форм, раскрывая этот первичный цилиндр. Эвклидова геометрия, геометрия Лобачевского и мир Менъковского – всё это заключено в консервной банке, и нужно научиться их извлекать.

– Ты уподобил себя Господу Богу и создаёшь мир заново?

– Я создаю миры.

Степанов отложил своё мерцающее изделие. Толкнул коляску, подкатил к стене, где стоял при-слонённый шест. Поднял его и что-то потянул. Под потолком вспыхнули, засверкали, замерцали бесчисленными бриллиантами, серебряными разводами, дивными переливами фантастические, созданные из чеканной жести скульптуры. Конусы, спирали, лучистые звёзды, волшебные бабочки, пернатые дива, сказочные цветы. Они лучились, отражались друг в друге, издавали тихие звоны, плыли, раскачивались. Это было мироздание, которые создал Степанов, извлекая его из старых консервных банок, превращая ненужный сор в великолепие космических кораблей и небесных поселений. Его творящая мысль, мечтающее воображение совершали преобразование мёртвой материи в дивную красоту, в райские цветы, в чертоги небожителей. Он плодоносил, рождал эти одушевлённые светила, парящие сады, заоблачные города.

– Здравствуй, Аркаша, – словно очнувшись, произнёс Степанов. – Очень рад твоему приходу.

Он протянул Веронову руку, и тот пожал холодные длинные пальцы, покрытые металлической пудрой.

Веронов смотрел на друга с чувством вины и сострадания. Степанов выглядел человеком, который все эти годы сражался с недугом, не сдавался, но недуг выпивал его силы, делал бесцветным лицо, выгибал и выдавливал надбровные дуги, зажигал в глазах болезненный металлический блеск.

– Как ты жил, Федя? Твоя дочь так повзрослела.

– Жил, как в тумане, Аркаша. Институт разорили, он ещё умирал несколько лет, и я умирал вместе с ним. Жена от меня ушла – кому нужны мои копейки? Дочь вышла замуж, родила, но ребёнок умер, а муж сбежал. Теперь живём вместе. Несколько лет назад упал и сломал шейку бедра. Теперь в коляске. Называю её луноходом. Вот и вся моя жизнь, Аркаша.

– Скажи, а как сложилась судьба Философова?

В их группе он занимался русской поэзией, “серебряным веком”. Считал, что русская поэзия – световод, соединяющий Россию с Царством Небесным. В русской поэзии зарождается будущее человечества.

– Леонид не вынес разгром института. Спился. Как-то звонил мне, совершенно невменяемый. Читал стихи Мандельштама вперемежку с матом.

– А Букашка?

Коля Букашкин собирался на Северный полюс. Считал, что на Северном полюсе находится пуповина, соединяющая землю с другими мирами. Через эту пуповину можно проникнуть в иные миры, обнаружить новые законы Вселенной. Говорил, кто владеет полюсом, владеет мирозданием. Россия владеет полюсом, а значит, владеет мирозданием.

– Букашка, когда всё уже рухнуло, и все программы закрылись, всё-таки отправился на Северный полюс. На собственные деньги, без сопровождения, без навигации и надёжной радиосвязи. И уже не вернулся – пропал во льдах. В последней радиограмме он сообщал: “Вижу! Вижу!” А что он увидел – осталось неизвестным. Может, он улетел через пуповину в Мироздание? – горько усмехнулся Степанов.

– А Лунько?

Лунько верил, что радиация может активизировать спящие участки мозга, разбуженный мозг преодолеет существующую ограниченность разума, и человек постигнет непостижимое, объяснит необъяснимое.

– Лунько отправился в Семипалатинск, на ядерный полигон, который к тому времени был уже закрыт. У него не было надлежащих средств защиты. Он проник в штольню, в центр горы, где перед этим произошёл ядерный взрыв. Провёл там неделю, получил дозу радиации и умер от лучевой болезни. Он мне показывал снимки, которые сделал в горе. Это фантастические, разноцветные, стеклянные залы, хрустальные люстры, волшебные своды, радужные колонны. Как в сказах Бажова. Где-то фотографии у меня сохранились.

Веронов вдруг испытал слёзную печаль, нежность, обожание к тому прекрасному времени, когда все они – фантасты и мечтатели – в предчувствии небывалых открытий, чудесных преображений, ждали, что явится на земле новое молодое человечество, избавленное от пагуб, невежества, и все они – художники, мыслители, фантазёры – были предтечи этого нового человечества.

– А помнишь Памир?

На Памир они отправились, чтобы там, в горах, уловить летящую из неба частицу, которая пронзит разум и хотя бы на мгновение соединит его с мирозданием, и тогда откроются истинные законы Вселенной, образ мира, каким он был задуман в первые дни творения...

– Помню, конечно, помню, – отозвался Степанов, и его пергаментное лицо слегка порозовело, словно к нему стала возвращаться молодость. – Мы сидели на горе под звёздами.

Веронов помнил, как со Степановым они уходили из весенней долины в горы, облачившись в телогрейки и вязаные шапки. В долине розовел готовый к цветению сад, стеклянные стволы с набухшими бутонами. Горы перед заходом солнца меняли цвет, становились золотыми, изумрудными, алыми. Начали пламенеть и гасли, словно на вершинах рассаживались бестелесные духи и зажигали волшебные фонари. Сидели в ночи среди студёных ароматов невидимых горных цветов, ручьёв, ледников, над которыми горели звёзды – белые, ледяные, пылающие, – кружили над их головами медленные хороводы. И они зачарованно смотрели на звёзды, наблюдая, как пробегают по небу едва различимые радуги, словно кто-то восхитительный, невесомый шёл через звёздные миры. Им казалось, что они слышат летящую из мироздания весть, мироздание откликается на их молитвы и зовы. И вдруг из тёмной глубины небес посыпались звёзды – золотые, голубые, розовые, – оставляя гаснущие следы. Это был божественный ответ на их упования. Их верящий, любящий разум сочетался с красотой и бессмертием. Под утро они спустились в долину, и сад расцвёл благоухающим пышным облаком, словно звёзды превратились в цветы.

– Боже мой, Боже мой! – тихо произнёс Веронов.

– Я был инженером, Аркаша. Был математиком, антропологом, создателем космической психологии, исследующей резервные способности мозга, парящего в открытом космосе. Но теперь я домашний чародей. Шаман в инвалидной коляске. Мне приносят с помоек консервные банки, я их отмываю, очищаю, спасаю от смерти, от уродства, и из этих искалеченных банок создаю космические города. Ты знаешь, почему мир не погиб? Потому, Аркаша, что мать испытывает нежность к своему новорождённому младенцу. Потому что старик любит цветком, который распустился на клумбе. Потому что прихожанин бросил копейку нищему перед храмом. Этих малых проявлений милосердия и добра достаточно, чтобы уравновесить мировое зло, запечатать его, удержать в чёрных катакомбах души, откуда оно рвётся в мир. Я сижу в инвалидной коляске, Аркаша, стучу молоточком в консервные банки и запечатываю зло.

– Как запечатываешь? – Веронов с состраданием смотрел на болезненную улыбку Степанова, на дрожащие в счастливом безумии глаза. – Как ты запечатываешь зло?

– Помнишь, когда злоумышленники взорвали на Байконуре ракету “Энергия” и челнок “Буран”, отсеки России от марсианского проекта, я создал этот космический цветок, и чертежи “Энергии” и “Бурана” сохранились для будущего. – Степанов воздел шест и тронул серебряное соцветие, мерцавшее под потолком драгоценными лепестками, и оно закачалось, издавая тихие звоны.

– Когда потонул “Курск”, и все кругом рыдали, и казалось, что смерть лодки означает окончательную смерть государства, которое утонуло в пучине, я создал этот поднебесный корабль, космический “Курск”, и народное отчаянье и горе сменились стоицизмом, который впоследствии позволил России построить великие лодки “Бореи”, – Степанов коснулся шестом мерцающего дива, похожего на волшебную рыбу, от которой расходились прозрачные волны света, лилась музыка космических глубин.

– Когда случился теракт в Беслане, и сотни детских душ улетали из обугленной окровавленной школы, и вся Россия безутешно рыдала, я создал космическую птицу, на которой детские души улетели в Небесное Царство, где нет смерти и зла, а вечная жизнь и любовь. – Степанов потревожил шестом серебряную пернатую голубицу, и она заволновалась, засветилась, окружённая серебряными нимбами.

– Так было каждый раз. Когда в Грозном погибла от гранатомётов Майкопская бригада, и началась гибельная для России война. Или когда танки стреляли по Белому Дому, и начиналась новая гражданская. Или когда толпы шли с Болотной площади на Кремль, и была готова пролиться кровь. Я стучал моим молоточком, словно шаман, бьющий в бубен, и заговаривал зло, запечатывал его, и в моём поднебесном соцветии появлялся ещё один цветок, взлетал ещё один космический корабль. Всё, что ты видишь. – Степанов указал на парящие светила, – это запечатанное зло. Ловушка, куда я заманиваю зло и запечатываю семью печатями.

– Значит, все мы обязаны тебе тем, что ещё живы? – усмехнулся Веронов, испытывая тайное раздражение. – Значит, ты нашёл ключ к управлению миром? Отсюда, из своей инвалидной коляски управляешь историей?

– После того, как мы потеряли Родину, потеряли Космос, потеряли смысл и надежду, народ умер и лёг во гроб. Но потом он очнулся, сначала открыл глаза, шевельнул плечом, встал и пошёл. И это потому, что кто-то подобрал растоптанный цветок, принял в дом сироту, не стал лжесвидетелем. Малые, незримые миру подвиги, неслышные миру молитвы расколдовали народ, подняли его из гроба. И вот вернулся Крым, восстал русский Донбасс, пошла ввысь первая лунная ракета. Одни творят зло, распечатывают тьму. Другие орошают жизнь крохотными каплями живой воды, и жизнь продолжается.

Степанов говорил дрожащими улыбающимися губами, высказывая сокровенные мысли, словно боялся, что сейчас дунет ветер и сорвёт с губ робкие слова. Веронов чувствовал, как растёт в нём раздражение, закипает едкое негодование, неприязнь к Степанову.

– Выходит, что мы с тобой противоборствуем в этом мире? Я распечатываю зло, а ты вновь навешиваешь на него печать? Я впрыскиваю в мир яды, а ты орошаешь живой водой заражённый моими ядами мир?

– Выходит, что так, Аркаша. Я слежу за твоими деяниями. Твои деяния влекут за собой катастрофы. Разбиваются поезда, падают самолёты. Ты толкаешь мир к гибели, и он погибнет, если кто-нибудь не пожертвует собой ради его сбережения.

Веронов чувствовал, как клубится вокруг тьма, шатается земля, распадают молекулы, раскрывается в душе клокочущая бездна, куда он вот-вот провалится.

– Ты – герой помоек! Дурной жестянщик! Уродливый неудачник! Ты убогий инвалид, и всё, что тебя окружает, жалкое, болезненное и ничтожное! И твои жестяные уродцы, и твоя коляска, и твоя хворая бесцветная дочь!

Веронов чувствовал, как слепая ненависть скручивает его в узел. Как грохочут вокруг невидимые барабаны. Трещат оглушительные трещотки. Это ломалась земная кора, грохотал камнепад. Он схватил шест, прислонённый к стене. Ударил им по космическим кораблям, небесным рыбам и райским птицам, осыпая их и растапывая. С силой толкнул коляску, которая отскочила, упала набок, и Степанов болтался в ней, беспомощно тряс руками. Выскочил в коридор мимо испуганной женщины и с хриплым клёкотом, то ли со смехом, то ли с рыданием, выбежал из подъезда.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Он гнал по Москве, а ему казалось, что он летит в пустоте, оставленной взрывом. От него разбежались дома, шарахались машины, отлетали храмы. Посреди Москвы образовалась воронка, которая затягивалась, мелела, выдавливая его на поверхность из бездны, где он только что побывал.

Он пытался продлить пережитые ощущения, вызвать в душе безумную сладость, восхитительную боль, вспышку чёрного света, что ослепила его, лишила рассудка и воли, отдала во власть громадной повелевающей силе, сделала его всемогущим, открыла неведомые миры. А потом погасла, оставив по себе изумление, чувство невыносимого одиночества, страстное желание повторить вспышку, испытать ни с чем не сравнимую боль и сладость. Но они не повторялись, сладость и боль стихали, оставляя в душе ядовитую муть. И он гнал по Москве, желая ударить машину в каменную преграду, чтобы в смерти повторилась вспышка несказанного чёрного счастья.

Дома он кинулся к телевизору. В Петербурге в метро произошёл террористический акт. Репортёр, прижимая к губам набалдашник микрофона с надписью “Россия”, взволнованным голосом перечислял число убитых и раненых. Мелькали кадры изувеченных вагонов, залитые кровью лица, рыхлые, завалившие перрон трупы. Звучали какие-то невнятные сводки, о каком-то портфеле, каком-то киргизе, о безоболочном взрывном устройстве, о гайках и гвоздях. И снова – набалдашник с надписью “Россия”.

Веронов жадно внимал, впивал этот задыхающийся голос репортёра, эти кадры взорванных вагонов и убитых людей. Какой там киргиз! Какой там эмигрант! Это он, Веронов, своим жестоким волшебством подорвал поезд. Он, толкнув инвалидную коляску Степанова, расплющил вагоны метро, растерзал пассажиров.

Веронов записал репортаж и повторял его ещё и ещё раз, надеясь на повторение вспышки. Вспышки не было. Под черепом, стискивая мозг, раскалялся железный обруч, и эта боль было подобием той, которую он выкликал.

Ночью он спал с открытыми глазами. Существо, что в нём поселилось, не выдавало себя. Не дёргалось, не билось в утробе. Но оно было внутри. Веронов чувствовал его тяжесть. Он был беременным, на сносях. И живущий в нём младенец покрылся шерстью, и на маленьких ножках выросли нежные копытца.

Утром позвонили. На сей раз по рекомендации Янгеса пригласили в общество ветеранов КГБ. Оно находилось в Замоскворечье, на берегу канала, в бело-жёлтом ампирном особняке с окнами на набережную. Здесь награждали стариков с гранёными лицами, словно их рисовали кубисты. Тяжёлыми вмятинами, словно следами ударов. Суровыми лбами и тяжёлыми взглядами. На всех были застёгнутые пиджаки и тёмные галстуки. Некоторые выложили на стол костлявые пятерни, перевитые фиолетовыми венами. Длинные речи повествовали об их подвигах. Первым награждали генерал-лейтенанта Лодейникова. Веронов не верил своим ушам:

– Андрей Анатольевич выполнял ответственные задания руководства, имел дело с лучшими умами нашего общества, которые тогда именовались инакомыслящими, диссидентами, но были драгоценным достоянием государства и готовили перемены, которые были бы невозможны без нашего с вами участия. Без Вашего участия, товарищ генерал. Мы знаем, как бережно Вы обошлись с гением нашего времени академиком Андреем Дмитриевичем Сахаровым, спрятали его от травли, предоставив квартиру в Нижнем Новгороде. За это он был благодарен Вам до самой своей смерти. Как виртуозно Вы провели операцию по переброске Александра Исаевича Солженицына в Америку, где

он, вдалеке от злобных недоброжелателей, мог продолжить своё великое творчество и подарил нам много замечательных произведений. За Ваши заслуги перед народом, перед русской наукой и культурой, мы награждаем Вас, Андрей Анатольевич, орденом “Бриллиантовая звезда”.

Следующим был генерал-майор Черных:

– Его заслуги высоко оценены руководством. Его ум и бесстрашие проявились в момент объединения обеих Германий. Вы знаете, что спецслужбы ГДР противились объединению, готовили восстание. Но благодаря выдержке Никиты Викторовича, который рисковал жизнью, удалось предотвратить восстание, и две Германии объединились без кровопролития. Честь Вам, Никита Викторович!

Это были члены рабочей артели, которая без устали трудилась среди не ведающего о них разношёрстного своевольного человечества, выстраивая его в колонны, направляя маршем в историю. Чистки, расстрелы, политические процессы, устранения неугодных политиков, проникновение в секретные центры врага... Они протаптывали тропы, которые потом превращались в дороги, и по ним катилась история. Они были первопроходцами, и если они надрывались или сбивались с пути, то исчезали бесследно. И их исчезновение никто не оплакивал, на их месте тотчас появлялись другие.

Веронов смотрел на этих железных стариков, похожих на арматуру, на которой держалось государство.

Третьим награждали генерал-полковника Шайгенра:

– Артур Миронович выполнял самые деликатные поручения нашего руководства. С ними не справился бы никто другой. Он, если так можно выразиться, переводил состав нашего государства с одной колеи на другую, на европейскую. Его нелегальная работа в Америке. Его связи с политической элитой Израиля. Его участие в создании общественных движений и политических партий в период перестройки. Его огромные заслуги в создании Еврейского конгресса России. Его формирование Народных фронтов в Прибалтике и Закавказье. Если бы не филигранная работа Артура Мироновича, неизвестно, сколько катастроф и аварий претерпел бы состав нашего государства, переходя на новый путь. Вам, товарищ генерал-полковник, присуждается орден “Грозное око”. Редко кому из наших соратников выпадает подобная награда.

Все аплодировали, и в хлопках слышался сухой металлический хруст, словно хлопающие руки были железные.

– А теперь, друзья, прежде чем мы перейдём в соседнюю комнату, где нас ждёт фуршет, и мы звоном бокалов сможем ещё раз поздравить наших награждённых соратников, я хочу представить вам известного художника Аркадия Веронова, чьё искусство доступно пониманию лишь немногих. Как, впрочем, и нашему. Мы с вами тоже показывали фокусы, от которых одни смеялись, а другие плакали. Прошу, Аркадий Петрович!

Веронов поставил перед собой на стол клеенчатую сумку. Ветераны смотрели недвижно, словно статуи.

– Я вас приветствую и выражаю вам моё преклонение. Вы особые люди, отлитые из чистой стали. Особая порода драгоценных самоцветов. Вы, как говорили в старые времена, “рыцари без страха и упрека”. А товарищ Сталин называл вас “Орден меченосцев”. Вы государственники, слуги Отечества, его хранители и стражи. Вашими трудами, жертвами и умениями сберегалось и сберегается государство. Вы защищали государство от врагов. Вы вдохновляли народ на труды. Вы мобилизовали учёных на создание атомного оружия, которое спасло нас от гибели. Вы лучшие из лучших. Я преклоняюсь. – Веронов поклонился. Ветераны, как каменные изваяния, молчали. Блестели на чёрных пиджаках бриллиантовая звезда, червонный крест, всевидящее око.

Веронов чувствовал, как в нём закипает таинственная буря, поднимается далёкий вихрь, начинают звучать едва различимые гулы. Каменные истуканы мертвенно взирали пустыми глазами. Их гранёные лица, казалось, однажды застыли и больше не пробуждались, хранили окаменелое время.

– Вы лучшие из лучших. У вас горячее сердце, холодный ум и чистые руки. Этими руками вы подняли Россию на дыбу и жгли, хлестали, и она весь двадцатый век провисела на дыбе. Вы сдирали кожу с лучших людей, творцов и героев. Ставили к стенке, стреляли в затылок. Вы герои застенков, рыцари расстрельных рвов, гении доносов и клеветнических наветов. Вас ненавидит народ.

Веронов заметил, как зашевелились каменные изваяния, разлепились их синие губы, затрепетали фиолетовые жилы на костистых руках.

– Вас будут проклинать миллионы людей через миллионы лет. Вы, предатели, разрушили ве-

ликую страну. Продали врагу великий народ, предали Победу. Вы объединили Германию, поправ жертвы народа и обрекая нас на новую войну, которая уже грядёт. Вы подтачивали Советский Союз, помогая его врагам, и сами были его врагами. Когда несчастная страна пала, вы набросились на её труп и стали его рвать. Вы все перешли работать в банки, пошли в услужение к тем, кого прежде высылали из страны. Вы пустили в Россию врагов и чужих разведчиков. Вы и теперь толкаете Россию в пропасть. Покайтесь, ехидны! Я принёс вам подарок! Это вам, кавалеры звезды и креста, вам кавалеры лобного ока! – Веронов расстегнул клеенчатую сумку и с грохотом вывалил на стол окровавленные кости, которые утром купил в мясных рядах. – Это кости Мандельштама! Кости Тухачевского! Кости Вавилова! Их миллионы, и все они к вам придут. Лягут с вами в постель, лягут с вами в гроб. Будьте прокляты!

Он терял сознание, испытывал небывалую сладость, проваливался в бездонный колодец, который вёл в бесконечную тьму. Тьма сгущалась, и кто-то невидимый, восхитительный, властелин мира, ждал его к себе, обнимал сладострастной тьмой.

Слыша за спиной стариковский кашель, хриплые вопли, крики “Арестуйте его!”, Веронов выскочил из особняка. Упал в машину, продолжая хохотать, и понёсся по набережной.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

В нём ещё ревели чёрные пространства, в которых он побывал, испытывая неутолимую сладость, когда, вернувшись домой, он включил телевизор. Сюжет уголовной хроники повествовал о чудовищном убийстве, случившемся в тверской деревне. Человек из охотничьего ружья застрелил жену и двоих детей, один из которых был грудным. Отправился в соседнюю избу, где жили его тёща и тесть. Застрелил их. Убил их корову, перестрелял кур. Вернулся домой, поджёг свою избу, где сгорел сам вместе с убитыми. Камера показывала бедную деревню, покосившиеся заборы, какую-то рыдающую старуху, дымящиеся остатки избы.

Веронов понимал, что погибает. Надо было спасаться. К врачам он уже ходил. В церковь к священнику его не пускало его неверие. К загадочному колдуну Янгесу, который его закобалил, он не решался идти. Он хотел найти человека, который бы обнял его, пожалел, выслушал его горькую исповедь, одарил своим теплом, красотой. И таким человеком была его прежняя невеста Вера Полунина.

Он не знал её телефона, но в интернете нашёл фотографию, краткую справку, электронный адрес. Доктор исторических наук, множество трудов, несколько книг по истории русской исторической мысли с древности до наших дней. Он жадно вглядывался в её лицо, не изменившееся, чуть пополневшее, всё с теми же зелёными глазами и мягким ртом, в котором ему чудилось утомление и печаль.

Он послал ей на электронную почту письмо:

“Если можешь, откликнись. Если не сочтёшь моё обращение слишком запоздалым и ненужным, давай встретимся. А нет, то забудь”.

Он ждал ответа, то и дело заглядывая в почту. К вечеру прозвенел тихий звонок. То был её ответ:

“Давай повидаемся. Вот мой телефон”.

Они условились встретиться на другой день, в ресторане “Живаго”, что выходил окнами на Кремль. Он сидел в излюбленном месте именитой московской публики. То кивал проходившему мимо политику, который всем улыбался, надеясь, что его узнают. То отводил глаза от модного режиссёра, который был геем и ставил спектакли с мужчинами в женских ролях. Ждал её, Веру.

Она появилась в дверях, в строгом тёмно-синем костюме, светлые волосы уложены в дорогой парикмахерской. Лицо казалось родным и любимым, так что заныло, запело в груди, и на секунду свет вокруг неё задрожал, словно это был мираж.

Веронов поднялся, шагнул к ней, как будто шагнул в чудесное прошлое, когда он встречал её у подъезда дома у Самотёки, и они шли, плутали по бульвару, который благоухал палой листвой, и бронзовый памятник Толбухину, омытый дождём, был словно из чёрного стекла.

– Здравствуй, Вера.

– Здравствуй, Аркаша.

Они бегло, пугливо осматривали друг друга, словно убеждались в подлинности встречи.

Пили вино, и он смотрел на её милое, дорогое лицо, на котором лежали тени прожитых лет. Между пушистыми бровями пролегла едва заметная складка, будто она часто хмурила брови.

– Как ты жила? Прости, это глупый вопрос. Ты замужем?

– Я не была. А ты?

– Я один.

За окном переливалась, шелестела Москва. Розовела зубчатая стена, и над ней возвышался янтарный дворец. Веронову казалось, что их столик окружён прозрачным свечением, сквозь которое не проникает ресторанный гвалт, звон посуды, мелькание официантов.

– Боже мой! – сказала она.

И как будто пахнул ветер, колыхнул невидимый занавес, открывая окно в исчезнувшее драгоценное прошлое, где они целовались, и она говорила: “Толуби смотрят, не надо”, – где на сырой скамейке он целовал её шею, грудь, её дышащий живот, и такая сладость и боль, такое обожание и нежность, такая неразрывная связь навеки связывала их среди этой благоухающей осени...

Теперь, спустя столько лет, они сидели в иной жизни, в ином городе, и она своими зелёными усталыми глазами угадывала его воспоминания, сливала их со своими. Вечеринки у каких-то шальных поэтов и художников, Центральный дом литераторов, где Михалков поцеловал ей руку, бесконечные улицы Москвы, по которым они ходили. Но неизбежно воспоминания приводили их к тому озеру в Карелии.

– Ты помнишь, каким было озеро? – спросила Вера. – Розовое на вечерней заре, тихое и серебряное белой ночью, бирюзовое по утрам. И над ним всё время летали гагары.

– А помнишь эту песчаную дорогу вокруг озера в сосняках? – отозвался Аркадий. – Сосновые стволы были красные, а дорога пахла рыбой, потому что по ней проехали подводы с рыбным уловом.

– А помнишь, в сених стояла большая деревянная кадка с мочёной брусникой, и ты ночью посылал меня к этой кадке, чтобы я принесла тебе бруснику, а я так боялась спускаться с нашего чердака. Вдруг попадётся мышь.

– Хозяева уже спали в избе, а я слышал, как ты идёшь в сених босыми ногами, как хлопает кружка, черпая брусничный сок, а потом ты осторожно возвращалась с полной кружкой, и под твоими ногами тихо поскрипывала лестница.

– А помнишь, как ты с лесником сажал лес. Лесник Степан вёл под уздцы лошадь, ты шёл следом с плугом, вёл борозду, а я бросала горсти сосновых семян, видела, как на твоей спине потемнела от пота рубаха.

– Теперь там, должно быть, лес. В соснах белки, птичьи гнёзда. Под соснами грибы, медведи ходят.

Они замолчали, блаженно улыбаясь, словно видели озеро, по которому плыла лодка, оставляя стеклянный след, и в оконце, на их чердаке, в сумерках появлялись маленькие паучки и учиняли таинственный танец, и всходила над лесами луна, огромная, жёлтая, оставляя на озере золотую дорогу, которая подходила к деревянным мосткам, и они кидались с мостков в это золото, и он видел, как блестят под луной её голые печи, как взлетают от её рук золотые брызги, и он обнимал её, прижимал к себе её чудное тело, а потом они шли в избу, опускались на своё шелестящее сеном ложе, в изнеможении лежали, слыша, как поднимается ветер и начинается танец ночных паучков.

– Почему ты тогда уехал? Почему меня бросил? Это было так ужасно! – горестно воскликнула она, и тёмная ложбинка между её пушистых бровей стала заметной. – Что случилось с тобой?

Был знойный слепящий день, суливший грозу. Озеро тускло блестело. Вера с мостков стирала рубахи, стелила их на траве. На зелени белые, красные и голубые, они лежали, раскинув рукава, и ему было тревожно смотреть на этот хоровод танцующих на траве рубах с пустыми рукавами.

Он шёл по деревне, чувствуя, как печёт непокрытую голову. В соседней избе хозяйка с внуками собиралась в лес за черникой. Они стояли с корзинами, укутанные в ткани, перед тем, как погрузиться в смоляной, комариный жар леса. Веронову была неприятна мысль о лесной духоте, комариных укусах, липком поте.

На дворе соседнего дома лесник Степан строил лодку. Еловый комель с выгнутым корнем был закреплён на козлах. Лесник рубанком строгал доску, снимал завитки стружек и, увлечённый работой, не ответил на приветствие Веронова. И это неприятно задело его. На обочине из песка виднелся валун, в розовом граните поблескивала слюда. У камня лежала узкая кромка тени, и вид этого камня, сухие блестящие слюды, кромка тени почему-то испугали Веронова, и он поспешил пройти мимо камня.

Поодаль, полузасыпанное песком лежало старое тележное колесо с поломанными спицами и ржавым ободом. Седое, растресканное дерево спиц, коричневый ржавый обод породили в нём тоску,

унылую безнадежность, он почувствовал бессмысленность бытия, в котором всё бrenно, тускло, обречено на исчезновение под этим серым песком.

У крайнего дома на пряслах сохла медвежья шкура. Она висела мездрой наружу, отороченная жёстким синеватым мехом. Белая мездра была в кровавых прожилках, на ней виднелась дыра от пули, сквозь которую пробивался мех. На мездре, ещё влажной, сидели большие зелёные мухи. И вид этой сохнувшей шкуры, мысль о медведе, который недавно бродил в красных борах и лакомился черникой, оставляя синие горки помета, эта мысль породила невыносимую тоску, бессилие, непонимание этой жизни. Как будто на солнце набегала тусклая мгла, и всё вокруг было никчёмно, ненужно, угнетало его. И лежащие на траве рубахи, и лицо соседки-карелки, замотанной в платок, и упрямое тупое скольжение рубанка по доске, и забытый Богом придорожный камень, и треснувшее колесо, и этот убитый зверь, которого смерть вырвала из леса, и он, покидая лес, черничники, муравейники, ревел от предсмертной боли. И Вера, эта женщина, с которой он обещал соединить свою жизнь, была чужой, неинтересной, ненужной, обрекающей его на изнурительные совместные годы.

Веронова посетило помрачение. Хлынула тусклая мгла. Он качался, как на качелях, готовый упасть. Сходя с ума, спасаясь от своего безумия, он кинулся по дороге, сквозь лес, прочь от деревни. Сначала бежал, потом шёл, задыхаясь, пока его не догнал допотопный автобус, и он катил среди горячего скрипа, туда, к железной дороге, чтобы больше никогда не вернуться.

В Москве случились жуткие события августа. Ломалась страна, обломки свалились ему на голову, и он, спасаясь от этих обломков, от безумия, охватившего страну, уехал в Америку. Отправил оттуда Вере письмо, в котором писал, что им не надо встречаться, они несовместимы, чужие. И забыл о ней, не получив ответа.

Но теперь он видел её милое, страдавшееся, любимое лицо и жаловался, умолял о прощении.

– Вера, любимая, прости! Я не помнил себя! Это было безумие! Кто-то вселился в меня! Тот убитый медведь, он вселился, и с тех пор живёт во мне! Во мне живёт зверь! Мне худо, я болен, я погибаю! Прости, приголубь, исцели! Ты одна, только одна! Наше озеро! Летела гагара! Эти крохотные, звенящие о стекло паучки! Мы смотрели, как летят утки и садятся в осоку, и тот тёплый дождь, который звенел по воде, а мы на лодке ловили рыбу, ты выхватила из воды серебряную рыбину, она трепетала в воздухе, а ты не могла её поймать! Поедем в Карелию, к нашему озеру. Начнём всё сначала, с той минуты, когда всё оборвалось! Я не могу без тебя, я погибну! – Он целовал её руку, чувствовал, как бегут по лицу слёзы. Видел, какие блестящие, переполненные слезами глаза у неё.

– Да, Аркаша, да, поедем к нашему озеру! Начнём с той минуты, когда всё прервалось. Это злой дух. Мы победим злой дух! Я все эти годы любила тебя! – Она не отнимала руки, которую он целовал. – В нас ещё много сил, много жизни! У нас будет семья. Как знать, быть может, у нас родится ребёнок!

Веронов чувствовал, как из глаз бегут слёзы, как её рука скользит по его волосам. Но что-то в нём дрогнуло и сместилось. Сквозь слёзы он видел деревенскую улицу, дрожащий жар и мелкие искры слюды на камне, трещины в разломанных спицах и этот упорный, тупой хруст рубанка.

– Я не знала твоего адреса, но писала тебе. Писала письма и не отсылала. У меня целая шкатулка написанных тебе писем!

Стеклянные пузыри жаркого воздуха налетают на него, разбиваются о грудь, о лицо. Он пытается спастись, удержаться на качелях, которые раскачивают его по дуге над провалом, в который он вот-вот упадёт.

– Нам будет с тобой прекрасно! Мы созданы друг для друга. Мы прошли испытание. Любящие люди должны проходить испытания. Ты мой милый, любимый!

Он чувствовал, как набухает в нём сердце, как сипит в горле, как ядовитый огонь вырывается из-под языка. Невидимый зверь, косматый медведь поднимается на дыбы и идёт, раскрыв косматые когтистые лапы.

– Ненавижу тебя! Никогда не любил! Ты пустая, ненужная, отвратительная! Прощай! Мы больше никогда не увидимся! И не смей меня искать! Слышишь, не смей искать! – Он вскочил из-за стола, видя её потрясённое лицо. Выхватил две красных купюры, швырнул на стол:

– Официант, вот деньги! – расталкивая люд, кинулся к дверям. Вынесся, рыдая, на площадь.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Тьма, которая вырвалась в ресторане “Живаго”, породила аварию на химическом комбинате, где были разрушены ёмкости с хлором. Ядовитые газы и жидкости хлынули по окрестным полям, попали в питьевую воду, отравили города и посёлки. Людей тысячами увозили из зоны бедствия. Веронов смотрел, как на экране орудуют солдаты в масках, катят санитарные машины, на носилках лежат недвижимые тела. Эта тьма вырвалась из чёрного рта кричащей, когда-то любимой женщины, из её потемневших от ужаса глаз, из гранитного валуна, что по-прежнему лежит на обочине в далёкой деревне, из медвежьей шкуры с кровавой дырой от пули, которая застряла где-то под сердцем Веронова.

Он звонил несколько раз к Янгесу, желая порвать с ним, сбросить это иго, эту необъяснимую колдовскую связь. Но секретарша отвечала, что Илья Фернандович уехал на несколько дней и скоро будет.

Веронов обращал свою память вспять, стараясь в прошлом отыскать тот момент, когда в него влетело ядовитое семя, оплодотворилось и стало превращаться в ненасытный плод, превращая его самого в чудовище.

Тот случай в Капли, когда он увидел медвежью шкуру с кровавой дырой и в помрачении бежал... Тогда он почувствовал приближение раскалённой тьмы, но избежал её, лишь обжёгся.

Или в метро, на “Площади Революции”, среди бронзовых солдат и матросов, он смотрел на блестящие рельсы, слышал плотный набегающий из тоннеля гул, и его неудержимо тянуло на эти рельсы, чтобы острые, как ножи, колёса резанули его, перемололи хрустящие кости, разбрызгали кровавую мякоть. Он удержался, видя, как подкатывает в лучах и блеске головной вагон. Шатаясь, ушёл из метро, мимо бронзового с винтовкой солдата.

Или позднее, в Кремле, во время Съезда художников, когда в торжественном зале были расставлены банкетные столы, звенели бокалы, люди обнимались и чокались. За парадным столом президиума академик, седой, румяный, с лицом благожелательного властелина, стоял в окружении высоких чиновников. И в Веронове возникла безумная мысль, неодолимое желание подойти и плеснуть вино в это холёное породистое лицо, услышать изумлённый вопль. Он взял бокал и пошёл к президиуму. Остановился на полпути, одолев помрачение.

Нет, не тогда его ужалила тьма, впрыснула ядовитое семя. Всё это было приближение тьмы, от которой он уклонялся.

Он был далёк от политики. Но когда вдруг, подобно ливню, обрушилась перестройка, он словно очнулся. Кругом всё валилось и падало, умирало время, рушилась страна. Так в период каменноугольных хвощей и папоротников исчезали огромные существа, пропадали целые виды растений и животных. Распространялись эпидемии невиданных болезней, порождённых тлетворными, доселе неизвестными микробами. Вместо травоядных гигантов появлялись злые, как крысы, хищники, которые сжирали своих предшественников. И этот распад, где истлевала плоть государства, кончился рокотом танков, колоннами дивизий, вкативших в Москву и вставших на площадях.

Веронов очумело бродил по Москве. Приближался к танкам у Белого дома. Видел проституток, залезавших в люки к танкистам. Прозрачный мусор баррикады. Ждал, когда всё завершится, безумие себя израсходует и устало схлынет. И он снова вернётся к своим восхитительным формулам, космическим поселениям, в которых будет обитать “человечество будущего”, захватив в небесный чертог великие поэмы, сказания о героях, “музыку сфер”, оставив в прошлом легковесный мусор баррикад и танцующих на броне проституток.

Трое несчастных легли под гусеницы боевых машин. Асфальт был липкий от крови. Эта кровь ослепила боевого маршала, и он бежал от этих липких пятен на Садовом кольце. Вывел войска из Москвы.

Веронов помнил притихшую, омертвелую Москву, в которой не раздавалось ни голоса, ни автомобильного гудка. Казалось, жители бежали, и город дико остывал в безвоздушном пространстве. Такая тишина бывает перед землетрясением, когда подземные, готовые сорваться платформы ещё висят на последнем крючке, и всё замерло перед ударом.

Вечером он вышел из дома, и всё вокруг рокотало, шевелилось. На проезжей части толпились люди. Возбуждённые колонны шли в разных направлениях, выкрикивали призывы, размахивали трёхцветными флагами. Сходились, смешивались, проводили короткие митинги и снова шли каждая в свою сторону. Были драки, кого-то нещадно лупили. Прямо на улицах распивали водку, предлагая

выпить прохожим. Какой-то бомж запрокидывал косматое лицо, хватал губами бутылку, захлёбывался в булькающем хохоте. Длинноволосый музыкант играл на саксофоне, медленно шёл по улице, а за ним тянулся хвост, и казалось, он уведёт их за край земли, опьянённо, замороженно они будут следовать за ним хоть в пучину морскую. Веронову казалось, что над городом висит гарь: то ли жгли мусор, то ли бумаги в учреждениях, или сгорало само время, превращаясь в едкий дым.

Кремль выглядел воспалённым, словно его ошпарили кипятком. Вокруг звёзд стоял туман, будто они испарялись. За стеной, среди дворцов и соборов что-то горело, и на низком небе танцевали отсветы кремлёвского пожара. Веронов пробежал мимо Кремля, и вместо обычного с самого детства благоговения испытывал ужас и отвращение.

Он пытался затеряться среди переулков, и в одном из них случилось страшное. Вдруг он увидел, как навстречу ему, вылетев из подворотни, несётся собака. Громадная, с косматым загривком, блестящими в оскале зубами, из которых свисает набок язык. Из пасти собаки шёл пар, хотя было по-летнему тепло и душно. Собака, хрипя, промчалась мимо, скосив на Веронова дикие, с красными белками глаза. Кинулась в подворотню, а оттуда в переулок выбежала девочка и с тонким воплем стала убежать. За ней прыжками гналась собака. Догнала, ударила тяжким туловищем, сбила и с хрипом стала рвать, рыться клыками в хрупкой мякоти, из которой раздался жалобный вскрик и смолк. Только свирепо хрипела собака, грызла незащитное тело.

У Веронова страшно сверкнуло в глазах, и он рухнул на тротуар, под фонарь, который тут же погас.

Он долго лежал в больнице, долго укрывался в лесной клинике под наблюдением врача. Исцелился, но знал, что стал другим. Всё то же лицо и тело, тот же звук голоса, то же отражение в зеркале. Но он был другой. Из зеркала смотрело на него лицо кого-то другого, кто переступил из одной жизни в другую, из одного мира в другой. Неведомая мгла в него вселилась и дремала, ожидая часа своего пробуждения.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Позвонил Янгес:

– Дорогой Аркадий Петрович, хочу повидаться. Да вот беда, на несколько дней в Европе. Банковские дела. Банк, как корова, требует ухода. А то перестанет давать молоко. Но как вернусь, обязательно встретимся.

– Буду рад, – сухо ответил Веронов.

– Но я, собственно, почему Вам звоню. Вы же знаете, что наш самолёт, который вёз в Сирию певцов и чудесную женщину-врача, этот самолёт разбился. Ужасная катастрофа. Потрясла всё общество. Стольких людей сделала несчастными.

– Это беда, – сказал Веронов.

– Ещё какая! Но среди тех, кто стал несчастным, среди овдовевших женщин, осиротевших детей, неутешных матерей и отцов есть несчастные, о которых никто не подумал.

– Это кто?

– Бомжи, за которыми ухаживала врач-милостивица. Она лечила их, кормила, пристраивала, куда могла. Эти бомжи осиротели, стали неприкаянными. Мне передали, что они приходят туда, где она их собирала, не находят её и плачут. Им надо помочь.

– При чём здесь я?

– В некотором роде, конечно, совершенно условно, Вы погубили самолёт. Этого никто не докажет, но мы-то с Вами знаем. И теперь мы должны хоть как-то искупить вину.

– Что Вы хотите?

– Я распорядился, чтобы бомжей собрали на их обычном месте, на площади «Трёх вокзалов». Туда привезут хорошую еду, горячую кашу с мясом. Я договорился с военными, они пришлют полевую кухню. Горячий кофе, печенья. Только без водки. Будет пресса, телевидение. Устроим им праздник.

– Моё участие необходимо?

– Дело добровольное, Аркадий Петрович, но я знаю, что Вы совестливый человек. Просто предлагаю Вам принять участие. Это не только благотворительность. Это дань памяти самоотверженной женщине и, хоть в малой степени, искупление нашей вины.

– Я приду, – сказал Веронов.

Он сидел в кабинете, глядя на осеннее золото, тёмное от дождей, среди которого монастырь дивно сиял, словно осень изошла из его бело-розовых стен, узорных палат, ажурных колоколен. Он удивлялся тому, как быстро согласился на требование Янгеса явиться на площадь «Трёх вокзалов». Ибо это была не просьба, не приглашение, а требование, которому он подчинился. Тайная власть, которой обладал над ним Янгес, имела колдовскую природу.

Зависимость, которую он испытывал от банкира, гнездилась в тёмной глубине его, Веронова, сущности. В эту сущность проник Янгес и управлял ею. Теперь, после недавнего звонка Веронов силится подавить эту зависимость, освободиться от чар, которые несли ему гибель.

Шёл дождь. Площадь «Трёх вокзалов» шипела, кипела, липко вспыхивала. На липком асфальте собрались бомжи. Они сами казались объедками, которые выплюнула площадь, дожидаясь, когда их снова поглотит булькающее варево.

– Здорово, мужики, – бодро произнёс Веронов. – Ну что, пировать будем?

– Да мы не для этого, так, – пугливо ответил один, в стоптанных красных кроссовках, в шляпке, которая была женской, но с неё сорвали бахрому матерчатых цветов.

– Нам сказали, Лизавета Фёдоровна зовёт. Мы и пришли, – сказал другой, в синей, залитой маслом штормовке, отороченной лысым мехом. – Если нельзя, мы пойдём.

– Ты что, дурак, Ломоть! – произнёс распухшими губами третий. – Лизавета Фёдоровна на дне морском. Мозги-то нельзя пропивать.

– А чем кормить будут? Хорошо бы суп горячий, – тоскливо спросил ещё один, без шапки, с синяком под глазом.

– Может, чего горячей? – хохотнул бомж в тельняшке и офицерской фуражке. Оглядел товарищей и щёлкнул себя пальцами по шее.

– Ты чего, Майор! Елизавета Фёдоровна дала бы тебе по башке.

Появился гармонист, в русской косоворотке, в сапожках, с чубом из-под лихой кубанки. Стал играть, растягивая картинно баян, и бомжи слушали, качали головами, а один пустился было в пляс, но смущённо осёкся и спрятался за остальных.

Прибыли телекамеры. Операторы расставляли треноги, наводили окуляры на бомжей. Какая-то девица с блокнотом ходила среди бомжей, расспрашивала, а те, казалось, обнюхивали её, пахнущую духами. Засверкали вспышки фотоаппаратов.

– Вон, вроде, везут харчи. Суп или что?

Подкатил военный зелёный микроавтобус. За ним тряслась полевая кухня – зелёный чан на двух колесах. Из микроавтобуса вышли женщины с пакетами, в которых лежали пластмассовые тарелки и ложки. Вынесли огромный металлический чайник, из которого шёл пар.

– Сколько вас тут ртов, орлы? – дородная румяная женщина весело оглядела бомжей, пошла на них, наступая пышной грудью. – Танцуем или кашу едим?

Гармонист тряхнул кубанским чубом, развёл меха ревущего баяна. Лихие переборы народного пляса хлынули на площадь, женщина затопотала, затанцевала, повизгивая, выманивая бомжей в круг. И те, вначале неуверенно, потом всё бесстрашнее шли к женщине, топтались своими кроссовками и ношенными туфлями. Дергали нелепо плечами, тянулись к женщине, а она от них ускользала. Если кто-то хотел её ухватить, била его по рукам.

– Орлы, натошак танцуем, а то брюхо набьёте, станет вываливаться!

Другие женщины открывали бак полевой кухни. Веронов подошёл поближе. В баке была густо сваренная гречневая каша с кусками мяса. От неё шёл пар, вкусно пахло тушёнкой. В чайнике был кофе с молоком.

Играл гармонист, сверкали вспышки, оператор по дуге обходил танцующих, вступал в круг, удалялся, захватывая камерой площадь, карусель машин, спешащий люд.

Веронов достал из нагрудного кармана пластмассовый флакон с раствором слабительного, которое утром купил в аптеке. Слабительное, как уверял аптекарь, было мгновенного действия. Он влил в кашу раствор, помешал черпаком, делая вид, что пробует солдатское блюдо. То же сделал с кофе. Отошёл, глядя, как женщина, танцуя, приближается к полевой кухне, маня за собой бомжей.

– Вы что-то сказать хотели? – она обратилась к Веронову, задыхаясь после танца. – Пожелайте орлам приятного аппетита!

Веронов чувствовал нетерпение бомжей, ловивших ноздрями исходивший от каши дух:

– Лизавета Фёдоровна была исключительной женщиной, настоящей русской героиней. Она ездила в Донбасс под бомбёжки и вывозила оттуда раненых детей. Она не боялась самых страшных эпидемий и вытаскивала людей из лап смерти. Мы знаем, что Бог забирает лучших. Её нет среди нас. Но она завещала нам заботиться о малых мира сего. И сегодня мы выполняем её завет. Мы и впредь будем оказывать поддержку тем, кто в ней нуждается.

Веронов отступил, приглашая бомжей к полевой кухне. Те подходили, вставали в послушную очередь. Женщины щедро накладывали в пластмассовые тарелки кашу с мясом. Наливали в стаканчики сладкий кофе. Бомжи жадно ели, запивали. Гармонист играл. Оператор снимал благотворительную трапезу.

Бомжи ели ещё и ещё, тяжелели от сытной пищи. На их бородах и усах налипла каша. Они блаженно улыбались, утирали рукавами рты.

Вдруг тот, что был в тельняшке и офицерской фуражке, тонко вскрикнул, схватился за живот. Беспомощно оглядываясь, попытался бежать. Согнулся, заверещал, помчался прочь, держась за штаны. А его крутило, он верещал, как заяц, а потом сел на землю и не шевелился.

Тот, что был в красных кроссовках, стал сжимать ноги, корчил больные гримасы, сдавливал живот, подхватывал сзади штаны. Ковыляя, постанывая, волочился прочь. Третий сквернословил, харкал, показывал кулак, а потом присел тут же подле кухни, стянул штаны с тощих ягодиц.

Гармонь продолжала звучать. Толстогрудая женщина со своими помощницами залезла в микроавтобус, и он укатил с трясущейся полевой кухней. Операторы продолжали снимать разбредавшихся, полусогнутых бомжей, издававших жалобные крики.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Мерзкое действо на площади «Трёх вокзалов», как вспышка чёрного света, отражённая множеством чёрных зеркал, породило волнения в Москве. Либеральные вожди вывели своих сторонников на Тверскую. Те захватили с собой малолетних детей. Шествие протестующих заполонило центр, вместе с родителями шли дети. Одни несли разноцветные шары, флаги. Другие скакали, забирались на фонари, рисовали на стенах карикатуры на президента и мэра. На демонстрантов набрасывались национальные гвардейцы в шлемах и доспехах, с дубинками. Отрывали детей от родных, запикивали в автозаки. Веронов у телевизора ждал, что вот-вот покажут убитого, в луже крови ребёнка, и начнётся восстание.

Янгес отсутствовал. Милая секретарша обещала сообщить о его звонке, но ответного звонка не последовало.

Веронов знал, что существуют лекарства от колдовства. Средства, способные одолеть чары. Существует высшая сила, способная одолеть зверя. И он отправился в Новодевичий монастырь к отцу Макарию, который однажды при нём изгонял из людей бесов.

Было сумрачно, с деревьев летели жёлтые листья. Надгробья мокро блестели, но розы всё так же благоухали. Из низких туч тихо пели колокола. Мимо шёл молодой монах, с торчащими из-под скуфейки космами волос, узкий в талии, перетянутый ремнём, из-под которого пышно вылетала ряса. Поравнявшись с Вероновым, он, радуясь какой-то своей мысли, посмотрел на него синими глазами, собираясь пройти.

– Вы кого ждёте?

– Мне бы отца Макария.

– Вам зачем? – Монах пытливо осмотрел Веронова с ног до головы, как если бы хотел отыскать в нём признаки увечья или иных отклонений. – Батюшка отдыхает после службы.

– Я подожду.

– Подождите. Если батюшка не спит, я позову.

Веронов смиренно ждал под морозящим дождём. Московская осень принесла с собой холодные ветры, листопад, низкие тучи, среди которых купола горели, как золотые глаза. Город за стеной чуть слышно шумел. А здесь, над могилами, краснели рябиновые грозди и в деревьях перелетали дрозды.

Появился отец Макарий.

– Что надо?

– Помощь! Не могу, он меня мучит, убивает! Страсть огненная, лечу в чёрную бездну! А потом кругом катастрофы! Дети гибнут, самолёты падают! Убейте его во мне! Или меня вместе с ним!

Монах молчал, осматривал его, резко взглядывал, словно орудовал гвоздодёром.

– Не ко мне. У нас запрещено отчитывать. Поезжай в Троице-Сергиеву. Там отец Адриан. К нему иди, отчитает!

– Батюшка, не отказывайся! Вот, возьми на ремонт храма! – Веронов извлёк из кармана толстый конверт с деньгами, протянул монаху. Тот взял, сунул в куртку. Протянул к Веронову жилистую руку, сложил шепотью персты. Не касаясь живота, перекрестил. Веронов почувствовал, как дёрнулось в нём существо, больно сдавило нутро, и он слабо вскрикнул.

– Вон как крест чувствует, – сказал монах. – Приходи сегодня после вечерни. Стой здесь, меня спросишь, – и пошёл, сутулясь, опустив могучие руки, словно борец по ковру.

Веронов вернулся домой и ждал, когда за окном слабо прозвенит монастырский колокол, созывая прихожан на вечернюю службу. Стемнело, по-прежнему сыпал дождь. Веронов надел плащ, вышел в холод московского осеннего вечера, с жёлтыми окнами, с летучим проблеском автомобилей. Когда он вошёл в монастырь, служба ещё продолжалась. В храме горели оранжевые окна, слышалось негромкое пение.

Веронов редко бывал в храме – на Пасху и Рождество, чтобы полюбоваться красивой службой. Не постился, не исповедовался, не причащался. И сейчас испытывал неуверенность, желание вернуться и уйти. Но оставался, ибо это зверь понуждал его уйти.

Наконец, служба кончилась, зазвенел колокол. С крыльца стали спускаться прихожане, немолодые женщины, переговаривались тихими голосами. Прошли мимо Веронова, потянулись к монастырским воротам.

Он ждал, замерзая на дожде, видя, как гаснут, темнеют оранжевые окна храма. Все погасли, только одно слабо светилось.

Он почувствовал, как вдруг стало тяжело в паху. Эта тяжесть колебалась, словно жидкий ком ртути. Веронов положил руки на пах, будто обнимал этот тяжёлый жидкий шар, не давал ему расплескаться.

Появился знакомый молодой монах:

– Батюшка ждёт, идёмте.

Они вошли в храм. Здесь стоял сумрак, только слабо светилось несколько лампад, и в подсвечнике горела свеча. Было тепло, надышали прихожане. Казалось, в тёмных углах ещё слабо звучат песнопения.

Из алтаря вышел отец Макарий. На нём была золотая епитрахиль, висел крест.

– Ступай сюда, – приказал он Веронову, указывая на таз, полный воды. Сквозь воду виднелись эмалированные цветы.

– Крещен?

– Бабушка крестила младенцем.

– Разувайся. Снимай с себя всё до исподнего.

Веронов пугливо скинул туфли, стянул носки, совлёк с себя всю одежду, оставшись в одних трусах.

– Вставай, – отец Макарий указал на таз, и Веронов встал в холодную воду на эмалированные цветы. Почувствовал, как внутри напряглась, набухла мускулами посторонняя плоть, распирая рёбра и таз.

Отец Макарий обратил лицо к свече, перекрестился и стал читать:

– Отче наш, иже еси на небесех...

Веронов испытал страшную боль, будто рвались кишки. Кто-то в нём прорывался сквозь кишки, отталкивал печень, сердце. Пытался пролезть сквозь пах, застревая в бёдрах. Кидался наверх, стремясь вырваться из горла. Внутри всё бурлило, сворачивалось в клубки боли. Из рта пошла жижа, закипела пена. Веронов захлёбывался, выпучивал глаза, топтался в плещущей воде и кричал:

– Отпусти! Отпусти!

Священник молился:

– Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое...

У Веронова хрустели кости. Он испытывал ужас, рычал и выл. Ему хотелось грызть зубами священника, грызть свечу, рвать на части стоящего рядом молодого монаха. Тот закрыл лицо и отвернулся.

– Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли.

Веронов валился на бок, выпадая из таза:

– Отпусти! Отпусти!

Отец Макарий повернулся к нему, и Веронов сквозь слёзы увидел, как полыхают глаза священника. Они вращались в орбитах, словно тот взором выкручивал, вывинчивал из Веронова жуткий винт. Тянул набухшие жилами руки, словно пытался выдрать незримое корневище. Страшная морщина пролегла по его лбу. Он поднял крест, обратил его к Веронову. Голосом, похожим на вопль, воскликнул:

– Изыди!

Веронов слышал, как с треском распадается грудь, хлещет из разорванных сосудов кровь. Наружу, выпутываясь из кишков, выскакивал кто-то огромный, волосатый, похожий на гориллу. Горилла с ненавистью на него обернулась. Он рухнул, опрокинув таз, ударился о каменный пол.

Очнулся на лежаке. Над ним на церковной стене виднелась фреска: Георгий топчет конём и колет копьём кольчатую гидру.

– На-ко, выпей кагора. – Отец Макарий поднёс ему чашу.

Веронов сделал несколько глотков тёплого вина. Он был без сил, но это бессилье было сладким. Было исцелением.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Утром он лежал исцелённый в прозрачном осеннем солнце, чувствуя блаженную слабость. Не было сил, но была чудная пустота. Каждая клеточка изнурённого тела напоминала крохотный сосуд, из которого утекла ядовитая капля, и теперь он наполнялся животворной влагой. Так лист дерева после долгой ночи впитывает в себя любимый свет, растёт, блаженствует.

Веронов суеверно прислушивался к этой пустоте, боясь восполнить её чем-нибудь случайным, ничёмным. Он достал диск, на котором были записаны народные романсы из тех, что так любила напевать мама своим несильным трогательным голосом. И теперь эти романсы сочетали его с былой красотой, с драгоценным туманным прошлым, в котором витали родные лица, упоительные напевы, простые и вещие слова, и от них плакала и ликовала душа.

“Соловьём залётным юность пролетела, // голубой кафтан мой, весь он износился”. “Не шей ты мне, матушка, красный сарафан”. “Мутит душу мою // твой печальный наряд, // ах, зачем ты в него // нарядила себя”. “Помню, я ещё молодухой была, // наша армия в поход куда-то шла”. “Что ты жадно глядишь на дорогу // в стороне от весёлых подруг”.

Он слушал романсы, закрыв глаза, и ему чудились широкие степные тракты, многолюдные села, поросшие цветами обочины, конница пылит, уходя в поход, шумят ярмарки, летают качели, горят в тусклых избах лучины, и в этой таинственной мгле дышат родные лица, и его изнурённый дух вновь обретает цветущую силу.

Он снял с книжной полки Пушкина, которого, казалось, не читал с юности. И вдруг волшебство пушкинского стиха открылось ему, и он изумлялся, как это доступно – оказаться в той незабытой стране, где “в багрец и золото одетые леса”, где “шум и гром, и говор балов”, где “лоскутья тех знамён победных, сиянье шапок этих медных”, где “отцы пустынноики и жены непорочны”, где “девичьи лица ярче роз”, где “вьются тучи, мчатся тучи”, где “у Лукоморья дуб зелёный”...

Теперь, когда он исцелён, он поедет на материнскую могилу, на тихое подмосковное кладбище возле деревни, где когда-то была их дача, и прошло его детство. Он приберётся на могиле, покрасит оградку, проведёт несколько светлых печальных часов в воспоминаниях, которые сделают их неразлучными. “Мама, я скоро приеду к тебе”, – думал он с нежностью.

Ему вдруг пришла счастливая детская мысль. Захотелось оказаться среди осенних деревьев, на тёмных сырых дорогах и собрать гербарий осенних листьев. Повинуясь этой детской прихоти, он отправился в Нескучный сад. Бродил по мокрым аллеям и сырým извилистым тропкам. Вдыхал пьяный дух осени, переступая жёлтые, сияющие на чёрной земле листья. Он взял в свой гербарий волнистый дубовый лист, поцеловал его, ощутив печальную горечь. Поднял зубчатый жёлто-розовый лист клёна, выбирая его из шелестящей кипы. Нашёл лапчатый ржавый лист каштана. Осинный красный лист, в котором дрожала дождевая капля с потаённой лазурью. Он собрал из листьев букет и нёс его по аллее, думая, как станет раскладывать коллекцию среди газет, под пресс тяжеловесных книжных томов.

Навстречу ему выбежал малыш в красном пальтишке, в вязаном синем колпачке. Протянул лист рябины:

– Дядя, вот ещё листик.

Веронов принял дар, поместил в свой букет. На глазах его появились слёзы. Он вдруг испытал такое умиление, такое обожание этого хрупкого мальчика, подарившего ему лист рябины, что не удержался, поцеловал мальчика в синий колпачок. Видя, как торопится к своему сыну молодая мать, пошёл по тропинке, не утирая слёз.

Анна Васильевна кормила его обедом:

– Вы, Аркадий Петрович, сегодня просветлённый какой-то. Может, влюбились?

– Вы моя невеста, Анна Васильевна.

– Ну, уж вы скажете! – и она смущённо отмахнулась рукой. Он уловил этот особый жест, в котором ещё оставалась милая женственность, какая бывает только у русских женщин. Подумал, как чудесно старятся русские женщины, с годами наполняясь возвышенным благородством. Анна Васильевна, красавица в молодости, и теперь, пополневшая, поседевшая, была исполнена неподвластной годам красоте, той, что сохраняется в ней до глубокой старости.

Веронов сел за компьютер и послал электронные письма другу Степанову и Вере Полуниной, близкого содержания. В них он каялся, просил прощения, ссылаясь на безумие, которое теперь, слава Богу, одолел. И если есть ему прощение, он будет счастлив их увидеть и, как может, искупит свою вину.

Пребывая в этом просветлённом умилении, возмечтал уехать куда-нибудь в русскую деревню и там, в одиночестве, среди голых деревьев и сирых полей, встретить Покров с первыми снегами.

Раздался звонок. Веронов испуганно, тоскливо смотрел на мерцающий телефон, слушал настойчивые звонки. Эти звонки сулили несчастья. На них каждый раз откликался поселившийся в нём урод, требовал утешения, требовал, чтобы Веронов взял трубку.

Теперь он прислушивался к себе, желая уловить в своём чреве посторонние биения, обнаружить присутствие уroda. Нутро молчало. Было пустым, освободилось от бремени. Он был исцелён. Урод был изгнан. Чёрный гость, поселившийся в нём, покинул жилище. Чтобы окончательно увериться в своём исцелении, в избавлении от незваного гостя, Веронов взял телефон.

Звонил давний приятель Пётр Макровецкий, главный редактор телекомпании “Лотос”, покровитель множества политических и культурных направлений, сделавший “Лотос” законодателем мод. Пётр Макровецкий создавал репутации. Разрушал их, если понадобится. Был вхож в Кремль. Дружил с радикальной оппозицией. Был принят в закрытых зарубежных сообществах. И, кроме того, был весельчак, завсегдатай клубов, душа богемы. Но вдруг всё это свёртывалось в тугую спираль, готовую распрямиться с жестоким свистом.

– Аркаша, поздравь меня. У меня день рождения.

– Это национальный праздник. Поздравляю, друг.

– Хочешь мне сделать подарок?

– Повезти тебя на Бали?

– Приходи ко мне сегодня в эфир.

– Так сразу? Я не готов.

– Тебе и готовиться не надо. Посидим у микрофона, поговорим о всякой всячине. О культуре, о политике. О вернисажах.

– Да я как-то отвык от вернисажей.

– Не упрямясь. Сделай другу подарок.

Веронов прислушивался к утробе, ни притаился ли там чёрный гость, не слышно ли биение чёрного сердца. Гостя не было. Веронов был избавлен от скверны. Над Вероновым, как чудесный покров, простёрлись жилистые руки отца Макария, его стальная борода, пылающий взгляд, изгоняющий зверя.

– Когда эфир?

– Часа через три.

– Приду.

Он надел свой лучший костюм. Небрежным пышным узлом завязал французский шёлковый галстук. Купил букет алых роз и отправился к Макровецкому, которому был многим обязан. Тот в трудные времена поддерживал его, создавал ему репутацию экстравагантного модного художника.

Телекомпания “Лотос” располагалась на Новом Арбате, и в её коридорах, кабинетах и студиях цари-

ло особое возбуждение, которое было свойственно интеллигентским кругам, где витали опасные слухи, мнимые страхи, едкие сплетни, горькие разочарования и мстительные планы по отношению к власти – источнику бед, терзавших Россию. Макровецкий собрал вокруг себя первоклассных аналитиков, известных политических деятелей, писателей и художников, что позволяло ему наносить удары в самые чувствительные места общественной мысли. Создавать целые направления, которые возникали на пустом месте и тут же исчезали, оставляя едва заметную, несмываемую пыльцу общественных настроений.

В гостевой комнате, где приглашённые ожидали эфира, одна из ведущих, белокурая, в голубом туалете, не стесняясь Веронова, сидела в кресте, легкомысленно обнажив ноги, отдавала себя во власть гримёрши, которая укладывала её волосы, а она рассматривала свои красивые длинные пальцы с ногтями, только что покрытыми лаком.

– Вот он, герой скандальных хроник, сеющий бурю в интернете. Букет предназначен мне?

– Букет для Макровецкого. Поцеловал бы Ваши персты, да боюсь выйти в эфир с лакированным носом.

В гостевую вошёл адмирал в чёрной форме с регалиями, только что из эфира. Возбуждённый, говорил сопровождающей его ведущей:

– Вода в Средиземном море имеет цвет Ваших глаз. Буду вспоминать в походе Ваши глаза.

– Вам будет не до меня. Вы станете стрелять ракетами по Сирии и забудете обо всём остальном.

Адмирал удалился, и его место занял вальяжный оппозиционер с холёным лицом, занимавший когда-то высший пост в правительстве, но потом перешедший в оппозицию. Он улыбался милостивой улыбкой, полагая, что является неотразимым, статный, в дорогом костюме, с золотым перстнем на ухоженных руках. Его сопровождала лёгкая, словно порхающая ведущая с цыганскими бедовыми глазами и глубоким вырезом платья, не скрывавшим чудесный загар.

– Все, кто Вас слушает, ловит не мысли, а оттенки Вашего голоса. Воображаю, как Вы поёте.

– Ваш баритон с упоением слушает интеллигенция и со страхом слушает Кремль.

– Мы сегодня составили с Вами неплохой дуэт.

В гостевую влетел Пётр Макровецкий, как всегда, возбуждённый, пылкий, неряшливо одетый, с седыми, плохо промытыми волосами, с большими лошадиными зубами. Кинулся к Веронову:

– В студию! Минута до эфира! Уроки оболыщения? – Он зыркнул на женщин глазом дрессировщика и потащил за собой Веронова.

– А букет? А шампанское?

– С собой! Всё в прямом эфире! Зачатие, рождение, смерть – всё в прямом эфире!

Веронов захватил букет роз. Они прошли в студию, и, усаживаясь у микрофона, Веронов положил рядом с собой букет, чтобы он был виден в камеру.

– Дорогие радиослушатели, начинаем нашу передачу “Понемногу обо всём”. Сегодня у нас в гостях знаменитый художник, творец необыкновенных акций, ньюсмейкер, разрушающий миф о несовместимости политики и культуры, Аркадий Веронов.

– Петрусь, пользуюсь случаем поздравить тебя с Днём рождения. Этот букет роз – символ твоих бессчётных пламенных дарований. – Веронов коснулся цветов, чувствуя их свежий холодный аромат.

– У нас ещё будет время после эфира выпить за моё здоровье! А теперь к делу!

Микрофон, как маленький чёрный клубочек, был перед самым лицом Веронова. Напротив, перед таким же чёрным клубочком сидел Макровецкий. Тут же пламенел букет роз. Смотрели зрочки телекамер.

– Не кажется ли тебе, Аркадий, что власть, отгородившись от искусства, заблуждается относительно своей безопасности? Искусство обойдёт власть с тыла и саданёт финкой под лопатку.

– Не думаю, чтобы у искусства была такая задача, – сказал Веронов. – У ветра нет задачи обогнуть дом с тыла и найти в нём щель. Он дует и дует. Одни боятся ветра и конопатят стены, а другие делают ветряки и добывают из ветра электричество.

Веронов был доволен своим ответом.

– Но не кажется ли тебе, что наши политики, создавая предвыборные команды, насыщают их экономистами, политологами, социологами, разведчиками, но только не художниками? И много теряют. Художник способен силой эмоций менять мир. Сотрясать его или созидать.

Веронов ощутил беспокойство. Беспокойство вызывал букет роз, его багровые цветы, в глубине которых таилась тьма. Веронов отодвинул букет, чтобы вид цветов его не тревожил.

– Эмоцию художника вряд ли использует тот, кто не обладает эмоцией. Политики меняют мир, а художники своим творчеством фиксируют эти изменения.

– Но я читал арткритика, который следит за твоим творчеством. Он утверждает, что каждый раз вслед за твоим действием случаются аварии и катастрофы. Словно ты раскачиваешь кладку мира, и из неё выпадают кирпичи.

Веронов видел, как сгущается тьма в глубине букета. Алые розы чернеют, они начинают пахнуть, как пахнут гробы, полные цветов.

– Это неправда, – сказал Веронов, отворачиваясь от букета.

– Но этот арткритик утверждает, что после твоего великолепного представления с пулемётом, когда ты расстрелял холостыми банкиров, случился грандиозный пожар на рынке, во время которого сгорело несколько пожарных.

– Это совпадение. – Веронов видел, как шевелятся цветы, и в них скрывается тёмное существо, рассматривающее его из лепестков.

– Ну, как же неправда! А после твоей блистательной выходки в обществе “Мемориал”, когда ты подсунул мученикам ГУЛага икону Сталина! Сразу после этого под Нижним Новгородом столкнулись два скоростных поезда. Было столько жертв!

– Перестань, – слабо произнёс Веронов, видя, как из букета высовывается мохнатое рыльце с розовыми мокрыми ноздрями и снова прячется. – Перестань.

– Да не скромничай, Аркаша. А твоя выходка с Зоей Космодемьянской, когда ты сжёг тряпичную куклу. После этого разбился пассажирский самолёт с военными певцами и женщиной-врачом. Свидетели утверждали, что в самолёт вонзился прозрачный фиолетовый луч. Это твоя эмоция.

Веронов молча слушал, как тоскливо замерло его нутро, как мучительно, медленно оно растворяется, и в него из букета прыгает ловкий мохнатый зверёк и свёртывается в его утробе, как в норке. На Веронова надвигалось помрачение. Он боролся с ним, гнал зверька обратно в цветы, звал отца Макария, старался нырнуть под его простёртые руки, под железную бороду. Зверёк, поселившийся в нём, разрастался, ворочался, скрёб цепкими коготками. Веронов задыхался, давился, хрипел.

– Но как же ты говоришь, что случайно, – не замечал его муки Макровецкий. – А на площади «Трёх вокзалов», куда собрались несчастные бомжи...

С хрипом и клёкотом Веронов вскочил, схватил букет и стал хлестать им по лицу Макровецкого. Бил кулаком, и телекамеры разносили по миру дикую сцену. Веронов упал на стул. Ему казалось, что мир треснул, и одна его половина переворачивается, как подорванный крейсер, показывает киль и медленно погружается в пучину. Веронов летел в чёрную яму, издавая животный вопль.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Утром после бессонной ночи, когда его крутило и подбрасывало в постели, Веронов в ванной рассматривал себя в зеркало. На него смотрело почерневшее лицо старика с трясущимися губами. Глаза с красными веками слезились. Взгляд бродил, словно он хотел углядеть кого-то, кто таился за его отражением. Волосы сваялись и напоминали шерсть. Тело было покрыто зеленоватыми пятнами, словно он превращался в тритона. Сквозь его облик проступал облик кого-то жуткого, кто в нём поселился. Было страшно коснуться лица, ибо казалось, что оно начнёт расползаться, и сквозь разорванную кожу глянет свирепая личина чудища. Гость, которого изгнал отец Макарий, снова вернулся. Был в его доме. Был в нём.

Снаружи доносилась браваурная музыка, размытые мегафонные возгласы, будто шёл праздник. Веронов включил телевизор. Передавали репортаж из Владивостока, где радостные нарядные люди несли флаги, транспаранты, воздушные шары. Рассказывалось, как во Владивостоке отмечают День национального примирения и единства.

Веронов вспомнил, что сегодня государственный праздник, Дальний Восток его уже празднует, а Москва только собирает свои праздничные колонны, выводит на улицу демонстрантов, оркестры.

От открыл интернет и узнал, что по Москве, в центр, к Кремлю, где высится памятник равноапостольному князю Владимиру, пойдёт несколько колонн из разных частей города. Правящая партия. Коммунисты. Русские националисты. Либеральные оппозиционеры. Все они сойдутся у памятника. На трибуну взойдут представители всех политических течений и конфессий, и под се-

нюю руки крестителя продемонстрируют единство, солидарность, верность молодому Государству Российскому.

Ему вдруг страстно захотелось в толпу, на улицу, в осенний предзимний холод с брызгами дождя, с мокрым снегом. Но он не понимал, кто гонит его из дома. Он ли, желающий в тесных гомонящих толпах очнуться от наваждения, или тот, кто засел в нём, торопит его вон из дома, желая прогуляться среди праздничных толп.

Веронов запахнул тёплое пальто, надел широкополую шляпу и вышел в ветреную сырость, где в голых деревьях, похожий на красную гроздь рябины, сиял монастырь. По набережной от Лужников густо шёл народ, мимо имперской громады министерства обороны, вдоль ветреной реки, за которой, коричневый, безлистый, туманился Нескучный сад, крутились аттракционы Парка культуры, и белела одинокая беседка с колоннами, с детства вызывавшая у него умиление.

В колонне, куда он примкнул, шли русские националисты. Это был Русский марш, которому власти города отвели маршрут по набережной, через Остоженку, Волхонку и к памятнику князю Владимиру.

Попав в многолюдье колонны, Веронов почувствовал облегчение. Он был среди своих. Кругом были лица, которые казались родными. Колыхалось множество чёрно-оранжево-белых имперских знамён. Среди них трепетали Андреевские стяги. Огромную икону Казанской Божьей Матери несли шесть дюжих молодцев. Звучали строевые марши, “Прощание славянки”, казачьи песни. Священники в облачениях с песнопениями несли хоругви. В нескольких местах виднелись портреты последнего Царя-Мученика.

Веронов шагал, не отрывая глаз от Богородицы, веря, что она укротила живущего в нём зверя, изгнала его, и теперь “дух изгнанья”, не находя приюта, летает над осенними водами.

– Она, Царица Небесная, заступница русская, – произнесла шагая рядом с Вероновым молодая женщина в платке и длинной юбке, похожая на паломницу. – Всегда вызволяла Россию, и теперь вызволит. Она нас видит и за каждого молится. Спаси нас, Царица Небесная. – И женщина на ходу перекрестилась, гибко согнулась в талии.

“Какое у неё чудесное, одухотворённое лицо! – подумал Веронов, – Какое счастье, что я русский”!

Вдоль колонны, то отставая, то вновь становясь во главу, перемещался руководитель. Веронов видел его где-то, быть может, на экране, на пресс-конференциях. Без шапки, с золотистыми офицерскими усиками, с эмблемой орла на груди, он приближался то к одному, то к другому, говорил несколько слов, и люди в ответ улыбались, кивали. Было видно, что он любим, что им дорожат, признают его водительство. Веронову захотелось услышать его голос, сказать, как он взволнован, как благодарен за то, что принят в их ряды, готов идти Русским маршем в победное русское будущее. Казалось, предводитель услышал его порыв, улыбнулся.

Гость, который мучил Веронова, исчез, улетучился. Не выдержал этой бодрой животворной энергии, этих молитвенных песнопений, плещущих стягов, в которых шумело русское время, русская удаля, русское возвышенное мечтание.

Колонна с набережной свернула на Остоженку, наполняя всю проезжую часть. Вышла на Волхонку к белому, как огромный сугроб, храму Христа Спасителя. Все, кто шёл в колонне, крестились на золотой купол. Ярче зазвучали песнопения. Колонна, оставляя Волхонку, вылилась к Кремлю, к Каменному мосту, к величавому князю Владимиру, который приветствовал их вздетым крестом, опустив к земле суровый меч.

Кремль, розовый, в лёгкой дымке, казался влажным, телесным. Металлическая ограда отделяла Троицкую башню от площади. За ней стояла цепь солдат. Каменный мост был пуст, мокро блестел. Но вдали трепетало, надвигалось, краснело флагами шествие коммунистов, которые двигались от Октябрьской площади, от памятника Ленину.

Колонна националистов, в которой шагал Веронов, выливалась на площадь. Веронов отстал от колонны, забрался по зелёному скользкому склону к Пашкову дому и стоял, озирая площадь сверху.

Колонна коммунистов красным языком залила мост, вязко стекла к Кремлю и начала сливаться с националистами, не смешиваясь с ними, а только тесня их. Красные флаги приблизились к имперским знамёнам. Советские песни мешались с церковными песнопениями. В красной колонне Веронов увидел большой портрет Ленина, который остановился недалеко от иконы Казанской Божьей Матери. Хоругви развевались рядом с красными флагами. И это выглядело как знак примирения.

Со стороны Манежной громогласно, мощно двигалась колонна кремлёвских сторонников с трёхцветными российскими флагами, транспарантами, с букетами цветов. Блестела медь оркестра. Грохотали барабаны в руках голоногих барабанщиц, которые маршировали в мини-юбках, невзирая на холод. Эта стоцветное толпище надвинулось на площадь, сминая собравшихся, требуя себе места, просачиваясь своими трёхцветными флагами в скопление красных и имперских знамён.

Площадь вязко колыхалась, как наполненная тестом квашня, взбухла. В ней двигались медленные протуберанцы, склеивались, проникали один в другой.

И уже подходила четвёртая колонна – с либеральными оппозиционерами. В ней виднелись триколоры, воздушные шарики и радужные полотнища, под которыми шли сексменьшинства. Впереди колонны шли саксофонисты, мерцали изогнутыми инструментами, оглашая площадь заунывными тягучими звуками.

Веронов стоял на холме под стенами Пашкова дома. Склон был полон людей, не уместившихся на площади, а народ всё прибывал.

У подножия памятника виднелась трибуна, окружённая полицейской цепью. На неё стали подниматься лидеры движений и партий. Белый монашеский клобук соседствовал с чалмой, еврейская кипа с непокрытыми головами буддистов. Над всеми грозно возвышался бронзовый князь, осеняя площадь крестом, опустив к трибуне острие меча.

Веронова восторгало зрелище. В этих толпищах чудилась ему таинственная сущность империи, из которой, как магма, изливались народы, верования, учения, безумные идеи, таинственные мечтания. Причудливо смешивались, уходили вглубь, вновь появлялись, и ничто не пропадало бесследно, всё повторялось из века в век, из царства в царство. И сейчас в этом вареве возникало Государство Российское, уцелевшее после страшного падения. Оно вновь начинало своё угрюмое восхождение, как тесто, в которое Господь бросил небесные дрожжи. Кремль, как глыба розовой лавы, был свидетельством вулканического извержения, в котором извергалась загадочная имперская сущность.

Трибуна была заполнена. Каждый, на ней стоящий, имел сторонников в запрудившей площадь толпе. Тысячи глаз следили за своими вождями, были готовы внимать. Князь Владимир осенял их крестом, побуждал присягнуть на верность Государству Российскому.

Первым выступал мэр Москвы, представляя главенствующую партию. Веронову с холма было видно его продолговатое лицо, бледное, синеватое, с лунным оттенком. Был слышен его металлический голос, пропущенный сквозь микрофон. Мэр призывал к единству всех.

– Да здравствует Россия! – Он воздел вверх кулак, и площадь ахнула, вздохнула. По ней покати-лась волна, и в той её части, где стояли сторонники власти, там заколыхались трёхцветные флаги и раздались многоголосые клики: “Россия! Россия!”

Веронов вдруг ощутил толчок в сердце. Словно ожила чёрная, притаившаяся под сердцем почка. Стала набухать, разрастаться. Давила на сердце, отодвигала его, теснила грудь. Он с ужасом чувствовал пробуждение зверя.

Зверь, как и Веронов, слушал выступление мэра. Улавливал фальшивые, сухие, как металлическая фольга, интонации. Не к месту, неискренне произнесённое сталинское “Братья и сестры”. Походя упомянутая держава, кровотокающая, с обрубками территорий, чудом уцелевшая после краха “красной империи”. Гость торопился вырваться из Веронова, пролететь к трибуне и вонзиться в худое тело мэра, чтобы тот заклокотал, захлебнулся, выпучил глаза, вывалил синий язык, и над площадью разнёсся бы звериный металлический рык.

Веронов не выпускал из себя зверя. Удерживал под сердцем. Боялся, что зверь замутит площадь. Раскрутит на ней чудовищный водоворот. Спасал площадь, спасал флаги, толпу, стены Кремля, цепочку солдат, мелькнувшую в кремлёвских воротах машину. Он брал зверя на себя. Вызывал зверя на себя, как делают воины, попавшие в окружение и желающие погибнуть вместе с врагом.

Говорил лидер коммунистов. Веронов видел его большое лобастое лицо, красный бант на груди. Слушал его крепкий поставленный голос, кому-то угрожавший, кого-то убеждавший.

– Москва – столица тысячелетней Державы, в том числе столица великого Советского Союза. Все святыни Москвы – это святыни русской истории. Это и гробницы царей, и мавзолей Ленина. Это могилы Пересвета и Осляби, и могила Жукову. Это храм Василия Блаженного и Университет, построенный советскими людьми. Примирение, которое мы с вами празднуем, – это признание величия Ленина и Сталина наряду с величием Петра Первого и Ивана Грозного.

Площадь колыхала красные стяги, скандировала: “Советский Союз! Советский Союз!”

Говорил лидер либеральной оппозиции. Он был молодой, яростный, на лбу чернела чёлка, маленький круглый рот, казалось, не закрывался. Он нервничал, торопился, словно боялся, что его сгонят с трибуны.

– Москва – европейский город. И мы должны соответствовать нашей европейской идентичности. В Москве должны неукоснительно соблюдаться права человека. В Москве должны развиваться демократические институты. В Москве должен существовать честно избранный парламент и находиться президент, соблюдающий принцип сменяемости власти. И, конечно, в Москве, как и во всей России, должны соблюдаться права меньшинств, в том числе и сексуальных.

Одна часть площади негодуяще загудела, зато другая восторженно гремела. Звучали саксофоны, развевались радужные флаги. Веронов обхватил живот руками, не выпускал зверя, который бился в нём, как в мешке.

Выступал лидер националистов, тот, что привёл колонну. Веронов видел его офицерские усики, золотого орла на груди. Чёрно-оранжево-белые имперские флаги заволновались, хоругви колыхнулись, Богородица обратила к трибуне свой лик.

Веронов услышал, как треснула грудь, лопнули рёбра, растворилось нутро. И в кровавую щель, где билось липкое сердце, что-то прянуло, размытое, жуткое, не очерченное. Выплеснуло за собой обрывки внутренностей. Бурлящей струей понеслось над толпой к трибуне. Ударило в говорившего оратора, погрузилось в него. Тот обомлел, умолк.

Веронов видел, как выпучились его глаза, съехал на сторону нос, рот под усами стал чёрной дырой, в которую вошла излетевшая из Веронова тьма.

– Да, я утверждаю, что мы, русские националисты, являемся ведущей и единственной силой Государства Российского! – Голос лидера националистов, секунду назад звучавший мелодично и бархатно, теперь ревел, в нём слышался надрывный хрип. – Мы требуем для русских всей полноты власти! Требуем покончить с русофобской политикой, начатой Лениным! Требуем вышвырнуть Ленина, эту гнилую куклу, из мавзолея и кинуть его тухлую кожу в овраг, на съеденье воронам и крысам! Требуем спилить с кремлёвских башен масонские звёзды, под которыми чахнет и погибает Россия! Мы добьёмся этого, если не добром, так силой!

Он, повернувшись к стоящему рядом с ним коммунисту, с силой ударил его. Тот пошатнулся и ударил в ответ.

Трибуна заметалась. На ней возникла потасовка. Иерарх в клобуке, мулла в чалме, раввин в кипе, бонза с бритой головой стали покидать трибуну. Драка на трибуне, как огонь, перелетала в толпу и подожгла площадь. Сначала загорелась кромка у трибуны. Огонь драки стал растекаться, проникал в невидимые щели, разделявшие коммунистов и националистов, либералов и ревнителей власти. Всё начинало клубиться, кипеть. В ход шли кулаки, древки флагов. Истошно били барабаны, ревели саксофоны, хрипели и выли голоса. Вся площадь превратилась в побоище. Взлетали руки, били ноги, катались ревущие клубки. Всплывали и тонули в гуще портрет Ленина и икона Богородицы. Крест в руках князя Владимира не останавливал побоище, а, казалось, благословлял его.

Площадь, охваченная ненавистью, не вмещала дерущихся. Толпа разбухала от ударов, смещалась к Троицкой башне. Солдаты сдерживали толпу цепью, сначала одной, потом второй, третьей. Толпа давила на заслон, как давит слепая вода на дамбу. Выгибала цепь, медленно теснила её к Кремлю. Быстро сгущались сумерки. Над дракой зажглись фонари, словно кто-то подсвечивал побоище. Веронов с холма смотрел на чёрное варево, бурлящее от боли и ненависти. Подумал, что это он учинил бойню, он разрушил хрупкий свод, выкалывая из него камни, и теперь рушится огромный свод государства, и скоро всех погребут обломки.

Над его головой зазвенели и посыпались стекла из окон Пашкова дома. Полыхнул рыжий огонь. Дом горел, и из окон прыгали люди. Следом загорелась Публичная библиотека и дальше Манеж. Пламя вылетало из окон, будто там разливали бензин.

Драка ходила кругами, словно в чёрной воде двигалась огромная рыба.

Веронов знал, что в толпе поселился излетевший из него гость. Месит, перемешивает, перелопачивает, и уже не разглядеть, кто националист, кто коммунист, где либерал, а где исповедник власти. Каждый бился с соседом. Красный флаг хлестал другой красный флаг. Одна хоругвь разила другую. Земля дрожала, расходились платформы, Москва уходила в бездонный котлован.

Веронова трясло, ноги его топтали склон. Он танцевал на холме, среди языков огня, и вся площадь танцевала жуткий танец. В тёмное московское небо полетели жёлтые трассы, оранжевые, похожие на дыни, огни. Казалось, город обстреливают установки залпового огня. По Москве бьют крылатые ракеты. На улицах рвутся бомбы. У князя Владимира отломилась голова, из пустого тулова валил дым. И он, безголовый, источая дым, благословлял площадь крестом.

Толпа прорвала цепь и хлынула к воротам Кремля. Оттуда, один за другим, выскользнули бэтээры, длинные, гибкие, как ящерицы. Ударили по толпе пулемёты. На каждом бэтээре трепетал и пульсировал огонь пулемёта. Тупо, упруго стучало. Пулемёты прорубали в толпе коридоры. В этих пустотах копошились, ползли упавшие люди.

Веронов видел, как очередь взрыхлила склон у его ног, будто под землёй прополз крот.

Площадь быстро пустела. Толпа покидала площадь, как вода при отливе, оставляя на отмели недвижимые тела, множество шапок, растоптанные знамёна и хоругви. Полицейские в шлемах шли цепью, заслоняясь щитами, выдавливали с площади остатки толпы.

Веронов смотрел на площадь, липкую, голую, отражавшую оранжевые фонари, окружённую пожарами. Вдруг увидел, как на площадь выбежал мальчик, хрупкий, тонконогий, в красном пальтишке и синем колпачке, тот самый, что в Нескучном саду преподнёс ему лист рябины. Мальчик бежал по асфальту, а за ним гналась огромная косматая собака. Догнала, кинулась. Мальчик тоскливо вскрикнул и затих. Только слышался звериный хрип. Собака, изогнув спину, рылась клыками в маленьком тельце.

Веронову показалось, что мир вывернулся наружу жуткой начинкой, совершая “мёртвую петлю”, в которой повторял свою чудовищную неотвратимость. Веронов страшно вскрикнул и рухнул, покатился по скользкой траве.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Он очнулся дома, на своей кровати. Над ним склонилось внимательное, с седоватой бородкой лицо. Человек был в белом халате, держал в руке прибор для измерения давления. За его спиной виделось встревоженное лицо Анны Васильевны. В спальне горела люстра.

– Что со мной? – пролепетал Веронов.

– Гипертонический криз, – ответил доктор. – Спазм сосудов, мой дорогой. Обычный обморок. Всё будет хорошо.

– Что в городе? Всё сгорело? Они били из пулемётов! Очередь прошла у моих ног. Я поскользнулся и покатился с холма.

– В городе всё спокойно, никакой стрельбы. Разве что салют.

– Вы нашли меня у Пашкова дома? Вынесли из-под огня?

– Мой дорогой, никакого огня, никакого Пашкова дома. Ваша хозяйка, – доктор повернулся к Анне Васильевне, – увидела, как Вы упали у окна, и вызвала “скорую”. Повторяю, всё будет у Вас хорошо. Переутомились, мой дорогой, перенервничали. Я выписал Вам лекарство. Вам нужно отдохнуть, куда-нибудь уехать, в какую-нибудь тишь, где нет Ваших знакомых, нет раздражающих впечатлений.

– Анна Васильевна, что со мной? – спросил Веронов.

– Как Вы напугали меня, Аркадий Петрович! Стояли у окна, а потом хлоп – и упали. Вот так, навзничь, – она взмахнула руками, показывая, как падает Веронов. – Я вызвала “скорую”. Как Вы напугали меня!

– А Вы, мой дорогой, должно быть, филолог? – спросил доктор.

– Нет, не филолог, – слабым голосом ответил Веронов.

– Не переводчик?

– Нет. Почему Вы спрашиваете?

– Когда Вы были без чувств, Вы говорили на каком-то непонятном языке. Я знаю английский, французский, испанский. Немного тюркские, немного фарси. Но это был какой-то другой язык. Вы изучали китайский?

– Нет.

– Суахили, урду? – допытывался доктор.

– Не изучал никогда.

– Быть может, это был какой-то древний язык, из числа умерших? Вы пережили стресс, и в Вас проснулась реликтовая память. Я об этом читал.

– Не знаю, – слабо ответил Веронов. А сам подумал, что это говорил поселившийся в нём гость на древнем языке, возникшем при сотворении мира.

Доктор удалился. Анна Васильевна, тихо охая, притворила дверь в спальню, и Веронов остался один.

Он верил доктору и Анне Васильевне, утверждавшим, что с ним случился обморок, и он не покидал дома, и всё, что он пережил, было бредом, кошмарным сном, жуткой иллюзией. Но он помнил свой бред в подробностях, какие отсутствуют после пробуждения. Если он оставался дома и упал у окна, в которое смотрел, слушая бравурную музыку, то из какой реальности явились эти жуткие зрелища?

Он вскочил. Слыша за собой умоляющий крик Анны Васильевны: “Аркадий Петрович, куда Вы?” – выбежал из дома в сумерки московского вечера, в холод и мокрый снег. Уселся в “Бентли”.

Садовое кольцо липко блестело, автомобили тёрлись друг о друга лакированными боками, как рыбы на нерестилище. Веронов оставил машину на стоянке и вошёл в бизнес-центр. Странно, но пропуск при входе был ему заказан. Он поднялся в бесшумном лифте на этаж, где располагалась фирма “Лемур”. Стал искать медную доску с изображением пучеглазого зверька с растопыренными лапами. Не находил. Мимо сновали клерки в белых рубашках и одинаковых чёрных костюмах.

– Простите, – Веронов остановил молодого человека с папкой. – Где находится фирма “Лемур”? Я немного заблудился.

– “Лемур”? – удивился молодой человек. – Здесь нет “Лемура”, – и скрылся за прозрачной дверью.

Веронов остановил молодую женщину на высоких каблуках в короткой юбке, похожую на типичную секретаршу:

– Будьте любезны, где здесь корпорация “Лемур”?

Та посмотрела на него лучистыми глазами:

– Здесь нет и не было никакого “Лемура”, – и прошла, чуть качая бёдрами.

Веронов несколько раз прошёл по коридору, рассматривая медные таблички с названиями фирм. Там, где прежде висела табличка с глазастым зверем и надписью “Лемур”, теперь висела другая табличка с наименованием фирмы: “Видеонана”. Веронов подумал, что, быть может, фирма “Лемур” сменила название. За дверью находится белоснежный кабинет, и его хозяин Илья Фернандович Янгес, седовласый банкир с выпуклыми, меняющими цвет глазами любезно встретит его.

Он вошёл в приёмную, копию той, что помнил. Та же стойка из дуба, те же компьютеры, тот же тихий стрекот клавиш, та же милая секретарша, с золотистыми волосами, скреплёнными гребнем.

– Простите, могу я видеть Илью Фернандовича? – обратился к секретарше Веронов.

– Кого, простите?

– Илью Фернандовича Янгеса.

– Но у нас нет никакого Ильи Фернандовича, – ответила секретарша.

– Но как же! Я у вас недавно был. Меня принял Илья Фернандович Янгес. Хозяин фирмы “Лемур”!

– Нет, нет, Вы ошиблись. У нас не водятся лемуры, – мило пошутила секретарша и вновь обратилась к компьютеру.

Веронов покинул бизнес-центр. Постоял на Садовой. Улица сверкала машинами. Полыхали белые водянистые фары. Краснели, как рубины, хвостовые огни. Все это было мнимо. Фирма “Лемур” была мнимой. Янгес был мнимым. Недавнее побоище в центре Москвы было мнимым. Вся его жизнь была мнимой. И он сам, Веронов Аркадий Петрович, был мнимым. Его не существовало в пространстве и времени, и сделанное им открытие о собственной мнимости тоже было мнимым.

Он стоял в пустоте, не умея выбраться из этой пустоты на берег, где мог бы хоть за что-нибудь уцепиться. За то, что не было мнимым. Он никогда не рождался и поэтому никогда не умрёт. Он не умрёт, потому что никогда не рождался. Пустота, в которой он находился, подтверждается той пустотой, что находится в первой, а первая помещается в той, которой является он сам, и все вместе они помещаются в огромную мнимость.

Веронов понимал, что сходит с ума. Хотел опереться мыслью на что-нибудь явное, несомненное, спастись от безумия.

На липкий асфальт Садовой выскочил маленький мальчик в красном пальтишке и синем колпачке. Машины остановились, значит, водители увидели мальчика. И следом за ним сейчас выскочит огромная косматая собака, и эта собака и есть Илья Фернандович Янгес.

Веронова колыхнуло, он с трудом удержался. Добрёл до машины и, боясь столкновений, добрался до дома.

Ночью он спал рваным сном. Пробуждения были похожи на выталкивания из воды, чтобы он мог сделать несколько спасительных глотков, а потом его вновь утягивало в омут, и он мучился от нехватки воздуха.

Ему начинало казаться, что кто-то ходит по дому, стучит коготками, громко нюхает, словно по комнатам бродит большой ёж, подбираясь к спальне.

Вдруг начинал звучать голос, сиплый, монотонный, словно читавший какой-то текст. Чтение шло на неведомом языке, чтец зачитывал из Писания то место, где говорилось о сотворении мира.

Утром Веронов проснулся растерзанным, с едким раздражением против всего, что его окружало. Больше всего его раздражал он сам. Похудевшие руки с отвисшей на локтях кожей. Провалившиеся виски, как у старой лошади. Бегающие, с пугающим золотым отблеском глаза, похожие на ягоды чёрной смородины. Нелепое тело в странных вздутых и вмятинах.

Запахнувшись в халат, он вышел к столу. Анна Васильевна в своём аккуратном фартучке, в голубой блузке с кружевным воротничком подала ему кофе.

– Аркадий Петрович, уж простите меня. Доктор верно сказал, что Вам надо отдохнуть. Лица на Вас нет.

– Забудьте про доктора, – раздражённо ответил Веронов.

– Нет, Аркадий Петрович, так Вы себя загубите. Вам уже Бог знает что мерещится. Вам бы отдохнуть на природе. Погулять по полям, по рощам. А то на себя не похожи.

– Я знаю, на кого я похож, – Веронов чувствовал, как в нём поднимается бешенство. – Дайте спокойно попить кофе.

– Нет, я всё-таки Вам скажу.

Веронову в глаза брызнула яркая, как ртуть, ярость. Он вскочил, схватил за плечо Анну Васильевну, круто развернул, с силой ткнул головой в стол. Рывками, хрипя, задирает ей сзади юбку, сдирает одежды. Она ахала, кричала, пыталась распрямиться. Он с силой бил её в затылок, утыкая лбом в стол. Свирепо, впиваясь в её полные бёдра, видя трясущиеся ягодички, насиловал её. Оттолкнул, пошёл прочь. Слышал, как Анна Васильевна всхлипывает, тонко, по-собачьи подвывает.

Оделся, мимо забившейся в угол, растерзанной Анны Васильевны выбежал из дома.

Он гнал по Новой Риге, слепо, безумно, не ведая куда. Мимо летела слепящая ртуть. Поля, леса, луговины, окрестные посёлки – всё было покрыто ртутью, едко слепило. Шоссе лилось, как река ртути. Встречные машины налетали, словно комья ртути, плюшились, разбрызгивались, и брызги оседали в полях. Эти ртутные брызги летели из его глаз, и весь мир был залит слепящей ртутью.

Наконец, он понял, куда мчит. В Холщёвики, где на деревенском кладбище была похоронена мать. Долгие годы они с матерью жили на даче в Холщёвиках, а когда мать скончалась, он захотел похоронить её там, где вместе с ней прошло его детство, чтобы жить на даче и часто посещать дорогую могилу. Дачу он продал, и могила осталась без присмотра. Он навещал её реже, чем раз в год. Теперь он хотел увидеть могилу, упасть на неё, молить, чтобы мать из другого мира протянула ему свою чудесную руку, окружила немеркнущим светом, исцелила, спасла.

Кладбище было на бугре, под берёзами, среди сухих колючих трав. Теснились оградки, крашенные бронзовой краской. Толпились кресты. На нескольких свежих могилах ярко краснели бумажные венки и чёрные ленты.

Могила матери была засыпана палой листвой, заросла сухой полынью. Из-под травы и листьев едва виднелся розовый камень с простым дубовым крестом. На камне он прочитал родное имя: “Веронова Лариса Семёновна”, и задохнулся от горькой сладости. Он сгрёб руками листья, обнажив холмик. Там, в глубине, лежали лёгкие кости той, что его родила, кормила грудью, носила в сад с цветущим жасмином, читала чудесные сказки, растила, лелеяла, дарила красоту и любовь.

“Мама, что случилось со мной? Мама, спаси меня, милая!”

Сыпал дождь. На соседней могиле дико краснели красные матерчатые цветы. Веронов взывал к могиле. Но ответа не было. Мокрая земля безмолвствовала. Мать не откликнулась.

“Мама, это я, твой сын! Мне плохо! Выйди ко мне!”

Могилы молчала. Была пустой. Мать ушла из могилы. Не хотела встречаться с сыном.

“Мамочка, прости меня! Я грешник, чудовищный грешник! Я погибаю! Спаси!”

Могилы безмолвствовала. Всё кладбище было заставлено железными клетками. Оно было зоопарком. Но мать убежала из своей клетки, сквозь берёзы, в серые поля. Она убежала от него под дождём, не желая с ним встречаться.

Веронов испытал злое удушье, ненависть к железным решёткам, жутким цветам, к матери, которая родила его на муку, на чудовищные злодеяния и теперь не хотела помочь, убежала в поля.

“Ты этого хотела? Ты меня таким родила? Ты этому рада?”

Веронов смеялся, смотрел на жуткий красный цветок и мочился на могилу матери.

Он мчался вслепую, словно хотел укрыться от кого-то, кто настигал его в серых предзимних лесах.

Машина запрыгала на разбитом асфальте, остановилась перед оранжевым самосвалом, преградившим дорогу. Едва не ударив самосвал, Веронов встал, вышел из машины. Впереди громоздились какие-то оранжевые конструкции, что-то урчало, валил дым. Отъезжали два самосвала с кузовами в липких потёках. Несколько рабочих с азиатскими лицами в оранжевых жилетах стояли с лопатами. Из конструкций валил дым. Что-то варилось, чавкало.

Веронов приблизился. Чувствовал, что кто-то его зовёт туда, в перекрестье железных ферм, к закопченным чашам, к шумящему огню.

Он миновал рабочих, которые на него оглянулись и стали рассматривать дорожную, подкатившую к ним машину. Веронов приблизился к урчающему сооружению, увидел лестницу, ведущую наверх. Стал медленно по ней подниматься. Пахло гудроном, варом. В котле что-то булькало. Он видел чёрное блестящее варево, в котором медленно взбухал пузырь, выпучивался и лопался, словно открывался глаз. Веронов смотрел на кипящий вар, и кто-то властный, необоримо желанный звал его в эту тёмную глубину.

Рабочие снизу кричали ему. Он не слышал. Перед ним раскрывалась тёмная бездна, и в ней, желанной, необоримой, сверкал, приближался чёрный бриллиант. Тот, что сулил ему великое освобождение от мук, вечное блаженство.

Веронов вздохнул и бросился в раскалённое варево, которое поглотило его.

Рабочие в оранжевых робах бежали, карабкались на лестницу. Смотрели в котел, где медленно наливался и лопался очередной блестящий пузырь.

А к вечеру помело, задуло, понесло в поля летучую пургу. Убелило травы, запорошило дороги, накрыло белым все деревни, просёлки, берёзы с вороньими гнёздами. Россия, молчаливая, бесконечная, легла в снега, укрывшие собой все горести, все ожидания, все русские мечтания. Стало бело и чисто. К ночи ударил мороз. Небо открылось, стало звёздно, тихо, бесконечно прекрасно.

В саду умолкли певчие дрозды.
Соцветья звёзд над крышами повисли.
Деревня спит. Две синие звезды
Несёт зима на белом коромысле...

Проза

Сергей Пылёв

Родился в 1948 году в Украине, город Коростень. Окончил в 1972 году филфак ВГУ. Служил в Советской Армии, работал электриком, грузчиком, сборщиком большегрузных шин, был редактором отдела прозы журнала «Подъём», гл. редактором журнала «Воронеж». Член Союза писателей СССР (ныне России) с 1984 года, автор 9 книг рассказов и повестей, вышедших в Воронеже и Москве: «И будет ясный день», «Обстоятельства», «Вам бы птицами родиться», «Радужная звезда» «Сон разума», «Человек Господа», «Удар возмездия», «На чистую волю». В 2017 году в Москве в издательстве Сретенского монастыря вышла книга С. П. Пылёва «Божьи искорки». Регулярно публикуется в журналах «Подъём», «Москва», «Воин России», «Молоко», «Берега», «Север», «Волга». Награжден медалью общественного Совета ВДВ России «За верность долгу и Отечеству». Лауреат премии «Кольцовский край». Дипломант журнала «Берега» за 2017 год.

Никишин сад

(Завершение. Начало в предыдущем номере)

Повесть

Фермеру В. И. Новикову посвящается

9

Всю одиннадцатую пятилетку света белого не видел директор совхоза Петренко за показатели по надою и привесу. А он их что, родит, эти передовые цифры? С высоких трибун звучали призывы и ценные указания, а кризис нарастал. Пять молочно-товарных отделений наличествовало в петренковском хозяйстве «Заря коммунизма», однако доили бабы руками, навоз скотники огребали вилами и то не всегда, а если ожидалась какая-никакая проверка. А единственный в районе новейший промкомплекс, итальянский, установленный здесь лет пять назад шефским заводом, знаменитым Ворошиловградским тепловозостроительным, – был заброшен: так и не смогли лучшие тутошние инженеры и заслуженные изобретатели эту причудливость капиталистическую под ажурной стеклянной крышей ввести в строй.

Когда такой разлад увидел Валентин Семёнович, так целую минуту дышать свободно не мог. Здешние условия оказались ещё хуже, чем поначалу были на фермах в его родном колхозе «Родина». И откуда только эти сказочные богатства на прилавках в Ворошиловграде?..

Само собой, Петренко регулярно призывали в райком и привычно снимали с него самое мало три шкуры за животноводство. А когда приезжали к нему порыбачить на «Лох-Несское» озеро, после третьего стакана просили у него прощение: «Что в стране происходит?.. Непонятно... А на нас, Тарас Николаевич, не обижайся. Ты мужик правильный».

Животноводство год от года хромало в СССР. Разве от хорошей жизни в Новочеркасске люди против танков вышли в июне шестьдесят второго, когда в очередной раз подорожали мясо и молоко? То ли колхозная система не справлялась со своими задачами, то ли «развитой социализм» следовало на корню менять?.. Шило на мыло?

Был в прошлом году здесь на отдыхе земляк Петренко, взошедший от звеньёвого скотника до высокого звания генерал-майора КГБ СССР. Так вот; сидели они как-то с ним рядком при удочках на озере, и Тарас Николаевич после третьего стакана самогона вдруг напрямки спросил у высокого чина: почему так происходит, что развитие села пробуксовывает? Для меня, мол, это загадка!.. Год от года всё меньше выделяют средств на развитие. «Давай, Белоус, лучше самогон пить, очень он у

тебя хорош! – сказал генерал и вздохнул. – А насчёт затронутой тобой темы... Это вредительство, товарищ Тарас... Масштабное. На всех уровнях. Руководят им, сам знаешь, из-за океана. Чтобы СССР без войны низложить. Скоро это своими глазами увидишь...»

Тарас чуть не заорал: «А вы что там, ребята, глазами моргаете? Ладно, я в селе сижу дурень-дурнем... Но ты со звёздами какими на погонах, а тоже плечами пожимаешь?! Почему допустил такое? Врага надо к ногтю!»

Генерал с досады удочку в пруд бросил: «Руки у нас повязаны. За океаном всё наперёд продумали и кого надо у нас на самом верху приласкали. Так что с высоких трибун звучат громкие посулы и ценные указания, а кризис нарастает. И вот тебе реальный пример. Скажем, в далеко не худшей Калининской области за последние двадцать лет сельское население сократилось почти вдвое!!! Идём ко дну, Тарас...»

И вот вдруг мелькнула у Петренко слабая надежда: чем-то глянулся ему этот как с неба свалившийся молодой и, как видно, упёртый в работе москаль из Никишино. По одной его резвой походке, по острому взгляду видно, что не перевелись ещё неутомимые люди, способные свой пупок жертвенно надорвать, но горы для общего дела свернуть. Только задачу им надо поставить правильно и волю дать.

В общем, когда привез Корнилов семью, они с Люсей обомлели: их ждала пятикомнатная двухэтажная квартира с «евроремонтом», как тогда говорили. С двумя просторными лоджиями, – хоть в бадминтон на них играй. Так что Люся на каждой поплакала счастливыми слезами. Никогда не думала она, что ей доведется стать хозяйкой такого царского жилья, ещё и оборудованного по последнему слову квартирному дизайну, то есть со всеми городскими прибабасами и фантастическими удобствами: немецкого качества гэдээровская многофункциональная стенка, росло раскинувшаяся впритык к трёхметровому потолку; богиня пятнадцатиметровой кухни – итальянская электрическая плита Ardesia из матово серебристой нержавеющей стали, неподалеку – пурпурный, как тога римского императора, холодильник легендарного бренда Ariston. По особому распоряжению Петренко к новоселью его камеры щедро наполнили разной праздничной снедью из сказочных ворошиловградских гастрономов. В зале, который иначе как ковровым царством не назовешь, под хрустальной многоступенчатой искристой люстрой – знаменитый цветной воронежский «Рекорд». Само собой отдельный туалет с сияющим финским унитазом и отдельная ванная комната, выложенная чешской чёрно-белой плиткой и снаряжённая невиданной по тем временам умной стиральной машиной «Вятка-автомат». Она показала Люсе и Валентину Семёновичу большим чудом техники, нежели знаменитый «Луноход».

Олександр, шофёр директорский, весёлый, несколько кручёный паренёк, вмиг устроил Петренко и Корнилову на берегу «Лох-Несского» озера на пёстром рушнике горилку, распрекрасный, по дедовскому рецепту козацкий ядрёный «холодец з телятини», хлеб ещё тёплый домашний белый и густо-матовое стылое сало с нутряным розовым отсветом.

Сели; и вдруг Петренко поморщился: да так, будто зубом о зуб нечаянно зацепил:

– Как хочешь, дорогой друже, но мене животноводство задолбало! Делай тут что хочешь, носом землю рой, у Господа или чёрта подмоги вымаливай, но сделай что-нибудь, Христа ради, чтобы меня хотя бы из-за молока и мяса за энто место не дёргали в райкоме. Ведь оторвут в итоге... Неужели не справишься?

– Поглядеть будем, – тихо, но внятно сказал Валентин Семёнович.

– Спасай, парень...

– Вопросов нет, – сдержанно покивал Корнилов. – Кроме одного единого, Тарас Николаевич.

Прищурясь, Петренко медленно, вдумчиво вылил в себя добрый стаканец самогона. Подкинув вихлястый, блескучий кусмень янтарного холодца, насквозь живой линзой просвечивающего, вёртким движением азартно принял его точно в рот. Он там явно пришёлся ко двору. И вмиг, как камень в воду канул.

– Говори, парень...

– Откуда в продмагах Ворошиловграда такое изобилие на фоне голых воронежских прилавков? Между нами два часа езды!

Петренко вскинул глаза к небу, будто именно там некто мог дать ему верный ответ, размашисто написав его от горизонта до горизонта.

– Ваш старший брат о нашем младшем дюже печётся, – загадочно подмигнул он. – Чтобы нас на капиталистическую буржуйную сторону поглядывать не тянуло.

– Опа-на.., – глухо проговорил Валентин Семёнович.

– Только не все у нас это ценят, – Петренко прикрыл рот лопатой своей ладони, добавил тише тихого. – Есть такие, честно скажу, чоловики, которые уверены: без России, сами, мы рай на земле обретём! Заживемо краще никуди...

– Как это?.. – потрясённо вздернулся Валентин Семёнович. – Не пойму!

– Вот и хорошо, что не поймешь, – покаянно опустил голову Петренко. – И не надо. И вообще забудь, что тебе сейчас Белоус ляпнул.

К вечеру объехал новый врио главного зоотехника здешние фермы. Ещё раз своими глазами убедился Валентин Семёнович, что животноводство и здесь, как по всей нашей могучей, никем непобедимой, – на последнем издыхании. Развал и поруха полнейшие.

Первое, что сделал он, пережив шок от увиденного бедлама, – велел пометить коров и чистенько прибраться.

Полгода не прошло, как первый проверяющий налетел. По его суровой, надменной физиономии, когда он из своей «волжанки» враскачку выпростался, было видно его заранее приготовленное настроение: устроить разгон и показательную казнь как демонстрацию идеологически выверенной линии партии на построение развитого социализма.

Только в дверях первой же фермы глаза недоуменно выпучил: на некогда замызганной, захлебнувшейся дерьмом, – «вишитии» рушники, цветы на белоснежных подоконниках; кожаные тапочки для всех перед входом; транспортёры с навозом старательно бегут. Коровы проверяющему чуть ли не улыбаются приветливо, бодро помахивая хвостами с цветными бантиками: на них кличка каждой прописана и номер порядковый. Мух почти нет. Стаями уж точно не летают. По лбу не щёлкают. Коров не беспокоят. Вот ещё: бражного запаха силоса как бы вовсе и нет. Свежая травка-муравка все ненужные запахи своими полевыми ароматами забивает.

А был этот проверяющий не какой-нибудь человек районного масштаба, так себе по значимости, а самый что ни на есть областной туз со свитой. Судя хотя бы по известным всем обкомовским номерам его машины и числу угодливо суетливых сопровождающих лиц.

На этот раз о появлении проверяющего Петренко не был, как водится, извещён заранее бдительными соседями. Не сработало их тревожное местное радио. Ибо первоначально маршрут проверяющего пролегал по иным местам, а потом вдруг был изменён внезапно, ибо какой-то доброхот шепнул ему, что нигде в Ворошиловградской области он не поест такого знатного холодца, как у Белоуса в совхозе «Заря коммунизма».

– А может правильнее – «Закат»? – позволил себе политически остро, почти свободомысленно выразиться знающий себе цену областной товарищ. – Лады, едем до него. Уговорили. А насчёт «заката» не дёргайтесь, товарищи. Скажу вам по секрету: в стране намечается грандиозная перестройка. Демократия и гласность скоро станут нашими новыми боевыми лозунгами.

И, поморщившись, добавил: «В прошлом году мой зам в этой «Заре» чуть было в яме с навозом не утонул. Смотрите, мне!»

И вот теперь стоял он, удивлённый донельзя здешней чистотой, порядком и доложенными ему рекордными надоями и привесом. Слушал доклад Петренко с таким напряженным выражением лица, словно его каким-то образом прехитренно обманывают.

Оглядевшись, сурово приступил к Корнилову:

– Ты это тут всё такое устроил?

– Всем кагалом трудились, – сдержанно проговорил Валентин Семёнович.

– К моему приезду расстарались? Чтобы пыль в глаза пустить?

– Для себя напряглись. Чтобы жить и трудиться с песней.

– Ишь, ты, какой идейный. Фамилия?!

Валентин Семёнович машинально оглянулся на Тараса Николаевича: тот стоял сугубо угнувшись. Весь какой-то опасливо затаённый, наученный непредсказуемым особенностям господ проверяющих.

– Корнилов, – тихо сказал. – Временно исполняющий обязанности главного зоотехника совхоза.

Проверяющий тотчас в нос Валентину Семёновичу кукиш ввернул и оглушительно объявил с номенклатурной высочайшей весёлостью:

– Врио?.. Что-то не ценят здесь тебя, парень! Такого молодца я у Белоуса мигом заберу! С сегодняшнего дня ты главный зоотехник всего района! Собирай вещички. Поедешь со мной принимать новую должность!

Всё это время, ожидая чего угодно, Тарас Николаевич бдительно молчал. Но когда насчет «вещичек» прозвучало, так он в коленях просел.

Петренко тут же велел Олександру живо принести бумагу и на его широкой, как подоконник, спине быстро, взволнованно написал приказ, избавляющий Корнилова от унижительной клички «врио».

Это, кажется, усмирило проверяющего.

По дороге к «Лох-Несскому» озеру он строго напутствовал Петренко:

– Ты, Тарас, своему зоотехнику не завидуй и возможности предоставь ему безграничные. Кадр, вижу, ценный. Считай, тебе свезло. Иначе бы мы тебя следующей весной турнули.

Петренко забавно развел конопатыми, в рыжей волосне атаманскими ручищами и улыбнулся, но как-то странно, словно одной половиной лица:

– Наляжав йжака голым задом, – проговорил он, степенно огладив свои чёрно-белые маститые усы.

– Что-что? – поморщился проверяющий. – Ты по-человечески говори!

– Испугал ежа голым задом, – шепнул ему в спину доброжелатель из свиты со столь горячим придыханием, что у проверяющего щекотно потеплело между лопаток.

Все напряглись. Но товарищу из Ворошиловграда поговорка неожиданно понравилась. Он хохотнул, потом ещё раз... И хозяйски объявил, что пора бы им знаменитый холодец от Петренко заценить с пристрастием.

Для этого влёт обустроили, чем полагается, славный стол на бережку романтического «Лох-Несского» озера. И даже выставили за гостевыми креслами «спивати» весь корниловский животноводческий коллектив, все двести восемьдесят человек самого что ни на есть многонационального множества: русские, поляки, татары, немцы, казахи, таджики и один непонятно какими ветрами сюда занесённый африканец из Конго Мабиала Малела Чанцнеллин. Местных было лишь двое. Но жили и трудились все душа в душу. Каждый вечер после работы – знатная гулянка: день рождения и прочее всякое раздольное событие. «Интернационалом» этой коровье-телячьей республики была, несмотря на различия в родном языке, всеми до визга любимая украинська «плясовая-хороводная»:

Ты казала, в понэдилок пидэм разом по барвинок,
Я пришов – тэбэ нэма, пидманула, пидвэла.
Ты ж мэнэ пидманула, ты ж мэнэ пидвэла,
Ты ж мэнэ молодого з ума розума звэла!

Итак, возможности Валентину Семёновичу, наконец, дали те самые, безграничные, но на их исполнение средств в совхозной кассе не имелось нисколько.

Но только не догадывались ни проверяющий из Ворошиловграда, ни сам козак-богатир Петренко, что Корниловы никогда и ни при каких обстоятельствах задний ход не дают и на колени не падают перед жизненными испытаниями. Поэтому их отец и вернулся с фронта, несмотря на то, что осколками был так продырявлен, хоть насквозь через него смотри.

Этой же ночью приснилось Валентину Семёновичу, что ему надо, не откладывая, ехать в Ворошиловград и незамедлительно налаживать контакты с директорами тамошних больших заводов и прочих известных предприятий. А число их там немалое, – тот же тепловозостроительный, авиационно-ремонтный, потом в одной линии по значимости литейно-механический, патронный, коленвалов... И везде передовой рабочий класс, включая трудовую интеллигенцию, есть хочет. Большинство так даже три раза в день, не менее. А тут как раз приспел час, что стали тамошнему народу по распоряжению свыше землю по шесть соток давать в пригороде под дачи-огороды. Но там, как известно, почти везде почва неважная, мергель. В общем, запашистый коровяк им будет позарез нужен. А к кому за таким знатным добром «бечь»? Да чтобы он годок-другой был вылежавшийся, как следует перезревший? К зоотехнику, товарищи дорогие. Только так и не иначе, если не хотите свои садово-огородные мечты на корню пожечь всякой разной навозной скороспелкой или той же химией.

«А ты чего щёки жуёшь и время теряешь?» – вот так прямо и приснилось Корнилову с укором. Мол, иди и действуй, мужик. Договорись по цене. Не жадничай. И всё будет рядышком.

Прямо кто-то из мути сна так ему и повелел. Почти слово в слово. Голос вроде отцов был. По крайней мере, суровые интонации – точно его. Поди, не узнай их!

Так и наладилось. Корнилов заводским отгружает естественные удобрения, способствуя этим радующей чистоте на фермах, трактор с плугом или бороной посылает заводчанам на их белёсые огороды. Но и себя не забывает: уже не кланяясь в пояс, обращается на городские предприятия выписывать в совхоз стройматериалы, рабсилу и знающих специалистов по части электрики, транспорта. Много чего разного.

Ещё начал по заводам, с которыми отношения категорически наладил, поставлять по вполне приемлемым ценам совхозные овощи, мясо и молоко, когда купили специальную голландскую цистерну-холодильник.

Пошли, пошли живые деньги...

Надо бы ещё расширяться...

И тогда приспел час итальянского промкомплекса на 800 голов дойного стада, начинённый последними достижениями западного молокопрома. Если его дельно собрать, так он превратится в полностью механизированную мечту всякого зоотехника с конечным результатом на молочный «тетра пак». Вся беда состояла в том, что лет десять назад, когда этот промкомплекс привезли из Италии, так ничтоже сумняшеся тотчас и дерзнули ударно монтировать своими силами. Итальянских инженеров и механиков вежливо, но гордо завернули. Мол, мы в Космос запросто летаем! По Луне катаемся и восьмёрки на тамошней пыли вырисовываем в честь Международного праздника солидарности трудящихся женщин в борьбе против акул империализма. В общем, не учли тольяттинский опыт, когда на Волжском автозаводе, мы, откинув смирение паче гордости, базовый Fiat 124 довели до нужной российской кондиции рука об руку с итальянцами. До сих пор те первые «Жигули» лучшими считаются. В общем, ума не дав, дерзко, сами с усами, сикось-накось, смонтировали в своё время в «Заре коммунизма» оборудование итальянского промкомплекса. И благополучно утопили своих коровок в его гигантских бункерах подпольных навозохранилищ, а насосы доильных аппаратов умудрились какие заклинить, какие вовсе пожечь. Все дальнейшие попытки что-то отладить и запустить-таки успешно провалились. Никто в итальянских чертежах не мог определиться, взять в толк, откуда ноги растут у этой конструкции будущего под гигантским стеклянным куполом. Из Ворошиловградского университета привозили достойных, именитых профессоров, но и те разобрались лишь в секретах петренковского янтарного холодца и его исключительно радостного самогона. Не более того.

И что же? Молнии засверкали на бюро Ворошиловградского обкома КПСС? Чьи-то головы полетели из-за провала с промкомплексом, секир-башка налево и направо? Ничего подобного. Никаких суровых оргвыводов. Решили об этом казусе благополучно забыть. Спустить на тормозах. Область на такой прогресс по-итальянски свои кровные не тратила? Не тратила. А район? Ни копейки. Значит, лучше всё это на корню забыть и навесить мордатые замки на двери несостоявшегося передового промкомплекса. Правда, и это сделали не сразу. Оставили поначалу настежь распахнутым. Но воровства никакого не наблюдалось: местные боялись утонуть в тамошнем навозе вслед за коровками. Да ещё пугала всех раскидистая стеклянная крыша промкомплекса, словно вобравшая в себя всё сияющее червлёной синевою небо. Оно с печальным укором глядело на всяк туда нечаянно забредшего. Даже в пасмурную погоду. Эдакий Глаз Всевидящий...

...Когда Корнилов пришел в совхоз, так поначалу ни до какого отделения нормальных дорог не было. Родную «копейку» топить в грязи он пожалел. Но надо же на чем-то рулить? Ногами не находишься.

Тарас Николаевич позвонил в райсельхозтехнику, договорился. И объявил Валентину Семёновичу: «Иди к ним, возьми себе тракторок. Выбери, какой краще. Только – колёсный. Чтобы с кабинкой».

Приехал Корнилов на место, объяснил директору «Сельхозтехники», что нужно.

– Желательно, какой поменьше. Мне на нем не пахать.

– Ну, вон тот бери, – махнул директор в сторону рядком сиротливо стоявших разнокалиберных тракторов. Некоторые уже начали кудрявиться бархатной ржавчиной. – Рекомендую Т-25. Верткий, кабина с отопителем. Утопнет выше крыши, но всё равно выкарабкается. И прицеп нагруженный вытащит!

– Вот спасибо. Как оформлять? – благодарно проговорил Корнилов.

Директор чуть ли не растерянно отмахнулся:

– Да бери так, чего бумагу зазря марать? Гляди, сколько техники стоит у меня. И никому не нужна! Шлют и шлют сверху, не спрашивая что, к чему и во имя чего! Ума палата, а ключ потерян...

Начал Корнилов на Т-25 вырубивать: с непривычки – скачками, рыская. Давненько за руль такого агрегата не садился. Наверное, с того времени ещё, когда при отце на комбайне помощником работал. Степь да степь кругом! А тут осторожно надо. Заборы вокруг. Вон за спиной склад с разъявленными настезь воротами – того и гляди вломишься туда задним ходом непрошенным гостем...

«Кстати, что в нём в таком множестве вразброс бесхозяйственно лежит? – машинально прицелился взглядом Корнилов через зеркало. – Ох, чую что-то сугубо по моей части...»

Бдительно соскочил.

На складе, местами под самую крышу, валялись, там и сям, ящики с реальными доильными агрегатами. На этикетках знаменитая маркировка – «Даугава-100»! Видно, что никто ими ещё не пользовался. Как видно прямо с завода они тут оказались. По тому времени это было не просто современное, передовое оборудование, а фантастика, одним словом, – полностью механизированные. Заветная мечта зоотехника, если он только не для «корочки» учился. Дефицитнейшие дойки: каждая установка на 100 коровок!

Выдохнул тяжело Корнилов.

– Братцы, – откашлялся. – Это оборудование выписать можно или оно уже кому-то всё подчистую назначено?

Едва зубами не скрипнул, ожидая задержавшийся ответ.

– Выписать?... – дурковато глянул на него кладовщик: ресницы были у него какие-то клоунские, махрово-белые от муки.

– Ну, да, – нервно вздёрнулся Валентин Семёнович. – Кому подать заявку на «Даугаву»? С меня магарыч...

– Даугава... Что, Даугава? Какая такая Даугава? Вот эта, в ящиках?

– Эта, эта...

– Понавозили, а никто их на хрен не берет, никому не нужно!!! Никому ничего не нужно, мать вашу! Дожились!..

– Значит, я могу сейчас, куда Вы мне скажете, пойти и выписать столько аппаратов, сколько надо? – усиленно вежливо, внятно проговорил Валентин Семёнович.

– Нет, не можешь! – вдруг строже строгого победоносно постановил кладовщик.

– Как это не могу?... – чуть ли не всхрипнул Корнилов. Как конь, незаслуженно больно прищипленный. Только ногами не затопал – таким «танцем» у Корниловых в роду было принято вышибать досаду.

– Да так! И перетакивать не будем! – верховным судьёй объявил кладовщик.

По всему было понятно, что сейчас наступает критический момент этого диалога:

– Могу-не могу, через ногу! Как ты, дядя, их выпишешь, если они у нас не числятся?!

Кладовщик насмешливо вздохнул:

– Мы эти хреновы «Даугавы» ещё два года назад пописывали! Они оказались никому не нужны. Валялись, работать нам мешали. Приезжай и заberi все к этой матери! Ещё и магар тебе от нас будет проставлен за расчистку складского помещения. Вместе и разопьём.

«Хаос поглощает мир, – тупо подумал Корнилов. – Chaos engulfs mundi» .

В классической латини такого выражения, кажется, не было. Ни у Цицерона, ни у Цезаря, ни у Катутла, ни у Лукреция... Ни у кого. Однако сложилось неплохо?

Самый момент был, чтобы пасть на колени. И что? Воздать Богу молитву? Прокричать «Слава КПСС!»? Или расплакаться от счастья?!

Как бы там ни было – ноги у Корнилова как есть подкосились. Казалось, ещё минута – и разлетится мужик на составные части, словно на атомы.

Знаменитой «Даугавы-100» было на складе, самое малое, на три больших совхоза. В общем, для восстановления итальянского чуда вполне достаточно. Ещё и на запчасти кое-что останется.

Назавтра Петренко дал своему главному зоотехнику два КаМАЗа с прицепами, кран и грузчиков: за четыре дня Корнилов это складское «даугавское» богатство подчистую вывез. Чуть ли не целовал

все ящики подряд при погрузке: целы-целёхоньки, под свинцовыми пломбами. А внутри, братцы кролики, наисовременнейшие молокопроводы, насосы, фильтрация... Умеют делать прибалты! Не только «Спидолу»...

Перевезли бережно, с подстраховкой. Разложили на совхозном складе ровными рядами: и оприходовали всё до последнего винтика как положено, то есть необходимые документы исправно, ответственно составили. Сдали надлежаще под охрану. Самого малопьющего сторожа приставили.

Валентин Семёнович первое время, случалось, даже среди ночи и под утро приходил в любую погоду убедиться: на месте ли его счастливое обретение, не тронуты ли замки, опечатанные им самолично? Сторож сторожем, а так как-то спокойней.

10

Перекрестясь, начал Корнилов реконструкцию итальянского промкомплекса. Сам внёс изменения в проект, чтобы выправить его именно под «Даугаву». Месяц рисовал чертежи, да так чётко, пространственно ёмко, – хотя управлялся безо всяких инженерных кульманов, рейсфедеров, рейшин и кронциркулей. Словно подобным культурным исполнением желал сам себе доказать, что не только коровам хвосты крутить умеет.

За два года управились. Умно организовали двухсменный режим для доярок. Так что перестали, горемычные, каждый день со слезами вставать в три утра. До обеда поработала, – ступай домой, трудись там бабой. Надои столь ощутимо пошли вверх, что соседние директора совхозов чуть ли не перестали здороваться с Петренко.

А тут забаламутилась какая-никакая перестройка. Никто толком не знал, с какого боку к ней подступиться, как её запрягать и как на ней ехать. ЦК КПСС торжественно провозгласил курс на «совершенствование хозяйственного механизма». Точно раньше по недоумию его норовили развалить. В общем, наверху, помолясь, взялись внедрять в массы полный хозрасчет. Но как всегда, где надо и где не надо. Само собой, и там даже, где ну никак нельзя с ним соваться.

Валентин Семёнович в связи со всем этим глубинно задумался. А что если?.. Вдруг именно у него такое новшество вполне умно сладится?

Зачастил в районную библиотеку, листал напряженно разные экономические книги... Пока твердо не понял: не его тема. А вон у них в совхозе толковый главный экономист, до сих пор явно недооцененный, – Вениамин Израилевич Явроська. Внешне несколько как бы странный: голова маленькая, чуть ли не с кулачок, и лысая, посему похожая на голый локоть. Никогда не женился. Зато мама его, Софья Львовна, директор здешнего детского садика, за ним неотступно во всём доглядывает как за «дитём малым». А ему ничего более и не надо. Только чтобы чай грузинский чёрный всегда имелся под рукой, сосательная конфетка и на столе рядышком шахматы, – в которых половина фигур заменена бочонками от маминого лото. И играл он всегда сам с собой. Вернее, не играл, а до дрожи в пальцах увлекался решением шахматных задач. Трехходовками исключительно.

Так вот помозговали они на пару конкретно, с упором, просидев пару ночей за чаем, да трижды вусмерть переругавшись, но так-таки рискнули: всё животноводство в «Заре коммунизма» добились перевести на хозрасчёт. По особой концепции Вениамина просчитали закупочные цены и прочие детали арендного подряда.

Сверху такую инициативу осторожно, почти нехотя, но поддержали, так как нельзя было никак воспротивиться – она на тот момент во всём совпадала с генеральной линией партии.

Итак, отдали Корнилову землю, технику. Он создал собственный тракторный отряд. Заключил нужные договора. Обзавёлся дельным бригадиром, дальновидным агрономом, шустрым замом по кормам и производству. А для себя придумал звучную должность – начальник цеха. Как в городе на заводе. Только цех его был коровячий.

Теперь народ у Корнилова стал получать зарплату по объёму конечного продукта: от привеса, от молочного литража, от сохранности молодняка и так далее.

Результат не заставил себя ждать. Минималка доярок в разы подскочила – нате вам, любезные 350-400 рубликов за месяц. Столько, сколько выходит у заведующего отделом Ворошиловоградского обкома КПСС! А механизаторы отныне у Валентина Семёновича меньше 500 не опускались. Корнилов теперь каждый день, каждую минуту радовался: экое у него составилось хорошее маточное стадо, молодняк... 100 телят на 100 коров – и 98 голов сохранность. В общем, пошел молодняк –

девать некуда! Каждый год! Коров много. Корма достаточно. 3-4 укоса люцерны орошаемой за лето поделали. Всё идеально. А когда он только пришёл, стыдно вспомнить, – ездили корма покупать по всей Украине. И какие? Да солому!.. Слежавшуюся! А то и вовсе гнилую. Прямо с крыш старых сарайчиков.

Прибыль объявилась такая, что только успевай на счетах костяшки с выщелком перекидывать. На каждой ферме у Корнилова автобусы. Пешком на работу никто больше не ходит: с дома взяли, домой привезли.

Ныне Корнилов мог бросить совхоз, уехать, положим, отдохнуть в тот же Крым или Юрмалу, но всегда в полном душевном спокойствии и стойкой непреложной уверенности: если что случится во время его отсутствия с техникой, коровами, кормом и так далее – никто из работников не отправится разгильдяйски домой, – будут его мужики и бабы сутки напролёт выправлять ситуацию, да так, что дым коромыслом. Только бы скотине никакого ущерба не случилось, чтобы животное голодной да недоенной не осталась. И ещё говорящий факт: ранее доярки втихаря, а некоторые открыто, таскали с полей всякий там корм домой, на подворье, а сейчас настроились нести его в обратном направлении – от себя на ферму своим здешним коровкам!!! Чтобы молока надоить от них поболее! Каждая так старалась. Одна перед другой. Было ради чего, впервые – было.

В итоге на удивление всем вывел Валентин Семёнович совхоз «Заря коммунизма» на третье место в области по надоям и привесу. Вот тогда и ринулось к нему телевидение да газетчики. Из Киева, из Москвы. Были итальянцы. И вострубили! Показатели-то идеальные. А сам Корнилов – эдакий Гагарин трудового фронта: взгляд умный, добрый, а в тонких напряженных губах затаилась строгая улыбка.

Жить и верить – это замечательно.
 Перед нами – небывалые пути:
 Утверждают космонавты и мечтатели,
 Что на Марсе будут яблони цвести.

В Ворошиловградском обкоме достижения Корнилова удовлетворённо заценили: была дана от-машка на представление Валентина Семёновича к государственной награде – ордену Трудовой Славы какой-то там степени. Ясен пень, конечно же, первой!

11

Один день перевернул всё... Суббота 26 апреля того самого 1986-го... Когда леса вокруг совхоза «Заря коммунизма» за ночь ржавчиной пробило. Такая вот, вычеркнув лето из календаря, досрочно наступила посреди весны в Украине, России и более всего в Белоруссии радиоактивная Чернобыльская «осень».

В те дни Валентин Семёнович бдительно доглядывал, чтобы Люся и Эдик не высовывались лиш-ний раз на улицу и окна в доме не растворяли, ничего с базара не ели, а только то, что в подвале у них стояло с прошлого лета приготовленное или с позапрошлого. Люся одних помидоров к зиме по двести банок закручивала, не менее – алого сочного лече и огненной аджики со сливами; два, не менее, дубовых бочонка чёрных груздей, которые Эдька, с малолетства настырный любитель биоло-гии и всякой живности, ехидно называл «электрическими скатами»; а рядом ещё два стояли с ква-шеной пенистой капустой да антоновскими яблоками, уже напитавшимися золотисто-шафрановым оттенком, – потому что были они аккуратно переложены свежей духовитой ржаной соломкой, ошпа-ренной крутым кипятком, а саму бочковую тару Валентин Семёнович изнутри старательно окурил серой, края её смазал янтарно-тёмным духмяным подсолнечным маслом.

А кто из соседей по привычке на рынок «дуром» таскался да с полей совхозных тянул по старой привычке что ни попало, те через одного теперь с инвалидной группой. Некоторые так и вовсе на погосте. Наверху насчёт взрыва всё упёрто, тупо скрывали: мол, никакой такой радиации нет и в помине. Это так, болтология. Западная провокация. И люди верили. Поначалу. Пока не пошли из Чернобыля цинковые гробы с ликвидаторами, двойные, – потому что в них ещё был второй, дере-вянный, с телом, ясное дело, радиоактивным. На всякий случай ещё и запаянный в особо прочной пленке. Тем не менее, находились люди, которые уверяли, будто по ночам могилы ликвидаторов светятся, но это, конечно, трёп.

– Настоящий конец света! – возмущались все вокруг. – А кто виноват? Кто убийцы?

И были такие, кто, сжав челюсти, смотрели, строго прищурясь, в сторону России...

Тут ещё слух прошёл, будто за несколько дней до взрыва приехавшие из «москальских» краёв на Чернобыльскую АЭС учёные дяденьки и тётеньки организовали по своей тяге ко всему оригинальному, запредельному презабавный капустник. Переоделись в разных там озорных ведьм на помеле, забавных весёлых кикимор, чертей-плясунов болотных, зелёных, чертей лысых пузатых и вооружились плакатами «Чёрт с нами!», «Без греха не вынешь рыбку из пруда», «Не согрешишь – не покаешься». Как полагается, открыл этот праздничный парад какой-то их важный академик, объявленный самым главным директором преисподней. Его, полуголого, рогатого, мелкие бесенята пронесли вокруг того самого злосчастливого четвёртого блока со счастливыми воплями: «Идёт нечистая сила, она сажает чёртово семя в хорошо удобренную почву!»

В общем, на радиоактивном фоне Чернобыля наградное дело Корнилова где-то упёрто застряло. Большие надои молока со стронцием, цезием и радиоактивным йодом уже никого наверху не вдохновляли...

И вот оно, первое декабря 91-го... Под звон ещё не умолкнувших дозиметров, – то самое всенародное праздничное голосование по незалежности. В совхозе «Заря коммунизма» по давней традиции с музыками и добрым самогоном. Голосовать шли семьями, целыми улицами. Кое-кто лозунги несли: «Нам без России не быть! Мы один народ! Нельзя нам врозь!»

Никого за язык не тянули. Люди пели и плясали от торжествующего в них чувства кровного единства, а в урну... закатывали «чёрные шары».

К обеду уже за семьдесят процентов набежало «за» незалежность Украины.

Под вечер до девяносто дошли.

И вот, наконец, настала минута Валентину Семёновичу совместно с замом и секретарем собираться в дорогу, чтобы оперативно доставить завершённые протоколы в территориальную комиссию, включая опечатанные урны.

А он как в пол вмёрз. И в голове, словно на сквозняке, судорожно трепещет: «Я ОТНЫНЕ В ЧУЖОЙ СТРАНЕ!!! В ЧУЖОЙ СТРАНЕ!!! В ЧУЖОЙ СТРАНЕ!!!»...

И тогда его заместитель Олександр, шофёр директорский, и сказал, прокашлявшись, глаза не поднимая:

– Что делать станем с таким всенародным волеизъявлением, Валентин Семёнович?

Корнилов нервно пожал плечами, точно судорога его пробила.

А тот ему снова:

– Мы же с вами люди партийные...

Тут несколько густота вернулась в голос Валентина Семёновича, набухла в горле:

– Партийные?.. Были да сплыли. Наша руководящая и направляющая партия приказала долго жить. Тебе, мне, всем нам документы вернули на руки? Вернули. Кстати, ты свои сжёг?

– Нет пока.

– Вот и я. И не сожгу. Но в любом случае я сейчас никакой подлог не допущу. Не нам с тобой перекраивать историю народов...

Он вдруг пошатнулся.

То самое с ним началось. Вроде как опять нервный срыв. Хотя, честно говоря, Валентин Семёнович ни тогда, ни сейчас так и не понял, что же с ним на самом деле произошло в тот поздний вечер на избирательном участке.

Вдруг кто-то наклонился к нему, словно сказать что-то хотел на ухо. А это отец оказался. Как есть батя стоял перед ним; только молодой, каким на фронт уходил, и, само собой, с обеими руками-ногами. В белом костюме, в белоснежных парусиновых туфлях, пахнущих мятным зубным порошком, каким в тридцатые-пятидесятые годы эту обувь припудривали для «шика». Прямо-таки артист. Из кинофильма «Весёлые ребята». Таким красивым и счастливым отца Корнилов никогда не видел.

– Батя?.. – сперто проговорил Валентин Семёнович: губы как анестезией прихватило. – Ты откуда тут?..

– Тс-с-с, – шепнул Семён Ильич. – Тебе надо немедленно уходить. В Россию. Вместе с семьёй. Тут такое скоро начнётся. Не приведи, Господи. Тикай, сынок... Я помогу. Отвлеку их.

– А ты, батя?

– За меня не бойсь! Я такую войну прошёл!

Семён Ильич вдруг с яростной усмешкой оторвал у себя правую руку по самое плечо и стал грозно размахивать ею над головой, точно окровавленной кувалдой:

– С дороги!!! Расступись!!!

«Что за бред сивой кобылы?.. – тревожно подумал Валентин Семёнович и чуть не заплакал от досады.

Вдруг на пути у них стал, меланхолично улыбаясь, аккуратно пьяный милиционер сержант Дорошенко, имени которого никто не запомнил.

– Пока документы не опечатаете, выходить никак нельзя, товарищ председатель участковой комиссии, – вяло сказал Дорошенко, выпятив грудь.

– Конечно, конечно. Молодец, боец! Бдишь!– хмыкнул Валентин Семёнович и вдруг попросил у него сигарету.

– Так Вы ж не курите, товарищ Корнилов! – гыкнул Дорошенко.

– Неужели? А что если начать?.. – весело поморщился Валентин Семёнович.

– Хватит ля-ля! – толкнул его отец. – Каждая минута на счету!

Они сунулись к окнам, но там ржавые решётки, празднично увитые синими и жёлтыми лентами цветов нового флага Украины. На подоконниках – тарелки с едой, бутылки. Из одной, опрокинутой, почему-то льётся не вино, а будто самая настоящая кровь.

Они заметались, пытаюсь найти лом или пожарный багор: решётки рвать.

– Жаль, гранаты нет! – поморщился батя, и вдруг зычно, по-командирски скомандовал. – Примкнуть штыки!!!

Только какие? Для чего?..

Милиционер Дорошенко бдительно вызвал «скорую»...

...В наблюдательной палате психиатрической больницы общение Валентина Семёновича с отцом продолжалось недолго: аминазиновые уколы действуют жёстко.

Из «дурки» его выписали через две недели, не найдя никакой стойкой патологии и опять списав происшествие на некий экстремальный невроз.

С первых шагов по улице Корнилов заметил, что всё вокруг как-то не так стало выглядеть. Вроде улицы те же. И зима как зима в Ворошиловграде, уже опять переименованном в Луганск: лёгкий морозец, скользота, хвостатая позёмка выписывает выкрутасы... Только вот оно! На стенах домов там и вон там, на заборах, кое-где на асфальте невесть откуда взявшиеся странные лозунги: «Кляты москали за триста лет усе сало зылы! Гэть вже отсюда. Тикайте!» А прохожие на это глядят весело, чуть ли не счастливо, озарённо, а кто-то и вовсе норовит своё особое крутое словцо к этим писулькам приплюсовать. На глазах у Валентина Семёновича пацан лет двенадцати азартно, крошащимся мелом, метровыми буквами начертал на порошках продмага самыми что ни на есть русскими словами: «Москалей на ножи!»

Пришёл Эдька со школы: «Пап, так и так, у нас какие-то дядьки появились, себя называют «бандеровцы», и строим по школе по коридорам ходят, и речёвки кричат: «Москаляку на гилляку!» Гилляка, это что?

– То ли ветка... То ли сук, – невнятно проговорил Валентин Семёнович, мельком взволнованно вспомнив пророческое явление отца на избирательном участке.

Очереди, кстати, появились в Луганске. Нет, не за сырокопчёной колбасой или бананами, а украинское гражданство получать. Такое распоряжение поступило, чтобы всем исполнить эту историческую перемену, не откладывая.

Николай с Ленкой среди первых всё оформили.

С того дня младший непонимающе глядел на Валентина Семёновича, так как тот вовсе не пошевелился определиться в этом государственной масштабности вопросе и себя позиционно не определил перед новой властью.

Потом Николай глядел на брата недоумённо. Далее – настороженно, и, наконец, – робко-насмешливо.

– Упустишь момент, – решил однажды подать голос.

– Да пошел ты, засранец! – уныло огрызнулся Валентин Семёнович, но тотчас торопливо обнял Николая. – Прости, Колюха... Я никак в эти события толком не въеду. Не врублюсь, понятно? А тебе рекомендую меньше пить. От тебя какой день за три версты несёт перегаром.

– На радостях, брат... Родину вторую обрёл, – скрипнул зубами Николай и попросил денег на чекушку.

– Нет здесь такого слова, – поджал губы Валентин Семёнович.

– А какое есть? – хмыкнул Николай.

– Четвертка.

– Ух ты! Во... Как отвертка. Нет, не выговорю...

Валентин Семёнович ещё раз обнял его. Денег дал на десять «четверток». Они оба всхлипнули, жёстко стиснув крепкие корниловские челюсти и отвернув свои мокрые рожи друг от друга.

С Петренко, как вышел Валентин Семёнович из больницы, они долго не виделись. Не то, чтобы избегали друг друга. Корнилов и на этот раз по распоряжению врачей две недели одиноко лежал в тёмной комнате: ни с кем не общался, не читал и телевизор не смотрел. Упёрто. Демонстративно. Как обидевшись на весь белый свет и иные оттенки его цветов.

Олександр, шофёр Тараса Николаевича, как-то днями заскочил: мёд передал от Петренко целебный, блестящей смолистой тягучести, и, естественно, – добрый шмат сияющего сочной млечной белизной знатного сала, пирог домашний яблочный в рушнике, чтобы тепло печи сохранить в нём, и, как дар богов, – миску крутого петренковского холодца, запаянного матовым жирком, похожим на первый ледок.

А с самим директором Корнилов встретился, когда первый день вышел на работу. Тарас Николаевич сдержанно спросил его о здоровье, но, ещё не дослушав ответ, непривычным, отчуждённым голосом объявил, чтобы Корнилов вопрос о гражданстве решил незамедлительно.

– Без украинского паспорта ты работать у меня не будешь. Как бы я того ни хотел. И вот что ещё: осваивай «українську мову». Но я тебе не помощник. Сам в ней толком ни в зуб ногой.

Одни коровы встретили своего начальника задорной пляской хвостов, и надои у них в тот день оказались рекордные.

То, что без мовы теперь шагу не ступить, Валентин Семёнович вскоре очень даже почувствовал. Сверху распорядились все отчёты перевести на украинский язык. Он на нём с грехом пополам уже и говорить мог, и петь, но техническая документация, бухгалтерская – это было явно не по силам. Даже учителям. А толковый переводчик на весь район – один.

Корнилов раз отчёт не смог сдать вовремя, два... Ему выговор за выговором. По итогам года вместо привычных наград и премий – предупреждение о неполном служебном соответствии. Хотя коровы молока меньше давать не стали.

Петренко на это только руками разводит, отворачивается, сопит.

– Я заявление об увольнении подал, – наконец объявил ему Валентин Семёнович.

– Правильно, – нахмурился директор. – У меня уже терпение стало лопаться. Сверху насчёт тебя такое давление пошло...

– Теперь квартиру у нас отнимете? – побледнел Корнилов.

Петренко положил ему на плечи свои «важки козацьки руки» и только что не обнял Валентина Семёновича.

– Я такого не допущу... Только через мой труп.

– Куда же мне теперь податься? – поморщился Корнилов.

– А ты попробуй в фермеры...

И поехал Валентин Семёнович в Ворошиловград, вернее, теперь Луганск; к тому мужику, который когда-то заезжал к ним на ферму в качестве проверяющего, и с чьей лёгкой руки он стал полноценным главным зоотехников совхоза «Заря коммунизма».

Принял он Валентина Семёновича в своем высоком кабинете несколько растерянно. Может быть, поэтому и присест не предложил.

– Привет, привет, дорогой товарищ... Что-то ты бледно выглядишь, Корнилов? Про глюки твои прослышан. Береги здоровье. С чем пожаловал?

– Хочу заняться фермерством, – судорожно проговорил тот. – Прошу посодействовать в выделении участка. По возможности, не самой бросовой земли.

– Ты гражданство Украины не принял...

– Не принял...

– Добрых людей не послушал...

– Не послушал.

– И земли тогда, дорогой, у нас для тебя – нет! Только, в случае чего, два квадратных метра причитается. Тех самых, гробовых.

Корнилов растерянно почувствовал: сердце заполошно забилось, затормошилось... Неужели опять замаячил тот самый нервный срыв?..

– Что язык проглотил?.. – смурно вздохнул хозяин кабинета.

– Я понял, что делать мне тут больше нечего.

– Скатертью дорожка, – поморщился тот.

И вдруг, уже в спину Корнилову, тихо, потерянно проговорил:

– Прости, Валя... Вокруг такое происходит... Впору стреляться!

Из администрации Корнилов вышел с зубной болью. Самой настоящей. Во рту тридцать два раскалённых фонтанчика, бьющих в мозг. В одну точку. Слепяще. Валентин Семёнович как в горячем тумане, чуть ли не на ощупь разыскал ближайшую стоматологическую поликлинику. Прижавшись плечом к стене, отстоял очередь в регистратуру. Со злосчастной физиономией неуклюже сунул в окошко паспорт.

– Вы – русский?.. – раздался девичий голос: с одной стороны – звончатый, игривый, таким только в любви признаваться, но сейчас в нём поверх лиричности отчётливо звучала настороженность. Словно перед ней был ни мало ни много особо заразный человек.

Она своё окошко бдительно прикрыла, и начала с кем-то тревожно советоваться.

Что-то в нём судорожно натянулось: тетива невидимая, о существовании которой он до сих пор не догадывался. От горла до паха. В мозгах такое ощущение, точно кто-то их черпаком размешивает. Как кашу в горшке.

– Возьмите талон! Прием начнется через час, – вздохнула регистратор так, словно гору с плеч снимала, избавляясь от этого пациента.

– У меня острая боль... Раньше нельзя? – сипло всхрипнул Валентин Семёнович.

– Тут тебе не богадельня! Не затримуй людей! Котися до этой матери! – активно оживилась у него за спиной стомлённая и тоже далеко не здоровая очередь.

– Гражданин, не скандавьте, – глухо, напряжённо процедила регистратор. – Что вас не устраивает?

– Меня все, девушка, не устраивает! – нервно объявил Корнилов. – А зубы у меня уже прошли. Представляете? Чудеса, да и только! Сами собой.

Боли действительно не было. Как сгнула. Словно кто-то свыше её погасил.

– Что вы за люди такие – русские?.. С вывертом дурацким! Неспроста все вас так ненавидят! – в сердцах крикнула регистратор вслед Корнилову.

Он, было, хотел вернуться и рассказать ей одну историю на эту тему «вывернутости» его народа, но почему-то сдержался. Показалось ему, что может не выдержать и ненужную тут и сейчас слезу пустить...

...В голодном сорок шестом, когда Валентин Семёнович только родился, матушка на перекладных несколько раз ездила в Воронеж продавать на барахолке кое-какие отцовские вещи, теперь ему из-за инвалидности никак не нужные. Так вот она, бывало, вспоминала, как там зимой вели по заснеженной, вьюжной воронежской улице понурую толпу пленных немцев. Дома строили они в разбитом войной городе. Все в драных бабских платках поверх шапок, некоторые плелись в лаптях... А полуголодные воронежские женщины и детишки вылезали им навстречу из своих подвалов, землянок и совали в обмёрзшие руки фрицев свой последний хлеб, картошку печёную, кому так и самокрутки с самосадом, потому что немец никак не мог взять в толк как сворачивать из газеты «козью ножку».

Дома, ещё в дверях, Валентин Семёнович крикнул Люсе и Эдику каким-то странно визгливым, сбившимся голосом:

– Всё, братцы-кролики! Уезжаем отсель! Немедленно. Взад!

– Ура-а-а! – вскинулся Эдька.

– Хватит, пожили на чужбине, – зачем-то обнюхав кулак, рыкнул Валентин Семёнович. – Пора честь знать. Дома и солома едома!

И вдруг как-то нарочито весело и одновременно грозно запел, глядя в потолок, словно читал там нужные ему слова:

– Прощайте скалистые горы,

На подвиг Отчизна зовёт!

Мы вышли в открытое море,

В суровый и дальний поход...

И завершил на задыхе, переиначив на свой лад последние слова песни:

– Но радостно встретит героев

Родимая наша земля!

– Я, Валечка, никуда отсюда ехать не хочу, – вдруг напряжённо, закрыв лицо руками, проговорила Люся.

– Не понял, – шально усмехнулся Валентин Семёнович.

– Я, наверное, здесь останусь... Миленькие мои... Хотя бы на первое время. Пока ты на ноги станешь. Такой тут дом-дворец, такой сад... Скотинка. Не брошу я всё это на разор! Что ты заспешил?..

– Ты что, не врубилась?.. Мы тут ЧУЖИЕ!!! – ярко побледнел Корнилов, подбородок вскинул.

Люся перед ним на колени рухнула, слезы по полу раскидала.

– Обменяем наши паспорта на украинские – и никаких проблем!

– Люся! Что ты гуторишь! – топнул ногой Валентин Семёнович, отвернулся к окну, и заплакал с женой в унисон.

13

В общем, уезжали они вдвоём: отец и сын. Люся от своего не отступилась, хотя от горя с кровати три дня не вставала и три дня ничегошеньки не ела. Как на смертном одре лежала. На «прощай» мужа только глаза закрыла, и дыхание у неё обморочно пресеклось.

Эдька к ней метнулся, ноги судорожно обнял...

– Мам, мы тебя всё равно скоро заберём, – лихорадочно прошептал Эдька, как отплёвываясь от вёртких, быстрых слез.

– Хорошо, миленький... Спасибо тебе, – глухо выдавила Люся. – Я обязательно приеду... Попозже. Вот найду покупателей на наше добро и приеду.

Несмотря ни на что, Валентин Семенович по-правильному посидел с Петренко на дорожку. Хорошо, с усердием, но всё-таки так, чтобы на ногах остаться.

По закуской части хлопотал как всегда шофёр Александр. Приступив к торжественной части, они, независимо от национальности и государственной принадлежности, обоюдно налегали на сало с ненасытным пристрастием. А было оно всех исключительно сортов и оттенков: холодной мраморной белизны на запорожский «козацкий» вкус, и с кровянисто-сургучной любовчинкой на донской казацкий манер, потом же варёное со специями, далее – копчёное, шафранового сочного свечения. Плюс она, родимая, молоком до прозрачности слёзной старательно высветленная самогонная «душенька» на зверобое. И самостийная гордость всего род Белоусов – налитой, крепкий «холодец з телятини». Особый того секрет состоял в обязательности композиции из свинины, говядины, чуток мяска дикой утки и непременно хотя бы часть головы осётра. Плюс в обязательности непременно – вызревший корень петрушки и имбирь.

Тарас Николаевич в правой руке стаканчик держал, в левой – удочку. Золотистые блескучие сазанчики, словно прощально демонстрируя свою удачу, азартно кидались даже на голый крючок.

В это время приехала за Корниловым из Никишино машина, тот самый знаменитый председательский армейский «бобик».

Тарасов прислал. После того как Валентин Семёнович ему позвонил с просьбой насчет помощи при переезде. Алексей Кириллович, враз забыв старые досады, тотчас проникся особенностью момента и торжественно, со слезой в голосе рыкнул:

– Русские своих в беде не бросают!

Из вещей они с Эдькой взяли только то, что на себе было надето. И ещё вручённые им обоим лично Белоусом вышиванки с красно-зелёным орнаментом по хлопчатобумажному, ярко лоснящемуся поплину цвета распущенного топлёного молока. А свою легендарную «копейку», чтобы не с пусты-

ми карманами в дорогу ехать, Корнилов накануне продал. Считай, за так. Олександру Борисовичу. А другие никто упёрто брать не хотели, хотя всегда завистливо любовались его машиной.

Кажется, он ждал, что с работы придут-таки проводить его. Но вот же, на-кося, выкуси. Никого, с кем не раз душа в душу «спивали»: «Ты казала, в понэдилок пидэм разом по барвинок, я пришов – тэбэ нэма, пидманула, пидвэла»...

Не пришли!..

«O tempora! O mores!» – криво усмехнулся Корнилов и, перед тем как забраться в родную кабину «бобика», медленно, с оттяжкой развёл широко руки... И вдруг влёт рассыпал напряжёнными ладонями короткие, резкие хлопки по плечам, ногам, по голенищам сапог, изловчившись, врезал пару раз по подошвам. С фасонистым вывертом, рывками, пошёл по двору, приплясывая, хлётко топоча каблуками, озорно локтями поигрывая.

– Их! Их! Их!... Эх!!! – и враз тормознул, поклонился на все четыре стороны, крестом себя православным осеняя.

– Документы держите под рукой, – когда садились в кабину, предупредил водитель. – Будем пересекать границу. С нашей стороны – это без проблем. А ихние пограничники шмонают с пристрастием. Отымают всё подряд: сигареты, водку, колбасу... Хотел дочке здешний торт «Киевский» взять, да толку...

Поначалу ехали молча, как покойника везли. Хотя радио у них орало. «Всё могут короли!» – азартно страдала Пугачёва на весь размах окрестных мергелевых белесых степей.

– Как там у нас в Никишино дела?.. Какие надои в колхозе? – где-то через полчаса с судорожным выдохом заговорил Корнилов.

– Каком колхозе?.. Какие надои? – сшиблено переспросил водитель. – Уже год как нет никакой вашей «Родины».

– А Тарасов там как?.. – напряженно спросил Валентин Семёнович.

– Он теперь у нас фермер, – сухо отозвался водитель. – Крутой мужик! У него земли одна тысяча семьсот гектаров! Самые урожайные чернозёмы прихватил для себя, родного... А бывший главный инженер Мишка Селиванов у него рядовым трактористом теперь работает.

– А парторг?

– Кто это?

– Кравченко, Сергей Васильевич. Не помнишь разве? Эх, молодость...

– Кравченко, – поморщился водитель. – А, Кравченко! Однорукий? Так он повесился. Полгода назад.

– Что так?.. – тихо проговорил Валентин Семёнович, чувствуя, как у него леденеет, съеживается лицо. Ещё минута – размером с яблоко станет.

– Кто знает... Всякое говорят. Вроде, денег взял у кого-то в долг немеренно... Дело своё открыть. А сам прогорел... Другие балакают – не принял мужик наш новый олигархический строй!

Но об одном Корнилов никогда не узнает. А может быть и к лучшему? Что его любимого преподавателя Жданова прошлой весной убил неподалеку от института в парке некий юноша из успешной предпринимательской семьи. Взорвало парня, что старый «совковый» маразматик отказался поставить ему зачёт за бабки. За нормальные бабки. В общем, получил студент год колонии, потому что суд признал это убийство совершённым в состоянии аффекта. Почти благородного.

Как ни нагонял водитель страхов насчёт проверки документов и вещей на контрольном пункте, тем не менее его миновали без особых проблем. Правда, Корнилову бросилось в глаза, что если украинским пограничникам надо было произнести какое-то слово по-русски, они его как бы нарочно коверкали до неузнаваемости.

В общем, миновали-таки границу. Поняли они это, когда с хорошей бодрой дороги перекатились на провальные российские колдобины.

– Родную землю целовать будешь?! – усмехнулся водитель.

– Родную... Род-ну-ю-ю! – пропел Валентин Семёнович, каждый звук этого слова радостно-нежно перекачивая во рту, смакуя, играя с ним весело, с лёгкой, посветлевшей душой. – Жми на газ, дядя! Здравствуй, Русь-матушка!!!

В Никишино, взбежав на крыльцо родительского дома, Корнилов внятно, с торжественной отмашкой осенил себя крестом, на колени восторженно стал. Ни дать ни взять возвращение блудного сына.

Мать всхлипывала в горнице: встретить сына она уже не могла, – третий месяц как Мария Ивановна ходить перестала.

– Ты чтой-то без Люси?.. – едва проговорила она.

– Осталась добро наше продавать, – глухо сказал Валентин Семёнович и вдруг тоненько, совсем по-пацаньи всхлипнул. И это так его смутило, что он с размаху треснул себя кулаком в лоб.

– Господи, помилуй, – сказала мать, и хотела перекреститься, но сил не достало.

На следующий день Корнилов поехал автобусом в райцентр в администрацию. Глава администрации встретил его, точно героя. Из-за стола шустро вышел руку пожать. Был и коньяк «Арарат», и лимон к нему, и шоколад.

– Иди заместо Тарасова председателем в «Родину», – расспросив для вежливости Валентина Семёновича о житье-бытье в Украине, взвешенно, рассудительно предложил глава. – До сих пор все мы помним твой рекордный урожай. Я про тот, когда ты до отъезда в Украину временно замещал Алексея.

– Дело случая, – вздохнул Корнилов. – А разве колхоз ещё жив?

– Типа того, – хмыкнул хозяин района. – Как в подобном случае говорится в знаменитой сказке про Буратино? Пациент скорее жив, чем мёртв. Мы знаем тебя. Даже когда ты был в Украине, следили за твоими успехами. Но если почему-либо не хочешь в «Родину», мы тебя поставим председателем в любое хозяйство. Выбирай. Правда, их у нас из двадцати семи только три ещё дышат. И все – на ладан...

Валентин Семёнович машинально бросил взгляд на висевший на стене портрет Ельцина с какими-то тревожными, даже испуганными глазами. И как это никто бдительно не заметил до сих пор?

– А землю дадите?.. – напрягся. – И буду я в ней потихоньку копать себе на уме...

Глава района строго усмехнулся:

– Раньше ты с властью во всём соглашался, Семёныч... Ладно. Не хочешь идти руководителем – бери землю. Работай. Жалко, что ль? Будешь у нас передовым фермером!

– Не буду! – глухо отозвался Корнилов. – Фермером не буду. Что за дурацкое слово? Лишь бы всё под американский стандарт лепить! И когда такому только научились? У кого? Аж коробит. Откуда у нас фермеры? Большинство пашет да сеет. А животноводство лишь у каждого сотого. Поэтому я – крестьянский сын!

Так вот этот его отказ насчёт должности председателя Эдику ужасно не понравился. До глубокой обиды. Оказывается, он где-то в Инете разыскал, что первым председателем здешнего колхоза «Родина», тогда ещё коммуны, стал в феврале 1918 года некий Корнилов Лукьян Порфирьевич, то ли их предок какой, то ли однофамилец? Точно известно, что он был слепой на один глаз после ранения в русско-японской войне, сын середняка. Кстати, второй будто бы тоже еле видел. Но идейный был! При нём большинство никишинских крестьян уверенно считало коммуну ячейкой справедливого общественного устройства. По вечерам, натрудившись, без сил, ходили в избу-читальню, где избач читал им газеты и «Манифест коммунистической партии». На колхозных собраниях выступали страстно, откровенно; собрания всегда заканчивались пением «Интернационала». С песнями шли на работу и с работы. Правда, в тридцатые годы Лукьяна Порфирьевича по чьему-то доносу объявили кулацким подпевалой и сослали на Соловки, где он утонул, сослепу сорвавшись с берега в Белое море.

– Так что же сейчас происходит? Почему всё рушится?! Кто-то должен это остановить?! Почему не ты, батя?! – вскричал Эдька и по отцовской привычке яростно затопал ногами, точно угли каблучками под собой гасил.

– Алчность людская, сынок, погубила колхозный строй, – опустил голову Валентин Семёнович. – Не было никаких указаний сверху, чтобы их отменить. Не было... А были сильнейшие колхозы-миллионеры! Я знал многих руководителей – нормальные мужики. С башкой на плечах. Тот же наш Тарасов! Но кинули их. По указке из-за океана. Схема была простая... Приезжает из Москвы или Питера в колхоз весёлый бодрый дяденька с большой сумкой долларов. Само собой, ненашенского происхождения. Называются такие люди инвесторами. И – шасть к председателю: «Вот я такой щедрый – покупаю тебе лучшие трактора, эти, как их, Джон Дир, семена элитные канадские, удобрения невозможные, хоть самое знаменитое американское гуано! И всё тебе, родному! А ты работай, продавай продукцию да плати мне проценты. В общем, я твое нищее хозяйство инвестирую! спасаю Рос-

сию!» Вот тут председателя жаба и начинает давить! А как же! Ведь и ему в карман немало может перепасть от немереных денег инвесторовых!!! Забогатеет враз... В общем, заключают они договор. Но юристов нет в колхозе! Откель им там взяться? С какого переляку? А там в этом договоре мелким текстом такое прописано! Если не заплатил вовремя проценты (а они специально непомерные подставляют), – земля была твоя, стала его! В общем, баста, подписывают бумаги. Приходит осень. Собирает наш горе-председатель урожай. Огляделся – и прослезился: денег расплатиться не хватит. Он в рёв: «Господа инвесторы! Я на следующий год вам всё отдадим! За мной не заржавеет! Вот вам моё крестьянское твёрдое слово!» – «Не-е-ет, – хихикает денежный дяденька. – Шалишь, брат!» Тогда председатель бегом в арбитражный суд, аж запыхается, бедолага. Но у них, инвесторов, и там всё схвачено. По уму работают они с нами, лохами. Так что ему там судья бац – дулю под нос. Всё по закону, мол! И тот московский дяденька по полному римскому праву заглатывает через суд этот очумевший колхоз вместе с потрохами. А далее сам пашет и сеет на земле-матушке? Ничего подобного. Он навсегда исчезает... *Maugus fecit officium!*

– Мавр сделал своё дело?

– Молодец, сынок. Да, так это звучит на золотой латыни!

– А что дальше, батя?

– Дальше проще простого. Арбитражный суд в течение месяца сей колхоз ликвидирует. Бах – и нет его... Он уже перешёл на другое название, под другую юрисдикцию. В Москве где-то числится. Или Владивостоке. Таким манером, сынок, развалили полностью сельское хозяйство в России. Под руку с председательской жадностью! А ты – бороться! Это, брат, тебе не ветряные мельницы. Высокоточное неотразимое оружие у них – наша слабость к авантурным деньгам. Только помни, Эдка, олигархами в России не становятся, ими у нас свыше назначают...

14

В общем, дали «крестьянскому сыну» Валентину Семёновичу поперву ни мало, ни много 20 никишинских гектар. Само собой, дали такие, чтобы он не взял, а коли бы взял, так чтобы завтра сам бросил в сердцах. Под озимые ему и вовсе выделили клин у чёрта на куличках. Эта земля в 12 км от Никишино, туда путь через балки да овраги, – не проберёшься даже на трофейной «Сахаре». Однажды на этом его поле, оставшемся из-за непогоды бесхозным, волки устроились жить.

«Вот и рассуди тут, – напряженно задумался Валентин Семёнович. – Как в таких местах можно вовремя затеяться? В том году вообще залило всё. И посеял я подсолнух лишь перед Троицей. Когда у людей уже хорошие всходы стояли. Естественно, я против них на 2-3 недели, а то и на месяц съехал от нормы, а это сказывается на урожае. А как он у меня проклюнулся, жара началась, жарой его бьёт... Вот и в этом году опять залило, но теперь – мои участки с пшеницей. Там, где повыше, она пойдёт, устоит, где же чуток низина – ромашка одна вырастет. Рядом в Эртиле у многих фермеров тоже заболоченные земли. Да все так же вкривь и вкось. Так они что? Они вон, человек восемьдесят, уже плюнули и бросили всё, ушли. Кончилось их фермерство. И ничем им не поможешь. Никакой мелиорацией. Что ни делай – вода на бугор не потечёт... Но мы, Корниловы из тех людей, которые назад не сдают ни шагу: если берёмся за дело, то не бросаем...»

Кто бросал – Валентин Семёнович старательно подбирал. Писал грамотное, обоснованное заявление – и подбирал. И так набрал он себе, наконец, 140 гектар, потом через три года ещё 60 – забрал свой колхозный земельный пай в 6,5 га, приплюсовал паи матери, тестя Фёдора Илларионовича, тёщи Ираиды Валерьевны, да ещё (это особая тема) своих младших братьев и сестёр, каковые снялись с земли, оставили навек родное Никишино. Сыну открыл собственное хозяйство. О-О-О! Пусть впрягается Эдка, пора пришла. Надо привыкать ему. Другой работы на селе не будет...

– И вот уже двадцать пять лет мы с сыном на этой земле живём-жуём, – утвердил Корнилов, когда мы с ним на днях встретились: меня из области прислали писать очерк о нём в книгу «Край родной» о достижениях воронежских фермеров. – И всегда наш урожай выше среднего идёт! Подсолнечник мне двадцать два центнера в среднем даёт, а пшеница – сорок! Ячмень тоже, наверное, центнеров двадцать семь. Гречу сею, просо: одним словом, все культуры, кроме свёклы – слишком она трудоёмкая... С детства я с ней надорвался! А вся техника у меня класс: трактора новые, «Беларусь», комбайн «Нива» хороший, да два грузовика КАМАЗовских. Вон ещё и мой первый гусеничный, «семьдесятпятка» цел-целёхонек! Крепкий «мосол»! И прозвище у него толковое – «Почтальон». За

то, что так резво ходит по полям! С умом сделан трактор. По-настоящему. Сталинградский! Но никогда ни одного кредита я не брал. Если бы я взял хоть один кредит, я бы тут не сидел с вами. Был бы скотником у Тарасова. НЕ нравится моя позиция? А вы бы у кого другого интервью брали! У того, кто вам правды не скажет. А я говорю... Потому что мне некого бояться. Я – Корнилов...

Глядел на меня Валентин Семёнович своеобразно: с какой-то озорной хитрецей, усмешечкой вёрткой, потому что он разных всяких нас, журналистов, за свою жизнь насмотрелся и хорошо знал, что мы о нём напишем, что утаим, а, самое главное, он давно усвоил: в этом очерке его – никитинского мужика Корнилова – и близко не будет.

– Пишите, пишите. Такая у вас чудная работа, – прищурился Корнилов. – А про Люсю будете рассказывать? Я прошу – обязательно, ладно? Она иногда приезжает. Поплачет тут день-другой – и назад. В хоромы свои любимые. Продавать нажитое добро передумала... Гражданство ихнее оформила... А у меня сейчас очень хорошая женщина; я снова женился, официально. Так вот она тоже типа меня – беженка! Из Казахстана. И насчет Люси правильно всё понимает, не обидится. Ох, там, в Казахстане всё было куда жестче, чем тогда в Украине... «Орыс чушка!» Переводить не надо, правда? Так что побросали они квартиры и убежали сюда, чтобы под нож не попасть или пулю. Только из Семипалатинска уехало больше ста тысяч русских. Это называлось: вернуться на историческую Родину. Но она принимала таких переселенцев, как злая мачеха. Жильё – ваши проблемы. Работа – без прописки нельзя. Прописка – опять же ваши проблемы. Так что устраивайся, как можешь. А тут я появился у неё на пути рядышком...»

– Айда, мужики, на мой пруд?!.. – вдруг живо, мальчишески подхватился Корнилов. – Там и договорим тему?

На манер «Лох-Несского» Валентин Семёнович свой наливной двухсотметровый водоём окрестил победоносным «Чудским озером». Цапли его облюбовали в этом году, пять пар. Раньше здесь таких славных птиц не видели. Раз от раза солидно проскальзывают над головами, точно планера. Или, как теперь говорят, дроны. Полёты у них за рыбой. Наедают силу, чтобы зиму пережить: не хотят последнее время улетать в тёплые края. Как и те же грачи, скворцы, зеленушки. Или вот был уже случай, пусть ещё единичный – лебеди остались на «Чудском» наперекор российским морозам. Родину менять не желают!

– Патриотическая птица! – прищурился Валентин Семёнович, поднял руки над головой и вдруг хрипловато, но упорно запел:

– Летят перелётные птицы в осенней дали голубой,

Летят они в жаркие страны, а я остаюся с тобой.

А я остаюся с тобою, родная навеки страна!

Не нужен мне берег турецкий и Африка мне не нужна...

И прыснул озорно:

– Мужики, а причём тут Африка? Кто туда из нас рвётся или рвался?.. Эх, писаки... Или вот ещё: – Мы с железным конём все поля обойдём – соберём, и посеём, и вспашем... Так вначале вспахать надо! Куда только Иосиф Виссарионович смотрел? Каким ухом он этого Лебедева с Кумачем слушал?..

В это время здешние лягушки, поднатужась, коллективно перекричали его. Ими берега «Чудского озера» кишели так, что нередко горловой их клёкот на всю округу столь густым звоном стоял, что работающий трактор за пять метров не было слышно.

Пруд у Корнилова кишел рыбьей жизнью: тут тебе взблёскивают и медлительный белый амур, и суетливый карась, вальяжный карп, а также стада вечно словно бы рассерженных сазанов, – прудовая вода так вся шевелится, точно кипит. Рыбаки сюда со всех краёв воронежских заполошно спешат, наострив удочки, но для них у Корнилова одно твёрдое условие: мусор не оставлять, камыш и осоку с аиром не резать, цапель не пугать, а тем более всякую гадость в воду не бросать типа пустых бутылок. Денег за здешнюю вдохновенную рыбалку он не брал, но нарушители закона вернуться вторично не могли. Он живёт тут, и имеет право устанавливать условия. Дом у Корнилова, считай, у воды стоит. Не хуже украинского: трёхэтажная махина с пятью балконами, размером чуть меньше танцевальной площадки каждый. Хоть рояль белый или красный на них выкатывай да вальсируй за милую душу!

Эдьке ещё большие хоромы обещаны, но когда женится, когда ребятишки пойдут...

По случаю приезда корреспондента, Валентин Семёнович разрешил себе неурочный праздник. Обзвонил кого надо, и теперь ждал гостей: конечно же, Тарасова с дорогой свояченицей, тестя Федора Илларионовича с тёщей славной Ираидой Валерьевной, и сотоварищей по фермерской доле: Виктора Князева, Зелепукина Василия, Сергея Дорохина да Валю Новикова с Мурадхановым Мурадом Абдуллаевичем – с супругами.

Его стол знатым яствам Петренко ни в чём не уступал. А то и фору по некоторым статьям вполне мог дать разносолам Белоуса. Скажем, памятуя, что салу и русская душа крепко радуется, оно здесь достойно присутствовало по всем разрядам, включая варёное с луковой шелухой, шпик, в виде паштета с чесноком и тмином да копчёное лимонно-золотистое с сизой дымчатой поволокой. И рыба тоже была во множественности. Разнокалиберная. Но на первом месте ароматный розово-мясый зеркальный карп с крупными серебряными чешуйками, в некоторые из которых при бритье можно уверенно смотреться. Далее – мудрые караси пресладкие в белых сметанных королевских мантиях на листьях салатных уснувшие. «Мяско» царственно представляли густо соком подтекавшие кровянистым ядрёные тяжеловесные котлеты, какие хоть на совковую лопату принимай.

– А сало в шоколаде у вас имеется? – улыбнулся я.

Валентин Семёнович бодро вскинул седые раскидистые брови, точно усы у него росли на лбу:

– Чего-чего, а этого у нас нема, дорогой товарищ! На мой вкус не та консистенция у господина шоколада! Да и крепок он на зуб. Но на ваш прехитрый вопрос имеется у нас один особый ответ. Домашняя, как говорят кавээнщики, заготовка. Эдик, подавай!

И тотчас его сын вынес и торжественно водрузил на специально прибережённое место в центре длинного дощатого стола эмалированную миску средних размеров: она пузырилась сахарными зеленовато-жёлтыми дольками прозрачного мармелада с кусочками сала внутри.

– Ось це справа! – залюбовался собственным произведением Корнилов. – Моя дружина добре зробив! Кстати, в Древнем Риме сало называли «лярдо»! Музыкально звучит! Кстати, император Юстиниан даже закон такой издал: поставлять лардо в армию! Без перебоев. Чтобы его legionеры имели нужные силы для своих побед. А что, Эдка, есть настоящая победа по мнению Цицерона?

Молодой мужчина лет немного за сорок плечистый раскидисто, с шеей типа матёрого векового пня и пронзительно голубоглазый, простодушно вздохнул:

– Величайшая победа, батя – победа над самим собой.

Корнилов густо, уважительно засмеялся.

– Какие люди были! Вот его же фраза, Цицеронова. Из моих самых любимых: «Нет места милее родного дома!»

– Дома и солома едома! – проговорил подошедший к столу Алексей Кириллович Тарасов, утяжёлённо полный, с длинными комкастыми прядями пронзительно седых, сияющих волос на фоне красного комкастого лица, – ни дать ни взять некий придворный живописец или поэт царской эпохи. – У вас на столе, смотрю, чего только нет! А ещё говорят: нищета задавила русский народ! Здравствуйтесь, милые карасики в сметане! Котлетам тяжелоатлетическим наш пламенный «Физкультпривет!»

– Мы пока работаем – не сгинем, – словно для меня, для прессы специально придумал умную «народную» фразу Валентин Семёнович. – Зерновые – хоть на выставку. Да и животноводство у меня сильное. Я зоотехник со стажем! На сегодня в пределах ста голов свиней, двадцать пять КРС, пятьдесят овец, шестнадцать пчелосемей – пасека для баловства небольшая. А птица, так ту никто не считал. И не сочтёт. Птицы много разного калибра. А баранинка свойская курдючная – пожалуйста, говядинка – пожалуйста, поросятинка – то же самое. Люблю сало! Люблю мёд! Я за свою жизнь ещё не съел ни одного «гамнобюргера». И стараюсь, чтобы у моей семьи каждый день на столе была свеженькая, экологически чистая еда. Чтобы всякий бутор не покупали. Тот же хлеб – свой. Валюшечка своими руками его замешивает – чистое творчество!

Валентин Семёнович строго покосился в мою сторону: записываю я или нет?

– А ещё возим творог, сметану, молоко в райцентр – один раз в неделю. Там же – в детский сад. Как тут строго не соблюдать принцип: чтобы всё было свеженькое, натуральное. Как себе на стол, так и туда. Понимаете? В общем, живём. Наперекор разным там санкциям. С ними мы себя хозяевами на родной земле почувствовали! Упёрлись. За неё, милую, зубами держимся. А так, что главное? Работай честно и не ленись, показатели держи хорошие. Чтобы не имелось малой зацепки забрать у тебя землю. А силой никто её у меня не отберёт. Попробуй, тронь! Верно, Эдка?

– Ещё бы! Не сдюжат!!! – полыхнул улыбкой сын. – Хотел бы я поглядеть на таких смельчаков!

За столом после второй рюмки, как это часто бывает, решительно взяли верх женщины. Тон задавали Виктория и Ираида Валерьевна. Мужикам было велено вовсе исчезнуть. Ибо женщины сейчас примутся за свои бабьи горькие песни, и такое сугубо сокровенное страдание никому не хотят показывать.

И пошла песня, всколыхнулась, взялась бодро, врзлёт на степном раздолье возле большой вечерней воды печально багряного цвета, точно в нём только что само Солнце «утопло», загаснув.

– Выходил на поля молодой агроном,
Говорил, что земля вся в наряде цветном.

Хороша земля – мой край дорогой,
Люблю тебя всей русской душой!..

– Земля всегда земля. Везде и всюду, – продолжал Валентин Семёнович философски исповедоваться перед моим диктофоном. – И ей без человека никак нельзя. Так что интерес к ней сохранится на долгие века. Люди не скоро научатся хлеб и скотину в пробирке выращивать.

– А что же вы на отшибе устроились, Валентин Семёнович? – решил я таки вернуть его с небес на землю. – Бобыль – не бобыль. И не однодворец. Тяжело в селе вам со всем обществом жить? С вашим достатком. Никишинцы кулаком за глаза не называют?

– Что-то не то гуторишь ты, – судорожно зевнул Корнилов. – А где мне прикажете жить, как не здесь?

– Как где? Вы же после Украины в Никишино вернулись?

– В Никишино.

– А почему теперь у пруда обитаете?

– Вон ты, что, Господи!.. – качнулся вперед-назад Валентин Семёнович. – Ну, ты даёшь! Села моего семь лет как нет! В том самом пожарном две тысячи десятом в июле отпопыхало.

– Вместе с соседними Братками и Забугорьем, – встревожено встрял Эдька. – Это был наш огненный «чернобыль». Да вся Россия в две тыщи десятом горела! Разве забыли тогдашнее лето? Поначалу ведь думали – вредительство, теракты...

Корнилов резко, остро глянул мне в глаза, точно хотел с наскоку определить, стою ли я дальнейшего продолжения нашего разговора.

– Мама моя того времени не пережила, – вдруг вздохнул он так, что у него что-то в груди затрещало. – Сердце у ней отказало. Жарынь кругом... А когда я повёз её в областной морг, там к нему очереди двухкилометровые стояли. И так всё лето. А в газетах про то писать было запрещено! Кстати, и ты, наверное, даже сейчас не напишешь?

– Кто его знает, – усмехнулся я.

– И осталось от нашего Никишино восемьдесят семь гектаров пепелища!.. – горько поморщился Валентин Семёнович. – Да по ним, как могильные памятники, вкривь и вкось стоят рядами кирпичные печки. Шеи свои длиннющие к небу осиротело вытянули. Глядеть на это без слез было невозможно.

Корнилов зубами скрипнул, будто кусок стекла во рту раскромсал.

– Но я сорок гектар Никишинских у района так-таки отвоевал... Правда, дорогой ценой. Но ведь моя земля, родная! Кто ещё за нее заступится?

– Что же вы там посеяли на погорелье? Пшеницу? Свеклу? Или может быть сою?

– Ты ещё скажи – амарант розовый...

Все вокруг как-то неожиданно, напряженно замолчали.

– А поедем поглядим?.. – вдруг сдержанно, строго усмехнулся Валентин Семёнович. – Эдька, заводи «зверя»! Улыбка шесть на девять!

И торжественно добавил:

– И подай мне мою дембельскую фуражку! Парад буду принимать!

«Зверем» оказался, конечно же, уже не отцовский вермахтовский мотоцикл «Сахара», наконец ставший экспонатом райцентровского краеведческого музея, а японский квадрацикл. Техника, похожая на помесь мини-трактора с гоночным автомобилем.

Когда прыгнул квадрацикл с места, Эдька на всю громкость врубил свою любимую самоцветовскую песню «Мой адрес не дом и не улица, мой адрес Советский Союз!!!»

Под неё и неслись они напролом, со свистом, в клочья ломая ветки и тонкие кленовые стволы. Вылетели с рёвом на бугор, и тут Эдик резким вывертом руля заставил машину подскочить над землей и стать, будто вкопанная.

Внизу холма на былом погорелье раскинулся шеренгами, точно в строю навтыжку, молодой голенастый сад. Весь в переливах вызревших, ало блистающих яблок, будто накрыл его закатный розовый туман.

– Не смог я на месте родного села какую-никакую пшеничку сеять... Или ту ж кукурузу, – строго проговорил Корнилов. – Долго маялся: так что тогда? И вдруг сад захотел! Всей душой вспыхнул... И чтобы яблоньки одним сортом были – «комсомолка»... Как дома у нас когда-то. При отце да матушке.

– А знаете, как батя поначалу назвал свой сад?! – прыснул Эдик, подмигнув мне. Выждал мгновение с приоткрытым ртом, с которого вот-вот должно было сорваться имя. – Эдем! Вроде того, райского!

– Нечего языком трепать! – нахмурился Корнилов. – Езжайте взад водку пить. А я пока здесь посижу. Солнышко садится. Пожелаю ему доброго пути.

Мы забрались на квадрацикл, лохматый от чернозёмной грязи вперемешку с ветками и травой.

– Только по-батиному не вышло. Не прижился в народе его «Эдем», – хохотнул Эдька и уже в крик объявил через дерзкий рык «зверского» мотора:

– Люди сами прозвали сад!!! Никишиным!!! По селу! И пристало! Крепче крепкого!

Я вдруг оглянулся. Будто окликнул кто-то меня. Едва через это не слетел на дорогу. Уже ноги заскользили...

Корнилов-старший стоял спиной к нам. Весь какой-то вдохновенно напряжённый, по-армейски подтянутый. Его правая ладонь в строгом соответствии с Уставом строевой службы была чётко, торжественно приложена к голове, с нацеленным сугубо на висок отвердевшим указательным пальцем. Ни дать, ни взять, «батяня-комбат» на вечерней поверке на большом плацу.

Как Эдька потом мне объяснил, это ежедневный ритуал. Валентин Семёнович в любую погоду на этом холме шепотком называет фамилии былых никишинцев. Но длится такая перекличка недолго: фамилий коренных всего ничего, – Дорохины, Корниловы, Князевы, Зелепукины, Тарасовы да Лы-мари тож, хотя эти числятся в местных с некоторой натяжкой.

Ave, Caesar, morituri te salutant...

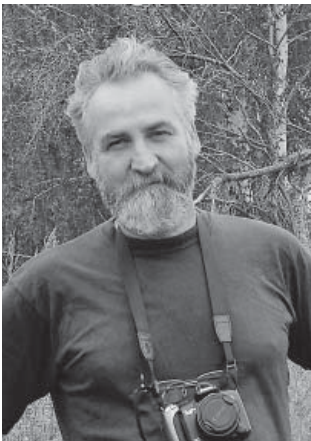

Проза

Александр Новосельцев

*Уважаемый, дорогой Александр Васильевич!
Примите поздравление с юбилеем, с 60-летием!*

С сердечным теплом и благодарностью мы отмечаем Ваш огромный талант, Ваше позитивное, здоровое мышление, утверждение справедливости, благородства и от всей души желаем новых литературных успехов, новых книг, любви, добра, новых радостных встреч друг с другом, верных друзей, читателей и почитателей!

Александр Новосельцев – член творческих Союзов: Союза Писателей России, Союза Писателей Сербии, Союза Архитекторов России, Советник Российской Академии архитектуры. Живет в Ельце и деревне Польское, рядом с Бунинскими Озерками. Пишет прозу, в которой преобладает тема родной земли, уходящей русской деревни и ее жителей. Проза А. Новосельцева, по словам В. Распутина «цельного и глубокого русского прозаика, подолжающего классическую традицию нашей словесности – не натужно, не от начитанности только, а свободно и органично, по природному велению», появилась на рубеже XX–XXI столетий. Первая же книга прозы А. Новосельцева «Пал» была отмечена высшей литературной наградой – Большой литературной премией России за 2006 год. Его успехи в области литературы отмечены также Всероссийской премией «Имперская культура», Шукшинской и Бунинской премиями, Патриаршей Грамотой.

Сваты

Рассказ

Весь сентябрь дожди то хлестали, пеня лужи с чуть торчащей из них, молодящейся гусиной травкой, то нудно сеяли, развозя в кисель дороги. В такую распутицу не только машины, но и трактора по ним проезжали с трудом. Октябрь распогодился: посветлели накатанные дороги, снова весело засуетились на деревьях воробьи. Несмотря на заморозки, воровато прихватывавшие по ночам верхушки трав в низинах, дни стояли звонкие, теплые и до того ясные, что из окон избы Чеботаревых, стоявшей на краю райцентра была видна за тридцать пять километров городская телевышка. В один из вечеров в дверь дома Николая Чеботарева постучали. Николай только что вернулся с работы и ужинал, поэтому когда он открыл дверь, на гостя, в котором Николай узнал своего дядю Матвея, от него вкусно пахнуло щами и чесноком. Последние десять лет дядя жил в деревне, километров за двадцать пять от Николая, а в городе у него была квартира, оставленная сыну с семьей. Дядю Николай видел редко, заезжая проведать, когда в его краю были какие-то дела, а дядя у него и вовсе был лишь один раз, в прошлом году на проводах сына в армию. Николай обрадовался.

– О! Дядя Матвей, здорово! Заходи.

Матвей молча пожал Николаю руку, вошел в сени, достал из кармана брюк бутылку, поставил на лавку у двери, чтобы не мешала разуваться.

– А я как раз ужинать сел. Пойдем на кухню, со мной поужинаешь. Наталья сегодня допоздна дежурит, еще с работы не пришла.

Матвей взял бутылку, прошел на кухню, поставил её посреди стола, сел.

– Вот... попроведать пришел.

– А-а! Это хорошо, – Николай достал из шкафчика два стакана, налил в тарелку щей, подвинул Матвею. Глядя, как дядька, открыв зубами бутылочную крышку, налил по полстакана, спросил: –

дядь Матвей, может грибков принести и огурцов с подвала? – Но Матвей остановил его взглядом из-под бровей и показал рукой – «Ладно, потом... садись». Николай сел. – Как там тетка Варя?

Матвей поднял стакан, вздохнул: – А чего ей исделается? – протянул его над столом. Николай с готовностью чокнулся...

Когда Николай вернулся из подвала, принес грибы и огурцы, дядька сидел, ворошил на голове волосы. Николай достал из стола еще одну бутылку. Пока накладывал в тарелки и резал хлеб, Матвей глядел на бутылку. Николай сел, разлил по стаканам, не дожидаясь Матвея, выпил, а тот все смотрел на бутылку, держал невыпитый стакан.

– Дядь Матвей, ты чего?

Матвей тяжело вздохнул:

– Как там без стекла?

Николай перестал жевать:

– Без какого стекла?

Матвей посмотрел ему в глаза:

– Да я когда уходил, так дверью саданул, где-то стекло аж посыпалось. А где – и не глянул. – И выпил залпом. Поморщившись, зацепил гриб, жевал, глядя в темное окно.

Николай положил локти на стол, спросил:

– Так ты что, поругался с тетей Варей и ушел?

– Да, еще вчера ушел.

– Вчера? А где ж ты был?

–А у стогу спал. Замерз, как собака. У чём был, у том и выскочил. Ночью шёл, да краешками, как вор... твою матушку совсем!

А чего не днем?

– Днем увидют. А я следы путал, чтобы ей кто не рассказал. Пусть-ка она там попереживает. Не все ж мне одному усю жизнь мучиться!

Николай откинулся на спинку стула:

– Ты прям как Лев Толстой!

– Да? – Матвей заинтересованно посмотрел на племянника. – А он чего?

– О! Да чего! Он, земляк наш, характер прояви-и-л, я тебе скажу.– Николай, вдохновленный намечаемым разговором и только что начатой бутылкой, почувствовал себя хозяином стола, стал неспешно разливать.

– Это какой Толстой? Который «Война и мир?» Так он вон где жил, паря, где-то под Тулой.

– Да! А помер-то у нас, рядом. Станцию «Лев Толстой» знаешь? Вот! Ты, дядь Матвей, как моя начальница. – Николай работал водителем, возил какую-то районную начальницу и при случае рассказывал про неё всякие истории. – Она, хоть и культурная, а про Толстого тоже ничего не знает. Про земляка-то! Ну, ни хрена себе! Всю жизнь проработала в исполкоме, а не знает, почему город называется Лев Толстой! Ну, я ей и рассказываю: там станция раньше была, она и сейчас есть, Астахово, ай, Астапова. Вот. Толстой у себя в Ясной Поляне жил, тут километров сто будет по прямой. Я заезжал как-то, когда в Москву за запчастями ездили. Он чего-то со своей женой поругался: та, вроде, говорит, мало тебе за книжки плотют, детей понарожали, а хозяйство содержать денег не хватает. Он с этого мясо есть перестал, сам босиком ходит, сам пашет, а она его все чего-то пилила.

Матвей скрипнул зубами:

– Вот зараза-то!

– Да! А Льву Толстому пришла пора помирать. А помирать он думал только в крестьянской избе, в самой простой. Вот как пришла ему пора помирать, он собрал все свои вещички в узелок и ушёл. Сел на поезд и уехал. Даже билет какой взял: не купейный, не эсвэ, а простую плацкарту, чтоб подешевле. Ему ведь надо, как он сам себе думал, в простой крестьянской избе помереть. Он ведь в Бога даже верить перестал. Не верил совсем. Тут ему царь телеграмму пишет: “Ежели ты в Бога верить не будешь, я тебя графского титула лишу”. Ей-Богу, так телеграмму ему и дал. Я что, брехать что ли буду? Ну, тот телеграмму получает, Лев Толстой-то, прочитал, ничего не сказал, только сел в поезд и поехал в простой избе помирать. А в Бога он совсем верить перестал, ай и не верил. Ну, приезжает он на эту станцию, и идет в музей помирать. Нет, чтобы в простую избу крестьянскую, ему лучший самый дом на станции подсунули. Ну, он и помер там. Так его и схоронили: глядишь в Ясной Поляне

на его могилку – такой вот бугорок зелёный стоит и ничего больше нету, не знаю, как сейчас, может денег выделили, памятник получше поставили. Все же человек-то известный, ни хрена себе – Лев Толстой! А чего он в Бога не верил, ты как думаешь?

– Я тебе, Коль вот чего скажу: чего он у Бога не верил – это дело его. Я вон сам раньше думал, что попы воду мутят, чтоб себе получше сделать. С кадилами ходят, машут. А у меня, может, насчет Бога-то свои мысли есть. Дело не в этом. – Матвей сжал в кулаке стакан так, что побелели пальцы. – А вот в чем я его поддерживаю, так это насчет баб! Это он у самую точку попал. – Он прищурился, развернул кулак и стал снова медленно сводить пальцы. – Я бы их усех, баб этих, узял бы у коробку спичечную, посовал бы в неё как спички, зарядил бы у пушку, да ка-а-а-к! шарахнул, чтоб только перья одни кругом! Или у космос. Пусть полетают, вечные наши спутники.

– Хэх! – Николай прищурился, крутнул головой. И у Матвея тоже вроде полегчало на сердце. Он тоже хотел улыбнуться, но вдруг вспомнил:

– Бабы мне эти!.. Тут вот у соседки зимой кобель издох, ну, не кидать же его на улице. Пришла, говорит: закопай. Ну, мы с соседом пошли, землю за огородом еле удолбили за два часа. Закопали. Говорим ей, ну теперь помянуть надо. Она: да разве кобелей поминают? Где ж у него душа-то? Где: я у ей спрашиваю? Да у раю! Она: как, у раю? Да вот так: сама, небось, у церковь, как чего, так бежишь, да на коленки падаешь, а я, считай, вроде как неверующий усю жизнь, да и то знаю, что у раю не только змеи соблазняющие живут, а и всякая тварь. Одних только людей из рая поперли. А через кого поперли-то мужиков, ай не знаешь? Яблочков им, бабам, захотелось! Пойдем, говорю соседу, от ней толку не будет, у меня бутылка есть, помянем душу новопреставленную, да яблочком закусим, у меня мочёная антоновка ядреная, так скулы и воротит.

– Так вы чего поругались-то?

– Да чего... Доняла она меня, за всю жизнь так доняла. – Матвей положил на стол руки огромными серыми ладонями вверх, как бы взвешивая на них что-то неопределенное. – И ведь чем доняла?! Ведь стерпел бы, но у ней слова – что кирпичи! Так по башке и хлещут: «Ты вечно!» – говорит, или: «Да у тебя сроду так-то!» Тут разве стерпишь? Я со своей картошку тяпаю, рядом идем, она – мне: «Видала я, как ты на свадьбе не в гармонь играл, а на сваху глядел! А на той неделе ты чего у магазин так долго мотался: уж, не у ней ли был?» Я молчу. «А ты то-то и то-то. Я опять молчу!! Она опять!.. Я ей объяснять по порядку, что и как, а она... – Матвей стукнул ребром ладони по столу. – У нас ведь как, скажи, языки разные! Скажешь ей – ничего не понимает! Да с ней разве поговоришь! Я слово – она десять. Я со злости быстрее тяпаю, вперед уйду... Ну, ушел. А обратно-то возвращаться навстречу! У нее как раз наберется всего с чертову кучу, пока намолчится, и мне – р-р-раз! – и выдаст! Ты сrrrr-р-роду!.. Тьфу! Так бросил бы да еще летом и ушел! Да летом ее разве бросишь? Жар вон какой стоял нынче летом, земля убьется, ее и топором не возьмешь, не то что тяпкой, – Матвей отодвинул тарелку.

Пока разговаривали, неслышно вошла Наталья, жена Николая. Увидела Матвея, улыбнулась. Николай развел руками:

– А вот и Наталья! – хотел встать. – Наташ, а у нас гость.

– Вижу, вижу. Сиди, Коля. Здравствуйте, дядя Матвей.

– Здравствуй, Наташа.

Наталья прошла в спальню. Николай выдвинул из-под стола табуретку, позвал:

– Наташ, есть будешь?

Та ответила из-за занавески:

– Да я не голодная. Устала за смену. Вы, дядь Матвей, извините, мы завтра поговорим.

Матвей тронул Николая за руку, шепотом спросил:

– Ты-то как, со своей?

Николай почесал затылок.

– Да Наташка моя – ничего. – Николай расправил плечи. – Хорошо с Наташкой сошелся, а не с Лариской. Чуть ведь, было, не женился на ней. Красивая была... Только как-то она мне сказала, – поморщилась так и сказала: «Что-то свинарником пахнет». Это я к ней на свиданье торопился и заскочил свинье дать. И ведь учуяла! А? А Наташка – все дела делает: и рассаду сама, и по дому, поросят тоже двух держим.

Николай зевнул:

– Может, тоже спать пойдём?

– Пойдём...

Матвей взял Николая за рукав.

– Коль, погоди... Ты как, если я у тебя поживу? А?

– Да живи, сколько хочешь. Хоть в Вовкиной комнате. Ему еще год служить.

– Так, значит, не прогонишь?

Николай приобнял дядьку за плечи, укоризненно глянул:

– Дядь Матвей! Да будет тебе!

– Ну, тогда отбой?

– Отбой.

Николай пошел в спальню, а Матвей – в маленькую комнатку за печкой. Слышно было, как Матвей долго не ложился, кряхтел. Минут пять он стоял у окна, там с краю знакомо скрипела половица, потом Матвей вздохнул и тихо заматерился. Половица замолчала, шаги осторожно направились к спальне. Занавеска на дверях нерешительно задрожала, Матвей, два раза тихо кашлянув, шепотом позвал:

– Коль... А Коль?

– М?

– Ты не спишь?

– А что?

– Выдь сюда.

Николай вышел. Матвей, словно извиняясь, зашептал:

– Коль, у тебя ручки с листком нету?

– Бумага что-ли? – не понял Николай.

– Да. Простая. Любая, чистая чтобы.

– Да тут где-то Володькины старые тетрадки были, если на растопку не пустили.

Он подошел к выключателю, зажёл свет.

– Чего зажигаешь-то? – испуганным шёпотом спросил Матвей и показал глазами на занавеску, висящую на двери спальни. – Разбудишь.

– А-а, ничего! – Николай поискал в шкафу, перейдя с шёпота на негромкий голос. – Она спит уже.

Николай нашел тетрадь, пролистал ее.

– Столько хватит?

– Хватит, хватит.

– Ты свет зажигай, если надо.

Николай зевнул и пошёл спать, а Матвей зажёл лампу на столе, присел на табуретку. Погрыз кончик ручки, почесал им в волосах и принялся писать. «Дорогая моя Варя...» Подумав, смял листок и, разгладив новый, написал на нём: «Жена моя Варя»... Просидев с час, то наклонясь близко над листом бумаги, то глядя в окно, он отложил ручку и перечёл написанное:

«Жена моя Варя. Ты, наверно, думаешь что. Я такой у тебя один дурак. Но дураки такие мужики, наверно, все. А есть и которые умные совсем на целый мир. Ты, наверно, про Толстова слыхала. Уж про него дурак не скажешь. И то хоть он на весь свет нашу горячо любимую родину прославил своим великим творчеством через огромный роман «Война и мир» с другими произведениями писательского творчества в сто томов. И то жена его понимала с трудом, а больше норовила подначить и учить своим бабьим умом. Вот так они и жили. Он учил бессмертным своим творчеством весь мир а она его, какой ложкой щи хлебать. А то он без неё этого не знал, а сам до ста лет чуть не дотянул. Попал он, как кобель у мышеловку. Послушал он ее притензии за всю свою жисть да ночью и ушел пешком, куды глаза глядеть. Щастья своего искать. Не дошёл, правда. Это я брехать не стану. Но главное, по своей воле он последние денечки прожил. Шёл полями широкими да лесами высокими, с родников воду прозрачную пил, тем щаслив был он свои последние денечки. А как помирал у чужих людей, так всю свою дорогу вольную споминал. А жену, говорит, мою приказывал хорошим людям, у которых помирал, не пускайте на дух близка. Не хочу от нее портить свое щастье, что нашел скраешку своей длительной жизни. Так ведь и помер, да так её до себя и не допустил, так он на неё осерчал через ее бабьи притензии до мужиков.

А ещё спрошу тебя, Варя, через чево и письмо пишу. Как там наша Зорька? Нищасная, наверна, стоит, благим матом орет нидоиная. Я ж её на своих руках выпестовал и ходил за ней, как за дитем родным. Ты тогда Соньке Бутовой скажи, пусть подоит, ежели ты у меня безрукая такая. А меня лутче не ищи, я у хороших людей в надёжном от внутренних органов милиции месте, и помирать пока что не собираюсь. А ежели собирусь, тебя приглашу ли, ни знаю. Силна на тебе пока сирчаю. Твой бизаветна преданный друг жизни, каторова ты за всю нашу совместную жись не ценила ни на вот столька. Кланяйся соседу нашему Дмитрию Михальчу и жене ево Соне, бириги карову, нашу кормилицу, как зиницу ока, и все мои гармони. Твой пока што муж Матвей Иванов Чеботарёв».

Перечтя, Матвей дописал: «Дети как приедут и будут успрашивать, где отец, скажи, пошел от такой хорошей жены босиком щастье искать». Подумал, хмыкнул: «ну, брехать ты здоров!», тщаательно зачеркнул слово «босиком», чтобы его нельзя было прочесть, потушил свет и лёг спать.

На работу Николай собирался рано, за окнами было ещё темно. Щёлкнув выключателем, прищурился от брызнувшего в глаза света. Матвей уже сидел у окна, одетый, тоже щурясь, обернулся к Николаю.

– На работу?

– Угу, – Николай зевнул, поставил чайник на плитку.

– Не рано?

– Аккумулятор подсел, может, подзарядить придется.

Николай отошел от зеркала, дунул на расческу.

– Садись, чаю попьем.

– Не, я не хочу. Мы рано не завтракаем.

– А чего встал. Полежал бы.

– Да я сроду не лежал, – Матвей отвернулся, вглядываясь в тёмное окно, сказал: – сейчас бы со скотиной крутился, за водой ходил. А у тебя вода в доме. Хорошо...

Николай налил в кружку чай, густо намазал на четвертку батона масла, громко схлёбывал парящий чай, хрустел кусочком сахара, и, откусывая большие куски, торопился жевать. Кивал головой:

– Угу... с водой – да! Второй год, как оттаскались из колонки. У меня с утра Наташка похозяничает. Ей к девяти. Ну, я пошел. – Николай отставил кружку, скинул в ладонь крошки со стола, втянул их губами. Утеревшись полотенцем, взялся за куртку.

Матвей кашлянул.

– Коль, ты скоро с работы придёшь?

– Не знаю... как получится.

– А пораньше не сможешь?

– А что?

Матвей глядел виновато.

– Может, вечером... съездишь ко мне? – упреждая вопрос, отгородился ладонью, убедительно сказал: – Один, без меня! Узнаешь, как корова, доеная или нет. Стекло еще это высадил. Может, в избе холодно, она хоть бы подушкой догадалась заткнуть. А? Только про меня ничего не говори, скажи – так заехал, мимо ехал по работе. Может она ещё и ничего?

Николай, задумавшись, побарабанил по столу.

– Вот эту... бумажку ей передай, – Матвей крутил в руках свёрнутый треугольником листок.

– Хорошо, давай. Я съезжу, – Николай протянул руку, но Матвей вдруг с досадой махнул рукой.

– Нет, Бог с ним, с письмом. Тебе ж нельзя выказывать, где я есть. Ты уж просто узнай: как там она, как дом. И все.

– Ладно, все узнаю.

Матвей вышел следом за Николаем. Стоя на крыльце, глядя на уходящего в темноту Николая, негромко окликнул:

– Коль!

– А?

– Ты мне дела какие-нибудь дай? Может, чего надо по дому – ты скажи.

– Да ничего не надо. Отдыхай, – и хлопнул калиткой.

Матвей постоял, слушая, как где-то вдалеке прогудела машина, как в хлеву у соседей в ответ на звякнувшую дужку подоюника нетерпеливо замычала корова. Вдохнул и пошёл в дом.

Наталья уже встала, затопила печку.

– Доброе утро, дядь Матвей.

– Здравствуй, Наташ.

– Завтракать давайте.

– Да... я уж с Николаем позавтракал, – он стоял у двери, мял в руке письмо.

– Как там тетя Варя – ничего?

– Ничего, – Матвей похрустел щетиной на щеке. – Все вроде по-старому.

– Были ваши-то? – Наталья поставила на плиту сковородку. Матвей отошел от двери, сел на табуретку рядом.

– Наши? Да... А вообще-то давно уж чего-то не было, как капусту резать приезжали.

– О-о! Вы уже капусту порезали?

– Да. Недели с три. В этом году, видишь, рано заохлодало.

Пока Наталья выходила дать поросьятам, на плите шкворчала яичница. Вернувшись, сняла сковородку, поставила на стол.

– Садись, дядь Матвей.

Но он торопливо ответил, отвернулся даже.

– Нет-нет, я уже... Ты завтракай, а на меня не гляди.

Наталья вышла из-за занавески одетая, погляделась в зеркало, поправила волосы.

– Дядь Матвей, у вас какие-то дела здесь?

– Да я... По пенсии вот, может...

– Пенсия? Так у меня в собесе знакомая работает. Давайте я с ней поговорю.

– Нет, нет, не надо! Я лучше потом сам схожу, в магазин ещё надо, пару ведер купить или бачок для воды.

– А... ну смотрите, если что нужно.

Когда за Натальей закрылась дверь, Матвей, поморщившись, выругался:

– Вот, твою мать-то... Как вор... на чужих санях кататься-то...

И, глядя в окно на ухидившую Наталью, длинно выдохнул:

– Э-э-эх...

Рабочий день подходил к концу. Николай оформил в конторе путёвки, вышел во двор. У его машины стояла Наталья.

– Ты что?

– Коль, чего там у дяди Матвея с тетей Варей?

– Да ничего. Спроси у него сама, если интересно.

Ничего он мне не скажет, только я вижу, у них не то что-то. Поругались?

– Ну, поругались.

– И он ушёл. Да?

Николай хмыкнул, взялся протирать лобовое стекло. Наталья остановила его, глядя в глаза, сказала:

– Коль, давай съездим к ней. Узнаем, что там у них было. Вижу ведь, мучится он.

Николай прислонился к двери.

– Я и так уже еду.

– Что, он сам попросил?

– Сам.

Наталья обошла кабину, открыла дверь, села в машину.

– Ты куда собралась?

– Я с тобой.

В доме Матвея Чеботарёва на тумбочке, на телевизоре, на шкафу, под тюлевыми накидками стояли гармони.

Варвара сидела у стола и, прикрывая рот краем платка, разговаривала с Натальей. Наталья больше слушала. Николай стоял на крыльце.

– Он позавчера на ране дверью хлопнул, аж часы устали, да ушел. “Уела мене” – только и сказал. А чем я его уела-то, и ума не приложу?

– Да Бог с ней, ссорой-то. Вы ж как-то сходились?

Варвара, мечтательно улыбнувшись, достала из шкафа целлофановый пакет, вынула оттуда пачку фотографий, отложив две-три, нашла одну, на которой была снята девушка с добрым, красивым лицом, с головой не манерно, но очень просто-естественно склонившейся.

– Мамочки! – тихо охнула Наталья. – Кто ж это? – Глаза ее широко и выжидательно глядели на Варвару. – Артистка, что ли?

Варвара, сдвинув платок, провела по волосам рукой и, склонив, как на фотографии, голову, вздохнула:

– Артистка...

– Батюшки! – догадалась Наталья и закрыла рукой рот, словно боясь сглазить, спросила: – теть Варя: ты, что ли?

Та, только чуть улыбаясь, качала головой.

– Боже-ж ты мой, да как же... вот ведь... – Наталья оживилась, глаза ее загорелись, она даже подвинулась ближе. – А вы, тетя Варь, о чем с ним говорили?

– Да об чем говорили-то... – Смотрела на фотографию: – он росточком пониже был, идет с гармоней, а я гляжу – какая сторона дороги по косогору пониже, по той и иду. Или если дорога ровная, я вот так, – Варвара чуть присела с табуретки, – чуть подберусь, чтоб он повыше казался, ему чтоб перед людьми неловко не было, – и идём с ним усю дорогу.

Варвара вдруг опять заплакала, трясась всем телом:

– Ой, да идеж он есть-то, да куда ж его ножки-то завели, ой, да не упал ли где по дорожке, не лежит ли на земелюшке холодной.

Наталья тронула ее за плечо.

– Теть Варь, да что ж ты так-то?

Но Варвара, словно не слышала, убивалась:

– Да зачем же ты ушёл-то, Матвеюшка, соколик мой... Да что ж ты мне слова-то доброго на прощанье не сказал. Ой, да откликнись-отзовись, друг ты мой сердешный. Ой, да подай мне хоть вестушку малую. Ой, да кричит-орет благим матом наша скотинушка, ой, да телевизир-то включить я не умею.

Николай, обеспокоенный печальными звуками, вошел в избу, глянул на Наталью и окликнул тётку с порога:

– Теть Варь! Ты чего это? Да чего ты по нём, как по покойнику, голосишь?

Он перебил Варварин плач, и она подозрительно спросила:

– А ты что: ай знаешь что про Матвея?

Николай замаялся, и Варвара всё поняла.

– Да где он есть-то? Чего молчишь-то?

Николай скрипнул с досады зубами. Варвара обернулась к Наталье:

– Да чего ж вы молчите-то? А? Приехали и молчите. Ведь знаете что-то?

Гости молчали как партизаны. Тогда Варвара всхлипнула, припала к Наталье:

– Наташенька, милая, знаешь что – скажи! Ну, чего ж ты все молчи-и-ишь-то?

У Натальи сердце разрывалось:

– Да не убивайтесь, теть Варя! Все у него хорошо.

Варвара, глянув на Наталью, твёрдо спросила:

– Где он есть? – и, чуть скривив губы – Живой?

Видя, что у неё слёзы были наготове, Наталья не выдержала, предупредила их:

– Да живой, живой он! Не волнуйся, тетя Варя! У нас он живёт.

Слезы у Варвары сразу высохли:

– И давно он у вас?

– Вчера пришел, вечером.

Николай, матерясь одними губами, только хлопнул по коленке и пошел опять курить на улицу. В дверях быстро глянул на Наталью, постучал сначала пальцем по виску, а потом прижал его к губам. Варвара обмякла, взяла Наталью за руки, умоляюще глядя ей в глаза, спросила:

- Наташенька, как он там? И где ж он был-то этих две ночи, с его радикулитом? Не у ней ли? Николай, всё еще стоя у порога, плюнул за него и почти закричал:
- Да нету у него, тётъ Варь, никого! Он же мне сам сказал! Вот ведь понапридумывают! Не разгребешь потом! Чего ж нам, шкуру, что ли с себя снимать, чтоб вы, бабы, поверили?
- Наталья обернулась к Николаю:
- Коль, подожди. – На что Николай только махнул рукой и вышел. – Да не волнуйся, тётъ Варя. Он сказал, что ночевал в стогу, чуть подмерз, но у нас тепло, он в Вовкиной комнате спит.
- Варвара совсем успокоилась, обернулась к иконе, спокойно перекрестилась:
- Слава тебе, Господи, живой-здоровый...
- Наталья, словно чувствуя за собой вину, заторопилась:
- Да всё у него в порядке, теть Варь, он сам-то переживает очень, только видно, гордость у него...
- Ой-ей-ей! – протянула Варвара. – Вот уж этого у него на семерых.
- Она обняла Наталью:
- Я, может за это его и полюбила, – вздохнув, она усмехнулась. – Ой, да чего там гармошка! Я бы его и без гармонии увидала. Глянь, какие глазищи у него, хоть и ростом не удался.
- Наталья засмеялась, обняла Варвару, приговаривала:
- Вот и слава Богу, и слава тебе, Господи... И чего вы хоть тут, как дети малые, всё делите?
- А у вас с Колькой чего, никогда до тарелок дело не доходило?
- Наталья мечтательно вздохнула:
- Да нет... Я если что – молчу. – Обернулась к Варваре. – Я ведь, тётъ Варь, люблю его. Он другой раз сиди-и-ит зимой в доме. Мороз на улице, все оконушки белыми веточками взялись – ничего не видать. Он си-и-и-дит, и в окошко губами ду-у-ует, и пальцем скребёт дырочку, ну, ровно маленький. Я сзади тихонько подойду: Ай ждёшь кого? Он вздрогнет, но виду не кажет, только соберётся, да скажет: тебя и жду. С работы. А у мене сердце всё прям захолонет.
- Наталья улыбалась, даже глаза рукой закрыла.
- Бабы успокоились, говорили тихо. Варвара рассказывала:
- А мы уж совсем собрались у город съезжать. Силы не те, да и рука никуда не годится. – Помяв пальцами левой руки правую кисть, показала, как тяжело, чуть не сердце заходится, даются ей эти движения. – Тёлку продали, одна корова ещё пока осталась. Гусей порубили. Усех. Индюхов тоже: из трех десятков два только осталось. Мы десять штук порубили, какие постарше, а эти ходют по двору, – Она даже наклонилась к полу, чтобы и самой увидеть, и показать, как они ходят, – Они к mine подойдут, стоять, глядеть на mine: не поймут, куда ж остальные подевались. А мне жалко их – сил нету. А Матвею, думаешь не жалко? Еще как! Он только виду не показывает, а как увижу – у него глаза блестять, отвернется, я и не подхожу. Он ведь всю скотину как маленьких детей любить. Жалостливый дуюе.
- Когда Николай, вдоволь накурившись, вернулся с улицы, у Варвары все отстоялось, улеглось, и она уже второй раз строго наказывала, теперь и Николаю:
- Вы когда поедете, Матвею ничего не рассказывайте, скажите только: всё хорошо, корова доена, ну... Всё скажи, хорошо...
- Возвращались в сумерках. Свет от фар на кочках плескался по краю берёзовых посадок вдоль дороги. Николай беззлобно, но с досадой спросил, выбрасывая окурок за стекло:
- Тебя кто за язык тянул: мол, у нас дядя Матвей.
- Наталья снисходительно посмотрела на мужа.
- А что ж, тебя, что ли, ждать, пока скажешь?
- А я бы ей ничего не сказал...
- Наталья вздохнула, и легко, чуть улыбаясь, сказала в лобовое стекло:
- Ох, Коля, Коля, я ли тебя не знаю?
- Николай серьезно и строго сказал жене, стараясь показывать, что теперь ему важна только дорога:
- В общем так. У ней мы были, об нем ничего не говорили, у ней все хорошо! Понятно?
- Чего уж там понятней, – Наталья смотрела на Николая, глядя его по плечу.
- Ну и вот! – успокоившись, сказал Николай, будто точку поставил.

Через три часа веранда Матвеевой избы светилась во все окна, хмельным голосом кричала на ней весёлая гармонь.

А Варвара, сидя за уставленным закусками и бутылками столом рядом с Матвеем, снова разбирала фотографии; всё время улыбаясь, показывала их склонившимся над ними с двух сторон Наталье и Николаю и рассказывала.

– Ой, да за меня ведь восемнадцать сватались, а этот дурачок, – она обращалась к Матвею, – девятнадцатый. Я ж, Наташенька, в двадцать пять лет замуж вышла. Нагуляться думала. Нюшка Хвостова моей подружке Полинке говорила: наконец-то, Варька Осипова замуж идёть, я хоть в первых девках теперь похожу. А я и не знала, что меня первой считали.

Наталья восхищенно глядела на Варвару:

– А хорошо быть красивой?

– А то нет!.. приятно! А какие за меня сватались!

Матвей накинул застёжки на меха гармони, скептически спросил:

– Эт какие же «красавцы»!

– Да хоть Лёшка скородненский.

– Это рябой который?

– Чего ж он, Матвеюшка, рябой? Лицо у него чистая была. Или хоть Семён...

– Это Сёмка, у какого ширинка на штанах сроду не застегивалась? – сказал Матвей, дотягиваясь горлышком бутылки до дальней рюмки.

– Да будет тебе! – Варвара махнула на него рукой и обернулась к Наталье: – ко мне первый раз сватались в 17 лет. Это в сорок пятом было, он только с фронта пришел. А мне ж на улицу выйтить не в чем было, не то что замуж. Мы ж погорельцы были. Дом у войну сгорел, отец землянку вырыл, мы в ней полгода жили, пока отец с братом наскоро из веток дубовых, – чуть только сучки пообтесали, торчат – домишко сладили, изнутри обмазали, побелили и картинками завесили, вроде как дом получился. Какое там приданое! Да я и сама не хотела замуж идтить. Я никогда не боялась, что замуж не выйду, потому и не торопилась. Сваты, бывало придуть, а я на ферме, кой в чем одетая. Полинка, подружка, прибегает, кричит: «Варька, переодевайся скорее, к тебе сваты пришли». Ой, говорю, опять. Да кто хоть? Она – «такие-то». А ну их, говорю, Полинка. «Да ты что!» Глаза у ней – вот такие вот! «Батюшки! Да ведь сваты! И как ты отказывать не боишься? Варька, пошли!» А я переоделась и айда на гулянье у Круглую.

– А сваты как же?

– А сваты посидели-посидели, да так и пошли. Сёмка, жених вышел, плачет! Брат мой ему говорит: «Брось, Сёмка, другую найдешь». А Сёмка – нет, другой такой на усём свете не найду. Так мне брат потом и проговорился, как Сёмка сказал: «на всем свете такой не найду». Я вечером домой прихожу – отец на меня: «такая-растакая! ты чего меня позоришь»? Грозился, но меня пальцем не трогал. А я его хоть и боялась, а как увижу – другие сваты идут, он тоже видит, мне и говорит: «смотри, Варька! Из дома ни ногой!».

Матвей улыбнулся:

– Это когда ты три платья меняла?

Варвара засмеялась:

– Да... Как отец приказал, стою у избе. Ну, отец, сватья о своем говорят, у них бутылка на столе, а жених тоже стоять, на меня глянуть боится. Отец мне шепчет: «Иди к Полинке, у неё платье, может, какое получше, надень». Я к Полинке сбегала, платье её надела, назад вертаюсь. Опять стою, жених тоже подойти боится. Отец ещё выпил, говорит: надевай другую платю, еще чтоб получше! Мы с Полинкой из избе выбежали, да прямо на Круглую, деревня такая была.

– И что же, тётъ Варь?

– Да что... Прибежали на Круглую, а тут он.

– Кто?

Варвара засмеялась.

– Да кто, вот он, Матвей со своей гармонью.

Матвей, довольный, спросил Варвару:

– Ну и где они, все твои восемнадцать? Там? – и показал в пол. – А я – вот он, – расправил плечи, и из-под ворота рубахи глянули полосы тельняшки.

– Да ладно тебе, не все. Семён скородненский жив ещё, Лёшка глотовский тоже, видала недавно у городе. Какие они все ребята были хорошие. Красивые, высокие...

– Все сохнешь, поди, по ним-то?

– Ай не видишь, уся иссохлась. Ты-то по той рыжей, что на свадьбе была, совсем истратился. Так что молчи уж, девятнадцатый...

К полуночи потеплело. Скрылись звёзды; и подошедший к деревне с полуночной стороны заморозок, испугавшись спустившегося к прудам тумана, отступил к верхушке поля.

Долго ещё светились окна чеботарёвской веранды, долго потом прощались на улице, никак не могли уехать Николай с Натальей, слушая частушки под переборы гармони. Они уже сидели в машине, когда Матвей снова потянул меха, обернулся к Варваре и громко запел:

Ой ты, милая моя,
Чем обидел я тебя?
Купил платью и платок,
Сам остался без порток.

На что Варвара сразу ответила:

У миленка моего
Восемнадцатая я,
Собирай, милый, бригаду:
Бригадиром буду я!

Трогаясь, Наталья выглянула в окно: Матвей с Варварой так и стояли под руку, глядя вслед отъезжающей машине. Одного роста, одинаково счастливые. Время всё равняет.

Проза

Александр Чумиков

Чумиков Александр Николаевич. Родился в 1954 году в Москве. Закончил факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. Работал в комсомольских и партийных органах, в средствах массовой информации, ведущих коммерческих структурах, общественных организациях и ВУЗах страны. К 2018 году – генеральный директор коммуникационного агентства «Международный пресс-клуб» (www.pr-club.com), главный научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, профессор Российского университета дружбы народов. Кандидат философских наук, доктор политических наук, профессор. Автор 35 учебников, учебных пособий, монографий по

проблематике связей с общественностью, медиа, антикризисных коммуникаций; нескольких сотен публицистических материалов в общероссийских, московских, региональных газетах и журналах. В художественно-документальной прозе дебютировал в 2008 году с мемуарной книгой «Записки PR-профессионала» (Издательство «Питер») о собственной деятельности в самых известных российских и международных PR-проектах 1991-2008 годов; в 2016 году в литературно-художественном журнале «Берега» (г. Калининград) опубликовал повесть «Москва-400: едем мы из Жанжибая» о Советской Армии 70-х годов, открытых и ранее секретных страницах собственной службы в армии в СССР и за рубежом. Лауреат премии Союза журналистов России.

Кам-са-мол!

Повесть

Москва, 1918–2018

О книге

Раз в сто лет случаются существенно значимые события. И это событие случилось. Повесть про Ленина. И про Брежнева. Про Багрицкого. И про Гайдара. Про Евтушенко и Пахмутову. Про драки во дворах. И про пионерлагеря. Про Высоцкого. И про Визбора. Про немецкого гауптмана Грота. И про австрийского горновосходителя Кропфа. Про дедовщину. И про романтику. Про Китай и Болгарию. Про московский пивной завод имени Бадаева. И кавказский альплагерь Узункол. Про пионеров на Мавзолее. И про медали на больших грудях. Про «обычную» школу и необычный райком. Про ту «Метлу». И не про ту ещё «Горбушку». Про то, как вместо обещанного ранее коммунизма объявили Олимпиаду. Про то, как всё начиналось, продолжалось и не закончилось. В общем, про кам-са-мол!

Ой, кто это? Во-о-от! А фамилии и события все естественные? Конечно – как и в любом художественном произведении...

100-летию ВЛКСМ – Комсомола и всем тем, кто помнит или хочет узнать о жизни в нашей стране 60-х, 70-х, 80-х годов прошлого века посвящается

Пролог.

Кремлёвский Дворец съездов. 1978-й

Стремительно стареющий и болеющий генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев (он же просто Ильич, он же дорогой Леонид Ильич, он же Лёня) прошествовал на трибуну Кремлёвского Дворца Съездов (КДС):

«Дорогие друзья!

Сегодня мы отмечаем большое, и я бы сказал, очень волнующее событие в жизни нашей страны, всего советского народа – 60-летие славного Ленинского комсомола...

Всеми нами, и молодыми, и теми, у кого за плечами долгие, порой нелёгкие годы – владеет одно чувство – чувство огромной признательности и благодарности Союзу молодых коммунистов...

Идейную закалку в нём прошли миллионы советских людей. Когда мы говорим слово «комсомол», то каждый из нас вспоминает свою юность. Одни – грозные атаки Первой Конной. Другие – палатки у горы Магнитной. В памяти встает штурм Берлина, битва за целинный хлеб...».

Мы, конечно, не помним Первую Конную и Магнитку. А вот про остальное наслышаны. Из бессмертных произведений «Малая земля», «Возрождение» и «Целина», которые опубликованы как раз в этом, 1978-м году в журнале «Новый мир». Это он, дорогой Леонид Ильич, отстаивал Малую землю, чего-то возрождал, а затем боролся за целинный хлеб. Кто ж против? Никто и не против.

Мы, комсомольцы центрального района Москвы, сидим в первом ряду КДСа, что само по себе является неслыханной наградой (а как же, заняли ведущее место в каком-то важном соревновании), и, хорошо зная орденосную историю Всесоюзного Ленинского, перешёптываемся:

«Ну, что, в 1928-м, к «десятке», комсомолу дали Орден Красного Знамени за боевые заслуги в гражданскую. В 31-м, вне юбилеев, вручили Орден Трудового Красного Знамени за первую пятилетку. Ударничество, соцсоревнование и всё такое. В 45-м – понятный вопрос, заслужили Орден Ленина за Великую Отечественную. В 48-м опять такой же, но юбилейный – за «тридцатку». В 56-м – ещё один Орден Ленина, за ту самую целину под мудрым руководством. Наконец, в 68-м – Орден Октябрьской Революции, к «полтиннику». А теперь что дадут?»

Дорогой Леонид Ильич продолжал:

«...Комсомольцы 70-х приехали в этот зал с магистрали века – БАМа, с «Атоммаша», с полей Нечерноземья...

На боевой гимнастёрке и рабочей спецовке комсомола по самой большой справедливости сияют высокие награды Родины. И сегодня мне особенно приятно вручить комсомолу...».

«Да ну? Новый орден изобрели?».

«Во!».

«...новую награду...».

«Ну, я же говорил!».

«...памятное Красное Знамя Центрального комитета нашей партии... Старшее поколение пронесло это знамя через рабочие маёвки, бои на баррикадах, через Дворцовую площадь в дни штурма Зимнего. И с этим знаменем наш народ под водительством партии победил!».

«Знамя? Э-э-э... Маловато будет! Кстати, когда Знамя вручат, президиум пойдёт в первый ряд садиться, а нас-то куда?».

Секретарь райкома Валентина Андреева снисходительно произносит:

«Попросят».

«...что ли, пошлют?».

«Зачем так далеко?! Скажут: спасибо, вы нам очень помогли, а теперь на каком-то ряду подальше вам будет гораздо удобнее».

Брежнев завершал:

«...Будем же верны Знамени мира, дружбы, солидарности, братства трудящихся всей земли! Будем же во всем верны нашему Красному Знамени Революции!».

Вручая это знамя в ваши молодые, крепкие руки, партия твёрдо уверена, что вы достойно пронесёте его до полного торжества коммунизма...».

Перед Леонидом Ильичом как из-под земли вырастает первый секретарь ЦК ВЛКСМ, 45-летний, молодой и крепкий, Борис Пастухов. Некто, ещё более молодой и крепкий, вкладывает в руки генсека Знамя. Брежнев берёт его и ... не удерживает, Знамя начинает падать вниз. Зал замирает.

Сразу несколько молодых и крепких ловят Знамя на лету – фантастика, но оно не долетает до земли, а вновь в руках у генсека! Вторая попытка передачи Знамени Пастухову удачна. Первый комсомольский секретарь переполнен пережитым ужасом и наступившим восторгом.

Нас, сидящих в первом ряду, и вправду благодарят и показывают, куда удобнее переместиться.

Зал встаёт и скандирует:

«ЛЕНИН! ПАРТИЯ! КАМ-СА-МОЛ!».

Потом банкет на банкетном же этаже КДС, у каждого райкома свой стол. Наливаем – выпиваем – обмениваемся. Кто чем: словами, столами, женщинами. И снова все хором, с реальным энтузиазмом, громкой речёвкой:

«ЛЕНИН! ПАРТИЯ! КАМ-СА-МОЛ!».

Потом концерт. Космонавты поздравляют комсомол, артисты, учёные, все молодые и крепкие. А молодая и крепкая Алла Пугачёва выходит и говорит:

«Я очень люблю комсомол. Хотя вообще-то недавно вышла из комсомольского возраста. Но девиз остался прежним: не расстанусь с комсомолом – буду вечно С молодым! С днём рождения, комсомол!».

И опять, с перекатами:

«ЛЕНИН! ПАРТИЯ! КАМ-СА-МОЛ!».

Но это потом. Да, это потом...

ГЛАВА I.

Пионеры Кунцева, пионеры Сетуни, пионеры фабрики Ногина (60-е)

Рухнула плотина,
И выходят в бой
Блузы из сатина
В синьке грозовой.

Над больничным садом,
Над водой озер,
Двигутся отряды
На вечерний сбор.

Заслоняют свет они
(Даль черным-черна),
Пионеры Кунцева,
Пионеры Сетуни,
Пионеры фабрики Ногина...

Э. Багрицкий, «Смерть пионерки», 1932 г.

Космос и кукуруза

Да, боль, печаль по умирающей пионерке Вале в поэме Эдуарда Багрицкого. Но одновременно – восторг! Это мы – отряды, которые движутся на вечерний сбор. Это мы, выходящие в бой. Это мы – пионеры Кунцева, пионеры Сетуни, пионеры фабрики Ногина!

Места как раз те, где сейчас улица Багрицкого. Занятно, что до переименования в честь поэта она называлась Пионерской.

Знаете, в гостях у Багрицкого бывал Аркадий Гайдар, автор абсолютно «пионерского» рассказа «Тимур и его команда».

Как всё замешано, однако. Получается культовое пионерское место!

Через тридцать лет после того, как появилось стихотворение про пионерку, я пошёл в первый класс. Октябрьскую звёздочку с профилем «когда был Ленин маленький с кудрявой головой» повесили очень быстро, так что даже помечтать о ней не успел. А вот красный пионерский галстук – это да! Это мечта! И те, кто носит эти галстуки, ребята всего-то на пару лет постарше – крутые авторитеты, как бы сказали сейчас. Тогда слов «круто», «крутой» не произносилось. А почётное и всеми узнаваемое слово «пионер» знали.

«Я, Иванов Александр, вступая в ряды Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина, перед лицом своих товарищей торжественно клянусь:

- горячо любить и беречь свою Родину;
- жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия;
- всегда выполнять законы пионеров Советского Союза...».

Эта пионерская клятва помещалась даже на обложке школьной тетради, и наизусть её мы знали задолго до ритуала вступления в пионеры.

А я и вправду Иванов Александр. Получилось вообще чудно: отец мой звался Иванов. Одна сестра отца вышла замуж за Иванова. Дочь второй сестры тоже вышла замуж за Иванова! Постепенно развелось нас, Ивановых, несметное количество. Создавалось впечатление, что другие фамилии очень редки.

Жили мы в уже упомянутом Кунцеве – районе, который только-только отнесли к Москве, а раньше значился Московской областью. Да и в начале 1960-х рядом находилась деревня Давыдково, с коровами, курами, огородами. Деревенские ходили в школу вместе с нами, жителями каменных домов, а мы ходили к ним – за молоком, картошкой, яблоками.

Так случилось, что квартира наша находилась в доме, расположенном, как в сказке про избушку на курьих ножках: ко двору задом, а к дороге передом. Три дома из «каре» глядели подъездами друг на друга и во двор, один наш – вовне. И повернуться, в отличие от избушки, никак не мог.

Хотите взглянуть на этот дом? Будьте любезны! На месте прежней воинской части вырос бункер МЧС России. Посмотрите на него – очень интересно, а заодно и на четырёхэтажный кирпичный снаружи и абсолютно «хрущёвский внутри» дом.

Что значит «хрущёвский внутри»? А то. Открываешь дверь в квартиру, а там распахиваешь одновременно двери в комнату и в туалет. Всеми тремя дверьми можно постучать друг о друга. Входишь к комнату, а напротив, в полутора метрах, дверь в кухню. Наискосок – дверь в смежную комнату! Что, плохо? Отлично! После коммунальной комнаты в деревянном двухэтажном доме с печным отоплением и уборной на улице в районе «Сокола» эта кунцевская «двушка» казалась хоромами!

Среди жильцов дома много офицеров, в их числе и мой отец. Пацаны из других домов звали нас за это «офицерские» и цеплялись при каждом удобном случае.

«Ну-ка, офицерские, сбросились быстренько по десять копеек».

Дальше, как обычно, описано и ушло в анналы:

«А если найду?»

– То чо?

– Получишь люлей!».

Иногда люлей навешивали. Мы поначалу бежали жаловаться родителям. Но дело в том, что у большинства ребят отцы прошли войну, имели собственные представления о поведении в подобных ситуациях и в ответ на наши жалобы говорили:

«В следующий раз дай ему в нюх! А если наскочут сразу много на одного, вот тогда приходи ко мне. Я им и их папе объясню существительные. И прилагательные».

Объясняли. После чего драка один на один стала в большинстве случаев правилом, однако не единственным. А за кем победа – это уж как выйдет.

Тырили у отцов сигареты, а чаще – папиросы. Да и в киоск пойдёшь, спросишь «Памир» за десять копеек с присказкой: «Папа просил купить, на работу торопится». Что ж, продавали, тогда «драконовские» законы и таблички «Лицам до 18...» и «Предъявите паспорт» ещё не сочинили.

В «офицерском» доме присутствовало две категории «бойцов»: одна – мой возраст, другая – на три-четыре года старше, уже гордо носившая красные пионерские галстуки. Входящие в категорию по справедливости считались старшими товарищами и, неформально, «учителями жизни».

Здесь и далее стоит объясниться. Теперешние московские дети во многих случаях растут «под колпаком»: дом – школа – репетитор – какой-нибудь кружок или секция – опять дом, часто даже и с охраняемой территорией. А мы-то росли во дворах, в самом широком смысле этого слова, и поведение дворовое наше контролировалось взрослыми минимально. Отсюда пионерская, комсомольская и прочая убежденность вполне соседствовали с вредными привычками и хулиганскими поступками.

Какое было время, такое и было. И с позитивом, и с проблемами, не меньшими и не большими, по своей совокупности, чем в любое другое.

Когда учился в первом классе, те, которые уже носили галстуки, спросили:

«Куришь?»

«Нет», – говорю.

«Так пора!».

И дали попробовать. Закурил. «Старшие товарищи» курили даже в школьном туалете. Но нам запрещали:

«Рано тебе ещё тут курить! А ну, пошёл вон отсюда! В овраг деревенский шуруй, там и затягивайся!».

Шли в овраг. Воровали картошку на деревенских огородах. Разжигали костёр и пекли картофелины под папироску. Перед приходом домой, понятное дело, сосали какую-нибудь карамельку, чтобы отбить запах.

Что за атмосфера ощущалась вокруг? Если говорить о глобальных вопросах, то ни про какую «оттепель»: что это такое и с чем её едят, мы слыхом не слыхали, хотя и жили в те самые 60-е, – термин придумали, осмыслили и стали трактовать много позже.

Зато активно встречалось в пространстве словосочетание «культ личности», впрочем, сути его мы тоже не понимали. Я обращался к родителям за разъяснениями, они упоминали Сталина и что-то такое не очень хорошее (плюс обязательно хорошее!) с ним связанное. На миллионах репрессированных как-то не акцентировались, видимо, остерегались, да и не знали многого. Поэтому, наверное, и выходила непонятка. Зато хорошо понималось про сталинскую кунцевскую дачу – вот она, рядом, под высоким зелёным забором: летом возле него в войнушку играем, а зимой на лыжах и санках катаемся.

Про Никиту Сергеевича Хрущёва лучше понимали! В магазинах стало мало пшеничного и ржаного хлеба и много кукурузного. И дети, копируя взрослых, называли генсека КПСС «хрущ» и «кукурузник». Хороший Хрущёв или плохой? Да после смещения с высших партийно-государственных постов в 1964-м году его не больно-то вспоминали, память о Хрущёве «вернулась» в годы перестройки. И тогда мы с удивлением узнали, что, помимо партийных должностей, он во время Великой Отечественной войны был членом военных советов шести фронтов, закончил войну генерал-лейтенантом; что сын Хрущёва, Леонид, лётчик, погиб в 1943-м в воздушном бою...

Но вообще-то я не про это, а про детские впечатления! Как говорится, про то, что испытано на собственной шкуре...

Мать у меня родилась в деревне Казеевка Пензенской области. Там оставался бревенчатый дом под соломенной крышей, куда мы приезжали летом. Дошкольником я проводил там целое лето и, с желанием или без такового, знакомился с основами сельхозпроизводства. Вот тут рожь сеют, тут горох, тут гречиху.

При Хрущёве большинство полей отдали под кукурузу! Колхозный агроном, самородок с тремя классами образования дядя Герасим рассуждал:

«От ведь враг, а? Дык где пашеничка растёт, кукуруза не вызреет. Разве что на силос!».

Следом – огородный табачок в газетку и витиеватые нецензурные тирады.

На фото в газетах мы разукрашивали Хрущёва, подрисовывали ему усы, шевелюру вместо лысины, огромные уши. Никогда, никому и ничего за это не было. Ну, мол, дети, шалят.

И за анекдоты (именно в 60-е, по большому счёту, в массовом порядке появились анекдоты) никак не преследовали. Вспомним эти анекдоты:

«Приходит Хрущёв к врачу и говорит: «Грудную клетку расширять надо». Врач спрашивает: «Зачем?». Тот отвечает: «Ордена уже вешать некуда».

Никита Сергеевич был Героем Советского Союза и трижды Героем Социалистического Труда. Позднее в этом анекдоте Хрущёва благополучно заменил следующий генсек, Леонид Ильич Брежнев.

Или вот:

«Как живёте?» – шутит Никита Сергеевич, обращаясь к колхозникам. «Хорошо живём!» – шутят в ответ колхозники.

Ещё:

«Прилетают американские астронавты на Луну. Планируют: здесь это построим, здесь – вот это. Тут вылезают откуда-то жители Луны и говорят: «Не получится!». – «Почему?». – «До вас прилетал маленький, лысенький, всё кукурузой засеял!».

Самое время перейти к космосу. Захватывающий дух космос с лихвой компенсировал не любимый кукурузный хлеб. На-и-зуть, как таблицу умножения помнили: 1961-й – Гагарин и Титов, 1962-й – Николаев и Попович, 1963-й – Быковский и Терешкова, 1964-й – Комаров, Феоктистов, Егоров...

Вот тогда и родилось, и стало серьёзным то, что теперь осталось шуткой:

«Ты кем хочешь быть?»

«Космонавтом!»

Страна ликовала! И что значит временные трудности с хлебом и колбасой, когда в учебнике для начальной школы «Рассказы по истории» чёрным по белому написано: «В 1980-м мы будем жить при коммунизме». Верили. И в Москве, и в далёкой деревне Казеевка, куда ещё не дошло электричество. Ничего, дойдёт, вместе с коммунизмом!

А пока мы лакомились «космической едой»: в магазинах продавались сгущёнка и кофе со сгущёнкой в металлических тюбиках.

И мечтали о том времени, когда, наконец, стукнет мальчишкам и девчонкам десять лет – именно в этом возрасте возникнет полное право претендовать на громкое звание юного пионера Советского Союза.

Мы не шайка и не банда

Можно, конечно, побрюзжать: вот раньше было время, а теперь... Вот прежде были герои, а куда они нынче делись?

Но лучше вспомним написанную Гайдаром-кунцевчанином «Сказку о военной тайне, Мальчише-Кибальчише и его твердом слове». Там буржуины задаются вопросом: какая-то у Красной Армии военная тайна? Зададим его применительно к сегодняшнему дню: какая-то тайна в том, что каждый мальчишка в 60-е мечтал стать пионером?

Ответ прямо в той сказке 30-х годов и даётся, причём, актуальный, – и для 60-х годов прошлого века, и даже для века XXI-го.

Да, там есть коллективные персонажи в виде Красной армии и Чёрных буржуинов, но есть и их индивидуальные представители.

Мальчиш-Кибальчиш призывает других мальчишей идти на подмогу Красной Армии. И все пошли на подмогу.

«... Лишь один Мальчиш-Плохиш захотел идти в буржуинство. Но такой был хитрый этот Плохиш, что никому ничего не сказал, а подтянул штаны и помчался вместе со всеми, как будто бы на подмогу. Бьются мальчиши от темной ночи до светлой зари. Лишь один Плохиш не бьется, а все ходит да высматривает, как бы это буржуинам помочь...».

Получается, что дело не столько в «красных» и «чёрных» (которые на самом деле «белые»), а в том, что Кибальчиш – боец, а Плохиш – предатель.

Кибальчиш – «гордый, и не сказал он нам Военной Тайны, потому что такое уж у него твёрдое слово», – отмечали сами буржуины. И погиб Кибальчиш.

А Плохиш получил «целую бочку варенья да целую корзину печенья. Сидит Мальчиш-Плохиш, жрёт и радуется». И слово у него не твёрдое, а предательское.

А потом:

«Плывут пароходы – привет Мальчишу!
Пролетают лётчики – привет Мальчишу!
Пробегут паровозы – привет Мальчишу!
А пройдут пионеры – салют Мальчишу!»

Но Плохишу-предателю – хрен с горы, никаких приветов.

На таких вот сказках нас, ещё маленьких, воспитывали.

А тем, кто постарше, предназначался уже немного другой Гайдар, как раз с кунцевской историей

«Тимура и его команды». Тимур, как бы сейчас обрисовали, социально ответственный пионер, волонтер с акциями благотворительности. Отсюда до сих пор бытующий термин «тимуровцы».

Антипод – Мишка Квакин с компанией, «покоритель» дачных садов: и по-тогдашнему, и по-нынешнему – шпана, хулиган.

Сторонники Тимура:

«Мы не шайка и не банда,
Не ватага удальцов,
Мы весёлая команда
Пионеров-молодцов...»

Сторонники Квакина – так, сборище. Но не совсем пропащие: в конце рассказа Мишка Квакин не «перековывается», но вроде как «пошатывается», «колеблется», вот-вот (за пределами рассказа) перейдет на сторону пионеров-тимуровцев.

Вполне правдоподобно! В «Республике ШКИД» Григория Белых и Леонида Пантелеева бывшие беспризорники, хулиганы и бандиты просят создать в школе-интернате... пионерскую организацию. Получив отказ, создают её подпольно.

Но это художественные герои. А были и настоящие – кто ж из детей не знал их имён. И споры возникали лишь о предпочтениях: какой герой кому больше нравится. Ну, так давайте с позиций сегодняшнего дня посмотрим на тех, кто нравился мне тогда и о ком мнения менять и теперь нет никаких оснований.

* * *

Валя Котик, украинец, 1930-го года рождения, успел закончить всего пять классов. Когда немцы оккупировали Шепетовский район (Украина), мальчику исполнилось 11 лет. Уже осенью 1941-го вместе с товарищами убил главу полевой жандармерии, бросив гранату в машину, в которой тот ехал.

В 1942-м принят в ряды местной подпольной организации, в качестве разведчика, потом ушёл в партизанский отряд.

На боевом счету пацана успешные подрывы шести складов и железнодорожных эшелонов, а также многочисленные засады. В октябре 1943-го стоял на посту, как вдруг появились каратели. Мальчик успел застрелить вражеского офицера и поднять тревогу.

Валя получил Героя Советского Союза в 1958-м, посмертно. Но и при жизни награждён орденом Отечественной войны I степени и орденом Ленина, а также медалью «Партизану Отечественной войны» II степени.

Особо недоверчивые, дабы как следует понять суть происходившего, пусть познакомятся с процедурой награждения и статусом орденов и медалей в период войны. «Накрутить» такое для 13-летнего мальчишки-кибальчишки было невозможно.

В феврале 1944-го (11 февраля Котику исполнилось 14 лет) Валя получил смертельные ранения и умер.

* * *

Лёня Голиков родился в 1926-м. По возрасту в начале войны вроде уже комсомолец, так что это меняет? Бригадный разведчик 4-й Ленинградской партизанской бригады, которая действовала на территории Новгородской и Псковской областей. Участвовал в 27 боевых операциях, уничтожил 78 немцев, два железнодорожных и 12 шоссейных мостов, два продовольственно-фуражных склада и 10 автомашин с боеприпасами.

В августе 1942-го, возвращаясь из разведки, гранатой подорвал легковую машину, где находились немецкие военные. Застрелил из автомата шофёра и пассажиров, доставил в штаб бригады портфель с документами, в их числе чертежи и описание новых образцов немецких мин, инспекционные донесения вышестоящему командованию и другие секретные бумаги.

За доблесть и отвагу награждён орденом Ленина, орденом Отечественной войны I степени, медалью «За отвагу» и медалью «Партизану Отечественной войны II степени». Погиб в бою в январе 1943-го. Ещё при жизни представлен к званию Героя Советского Союза, присвоено в 1944-м.

* * *

Зина Портнова тоже родилась в 1926-м. Работала посудомойкой в столовой, где питались офицеры, направленные на курсы переподготовки. Зина отравила еду и сама чудом избежала смерти: немцы заставили её есть из тарелки с отравленным супом, она взяла ложку и стала есть... От яда её спасала бабушка с помощью народных средств, девочка выжила, а вот больше ста немецких офицеров – нет.

В Белоруссии, в партизанском отряде вступила в комсомол. В 1943-м арестована, её склоняли к выдаче членов подполья. Один из допросов закончился тем, что Зина сумела схватить пистолет следователя и убить его самого и ещё двух немцев, присутствовавших при допросе. Попытка бегства не удалась, Зине выстрелили в ногу. А когда она попыталась застрелить себя последним патроном, пистолет дал осечку.

До своей казни Портнова прошла все круги ада: выкололи глаза, искалечили, загоняли иголки под ногти и прижигали кожу раскалённым железом. Зина не дала никаких показаний. Опять мальчиш-кибальчиш, твёрдое слово и военная тайна.

В январе 1944-го года искалеченную, слепую и абсолютно седую 17-летнюю девушку расстреляли на площади в Полоцке.

Наград при жизни получить не успела...

* * *

По всему миру прошла история еврейского мальчика Абрама (Муси) Пинкензона. Он не воевал в партизанских отрядах, а слыл талантливым скрипачом. Когда евреев в станице Усть-Лабинская Краснодарского края согнали на расстрел, среди них оказался и Абрам, и его родители. Местное население обязали в строгом порядке наблюдать за проведением казни.

Первым убили отца Муси, затем мать. В этот момент к стрелявшим обратился 11-летний мальчик со скрипкой в руках и попросил: «Разрешите мне напоследок перед смертью сыграть на скрипке».

Палачам такой поворот событий показался любопытным, они разрешили. И мальчик заиграл. Не «Семь сорок» и «Не Боже, царя храни». Он заиграл «Интернационал», а люди стали подпевать... Убили и Мусю.

* * *

Пантеоны пионеров-героев располагались в школах, пионерских лагерях, в парках. Теперь они как-то исчезли и в ряде случаев заменились интернет-«открытиями» о том, как один пионер вроде бы папу предал, второй не так на пулемёт лёг, третий случайно самолёт на колонну вражеских танков направил...

Хватало в то время и взрослых героев. Отец и по службе соприкасался, и жили они где-то поблизости, но вот пришли к нам в гости супруги Самсоновы: он, Владимир Андреевич, в полковничьей форме и со звездой Героя Советского Союза.

Родители с гостями водку пили, чай, вели разговоры о работе и быте, а я-то думал и стеснялся спросить: за что Звезда?

«Да вот, говорит Владимир Андреевич, в Финскую (а я и не знал, что такое Финская) было дело: мёрзли, бились, руку потерял...».

Позже я покопался и докопался.

Участник советско-финской войны 1939-1940 годов, стрелок 4-го пограничного полка войск НКВД, рядовой, комсомолец Самсонов в январе 1940-го нёс охрану участка дороги в районе посёлка Усма (это край карельских озёр, помните «А зори здесь тихие?»). Примерно, там). Погранрота попадает в окружение и остаётся в нём 58 дней.

Мороз сорок градусов, обогреться негде, много обмороженных и раненых, кончаются продовольствие и боеприпасы Пулемётчик Владимир Самсонов отстреливается и отбивает атаки противника. Но атаки повторяются. Самсонов вспоминал:

– «Я столкнулся с двумя офицерами и одним солдатом. Офицер выхватил финский нож и хотел всадить мне в спину. Я быстро повернулся и ударил его штыком. Он выстрелил. Пуля попала в кисть

моей левой руки, расщепив ствольную накладку винтовки. Разозлившись, я бросился на него и заколол, затем заколол и солдата. Разбив врага, мы возвратились в свои окопы».

В одном из февральских боев мина разорвалась вблизи от Самсонова, осколком ему перебило левую руку, которая и прежде была ранена. Винтовка упала в снег, рука повисла на коже. Владимир в присутствии своих товарищей оторвал руку и бросил в направлении противника, крикнув: «Возьмите, гады!»

Продолжил стрельбу и метание гранат, действуя одной правой рукой. Солдаты, воодушевленные поведением Самсонова, перешли в контратаку, и наступление финнов отбили.

Вот за такой поступок в этом же 1940-м бойцу и дали Героя.

Дедушка Калинин и бабушка Варя

С нетерпением ждали дня, когда повяжут галстуки. Впрочем, день известен – 22 апреля, дата рождения дедушки Ленина.

Хотелось бы, конечно, сказать, что принимали в пионеры самых лучших, да это не так. Принимали практически всех, но если точнее, то *не* принимали самых худших. Не приняли Серёжку Пивкина: он был как раз из тех «отвязанных», кто курил в туалете, а также прогуливал уроки и учился на двойки-тройки. Впрочем, через несколько месяцев приняли и его. Думаю, правильно: парень пережил стресс «изгоя» и воспринял факт зачисления в пионеры Кунцева с энтузиазмом и благодарностью.

Принимали нас в культовом месте, связанном с именем другого дедушки, ленинского соратника – Михал Иваныча Калинина, а именно в его музее рядом с Кремлём.

В основе этого дома-усадебки – строения XVIII-XIX веков, принадлежавшие разным состоятельным хозяевам. После Октябрьской революции в доме короткое время размещалось общежитие текстильного комбината для командировочных. Затем здание передали Государственной библиотеке имени Ленина под институт библиотекосведения. С 1950-го по 1992-й год здесь и располагался музей дедушки Калинина. Потом вновь возвратили «Ленинке» – теперь уже Российской государственной библиотеке, под центр восточной литературы.

И зря! Хорош ли, плох ли Михал Иваныч, а всё ж в музее размещалась познавательная, а нередко и захватывающая история, которую просто убрали с глаз долой. Нет больше не только музея. Нет Калининского проспекта. Демонтирован памятник Калинин у на нынешней Воздвиженке. Нет города Калинина. Ну ладно, город Калинин стал прежней Тверью – вполне красиво. Менее креативно то, что в дополнение к просто Арбату образовался Новый Арбат... В развитие прецедента, когда в Москве существовало несметное, потом слегка сокращённое, количество улиц 8-го марта, да и других похожих. То есть давайте сделаем Средний Арбат, Нижний и Верхний Арбат, да?

Сейчас, например, одних Кисловских переулков в центре Москвы фиговы тучи. Огромное поле для упражнений с новыми или возрождёнными названиями! Нет, не упражняются, не переименовывают.

Ладно, поехали дальше. Не являясь почитателем Калинина, сожалею, что в современной истории он представлен в фильмах главным образом в качестве старичка-дурачка-шута при всемогущем Иосифе Виссарионовиче Сталине. А ведь происходило много иного-разного.

* * *

Михаил Калинин – крестьянин, родился в Тверской губернии.

Закончил начальное земское училище, после чего попал в услужение к соседу-помещику, поехал с ним в Санкт-Петербург и работал лакеем. Из крестьян в лакеи – ничего, нормально. Важно, что дальше. А дальше, видно, не понравилось.

Осмотрелся, поступил учеником на Санкт-Петербургский патронный завод, затем – токарем на Путиловский. Здесь уже приобщился к нелегальным революционным кружкам. И в ссылках бывал, и в тюрьмах сидел, и гласным Санкт-Петербургской городской Думы избирался.

В Февральскую революцию 1917-го – один из руководителей разоружения охраны и захвата Финляндского вокзала в Санкт-Петербурге. Помните, где Ленин на броневике выступал?

В октябре 1917-го в его квартире на Выборгской стороне проводились совещания по подготовке вооружённого восстания.

В 1919-м, когда Михал Иванович избрали председателем ВЦИК (а это номинальный глава государства), Лейба Бронштейн (он же Леонид Троцкий) окрестил Калинина «всероссийским старостой». Так оно и повелось, менялось только на «всесоюзный староста».

Неплохой оратор-пропагандист. В марте 1921-го, накануне Кронштадтского восстания (вооружённое выступление матросов и красноармейцев под лозунгами «За власть советов без большевиков!», «Власть Советам, а не партиям!»), без охраны, в сопровождении жены, прибыл в крепость с целью склонения недовольных к прекращению волнений. На многочисленном митинге встречен аплодисментами. Однако, когда попытался агитировать, матросы сорвали его выступление, после чего Калинин беспрепятственно покинул Кронштадт.

Вот тебе и старичок-дурачок!

Весь период до Великой Отечественной войны лично «старосте» писали просьбы о помощи - при раскулачивании, несправедливом аресте, сложностях в трудоустройстве. «Староста» вёл личный приём граждан. Я сам видел малоизвестную кинохронику, когда к Калинину пришла бабушка, у которой украли кошелек.

«А как же у тебя его украли?» – спрашивает Михал Иванович, тряся бородкой.

«Да так, вытащили, и всё!».

«Ну, будем разбираться...».

И, случилось, действительно помогал.

А что грешен, да, грешен.

В 1930-м, при очередных разоблачениях «врагов народа» Сталин писал:

«Что Калинин грешен, в этом не может быть сомнения. Всё, что сообщено о Калинине в показаниях - сущая правда. Обо всём этом надо осведомить ЦК, чтобы Калинину впредь не повадно было путаться с пройдохами...».

С точки зрения Сталина грешен. И не только, а и в целом по-сталински. 1 декабря 1934-го, в день убийства первого секретаря Ленинградского губернского обкома ВКП (б) Сергея Кирова, Михаил Калинин подписал постановление ЦИК и СНК СССР, сыгравшее важную роль в организации и юридическом обеспечении массовых репрессий. Вот фрагменты из Постановления «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик»:

«Внести следующие изменения в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик по расследованию и рассмотрению дел о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти:

1. Следствие по этим делам заканчивать в срок не более десяти дней;
2. Обвинительное заключение вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела в суде;
3. Дела слушать без участия сторон;
4. Кассационного обжалования приговоров, как и подачи ходатайств о помиловании, не допускать;
5. Приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение немедленно по вынесении приговора...».

Но история, она какая есть история. Или, какая нужно! В любом случае заслуживает право на существование.

Виноват ли Михал Иванович? В пространстве большой истории – виноват, а применительно к тому времени виноват не сильно. И музей-то, зачем музей закрывать?!

* * *

Итак, едем на метро в музей Калинина. Место знакомое: хоть я и кунцевский, однако бассейн «Москва» (на месте теперешнего Храма Христа Спасителя) посещал регулярно, а тут до Моховой (раньше проспект Маркса) рукой подать.

Звучат высокие слова представителей чего-то и кого-то, и вот старшеклассники повязывают нам галстуки. Мальчики становятся на одно колено в первом ряду, девочки располагаются сзади во весь рост, фотографируемся у памятника всесоюзного старосты:

«Снова я вспоминаю, как песню,
Пионерии первый отряд,
Вижу снова рабочую Пресню
И весёлые лица ребят.
Красный галстук из скромного ситца,
Первый сбор, первый клич «Будь готов!»
В синем небе я вижу зарницы
Золотых пионерских костров...»

Галстук уже не из «скромного ситца», галстук теперь шёлковый. Надо бы отметить! Рядом с музеем – пирожковая. Заходим, покупаем по паре пирожков, по компоту и радуемся.

Домой пришёл, родители тоже радуются и поздравляют, а бабушка как-то сдержанна. Почему? Мне это совершенно непонятно, а потом сложил линию её поведения из отрывков-обрывков и немного разобрался.

Бабушка Варя, как и дедушка Калинин, тоже из крестьян. Родилась в большом селе – пять улиц, пятьсот дворов. К десятилетнему возрасту, а это как раз времена революций 1917 года, осталась без родителей, они умерли. Взяли Варю к себе старшие братья, Никита и Алексей. Никита – участник Первой Мировой, георгиевский кавалер. Но толку что? Навоз ковыряет как и все остальные. И Варя стала ковырять, закончить сумела всего два класса, а дальше – работа и работа. Казалось бы, советская власть чего-то дала... Ан нет!

«Что у вас тут? Какой у вас тут хлеб? – спрашивает бабушка. При царе хлеб был такой: пальцем продавишь, а он опять вздымается. А у вас что за хлеб!»

Я, правоверный пионер (у нас, это у кого, я хлеб не пеку?!), истово спорю:

«Бедным крестьянам дали дорогу в жизнь! Они смогли учиться и стали жить лучше!».

«Кто стал жить лучше? Справных хозяев, которые в дерьме по уши день и ночь барахтались, раскулачили, а пьянь да рвань к власти пришла. И да, стала жить лучше. И пионерия ваша от них пошла...».

«А тебе ведь стало лучше?».

«Мне никак не стало: как работала с детства дояркою, пояркою, кем только ни работала, только плугочистом не работала, так и потом. Трудодни копила, за которые денег не платили, а ставили палочки...».

Не любила бабушка до самой смерти, заодно с пионерами, и коммунистов, и комсомольцев, надеялась только на свои руки. Самоотверженная была до предела: не для абстрактной родины, а для своих родных, для дома. Может, и правильно: где семья, родня, дом, огород – там и родина. А комсомол и партия – они интернациональны, за всё человечество...

* * *

Родители просят сбегать в магазин за хлебом. Бегу, галстук не снимаю и куртку расстегнул, чтобы виднелся красный шёлк. И кажется, что все смотрят и приходят в восторг: вон какой красивый пионер бежит. Кассирша, наверное, поняла настроение и говорит: «Пионер? Молодец!».

1964-й запомнился не только пионерским галстуком. Первый раз выехал за пределы Москвы и области. Вернее, не выехал, а вылетел – в Ленинград с родителями. За 50 минут полёта успел проплевать аж два раза. В аэропорту, тоже в первый раз, попробовал чёрный кофе. В детском саду регулярно давали кофе с молоком, ну, скорее, этот напиток «кофе» только назывался. Про чёрный кофе слышал или читал в книжках.

Прошу родителей: а давайте выпьем чёрного кофе. Те смеются и заказывают. Оказалось, мурамурой! Впрочем, о том, что аэропортовский чёрный кофе из пакетика – тоже не совсем кофе, я тогда не подозревал.

А что Ленинград? Да как сказать... Зима, сырой колотун, часовая очередь в Эрмитаж, скучные вечера в гостинице.

Посетили, естественно, крейсер «Аврора». Я читал тогда, что живы многие матросы, которые в 1917-м поднимали восстание на крейсере. Что, мол, иногда они приходят сюда и рассказывают истории про революцию, про знаменитый выстрел вроде как по Зимнему. Я хотел увидеть этих матросов. Но они не пришли.

В тот раз Ленинград не впечатлил.

Добро пожаловать. В лагерь

Лагерь, слава Богу, пионерский. Первым моим лагерем, после третьего класса, стал подмосковный с характерным, десятки, а может сотни раз растиражированным названием «Юный ленинец». Всю смену шли дожди, и мы не купались в близлежащей речке. В палате нас шесть человек, один шкаф, и даже каждая тумбочка – на двоих. Удобства, умывальники и всё прочее, помещались на улице. Душевая полагалась раз в неделю. В лагере мне... безумно понравилось. Что понравилось?

Что с тобой всегда рядом пять пацанов, а в соседней палате – девчонки. К которым ночью можно прокрасться и измазать их зубной пастой – пока так, мы ещё маленькие, а будущие инстинкты бурлят только зубной пастой.

Что утром тебя будит пионерский горн с известной мелодией «Вставай, вставай, дружок, с постели на горшок...», и бежишь на улицу умываться под дождём.

Что на утренней и вечерней линейках лучших пионеров вызывают «на флаг», и они гордо поднимают его на высокую мачту. А ты стоишь и переживаешь: чего бы такое совершить, чтобы и тебя «на флаг» вызвали.

Нравилось, что после отбоя можно долго не спать и рассказывать друг другу страшные истории:

«В одном чёрном-чёрном лесу.
Стоит чёрный-чёрный дом.
В этом чёрном-чёрном дому.
Стоит чёрный-чёрный стол...».

Ну и так далее: стол, на нём гроб, в гробу лежит... коробка.

Соседи по палате внимательно слушают, ожидая какого-нибудь подвоха. Он и происходит:

«Мальчик открывает коробку, а в коробке... рак! А кто слушал, тот дурак!».

Раздаётся здоровое пионерское гоготанье, на которое тотчас сбегаются вожатые.

Очень впечатляла военная игра «Зарница». Строилась она так. Одна группа назначалась «красными», другая, соответственно, «белыми». Всем пришивались (чуть-чуть прихватывались нитками) погоны со знаками различия: сколько-то рядовых, сколько-то офицеров и один генерал. Каждому чину присваивалась своя «цена» в очках. Группы разводились в разные стороны, за пределами обоядной видимости, и вот начиналась «война», задача которой – найти противника (а он мог дробиться на более мелкие группы, устраивать засады) и сорвать как можно больше погонов. Когда все погоны «врага» сорваны – победа.

«Зарница» проходила во все годы и во всех пионерских лагерях. После первого опыта я с грустью писал домой:

«Играли в военную игру «Зарница». Мы были «красными» и проиграли. Потому что у «белых» оказались большие ребята, и они нас быстро всех поубивали...».

Последующие «Зарницы» прибавили мастерства, в ряде случаев весьма изощрённого. Например, можно сделать запасные погоны и прикрепить их, когда сорвут первоначальные.

Или вот как. Однажды я дослужился до «генерала». Подобной чести удостоился за то, что на лагерных спортивных соревнованиях бегал быстрее всех. За «генерала» давали наибольшее количество очков, поэтому его основная задача заключалась не в том, чтобы биться, а в том, чтобы как можно дольше (пока всех других не «убьют») убежать от противника.

На поляне сталкиваюсь с чужим «офицером». Посмотрели друг на друга и пришли к консенсусу типа «я тебя не трогаю, иду своей дорожкой; и ты меня не трогай, иди своей дорожкой». Я повернулся и пошёл, а «офицер» – хват сзади – и погоны мои оторвал. Я выступаю с претензиями, у него погоны срывают и пытаюсь свои отобрать, завязалась реальная драка, которую судьям-вожатым пришлось разнимать.

Снова пишу домой:

«Состоялась у нас военная игра. Я был генералом. По очкам мы у них победили, но так как с обеих сторон много жухали, то счёт объявили 0:0».

Запомнились и другие игры. Например, лагерный КВН, где предстояло выполнить и разыграть задание «День без вожатых». Выполнили, разыграли, разработали декларацию из девяти пунктов:

1. Подъем по заявкам.
2. Зарядка по праздникам.
3. Завтрак по закону джунглей: ест сильнейший.
4. Купание до посинения.
5. Обед по расписанию.
6. Шумный час.
7. Футбол до потери сознания.
8. Ужин тоже по расписанию.
9. Отбой в час ночи...

В пионерлагере впервые посмотрел фильм Элема Климова «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещён». Здесь тот счастливый случай, когда фильм и сегодня знают даже школьники – внуки пионеров 60-х. Всё ли там правда? Кажется, что почти всё. В роли пионера Кости Иночкина выступил актёр Виктор Косых, сыгравший вскоре Даньку в «Неуловимых мстителях», а много лет спустя, в «Холодном лете 53-го» – бандита, выпущенного по амнистии совсем не из пионерского лагеря. Пионер Иночкин подвергся «репрессиям» (отправлен домой) за то, что смылся из лагеря к деревенским ребятам.

Ну и мы смывались. Настолько безобидно – ну, например, в магазин за сгущённой, что из лагеря за это не выгоняли. Но отчисляли порой за курево, за употребление неположенных напитков – да, такое и среди пионеров случалось.

Фразы директора-бюрократа из «Добро пожаловать» Дынина (Евгений Евстигнеев) вошли в народный фольклор:

«Когда я был маленький, я тоже отдыхал в пионерских лагерях. И у меня тоже была бабушка. Но я ни разу не смог огорчить её до смерти. А вот он – смог».

Вожатая Валя (Арина Алейникова), в отличие от Дынина, вполне понимала детскую душу.

И простоватый завхоз (Алексей Смирнов) понимает:

«Главное – на суп налегай: в жидкости вся сила». И ещё: «Куда ставить-то?!».

Всё как в жизни: и палаты, и кормёжка, и бдительная медицина (попробуй заболей – замучают лечением), и праздники...

Несколько раз я ездил в пионерлагерь имени живой народной героини Валентины Владимировны Терешковой – в космосе ей присвоили позывной «Чайка», отсюда и лагерь так назывался. Крым, Евпатория, Чёрное море. Сравнивая с «Юным ленинцем», с удивлением понял, что в жизни, как выяснилось, довольно много непознанного.

Три дружины, по двенадцать отрядов в каждой – итого 36, больше двух тысяч пионеров.

Лагерный пляж протягивался на полтора километра. И море! Море!! Честное слово, сразу по приезду я побежал к морю для того, чтобы попробовать, правда ли в нём солёная вода, а то, может, врут... Солёная!

Постепенно освоил маску, ласты. Хорошим тоном считалось поймать большого, ну, хотя бы со взрослую ладонь, краба. Его клали в муравейник, чтобы муравьи объели мясо, а затем разделявали на «модные» части. Красивый чёрный «зуб» клешни заливали сургучом, вставляли проволочку-зацепку и получался амулет, который носили на шее на шнурке или цепочке. Фаланга использовалась как держатель для пионерского галстука. Его теперь не обязательно завязывать, а можно продевать через фалангу. Панцирь котировался как декоративное украшение. Всё вместе получалось очень стильно.

Галстук в пионерлагере воспринимался как модный аксессуар: он вязался разными узлами, концы могли располагаться вместе или вразлёт, или заправляться под рубашку. В конце смены члены отряда оставляли на галстуках друг друга автографы и пожелания.

В шестом-седьмом классах наряду с мазанием девочек по ночам зубной пастой стали притягательны танцы – они проводились вечером, на улице возле столовой, почти каждый день.

«Где-то вдали догорает закат
И фонари ярче горят,
И не дают они людям сбиться с пути,
Ночные спутники их – фонари.

Город ночной серебрит в реке,
 Арки мостов в сказочном сне,
 Окна больших домов погасили огни,
 Лишь неустанно горят фонари...»

Это поёт Жан Татлян.

Мы робко приглашаем девочек-пионерок на «медленные» танцы. Подходишь и говоришь: «Можно вас пригласить?». А весь день вроде были на «ты». Танцуешь молча, и хочется как-то с ней что-то самому непонятное мужское совершить, а страшно: вдруг, скажет: «Дурак, что ты делаешь!».

К вопросу о танцах. Что такое «медленные» танцы, все понимают: топчись и топчись на месте. Поговорим о других танцах.

Начнем с того, что героиня-космонавт Валентина Терешкова приехала-таки в лагерь к какой-то его округлённой годовщине. И вот к посещению Валентины Владимировны начали готовить концерт, участников коего муштровали ежедневно часа по три. Моя роль заключалась в групповом исполнении двух танцев: «Яблочко» и «Фигурный вальс». В течение двух недель ежедневно мы танцевали по три часа «Яблочко» и «Фигурный вальс». Правду сказать, как танцуется «Яблочко», я довольно быстро забыл, а вот «Фигурным вальсом» мог блеснуть во многие последующие годы.

Если просто вальс – это кружение с партнёршей, где важно правильно, в такт перебирать ногами, то сложный вальс – это ещё и фигуры с ритмами/периодами, в каждой фигуре по восемь: «Балансэ», «Окошечко», «Вальсовая дорожка», «Правый вальсовый разворот в паре». Фигурный вальс при желании дополняется различными красивыми элементами: вращение партнерши руками, позировки, поддержки.

А можно менять фигуры местами, сокращать их количество; главное – не выбиваться из цикла в 32 периода.

Не очень понятно? Ну, это только до того момента, когда сам попробуешь!

Репетировались не только танцы, но и весь большой концерт. Бравые суворовцы из военно-музыкального училища исполняли музыку, предваряемую заставкой:

«Любителей классики мы не забыли:
 Моцарт: «Рондо» в турецком стиле».

За две репетиционные недели я слышал «Рондо» раз сто. И это зачлось во вневременной интеллектуальный актив. Не будучи знатоком классической музыки, через пять, десять и более лет, заслышав «Рондо», я, прерывая предыдущий разговор, обращался к собеседнику или компании со словами:

«Моцарт! Божественно!».

Люди с уважением смотрели на меня и произносили фразу:

«Да ты, Саша, знаток!».

И я был очень горд, хотя какую-то другую мелодию Моцарта вряд ли угадал бы.

В общем, народная героиня Валентина Терешкова концертом осталась довольна! При этом надевала пионерский галстук.

* * *

Лагерь были не только пионерские. В то же, шести-семиклассное время, я, посещавший секцию лёгкой атлетики, одним летом дополнил пионерский лагерь спортивным. Существенная идеологическая разница! Если *там* мы числились пионерами и гордились своими галстуками, то *тут* галстуки никого не интересовали, фигурировали исключительно спортивные костюмы. И главным значился сам спорт, конечно, – в нашем случае легкоатлетический. Кто-то бегал, другой прыгал в длину, третий – вверх, четвёртый метал ядро; пятый выступал в нескольких видах и назывался многоборцем.

Жили не в палатах, а в палатках, в Московской области, под Вереёй. К нашей поляне примыкал пионерлагерь с «редким» названием «Дружба». Там питались и мылись в бане.

Но сначала расскажу о первом знакомстве с баней. На деревенской родине матери, которую регулярно вспоминаю, тоже стояли бани – там я к ним и приобщился. Но бани в деревне строились весьма своеобразно: предбанник, где раздеваются, а дальше парная, она же мыльная. Более того. В

парной-мыльной находилась и печка! Печку топишь, температура набирается, но дым ползёт по помещению, а кислород выгорает. Я, конечно, сперва не понимал, что это так, однако чувствовал себя не совсем уютно: либо мойся, либо парься – то и другое сочетать тяжело. И обмороки случались у недеревенских и непонимающих.

В пионерлагерной бане никакой парной, конечно, не предвиделось, но мы решили её устроить. А как? Да просто! Заготовили веники, открыли все краны с горячей водой на полную катушку. Помы-вочное пространство заволкло паром, и появилась иллюзия реальной бани. Настоящую «белую» парную пришлось вкусить значительно позже. А пока и так понравилось, особенно нырять после пара в речку Протва.

Палатки наши стояли в лесу, в непосредственной близости от болот. И комар водился такой, что в программу утренней зарядки включили специальное упражнение: каждому спортсмену убить сто комаров. Справлялись за считанные минуты, но «комариный рай» не добавлял удовольствия в спортивную жизнь. Видимо, дискомфорт касался не только нас, поскольку через некоторое время по лесу проехала какая-то фантастическая машина, распускающая дым. И число комаров резко поубавилось.

«Неподецки».

Конечно, понимаю, как это правильно пишется: «не по-детски». Однако смысл того, о чём я буду рассказывать дальше, лучше передаёт всё же сленговое «неподецки».

Начну не с обещанных выше вредных привычек и хулиганства, начну с вполне благородных вещей. В семье папы-военного, мамы-учительницы и самоотверженной бабушки, не любящей пионеров, комсомольцев и коммунистов, я не шиковал, но и не нуждался. Отсюда ранняя тяга к заработку являлась не следствием голода-холода, а процессом, желанием более сложным, однако, как мне кажется, не аномальным.

Где и как можно достать денег 10-12-летнему пацану? Самый простой и безопасный способ – прикарманить сдачу, остающуюся после покупок, за которыми послали родители.

Столь же просто не пойти в школьный буфет и не съесть коржик, а отложить выделенные, опять же, мамой и папой деньги, чтобы потратить их на что-то привлекательное.

Однако, как поётся в популярной пионерской песне, мы лёгких путей не искали. В искомом возрасте почти все ребята собирали марки. Так марки-то можно как купить, так и торгаться ими на филателистической толкучке в парке культуры имени пролетарского писателя Максима Горького. Или во Дворце пионеров на Ленинских горах. Или прямо в собственном дворе.

А бутылки собирать? За стандартную пол-литровую бутылку в приёмном пункте давала 12 копеек. Мало? Ну, как сказать: на дешёвое мороженое хватит или на пачку сигарет без фильтра. Две пустые бутылки – это уже одна полная бутылка лимонада, три – бутылка пива, десять – бутылка вина.

От простого переходим к сложному. В картишки! На деньги! Рано? Нормально, с учётом наличия поблизости старших ребят – «учителей жизни» и совершенно бесплатного обучения.

Во что играли? В «трынку», в «буру», в «очко». Рассказать технологию игры, а, вернее, выигрыша? Не, не буду, чтобы не привлекли за распространение всякого вредного. Да и рассказано достаточно.

Впрочем, один нюанс стоит вспомнить. Приходит чужой, ранее неизвестный нам, но улыбчивый парень. Давай, говорит, сыграем. Мы мальцы-то мальцы, но опасаемся: не-е-е...

«Да мы не на деньги, Ну, по десять копеек».

И сдаёт... три туза.

«Смотри-ка, выиграл. Вот тебе десять копеек».

«Учителя» подошли вовремя. Вломили тому игроку по ушам, прогнали его, а нам сказали:

«С незнакомыми играть не садись – пропадёшь».

Где играли? На чердаках – они тогда не закрывались; в квартирах, когда родители находились на работе. Бывало, что проигрывалось всё, накопленное прежде неиссякаемыми фантазиями. Но случалось и выиграть!

А был ли способ действительно заработать, то есть вложить свой труд на пользу обществу и получить за это деньги? Представьте себе, да!

В Московской области, в пригороде Серпухова раскинулся солидный совхоз «Большевик». Здесь жили бабка Полина с дедом Сергеем – родители отца, а также его сестра Женя с мужем Юрием и

детьми. Дед подрабатывал плотником в овощехранилище, а дядя Юра возил туда овощи. Вот родственники и подсказали: есть вариант работать на полях – вязать редиску или лук. В летние каникулы после третьего класса я приехал в совхоз. Вставал в семь часов и добирался на автобусе на работу к восьми, а трудился, в силу малолетства, до обеда.

Что значит «вязать редиску»? Надо выдернуть из грядки десять редисок, отряхнуть их от земли и связать в пучок. Стоило это одну копейку. За смену удавалось сформировать 100-120 пучков, итого получался рубль или рубль двадцать. Сидел я на полях две недели – двенадцать рабочих дней, выходной полагался только раз в неделю. Заработал около пятнадцати рублей: для десятилетнего пионера вполне прилично.

Помню, что рублей за пять-шесть купил себе в московском Доме игрушки луноход с дистанционным управлением; он участвовал потом в самых разных операциях: например, «вражеских» солдатиков раздавить во время очередной игры в войну на домашнем ковре, там же преодолеть препятствие и так далее.

Аппетит приходит во время еды, не так ли? И ко мне пришёл: стал интересоваться, есть ли работа посерьёзнее и поденжнее. Оказалось, что есть. И через год, а потом и через два я сбивал ящики на овощной базе там же, в «Большевике». В процессе овощного оборота ящики, состоящие из продольных планок с просветами, ломались, и их сбрасывали в большую кучу. Задача заключалась в починке ящиков. Тот, что совсем развалился, разбирался на планки и гвозди, они служили восстановительным материалом для «возвращения в строй» ящиков, не сильно поломанных.

Один ящик стоит полторы копейки, в день получалось сбить штук 70-100. За неполный трудовой месяц получил около тридцати рублей. Большую часть торжественно вручил матери, а себе оставил семь пятьдесят, на которые в музыкальном отделе Детского мира на площади Дзержинского приобрёл гитару.

Сбережения, как известно, надо защищать. Случаи, когда дворовая шпана отбирала деньги у меньших, не были редкостью. Да ещё и побить могли. Что делать? Убегать? А если те бегают быстрее?

«Старшие товарищи» вновь поделились накопленным опытом. Берёшь стальную трубку диаметром около сантиметра, обрезаешь под размер пистолета... Называется такое самодельное устройство «поджигой».

Применяли для испуга! При очередном столкновении с «чужими» один «наш» стрелял вверх или в сторону, а второй держал пистолет наготове. Мало-помалу нужные слухи в округе распространились: «К «офицерским» лучше не подходить – у них «поджиги!».

Имелась и заводская продукция. Однажды «учитель» предложил изделие из металла, очень похожее на авторучку. Она развинчивалась пополам и внутрь закладывался малокалиберный патрон. Колпачок «ручки» снимался, и получалось дуло. И «ручка», и патроны приобретались, естественно, из-под полы. От «поджиги» «ручка» отличалась понятно чем: возможностью быстрой перезарядки.

Когда в соседних дворах собиралась «кодлянка» и шла нас бить, мы стреляли. Обошлось, слава Богу, без смертей, а вот лёгкие, но заметные ранения «враги» ловили. Любопытно, что ни в милицию, ни в больницу никто из пострадавших не обращался.

Имелось и совсем простое, но очень неприятное оружие – болт.. А если в кого отлетит гайка или болт, эффект даст о себе знать серьёзно.

Касательно драк без применения огнестрельного, так сказать, оружия? Это само собой. До пионерского возраста драки были неопасные – лёгкая разминка в преддверии будущих тяжёлых боёв. Ну, потыкаем друг друга кулачками, кто-то и поплачет из-за расквашенного носа или пробитой губы, но в принципе, как говорится, ничего лишнего.

В пионерском и комсомольском возрасте дрались уже кулаками, цепочками, солдатскими ремнями – и один на один, и стенка на стенку. Носы трещали, зубы вылетали или ломались только так, а про «фонари» под глазами и говорить нечего.

Потихоньку приобщались к выпивке. Подходит из многократно упомянутой категории «старших товарищей» пацан Серёга Лосевников – комсомолец уже девятого или десятого класса (а мы, пионеры, учимся в шестом) и деликатно спрашивает:

«А внутрь-то уже принимаете или как?».

«Как принимать, нам в магазине по малолетству никто не отпустит».

«Двадцать копеек дадите, – я принесу».

Сбрасываемся по рубль тридцать умножить на два – два шестьдесят, или две бутылки по 0,5 красного портвейна плюс двадцать копеек за услуги, и он, здоровый лось, приносит.

Собираемся в квартире у Кольки Немцова, родителей нет дома, вшестером. Помню, приготовила ему мама две зразы с капустой. Режем на шестерых, едим, выпиваем. В полной эйфории (тогда 150 граммов с хвостиком на среднего школьника считалось много) выходим во двор. В модных клешёных брюках – в терминологии того времени, в «клешах», начинаем играть в футбол на проезжей части...

Понравилось. Через пару дней послали в магазин за бутылкой уже своего парня, без двадцати копеек за услугу, Женьку Вавилова: мол, скажи в магазине, что папа послал. Женьку увидели у винного прилавка соседи, «взяли за ж...», привели к родителям. Вавилов, к его чести, не раскололся о замысле всего проекта, друзей не сдал. Но как-то так, даже не из-за страха, получилось, что «питейная» тема года на два закрылась.

Ещё из «немецкого». Зимой наша небольшая внутренняя улица убиралась плоховато, и машины ездили по уплотнённому снегу с наледями. А мы «охотились» за машинами, цеплялись за бампер и катались по дороге. Машина тормознёт, ты отлетишь куда-нибудь, набьёшь синяков. Или от водителя затрещину получишь, если поймает.

Наиболее отчаянные упражнялись на товарняках. Возле станции «Кунцево» они замедляли ход, самые дерзкие ребята вскакивали на какую-нибудь часть вагона или платформы, ехали некоторое время, потом спрыгивали. Пятиклассник Федя Габидулин спрыгнул неудачно: нога ушла под колесо, и лишился Федя ноги.

Такие дворовые развлечения практиковались в «оттепельных» шестидесятых.

Если есть там соловьи, то разбойники

Вернёмся к гитаре, купленной в шестом классе за семь пятьдесят. Надо учиться играть. Обращаюсь за помощью к известным старшим товарищам – не в музыкальную же школу идти, на хрен она мне сдалась.

«Нам с тобой возиться некогда, – говорят товарищи, – но телефон одного мужичка дадим».

Мужичка зовут Лев Карпыч Данилюк, у него отлично налажен нелегальный обучающий бизнес. Квартира, в которой маэстро проводит занятия, достаётся ему без арендной платы, поскольку ребёнок хозяев тоже музыкой занимается, но задаром.

На чём учит играть Лев Карпыч? На всём. На гитаре. На скрипке. На баяне и аккордеоне. На фортепьяно. Причём, желающих играть на разных инструментах он не разделяет, а собирает вместе. Такса единая: час или полтора занятий – рубль.

Хотя не оркестр, а какофония звуков, но получалось довольно эффективно, во всяком случае с гитарой. Тем более, что вопрос заключался не в том, чтобы играть, а чтобы «лабать». Это значило, что ноты для игры учить не обязательно – нужно запоминать аккорды, они обозначены в большинстве нотных сборников для гитары. Если знаешь пять аккордов, то выступления на лавочке во дворе тебе гарантированы. Десять – и ждёт сцена в школе или пионерлагере. Если больше – прямая дорога в средней руки ВИА (вокально-инструментальный ансамбль), которые как раз в 60-е стали интенсивно размножаться.

С какой песни началась моя пионерская гитарно-песенная деятельность?

Пожалуй, с песни «Ковбои». Другие варианты названия песни: «Трое ковбоев», «Кабачок одноглазого Гарри»; вариантов текста – великое множество. В общем, автор неизвестен, но творение его бессмертно.

«Ярко светит луна, схоронясь за листвою.
По дороге степной проскакали ковбои.
Чу, вдали огонек – кони быстро помчали,
Это был кабачок одноглазого Гарри.

Трое слезли с коней, сапоги подтянули,
И в дубовую дверь трое молча шагнули.
Ярко свечи горят, виски льётся рекою,
За дубовым столом веселятся ковбои.

Влезла шайка громил, человек восемнадцать,
И ковбоям троим говорят убираться.
Но шесть яростных глаз в темноту заглянули,
И три кольца стальных испустили по пуле...»

По мере продвижения к кульминации и развязке сюжета песни число интерпретаций постепенно увеличивается. Сначала они просто разные: например, в одном случае речь идёт о ковбойских кольцах, в другом – о наганах, в третьем – о ножах.

Потом толкования становятся противоположными: первая концовка предполагает полную победу ковбоев, которые остаются живыми; во второй по дороге скачут уже только два ковбоя, а третий погиб, атаман притом; наконец, есть версия, когда «по дороге степной кони шли без ковбоев», поскольку «лучше смерть от ножа, чем позор для ковбоя».

Чрезвычайно душевная песня, пусть и отнесённая к категории дворово-блатных; исполнял я её – один и в группе – на всех перечисленных выше площадках.

Помимо аккордов играет существенную роль гитарный бой. Различают «тактовые» бои – «четвёрка», «шестёрка», «восьмёрка»; «переборные» и «переборно-тактовые» бои – всего двенадцать основных видов. Если ты овладел, например, «восьмёркой», то аккорды менее важны, чем если играешь «перебором».

Вот, скажем, типичная «восьмёрочная» песня «Хуторок» – так же, как и «Ковбои», не имеющая автора; популярная тогда и сейчас.

«Сыпал снег буланому под ноги,
В спину дул попутный ветерок,
Ехал я просёлочной дорогой,
Заглянул погреться в хуторок.

Встретила хозяйка молодая,
Как встречают милого друга,
В горницу любезно приглашая,
Ласково смотрела на меня...»

Дальше закрутилась любовь-морковь, в результате «так и не доехал я до дому; затерялся где-то вдалеке. Что же делать парню молодому, коль пришлось девчонка по душе?».

11–12-летние пацаны исполняли песню надрывно и зазывно; голосом бывалого молодца, пережившего многие любовные приключения.

А потом... Потом всё заменил Высоцкий. Наша семья обладала немислимым для тех времён сокровищем: в 1961-м из очередной командировки отец привёз катушечный магнитофон Spallis прибалтийского производства. Чуть позже появились плёнки с песнями Булата Окуджавы. Всё ещё вспоминая сталинские времена, отец говорил: ну, это не совсем разрешённое, а есть и совсем не дозволенное... Например, песня «Чёрный кот»:

«Со двора подъезд известный
Под названьем чёрный ход.
В том подъезде, как в поместье,
Проживает чёрный кот.

Он в усы усмешку прячет,
Темнота ему как щит,
Все коты поют и плачут,
Только чёрный кот молчит.

Он давно мышей не ловит,
Усмехается в усы,
Ловит нас на честном слове,
На кусочке колбасы.

Он не требует, не просит,
Жёлтый глаз его горит,
Каждый сам ему выносит
И спасибо говорит...»

Кто-то пояснил, что песня-то про Сталина. Не знали мы, про Сталина или нет, но побаивались. Песни Окуджавы под гитару не очень-то пели. В школе, в пионерии, в хоровом исполнении – да: «Весёлый барабанщик», «Ах, война, что ж ты сделала, подлая».

В застолье: «Ах, Надя-Наденька, я за двугривенный в любую сторону твоей души...».

Нельзя не вспомнить знаменитых «Битлов» – «The Beatles», чьё формальное существование как ансамбля пришлось как раз на мои пионерские и ранние комсомольские годы. Песни «Битлов» были сверхпопулярны, однако сложны для исполнения «лабальщиками» на гитаре типа меня. Однако некоторые вполне удавались. Не успели «The Beatles» написать песню «Girl» в конце 1965-го, как её стали распевать в Союзе. Мы с Серёгой Дюженковым зажигательно выдавали её на школьных вечерах года три спустя, даже на английском языке! Русские переводы, а также вольные переложения тоже имели место, но как-то неконкурентно с натуральным текстом:

«Is there anybody going to listen to my story
All about the girl who came to stay?
She's the kind of girl you want so much
It makes you sorry
Still, you don't regret a single day

Ah girl, girl...»

Но вот Высоцкий! И «Битлов» перебил Высоцкий!! Началось с того самого магнитофона. Сначала истово копировали записи, сделанные несчётное число раз до нас кустарным способом на концертах Владимира Семёновича – тогда всего-то молодого Володи, тридцати не было. Качество записи на выходе получалось отвратнейшее, слова разбирались далеко не сразу. И сплошной блатняк, типа:

«... Но тот, кто раньше с нею был,
Меня, как видно, не забыл,
И как-то в осень,
И как-то в осень
Иду с дружкой, гляжу – стоят.
Они стояли молча в ряд,
Они стояли молча в ряд,
Их было восемь.

Со мною нож, решил я: – Что ж,
Меня так просто не возьмешь.
Держитесь, гады!
Держитесь, гады!
К чему задаром пропадать?
Ударил первым я тогда,
Ударил первым я тогда
Так было надо...»

Думаю, что «легальный» прорыв – не столько для автора, сколько для страны – произошёл в 1967-м, когда на широкий экран вышел фильм «Вертикаль» с военными песнями Высоцкого. Вслед за фильмом выпустили то, что называлось «гибкой грампластинкой» с четырьмя песнями: «Здесь вам не равнина», «Песня о друге», «Прощание с горами», «Военная песня». Вот тогда и пошло: все, кто мог хоть немного тренькать на инструменте, играли и пели эти сочинения актёра, поэта и барда.

Ну и не только эти! Из «молодых» песен Владимир Семёныч я любил и исполнял «Нечисть» – «страшную» песню:

«В заповедных и дремучих,
страшных Муромских лесах
Всяка нечисть бродит тучей
и в проезжих сеет страх:
Воет воем, что твои упокойники,
Если есть там соловьи – то разбойники.

Страшно, аж жуть!...»

Нравились и пелись под гитару также сказочно-шуточные произведения Высоцкого, скажем, «Про дикого вепря»:

«В королевстве, где все тихо и складно,
Где ни войн, ни катаклизмов, ни бурь,
Появился дикий вепрь огромный –
То ли буйвол, то ли бык, то ли тур.

Сам король страдал желудком и астмой,
только кашлем сильный страх наводил,
А тем временем зверюга ужасный
Кох ел, а коих в лес волочил.

И король тотчас издал три декрета:
“Зверя надо одолеть, наконец!»
И кто отчаётся на дело, на это –
Тот принцессу поведет под венец!...»

И военные песни, раскрывающие, казалось, какую-то новую правду, например, «Штрафные батальоны»:

«Всего лишь час дают на артобстрел,
Всего лишь час пехоте передышки,
Всего лишь час до самых главных дел:
Кому – до ордена, ну а кому – до “вышки”.

За этот час не пишем ни строки –
Молись богам войны, артиллеристам!
Ведь мы ж не просто так – мы штрафники,
Нам не писать: “...считайте коммунистом”...»

В 1968-м произошло такая история. Алла, сестра моего одноклассника Саши Семёркина, училась в МГУ на биологическом факультете, в здании на Ленинских горах. Однажды она принесла билет на Высоцкого – он согласился дать концерт на биофаке.

Саша спросил, нельзя ли достать билет и для друга. Алла ответила, что это нереально. Тогда мы начали билет внимательно рассматривать и увидели, что он напечатан на пишущей машинке, на обычной тонкой бумаге и «освящён» простым прямоугольным штампом факультета. Подумалось: ну, если уж мы «поджиги» делаем, то такую фигню....

Пытливый пионерский ум интенсивно заработал. Машинку нашли у пацана, чей папа дослужился до целого профессора; бумагу и штемпельную подушечку купили в магазине. Оставалось самое трудное: форма штампа. Пытались резать его на голенище сапога, на резиновом мячике – не получалось! Лучший результат вышел, когда применили большой школьный ластик. Слегка расплывчато, но вдруг не заметят?!

У входа в здание биофака колыхалась такая толпа, что стало понятно: с ластиками или с чем-то похожим экспериментировали не мы одни. Но внутрь всё же с трудом пробилась, однако в фойе начался полный кошмар. Вход в аудиторию узкий, и возле него образовалась «пробка». Толпа пульсировала вглубь и ширирь, в какой-то момент я оказался у застеклённых стендов с портретами ветеранов Великой Отечественной войны. Один стенд треснул, посыпались стёкла, я порезал руку и вытер её о белую рубашку соседа по толпе. Но «поле боя» не покинул!

В конце концов студенты поздравее упёрлись руками друг другу в плечи и сделали человеческий «коридор», по которому, согнувшись, пробирались люди с билетиками. Пробрались и мы с Сашей, общественные контролёры на поддельный штамп никакого внимания не обратили.

Для концерта выбрали обыкновенную учебную аудиторию: амфитеатр, где ряды парт возвышаются один над другим. Удалось попасть на предпоследний ряд, потом фанаты заняли последний, затем ступеньки, и подоконники, и вот зал набит до самого входа-выхода. Со всех сторон в сторону кафедры-сцены тянулись записывающие микрофоны. И грянул концерт...

Уже написав эти строки, я наткнулся на воспоминания известного барда Владимира Ланцберга:

«В 1967 году на биофаке МГУ должен был выступать Владимир Высоцкий. Естественно, желающих попасть на этот концерт оказалось гораздо больше, чем мест в самой большой аудитории факультета, да и не все желающие состояли в достаточно хороших отношениях с комитетом комсомола, через который распространялись билеты – примитивные самоделки, размноженные фотоспособом. Три предприимчивых студента (со слов одного из которых Михаила Ившина и записана эта история) решили помочь народному горю. Попросив на время единственный экземпляр заветной бумажки, они в кратчайшие сроки изготовили копий с него вдвое больше, чем было в природе настоящих билетов. Своих клиентов они, правда, честно предупреждали, чтобы те приходили заранее, так как возможны проблемы с местами. Так что когда к аудитории стали подтягиваться обладатели натуральных билетов, та была уже не просто полна, а прямо-таки забита.

К моменту появления на сцене Владимира Семеновича конфликт всё ещё не разрешился: слушатели толпились в проходах и на галереях и уже довольно плотно сидели на ступеньках (аудитория представляет собой крутой амфитеатр), а под всеми дверьми возбужденно гудели те, кому не досталось никаких билетов.

И тут случилось непредвиденное.

В самой верхней части аудитории есть двери, соединяющие её с коридором третьего этажа: массивные, дубовые, в полтора человеческого роста. Большую часть года они заперты, по особо торжественным случаям открываются наружу. А тут они в первый и пока последний раз за всю свою жизнь открылись внутрь. И прямо по сидящим на ступеньках покатила волна пьяных от своей удачи безбилетников...

Положение спас Высоцкий: он ударил по струнам и запел что-то энергичное, кажется, «Порвали парус». Все замерли в тех позах, в которых их застигли первые звуки. Потом, когда песня кончилась, все осели, где стояли...

Но память о народном подвиге осталась жить. Девятью годами позже выступавший в той же аудитории Сергей Никитин свои пародии на Высоцкого предварил такими словами: «Говорят, несколько лет назад, когда тут Высоцкий выступал, здесь черт-те что творилось. Двери сломали...».

Вроде всё в воспоминаниях сходится, да? Только разница между годами есть: пишу, что концерт проходил в 1968-м, а Ланцберг – в 1967-м. Я бы согласился, но вот какая неувязка. Высоцкий пел как известные, так и новые песни. Про одну сказал: «Сейчас я спою совсем новую песню, она называется «Жираф» или «Что случилось в Африке».

«В жёлтой жаркой Африке, в центральной её части,
Как-то вдруг вне графика случилось несчастье.
Слон сказал, не разобрав: «Видно, быть потопу...»
В общем так: один Жираф влюбился в Антилопу...»

В историографии песен Владимира Семёновича создание «Жирафа» значит 1968-м годом...

С другой стороны, сам Высоцкий позже рассказывал, что песня писалась для спектакля театра «Современник» «Свой остров». Но спектакль-то вышел и вовсе в 1971-м году! Легенды и реальная жизнь, как это часто бывает, тесно переплетаются. Впрочем, остановимся на этом, поскольку у нас не научно-документальное повествование, а художественная повесть.

В которой приближается моё 14-летие. Ух! Начиная с этой даты, можно вступать во Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи – ВЛКСМ – комсомол. Возникает мысль о комсомоле, и как-то она волнительно греет.

(Продолжение в следующем номере)

Проза

Привалов Иван

***Поздравляем прозаика Ивана Привалова с 50-летием!
Безбрежного здоровья, пусть забудет тело о ранениях, пусть будут
постоянные поводы для радости: нормальное жильё, забота и внимание семьи,
условия для создания новых произведений и их прочитанность в книгах
и литературных изданиях!***

Родился 10 марта 1968 года. Подполковник милиции в отставке. Кавалер Ордена Мужества. Публиковался в журнале «Берега», в газете «День Литературы», в газете МВД России «Щит и меч», на сайте «Российский писатель», в журнале Луганской Народной Республики «Крылья», в газете «Балтийские ведомости». Награжден Почётной грамотой Министерства образования Калининградской области за первое место в конкурсе «Мой ребёнок».

Тот, кто лежал у окна

Рассказ

Палата номер один – она для старших офицеров. Номер два – для офицеров. Три и четыре – для прапорщиков и других. В первую ещё могут попасть милиционеры и герои. Вне зависимости от званий и прочего. Такие палаты есть в каждом госпитале и практически в каждом отделении. Во всяком случае были.

Они просты в своем убранстве: четыре-пять старых, ушатанных, скрипящих и плачущих коек, видевших и переживших, наслушавшихся и впитавших; потолки в недоступных трещинах и грязной махровой паутине; стены покрытые двадцатым или тридцатым слоем масляной (светлой или серой) краски, с системой труб и вентиляций, о назначении которых забыло старое и не желающее знать новое начальство, с обязательной картиной советского периода, как правило – дорогой петляющей в рыжей пшенице или зелёный лес с забытыми родителями медвежатами; стулья; тумбочки; качающийся из стороны в сторону стол; графин; два-три стакана; подаренный кем-то, чтобы не выбрасывать, книжный шкаф, наполненный такими же ненужными кому-то книгами и с барского плеча оставленный чёрно-белый «Шиляллис»; умывальник; зеркало, переживавшее на своем веку столько рож и зубов, что противно вспомнить.

Вроде всё.

Где-то лучше, где-то хуже, но в принципе эти палаты одинаковы. Везде. Есть, конечно, и вип-палаты, с гостиными и душем, но это уже для космонавтов, которых здесь никто не видел и не увидит. Это для высшего командного состава. Или ключевых офицеров – маленьких по званию, но могущие «решать вопросы» – нужные. В зависимости от устремлений и карьерного прицела командования.

Палата пустовала редко. Всегда находился тот, кто стремился заполнить её рабочий холодный вакуум. Тот, кто: давил матрац, скрипел стульями, звенел стаканами, храпом или стонами пугал ночную тишину. А кровати, застывшие замученными военными перед парадом, равнялись. Своим молчаливым, медицинским убранством, вымученной простотой проштампованных пододеяльников, застывшими ушами остроконечных подушек. Ждали своих и чужих. Девками на выданье. Ждущими. Новых и старых. Молодых и постоянных.

Это с виду они все одинаковые. Но это не так... У одной вместо матраца доски. Другая и третья – центральные. У той расшатаны ножки. А об эту всегда цепляется штативом для капельниц медсестра. У каждой, свой характер и свой норов...

А ещё есть счастливые... и не очень.

Те, что вынуждены были бывать тут больше двух раз в году, старались занимать средние койки – очень удобно для медсестры, и справа подойти может, и слева. А крайние... Приходилось всё время менять положение: голова-ноги. И наоборот.

Койка у окна была холодной. Не смотря на заклеенные белой бумагой щели, все время откуда-то поддувало. Но она была счастливой, выписной. И к ней давали второе, серое и колючее одеяло. С этой койки уходили здоровыми. Ну, как правило. Во всяком случае, количество погружений и всплывтий всегда были со знаком равно. Ну, практически. А ещё с неё было видно облака... Не надо было вставать, опираться на подоконник: надо только открыть глаза... И всё... А над головой, на стене, была коробочка. С кнопками, тумблерами. На всякий случай. Вызвать врача. Или медсестру. Но она давно не работала... Видимо, убрать рука не поднималась, так краской и закрасили... Вместе со стеной... Чтобы не выделялась... Всё буднично. Обычная кровать.

И потому её занял давний и знающий, где-то привыкший к ней или полюбивший, а свободной была кровать по соседству. Удобная. Не занятая. Ждущая нетерпеливым скрипом расправленных пружин.

Её обитатель ворвался героем. Сильным, здоровым, жмущим крепкой рукой. Заражающим весельем. Со шлейфом врачей и медсестер. На столе появились фрукты, заменилась вода в графине, добавились стаканы.

Вечером, когда всё утихло и из персонала осталась медсестра и санитарка, из сумки выскочил дорогой коньяк и закуска – прописка. Люди приходят и уходят, а обычаи должны оставаться и передаваться от поколения к поколению. Так заведено – не он придумал, не ему отменять.

Тогда и вовремя и знакомятся. Хотя уже все знали за нового обитателя: Герой России, который здесь на медкомиссии перед новой должностью.

И он, словно извиняясь за отобранную у кого-то кому-то нужную койку, по-простецки разливал живительный янтарь по стаканам. Парень оказался нормальным и почти без закидонов. Будущий генерал, воевавший на Кавказе.

На бульки из бутылки появился тоже. Воевавший. Замечательный рубаха-парень. Бывший другом всех. Всё знающий. Везде участвующий. Через полчаса за столом стало ясно, что именно он победил, тогда в Чечне. И что только по нелепой случайности Героя получил не он. Так бывает. К этому привыкли те, кто был и знает. А слушатели, они как губка впитывали за геройского парня, одобрительно кивающего головой Героя и потому подготовленные, и разогретые, ухмыляясь одобрили, когда он пошёл в атаку на лежащего у окна:

– Кто-то воевал, а кто-то в Ханкале ордена и медали получал!

Знакомы были. И вместе служили. Только один в Ханкале, а другой на Катояме. Один в пыли, второй на БТРе. Один в штабе, а второй везде.

Герой не дал вспыхнуть рукопашной. Да, впрочем, у лежащего у окна не было ни сил, ни желания вступать в перепалку. Только и произнёс:

– Ты не прав.

И лёг, завернувшись в одеяло, как в защитный кокон. От пьяных разборок и обид.

А остальные промолчали, но сделали вывод. О том, кто лежал у окна. Простой и противный: кто-то воевал, а... Скользкий и нехороший. Отложилось на дальней стенке стакана.

Герой прошёл обследование и такой же весёлый и бодрый, в окружении накиннутых на плечи халатов покинул палату.

Появился он через год. Такой же веселый. Почти. С таким же окружением. Поздоровался со всеми. Удивился лежащему у окна:

– Ты что не выписывался?! – и лёг на соседнюю поджидавшую его уже знакомую койку. Молча достал книгу, положил на тумбочку и спрятался от неё под одеяло.

Каждый день его куда-то водили, что-то кололи, куда-то звали...

А ему уже было не радостно. Даже ночью он прятался от мира за одеялом. А если и выглядывал, то звёзды его глаз заливали грустью палату. Лежал и молча выл небу, скрывающемуся за окном.

Днём приезжала жена. Милая и приятная. И все уходили из палаты. У всех находились свои дела. Даже тот, кто лежал у окна, по стеночке тихо выскальзывал в коридор. Так принято. А потом она

уходила. Её улыбок хватало как раз до забора госпиталя. А потом заливалась слезами. Рыдала белугой. До дома. До ночи. До утра.

А тот, который лежал у окна, сидя на лавочке провожал её взглядом. Почти всегда. А однажды она без сил села рядом и, вытирая слезы, долго молчала. Обо всем. И ушла...

– Герой! Пойдем покурим на море!

– Так ты же не куришь!

– Пошли! – засмеялся, тот, который лежал у окна. – Воздухом хоть подышим.

Море встретило шипением – насмотрелось! Придут, камнями закидают, янтарь соберут, наговорят всякой ерунды и уйдут. Тут залаешь!

– Дальше не пойду. А то не смогу вернуться. Сил не хватит.

– Ой да ладно придураться! Молодой совсем!

– Ага... Не смотри, что оболочка хорошая... Ливер в никуда. Это вам, Героям хорошо...

– А что ты знаешь о героях?!

– Ну, не много... Знаю, что кричишь по ночам. Рвёшь подушку зубами. Знаю, что таблетки выбрасываешь. Лечиться не хочешь. Считаешь, что отлетался ты совсем на этом свете...

– Ты чего несёшь! Откуда ты это взял?!

– Да оттуда же... из слёз твоей жены!

– Что! Разболтала?!

– Да нет, насмотрелся... Знаешь, понимаю тебя!

– Да ни хрена ты не понимаешь!

– Понятно. Считаешь – мент. Отсиделся в штабе. А теперь отдыхает в госпитале на казенных харчах. Переубеждать не буду. Как считаешь, так и считай. Могу, конечно, рвануть рубаху на груди, могу назвать пару другую имён, которые расскажут тебе чем занимался в тех краях, где ты заработал звезду Героя. Это не главное. И это неправильно. Не расскажу. Во всяком случае, сейчас.

– Да ладно! С тобой-то всё ясно! Приехал в Ханкалу. Посидел. Нарисовал медальку себе. Коллега твой всё про тебя рассказал, чем ты занимался.

– Ну, раз рассказал, значит так и было. Не в том возрасте, чтобы, как в детском саду, меряться, знаешь чем. У каждого своя война. И мне и говорить не хочется о прошлом.

– А ты расскажи! Намекни о своих подвигах!

– Намекнуть? Помнишь, ты со своими, ребят в Октябрьском районе вытаскивал из окружения?

– Как не помнить пацанов!? Они же герои! Они же почти сутки бились вчетвером! Мы их тоже не сразу смогли отбить... А что ты о них вспомнил?

– А кто они были, помнишь?

– Да вроде разведчики! Уже и не помню...

– Ты тогда сказал: «Вы что камнями отбивались, что ли?».

– Не понял...

– А потом... Месяца через три... Помнишь дом в Чири-Юрте... недостроенный... С краю самого... на развилке...

– А чего не помнить! Мои бойцы вытаскивали... Четверых...

– Ты ещё тогда смеялся: «Балтийский легион»... за надпись на стене... Ещё нужно намекать? Про Шали, где ты был комендантом!? Про блок-пост под Ялхой-Мокх, где ты учил молодого и зелёного мента пить спирт?

– А я тебя не помню!...

– Да и я тебя после всех контузий с трудом вспомнил... Так... Картинки... А ходить и говорить научился совсем недавно...

– Подожди! А этот... коллега твой... он же сказал, что ты всё время в Ханкале просидел... Слушай! Да ты тогда весь закопчённый был... как негр...

– Да и был в Ханкале... Просто у каждого своя работа... Кто-то супермен, а кто-то муравьём, по-тихому, там, где прикажут...

– Ты прости! Не знал. Не вспомнил...

– Брось! Это не главное... Я и сейчас-то здоровее вас всех вместе взятых... За тебя... Совсем всё плохо?!

– Да... Год, два от силы...

– Бывает... И теперь ты решил всех достать своей печалькой?!

– Ты это... не заговаривайся...

– Знаешь... Жизнь – штука непонятная и сложная... Здоровье сегодня есть, завтра – нет. Пошли ты всё и живи сегодня... Раз знаешь, когда – ты счастливый человек...

– И в чём счастье?!

– В том, что знаешь... Слушай! Что я тебе объясню, когда ты сам лучше меня знаешь... Вопрос уже не в тебе... Когда лежал бревном, многое передумал... А выбрался на одной злости... Хотя уже был готов... И жена ушла, и знакомые... Разбитые печалькой... Осталось с десятков друзей... Они и злили... чтобы жил. И ещё поживу!!! А тебе, что морду набить, чтобы окружающим стало легче?

– Уж очень ты борзый, как я посмотрю...

– Ты знаешь зачем я ложусь в этот госпиталь?

– Лечится!

– Не угадал. Часики... – они уже стучат в обратном направлении. Громче и настойчивей. Рано или поздно мы все уйдем под заработанные три выстрела над головой. И вопрос как... Если дома, вынося всем мозги, забросив лекарства – останется недосказанность... Они же всю свою оставшуюся жизнь будут себя считать виноватыми: «Могли, но не настояли! Ведь такой молодой! Мог бы ещё пожить» ... Ты уйдешь, а им сколько это носить в себе?! Ты это подумал? Так сделай, чтобы они думали, что ты прожил месяц-два ещё только благодаря им. И они выполнили свой долг перед тобой на все сто процентов... Не оставляй им после себя чувство вины...

– Ты, вижу, меня уже похоронил...

– А ты умри и родись снова...

– Это как!?

– Как тяжело с вами, военными... Умри! Оставь свою болезнь там, за той чертой! И начни всё с нуля! Ну, тяжело будет... Поначалу... а потом привыкнешь...

– Ты где этому набрался?!

– Не бери в голову, учителя хорошие были...

А кто и кому помогал подняться по крутому, осыпающемуся потоками песка склону, сказать сложно...

А после, свою жену Герой провожал до самых границ госпиталя, ловя каждую капельку счастья её слез...

Через неделю он выписался. С удобной койки... Попрощавшись... Как положено... Традиции нарушать нельзя...

А ещё через неделю с пакетом фруктов и бутылочкой коньяка припёрся наведать... Того, что лежал у окна...

Кровать встретила холодным, грязным матрасом и подушкой в бурых разводах и пятнах... Обнажённая, бьющая по нервам прошлыми болями и страданиями, от белоснежного и защитного, призывного и гордого, проштампованного убранства...

– А где? Этот!

Медсестра посмотрела на него:

– Выписали его...

– Слушай! А нельзя посмотреть где он живет... Что-то не успели обменяться координатами... Забежать к нему хочу...

– Забежать?... Не скажу даже!..

– Да ладно! Гляньте в историю!

А подошедший доктор, положив руку на плечо, тихо так... Обронил...

– Она не скажет...

– Да почему?

– Выписали его..., уже навсегда...

Того, кто отсиживался в Ханкале и рисовал себе медальку...

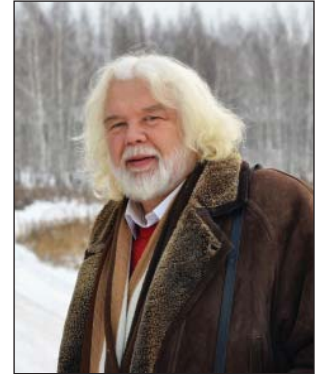
Того, кто лежал на счастливой койке, у окна... С видом на облака...

В палате номер один...

Поэзия

Игорь Тюленев

Тюленев Игорь Николаевич родился в 1953 г. на Урале. Поэт, почетный гражданин поселения городского типа Новоильинский Нытвенского района Пермского края – родины поэта. Окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького в Москве (мастерская Юрия Кузнецова, 1991 г.). Автор 21 сборника стихов и многочисленных публикаций во всесоюзных альманахах, сборниках, литературно-художественных журналах. Член Союза писателей СССР с 1989 г. Секретарь Союза писателей России.

Лауреат Всесоюзного литературного конкурса им. Николая Островского. Лауреат премии им. Фатиха Карима в номинации «Русская литература» (республика Башкортостан). Лауреат премии Союза писателей России «Традиция». Дважды Лауреат журнала «Наши Современники». Лауреат премии «Имперская культура». Лауреат Международной премии им. Сергея Михалкова «Лучшая книга 2012 года». Победитель VIII Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь».

КЕРЧЕНСКИЙ МОСТ

Здесь море нездешнею силой
Опоры вжимает в пески -
На этих железах Россия
Стоит широко по-мужски!
А мы же глаголы швыряем,
Как глыбы под будущий мост!
Чтоб Русское море под нами
Навеки с Россией срослось.
Ты видишь, как строят дорогу?
Где рельсы и мысли впритык!
Оттуда возносится к Богу,
В зазубринах русский язык.

ЛЁД НЕДОЛГИЙ

Лёд последний, лёд недолгий
Мимо берега плывёт!
То не Кама и не Волга,
И не белый пароход.
Под ногой шуршанье гальки
Не сравню с пригоршней звезд.
Там другие ёлки-палки,
Скорость и вселенский рост!
Выдох прогибает воздух,
Но на место ставит вдох!
Полсекунды будет роздых –
Не застанут нас врасплох!
Лёд последний, лёд недолгий
По небу уже плывёт.
Это Кама! Это Волга!
Это белый пароход!

* * *

Снег в полях растаял.
Кто бы это знал?
На железке старой
Укатил вокзал.
Скверная погода
Ходит в неглиже.
Посреди народа
Муторно душе.
В промельк вслед за солнцем
Выглянет весна!
Словно из оконца
Бабушка моя.
Потчует прохожих,
Воровских людей.
Кто до дней тех дожил –
Согласится с ней.
Мужики и волки
Растопили стынь,
Русские наколки
Улетели в синь.

Я УСЛЫШАЛ

Я услышал, что где-то кричали...
Это птицы тревожат страну!
Даже те, кто в конце и в начале,
Вместе ждут, как Мессию – Весну!
Я не допил вино из стакана.
Бросил в двери в зазубринах нож!
Эти птицы летят с Индостана,
А вожак на индуса похож.

Птицы ищут забытые зёрна,
Что зима сохранила в снегах...
Пусть Вселенная иллюзорна,
Но Отчизна стоит на крестах!
Я вполглаза смотрю и вполуха,
Слышу внутренний голос толпы,
Как мираж брезжит Индия Духа
Вдоль великой Уральской гряды.

ВНУК

Прильнёт к фотографии детской моей
Мой внук, словно он – это я!
О, как мы похожи по крови своей –
Мы всё же одна с ним родня!
Вечерняя мне остаётся заря!
Ему над рекою – рассвет!
Я знаю, что жизнь свою прожил не зря,
Как русский, советский поэт!
Никто мне поэтом быть не разрешал.
Бранили мой искренний стих –
Баркова с Державиным перемешал
Мол, я в сочиненьях своих.
Опять о себе, а мой внук на коне
Собрался по лугу скакать!
Пегас оставляет следы на траве
И мне его не обогнать

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи малышка, сладко-сладко,
Золотая зорька спи.
Солнце спит в своей кровати
Спят ветра вперегонки.
Спи моя звезда рассвета,
Засыпай моё дитя,
Словно новая планета
В чистых небесах Христа!
Я дождусь восхода солнца,
Спи, малютка, баю-бай.
Пусть летит в твоё оконце
Белый пух от райских стай.

КОГДА ТЕБЕ ЗА ШЕСТЬДЕСЯТ

Когда тебе за шестьдесят,
Захочешь – не рванёшь назад,
Сшибая сверстников со сцены,
Но отделивший «ты» от «я»,
Выносишь тайну бытия,
Как гладиатора с арены.

Согласен, нужно долго жить,
Чтоб на земле всё искупить,
Что не вмещается на небе.
Любовь, предательство, обман,
И мимолётной девы стан,
И яд льстецов, и лезть плембеев.

Когда тебе за шестьдесят,
Уже нельзя ломать уклад,
Всё крутится, как по спирали,
Хотя не знаешь вверх или вниз?
И ловишь взгляд из-за кулис,
Того, кого сюда не звали.

Я самых близких гнобил сам,
Душе и сердцу – стыд и срам,
Но матушка меня любила!
Хотя и мало пожила –
Мне свои годы отдала,
Не выдумал я – так всё было!

Скрипит на мой чердак ступень,
И Переделкино, и Пермь.
И Курская дуга под носом?
Лязг гусениц гремит в душе!
И вдруг улыбка до ушей –
То внук пристал к тебе с допросом...

И забываешь про стихи.
И забываешь про грехи.
Слова мальчишки бьют шрапнелью!
Когда тебе за шестьдесят?
(на печках дедушки лежат),
А ты бежишь за карамелью...

ПРИСТАНЬ ДЕТСТВА

А мама на пристани смотрит в глухую тайгу.
Вот папа причалил с арбузом с верховий на лодке.
Я на деревянной лошадке мешаю врагу,
Колю его саблей, топчу его маленькой ножкой...

На Каме к восьмому приколу пристали плоты,
Кричат плотогоны – «бугор» отвечает им матом!
А мне лет пятнадцать расти до своей бороды,
Увеча врагов, их всегда на Руси многовато.

А мама от радости к папе бежит по мосткам.
Они молодые ещё и конечно безгрешны.
Их ангелы смотрят и верят сердечным толчкам,
Плывя по теченью на облаке мимо неспешно.

РУСЬ УХОДЯЩАЯ

Церковь на боку лежит,
 В неё отцы молились...
 Не блудил здесь Вечный Жид,
 Роты не рубились.
 Русь уходит, говорят,
 Да уйти не может.
 Маковки в траве горят, -
 Подойди, прохожий,
 Мимоходом наклонись,
 Как за земляничкой.
 Русским в пояс поклонись.
 Можешь четвертинкой
 Помянуть былой народ...
 Или рановато?
 Посмотри, сюда идёт
 В ватниках бригада.
 Топоры да пилы есть –
 Мужики найдутся.
 Хватит по углам хмелеть!
 (Бесы усмехнутся...)
 Что ж нам русским горевать,
 Воспевая дали?
 На родной земле стоять!
 Разных повидали.
 Либералов, немчуру.
 Подленьких французов.
 Ляха, шведа, чтоб ему
 Было голопузо!
 Снова нагло лезет мразь,
 Мрази всё неймётся.
 Рвётся с Родиною связь,
 Да не надорвётся!
 Мы прощаться погодим.
 Потрясём банкиров.
 Ложь в металлолом сдадим.
 Выйдем из тракторов.
 Скажем: – Здравствуй Белый Свет!
 Здравствуй, Русь-сторонка!
 Бесподобен твой портрет,
 Как лицо ребёнка.

* * *

От ресниц взмывают блики
 И уходят в толщу вод.
 Спит в плацкарте мой великий
 Богоизбранный народ!

У него носки дырявы
 И в карманах ни гроша...
 А банкиры все трехглавы,
 Им драконы – кореша!

И не Тютчев, не Есенин
 Не растопят их сердец?
 Ротшильд – их зловредный гений
 С долларом наперевес!

Ворох иудейских басен
 С детства в лоб банкира вбит...
 Пугачев где, Стенька Разин...
 Эти карты нечем крыть.

Да зачем нам это надо?
 Мне довольно и того -
 Жить не поздно и не рано
 Средь народа своего.

* * *

Никуда трамвай не едет,
 Самолёты не летают.
 Вот уже вселенной дети
 О вселенной не мечтают.
 На полатах ищет старость
 В одиночестве прозреньё,
 Но впадает космос в ярость –
 Чувствую его движенье.
 Грянет гром, завоюет ливень
 Страшно в трубы водостока!
 Выйдешь – мир глубок и дивен!
 Литр берёзового сока
 Словно водка освежает.
 Сквозняки по небу мчатся.
 Вновь Отчизна оживает!
 Детские глаза лучатся!
 И трамвай куда-то едет,
 Самолёты ввысь взлетают.
 Вот уже вселенной дети
 Вновь о будущем мечтают.

* * *

От Уральских суровых подзолов
 До Аляски разгоним коней!
 Нет, Россия не имеет позора
 С густо-синим прищуром, как Гжель.
 Заиграют гражданские силы!
 Твёрдость духа отсель и досель
 Обожмет золотую Россию -
 Зазвучит соловьиная трель!
 От земли до космических пашен
 И опять до земли свысока!..
 Отпадут от России «не наши»,
 Словно слепни с груди рысак.

Наталья Советная

Наталья Викторовна Советная родилась в пос. Янтарный Приморского района Калининградской области. Кандидат психологических наук. Член Союза писателей России, СП Беларуси, СП Союзного государства. Председатель оргкомитета Международного конкурса лирико-патриотической поэзии им. поэта и воина Игоря Григорьева (1923–1996). Прозаик, поэт, публицист. Автор публикаций в журналах и многочисленных альманахах: «Литературная учёба», «Наши современники», «Московский Парнас», «Нёман», «Новая Немига литературная», «Окно», «Качели», «Польмя», «Белая вежа», «Армия и культура», «Невская перспектива», «Мгинские мосты», «Земляки», «Симбирск», «Родная Ладога», «Берега» и др. Автор книг поэзии и прозы, в т.ч. «В поиске сокровища», «За краем света», «Тайна русского Царя», «Два поклона», «Увидеть ветер», «Венчики золотые», «На земном подсвечнике», «Пучок травы». Награждена орденом «За веру и верность» (Москва, 2016), медалями «Святой Благоверный Великий князь Александр Невский» (2006), «Василий Шукшин» (2014), «Поэт и воин Игорь Николаевич Григорьев (1923–1996)» (2015), «За вялікі ўклад у літаратуру» (Минск, 2016) и др. Лауреат литературных конкурсов Белорусского Экзархата РПЦ и газеты «Воскресение» (2008, 2014). Победитель конкурса Фестиваля исторической поэзии «Словенское поле-2015» (Псков), Всероссийской литературной премии им. А.К. Толстого (2016).

ЗЕМЛЯ

Земля, ты плоти каждой продолженье,
Приют и сущим, и достигшим тленья –
Кто в злобе жил иль жил любя...
От гор до дна даришь себя!
Ты вся сама – миры и поколенья,

Пространство, время, притяженье.
Ты – тайна тайн. Источник. Прах. –
Хоть шар земной, хоть горсть в руках.
И, коли брошено зерно,
Твоим теплом взойдёт оно.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Он прилетел и крылья распротёр
Над полем с чёрною проталиной.
Весны не разгорелся жар-костёр –
В снегах – всего одна подпалина.
Рванулся в небо клёкот, словно крик,
И аист, как дитя, к земле приник.

Весь перепачкан липкой глиною,
Поймать пытаюсь клювом солнца блик,
Он грязь месил ногами длинными
И чувствовал её в тот час и миг
Уютной, мягкой периною.

СТИХИИ

Застывшим солнцем в капельках смолы
Волна морская, берег окропляя,
Явила связь стихий с небесным краем
Застывшим солнцем в капельках смолы!
В янтарный одуванчиковый май
Весна, цветущим светом озаряя,
Плеснула нам Божественного Рая:
Янтарный одуванчиковый май...

В медово-яблочный созревший Спас,
Плоды земные в храме освящая,
Омыла благостью вода святая
Медово-яблочный созревший Спас.
Лампадка осени – светильник-лес,
Огнём купинным землю согревая,
Рассыпал листья – радость даровая! –
Лампадка осени – светильник-лес.

Надеждой тёплой в искорках снегов
Крещенский день, просторы осеняя,
Благословил союз зимы и мая –
Надеждой тёплой в искорках снегов.
Воскресшим солнцем в пламени сердец
Любовь людская, мир от зла спасая,
Связала край земной да с небокраем
Воскресшим солнцем в пламени сердец!

Я ВЗГЛЯДОМ ПРОРАСТАЮ
В НЕБО

Я взглядом прорастаю в небо!
И боль моя, как будто небыль,
И быль земная, словно космос,
Где звёзды зыбкие, как росы.

Я в небо, в небо прорастаю!
А там, внизу, кружатся стаи
Ужасных погребальных грифов –
Теней страстей – увы, не мифов...

Я в небо прорастаю взглядом,
О, сколько глаз со мною рядом!
В них слёзы, блеск немой надежды:
Там Свет! Там белые одежды!

ОТРАЖЕНИЕ

Плыл солнцем Храм над бледною землёю,
Средь облаков плыл Божий Храм!
Кресты блистали звёздною куржою,
И звоном лился птичий гам.

Земная Церковь – отраженье неба! –
Сияла и взлетала ввысь.
Переплетались светом быль и небыль –
Струилась и шумела жизнь...

Вмиг видимым невидимое стало –
И радость вдруг, но ожил страх
(Смиренья, зная, душа скопила мало...) –
Рождалось чудо на глазах!

Три белых воина явились взору,
Три свято-огненных гонца,
Как ясны соколы – по синь-простору,
Над Русь-печалью в три конца.

Разили стрелами – и тени гасли,
И новый, новый Храм вставал!..
Младенец спал на сене в грубых яслях.
И к Пасхе золотился краснотал.

* * *

Пояса мои, поясочки!
Ткали вас с молитвою ночки,
Вечера сплетали да с песней,
К свадьбе – жениху и невесте.
С берегами от раздора,
От разлучницы и от вора.

Пояса мои, поясочки!
Для сынков родимых, для дочки.
Коловраты* на них, зайчики*,
Чтоб рождались в роду мальчики.
С богодаровою* защитой,
Чаровратом* от зла сокрыты.

Пояса мои, поясочки,
Да цветные крестики, точки.
С ратиборцем*, зничем*, истоком* –
Под Всевидящим Отчим Оком.
Крест для мудрости и от сглаза,
От пожаров да от заразы.

Хлебный первый сноп перевяжет
И в последний час пояс – Княже.
От беды спастись он поможет.
Распоясаться – не дай, Боже!
Озарит духовною силой...
Повязаться б им – всему миру!

* – названия традиционных оберегов, используемых
в т.ч. при ткачестве народных поясов.

23. 01.2018г.

ВЕТЕР РАДОСТИ

Случается, при полной тишине,
Когда прозрачный воздух неподвижен,
Качнётся занавеска на окне,
И кто-то, самый близкий, станет ближе...

Вдруг вздрогнет, затрепещет Божий мир,
И заиграют Ангелы-музыки,
Ликуя, запоёт небесный клир,
И лица вмиг преобразятся – в лики!

...Восторг теснит разбуженную грудь. –
Душа, порывы милости обильной
Вдыхай, вдыхай!
А ветер будет дуть –
Незримый ветер Радости всесильной!

29.12.2017г.

* * *

*Памяти Евдокии Кузнецовой,
бабушки моей*

Снежно-слёзно с небес задождило –
Наглоталась земелька воды.
На песках, как в болотине сыро,
На болоте – разлились пруды.

Голый лес в мокроте по колено.
По утру леденится куржа.
Меж деревьев ожившею тенью –
Словно чья-то родная душа...

Босиком, как велось по старинке,
Чтоб сберечь красоту-башмаки,
Шла девчушка колючей тропинкой
На заутреню в храм у реки.

Шла торопко, ведь день-то пасхальный –
Воскрешение славить пора!
Белы ножки румяными стали,
Как холодная в зиму заря...

Босоноги берёзоньки, тоже
Черевички решили хранить?
Как на девочку ту вы похожи!
Как крепка мироздания нить!

23.11.17 г.

* * *

Весь мир сегодня стал товаром:
Возьми! Попробуй! Откуси!
Купи! Владей! Почти задаром
(пусть позавидуют!) фарси!

И объявленья, как отмычки
От всех замков.
Рябит в глазах!
Вновь кто-то в клоунском обличье
Безжалостный нам ставит «шах».

Асфальт с уродицей-рекламой
Чуть прикрывает листопад.
Там, под ногами – Мириамы,
Татьяны, Аси...
Снова – «мат»!

Иноязычный слог змеится,
Не сыщешь никаких концов...
Не званных много –
Поживиться!
И скуден счёт на мудрецов...

...К морозам облетают листья.
Притихли вздохи и слова...
Но, как и ныне, так и присно –
Любовь останется права!

СУДЬБА

Вот такая судьба: я из двух половинок.
Половинка одна прикипела к земле,
Где исхожено много дорог и тропинок
И где отчее видится даже во мгле,
Даже в пне от берёзы в родимой сторонке,
Даже в поле пустом, где деревня жила.
До войны она пела так солнечно-звонко!
Онемела... Сгорела... Остыла зола.

Моё отчее – в городе, добром и тихом.
На пригорке там бабушкин домик стоит...
Обожгло Городок* несказанное лихо:
Будь солдат, партизан иль еврей – всё убит...
В центре – каждый седьмой,
каждый пятый – в районе.
В Воробьёвых горах** на крови – буйный лес,
На берёзах в Берёзовке** пышные кроны –
Пировал на костях на окраине бес...

Есть Дубровно*** ещё, и в земле его горькой
Безутешные слёзы отцовской родни
По пропавшим в боях на войне злобно-золкой.
В чьих дубравах навек схоронились они?
А вторая моя – не отнять! – половинка
Помнит детство своё в необъятной стране,
Где родною была мне любая травинка,
Где была я родною в любой стороне.

И звалась она радостно Родиной-мамой,
Как звучало торжественно: эС-Сэ-Сэ-эР,
И Отчизною мне – была самою-самой!
Только кто-то включил уже секундомер.
Только кто-то извне полоснул меня саблей,
Уничтожить любовь пожелал на корню.
Но, похоже, ступил на железные грабли –
Я, по-прежнему, Русь с Беларусью люблю!

* Городок – город в Витебской области, районный центр.

** Воробьёвы горы и д. Берёзовка – места массовых расстрелов на Городокщине в годы Великой Отечественной войны.

*** Дубровно – районный центр в Витебской области.

Поэзия

Николай Дик

Дик Николай Францевич родился в 1954 году в Казахстане, с 1974 года проживает в г. Азове Ростовской области. Публицист, прозаик и поэт, автор свыше 120 книг по педагогике и методике воспитания, четырёх книг прозы (рассказы и повести), шестнадцати сборников стихов, четырёх книг публицистики, изданных в девяти издательствах России. Член Союза журналистов России, Союза писателей России, Союза литераторов Европы и Межрегионального союза писателей; лауреат и призёр более двадцати литературных конкурсов различного уровня, кавалер семи медалей и четырёх орденов Всероссийских и международных общественных организаций, лауреат международной литературной премии имени Игоря Царёва за 2017 год.

* * *

Что нет на свете Счастья, не верь в слепую ложь.
Ищи меня в ненастье – захочешь, то найдёшь.
Я призраком в тумане блуждаю – жду тебя,
и если ты изранен, прижму к себе любя.

Найдёшь меня повсюду, лишь сердце отвори –
войду апрельским чудом в седые январь.
Со мной верста дороги короче в сотни раз,
но лёгкие ожоги не надо напоказ.

Ищи меня, но веря, что я не подведу,
и не открою двери тому, кто на беду.
Иди за мной по свету, преодолая дрожь...
А если канешь в Лету, меня и там найдёшь.

* * *

Добавит пару строчек осень
на занавешенную просинь
и спрячет перья до весны
под свежесмытой крышей
в уютной батарейной нише
смотреть стареющие сны.

Зима покроет город прозой,
на волю выпустит морозы,
скуёт замёрзшие тела
за то, что летом не успели
перечитать стихи апреля
пока пурга не замела.

* * *

День возвращает минуты из ночи,
та покидает быстрее одеяло.
Время зиме подчиняться не хочет –
мало ли что в декабре обещало.

Новое утро минутой богаче,
ночь уходящая прежней короче.
Стрелки за мартом спешат, а иначе
могут лишиться своих полномочий.

Быстро меняются дни и недели.
С каждой зарёй прибавляются шансы
тех, кто полгода назад не допели
бабьему лету ночные романсы.

* * *

На подошвах, израненных временем,
мы выносим из дома обидное,
избавляясь от тяжкого бремени
раздирающего очевидного.

По асфальту разносим ненужное,
по трамваям – гнилую обыденность,
по театрам – измену замужнюю,
а по жизни – свою непредвиденность.

Что отлипло, к другому прицепится
вместе с грязью осенней распутицы...
Так и бродит по миру нелепица
на подошвах случайной попутчицей.

* * *

Невольно опускаюсь в сущий ад,
где каждый третий сплетнями распят,
за магарыч прощаются грехи,
кто не сумел – остался у сохи;
где у суда безвинный виноват,
а подхалим у власти нарасхват.

Здесь тихий ждёт, а наглый обогнал,
кошель на бис, а бедный – на мангал;
цены не сложит жадность за приём,
ей пресловутый кризис нипочём,
и обыватель бьётся об заклад,
что вынуждают опускаться в ад.

* * *

Молодею, старикам не верил,
собирался мир перевернуть.
Не заметил, как скопил потери,
погружаясь в жизненную суть.
На плечах не выросли погоны,
растрепались крылья на лету.
Оглушённый криком пустозвонов,
с облаков спустился в суету.
Пережил не много и немало,
наворочал всевозможных дел,
только то, что мама завещала,
до сих пор исполнить не успел.

* * *

Надувает щёки лёд, у причала дальнего
оживает теплоход из руин печального.
Разобиженный февраль из ларца приданного
на полгода в календарь солнце долгожданное.

Белоснежная пурга вынуждена прятаться –
не метут уже снега с выходных до пятницы.
Новогодней кутерьме отзвенела звонница
и теперь святой весне ежедневно молится.

Через пару дней сбежит зимняя красавица –
на деревьях малахит ей совсем не нравится.
Тает снежная фата – ничего фатального:
март меняет иногда место для дневального.

* * *

В тучах промокшие своды.
В отблесках праздничных лужи.
Ночь уходящего года
вальсом по городу кружит.

Стихли застольные тосты,
в сон погружаются башни.
Только проститься непросто
городу с годом вчерашним.

Слёзы по стёклам недаром –
что в нём останется прежним,
если уже на бульваре
завтра в январской одежде?

* * *

Мы в часах песочных горизонтом бредим,
в трубах водосточных мечемся по средам,
а с утра под рыбу подают в кафешке
где-то на отшибе впопыхах и в спешке.

Лечимся от хвори маминой примочкой,
вечерами спорим о соседской дочке;
вымеряя годы мелкими шагами,
стряпаем погоду тем, кто правит нами.

В узкой горловине проклинаям долю –
жизнь наполовину, а хотелось воли.
И живём надеждой вырваться наружу,
где полям безбрежным станешь снова нужен.

* * *

Запрета нет на искренний вопрос –
не все готовы к умному ответу.
Но щегольнуть пытаются при этом,
протараторив, ты, мол, не дорос.
С порога детства до ума седин
находим сами выходы и входы,
пока желанья скосит непогода,
а любопытство сменит анальгин.
Тогда у нас на каверзный вопрос
готов ответ, но вряд ли он кому-то
облегчит выбор нужного маршрута
через овраг, что лживостью зарос.

* * *

Кто-то скажет – постарел, опустили плечи.
Только мне от груды дел с каждым днём не легче.
Без меня – не утечёт ручеек в канаву,
не увидит синий лёд мальчуган чернявый.

Не распустятся цветы в марте на поляне,
не увидят красоты поутру земляне.
Не научатся летать молодые мысли,
не имела бы тетрадь никакого смысла.

Разбегаясь, не вели в дом пути-дороги,
оставались на мели ждущие подмоги.
Не осталась бы лыжня до капли белой...
Если б не было меня, кто бы это делал?

* * *

Безысходность забытых окраин,
обездоленность узеньких улиц...
Кто заглянет сюда, как ни Каин,
и уйдёт, под наживой сутулясь.
Кто увидит за ветхим забором
ветеранов ушедшей эпохи,
что нужда докучает измором
в огороде на грядке гороха?
Фонарям не находится места,
разухабались грязные лужи,
под ногами прокисшее тесто,
а зимою бывает и хуже.
На бульваре счастливые лица
раздают по улыбке проходим...
Лишь окраине ночью не спится
от того, что на них непохожа.

* * *

Мы остаёмся взаперти
своих иллюзий и мечтаний,
пытаясь ими обвести
свой возраст вечно нежеланный.
Года мешают нам взлететь,
затем – в реальность возвратиться,
и остаёмся гордой птицей,
попавшей в призрачную сеть.
Минуты жизни, как назло,
то отстают, то убегают...
Но если честно – повезло
губами прикоснуться к маю,
любовь однажды обрести,
вдвоём испить вино желаний
и у иллюзий первозданных
навек остаться взаперти.

* * *

Предосеннюю ночь
перешить в романтический закат,
звездопад растолочь
и отправиться вновь наугад
по небесной тропе
не рождённых заманчивых звёзд,
чтоб ещё раз успеть
ухватиться комете за хвост.

Чтобы снова зайти
в предосеннюю ночь на заре,
не смотри на дожди
и с кометой не вздумай сгореть,
а иди наугад
по тропе перемолотых звёзд,
зная – любящий взгляд
избавляет от массы невзгод.

* * *

Дурак сболтнёт, безумец переверёт,
переобует в сплетню недалёкий,
и поползут из-под гнилых ворот
не то молва, не то простые склоки.

Армагеддон, проклятья и потоп,
вселенский разум, чудища и Йети.
Других проблем не видит твердолоб –
он за нужду бездомных не в ответе.

Молва и слухи ринутся в народ,
их приумножит хитрый воротила
и с простака втридорога сдерёт...

Знать, хитреца молва обогатила.
Как говорят – нет дыма без огня:
кому-то служат злые кривотолки.
Пока живёт на свете болтовня,
лежать зубам безропотных на полке.

* * *

Прошу, читай – мне это надо,
по в кровь искусанным губам
скупые строки листопада
с душевной болью пополам.

Читай меня по робким взглядам,
по не озвученным стихам.
Они с тобою были рядом,
но прочитать боялся сам.

Смешил не ради удовольствий,
грешил без видимых причин,
боясь, что в омуте безмолвства
останусь осенью один.

Пока тобою не разгадан,
читай по прожитым годам...
А разгадаешь, то в награду
остаток дней своих отдам.

* * *

Кто-то множит минуты, слагая их в дни,
ожидая прихода желанного друга.
А другие желают остаться одни
и бесцельно бродить под луною по кругу.

Одному по душе нескончаемый бал.
Для другого – покой превосходное средство
от проблем, что за сутки себе накопал,
и не надо ему показного кокетства.

Говорливость не признак большого ума.
Коллективно не всё удаётся осилить.
Не всегда одиночество сердцу тюрьма,
как и счастье не только в цветастом текстиле.

Одного исцеляет от боли покой,
а другого – сочувствие нежного слова...
Нелюдим разбавляет разлуку слезой,
весельчак без проблемы находит другого.

* * *

Жизнь не то, что на вырост рубаха –
не подшить, не заправить в штаны.
Поздно, батенька, вечером ахать,
если днём не заметил длины.

Не подгонишь её под размеры,
не заштопаешь глупость и дурь,
не закрасишь в невинное серый
отпечаток от ветреных бурь.

Всем по-разному выдано право
наслаждаться дыханием лет,
посему, и не стоит коряво
выводить свой весенний сонет.

Переписывать будет сложнее.
Не рубаха – на стирку не сдашь.
Оставаясь всю жизнь Одиссеем,
берегите житейский багаж...

* * *

Случалось ли услышать приговор
последнего трамвая на конечной,
и подсмотреть, как в полночь на Заречной
скучает одинокий светофор?

Вы слышали, как город говорит
в полночный час, когда закрыты окна;
когда трава в ночной росе промокла
и звездопад срывается с орбит?

О чём его беззвучные слова?
Обиды ли, а может быть, секреты?
Или стихи для юного рассвета
слагает пожелтевшая листва?

Прислушайтесь к дыханию времён.
Бульвары вам поведают о многом...
Окажется, что город в недотрогу
был вместе с вами в юности влюблён.

* * *

Настроишь себя, и покажется просто
надеть настроенье на хрупкие плечи.
А кто упрекнёт, что оно не по росту,
ему позитив не захочет перечить.

Легко оптимизмом себя подпоясать,
суровые тучи с утра не заметить,
отправить подальше судьбы выкрутасы,
оставить болячки свои в лазарете.

В завьюженных буднях январской недели
услышать мольбу осуждённого марта;
признаться сейчас, что вчера не посмели
тому, кто сидел рядом с вами за партой.

Проблемы осияют и раны залечат
обычное счастье и миг пробуждения,
когда надеваешь на хрупкие плечи
настрой на удачу, любовь и везенье.

Поэзия

Эд Побужанский

**Поздравляем поэта Эда Побужанского с 50-летием!
Желаем любви, непринужденности, свежих идей и их воплощения,
новых радостных встреч, верных друзей, прекрасного самочувствия,
вдохновения и творческих удач, целеустремленности и крепости духа!**

Родился 19 апреля 1968 года в г. Черновцы (Украина). Детство и юность провёл в г. Единец на севере Молдавии. Окончил школу с золотой медалью. Служил в армии. Окончил факультет журналистики Молдавского государственного университета (специализация «издательское дело») и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького (поэтический семинар Юрия Кузнецова). Работал на радио, в газетах и журналах. Дебютировал поэтическим сборником «Светосплетенья», вышедшим в 1992 году в Кишинёве тиражом 1 500 экз. Автор четырёх стихотворных книг. Стихи публиковались в журналах «Крещатик», «Алтай» и др., были переведены на румынский и украинский языки. Член Союза писателей России. Основатель и главный редактор издательства «Образ» и одноимённого альманаха современной поэзии. Живёт в Москве.

Ромашковый чай

(Стихи из новой книги «Между слов»)

СТАРЫЙ ПОЭТ

Поэт седой на клумбах звёздных,
Ночным часам теряя счёт,
Опять пропальывает воздух –
И тот густой строкой цветёт!

Занятым тайным увлечённый,
Хоть нет ни сил, ни куража,
Он отдохнёт, лишь рифмы-пчелы
Над первоцветом закружат...

В ТЕАТРЕ

В театре, как в самолёте:
«Просим занять свои кресла
И отключить телефоны».
Занавес в небо!
Взлетаем!

В театре, как в самолёте:
Партер аплодирует сидя.
Посадка прошла успешно,
Мы снова вернулись
На землю.

ДУША

У него полно забот,
Но на то он Боже,
Чтобы знать: душа вот-вот
Вылетит из кожи.

Потому что – допекло,
Потому что – осень.
Не ударится в стекло,
Вылетит, не спросит.

Выше линий передач,
Вслед за птицей белой,
Но услышит женский плач
И – вернётся в тело.

КУСТУРИЦА

В семье квадратов из Белграда
Росли два сына – два квадрата.
И ждали третьего... Но вдруг
Родился не квадрат, а круг!
Квадрат не стал ругать супругу,
А взял две ракии и к другу.

«Ну как, скажи, она могла,
Ведь в нём ни одного угла!
Пусть не квадрат, пусть треугольник,
Но – круг! Замешан тут любовник!»
«О, я бы так не ревновал, –
Ему ответил друг (овал). –
Ведь знают все друзья в округе,
Что нет верней твоей супруги!»

(А дети были рады: «Братик!
Кружок не хуже, чем квадратик!»)

ГОРЕЧЬ

На душе такая горечь,
Хоть вставай на табурет!
Где вы, Женя Бунимович,
Со стихами чебурек*?

И чешу я дальним лесом,
Повторяя, как устав:
Кто обрезан, тот с обрезом,
Кто с обрезом, тот и прав!

* «Я простой московский чебурек...»
(Евгений Бунимович, 1986 г.)

ДУБРОВСКИЙ

Сорок два... Выходи и не мешкай
За любого, но кто он – любой?
И сам Пушкин, похоже, с усмешкой
Смотрит в класс со стены голубой.

Трудовик – ветеран Уралмаша,
А физрук неотёсан зело...
...И опять Марь Кирилловна, Маша,
В парк придёт и заглянет в дупло.

СТАРОРОДЯЩАЯ

Пусть говорят «старородящая»,
Но ты-то знаешь: в сорок три
Одно лишь важно – настоящее,
Оно бьёт ножкой изнутри.

Неважно, женится не женится
И как ты до того жила,
Сейчас ты женщина-роженица,
А значит, богова жена.

ВОЙНА

Твои генералы вконец ошалеют,
В широких лампасах нет правды и чести,
Шинели из драпа пропахнут «Шанелью»:
«Шанель № 300», «Шанель № 200».

Война всех пометит кровавою охрой,
Вовек не отмыться – не смоешь ожоги,
И то, как мы жили, – и бедно, и плохо –
Покажется лучшими днями для многих...

ВСТРЕЧА

Если в воздухе мало «вай-фая»,
то в руках отсыхают смартфоны,
и приходится – как это странно! –
друг на друга смотреть... И в словах
оставлять разноцветные нитки:
потянул и продолжил беседу
на любую неважную тему –
как же здорово просто болтать,
улыбаясь друг другу беспечно,
и случайно (как будто случайно)
к оголённой руке прикасаться!

КУПАЛЬНИ

В термальных водах Будапешта,
Богатых фтором или бором,
Я буду греть бока неспешно,
Как отпускной заезжий боров.
А что вы, собственно, хотели
От отпрыска страны недалней?
Душе – крещенские купели,
А телу – райские купальни.

КРОКОДИЛ

Если б жил я в таёжной деревне,
То на речку б один не ходил –
Мужики говорят: «Там наемни
Низко-низко летал крокодил».
Я бы пил, но не так чтобы крепко,
Да намазывал масло на шиш,
А когда уродилась бы репка,
То не звал бы ни жучку, ни мышь.
Поутру бы, в трусах по колено,
Я б колот за сараем дрова.
Крокодил, он того... не полено...
Лишь бы яблоки не воровал.

КАРАНДАШИ

Бог выдаёт старикам
цветные карандаши,
и они, словно дети,
с азартом начинают
заново раскрашивать
контурные рисунки
памяти зыбкой.
Как быстро
стачиваются карандаши!
Особенно жёлтый,
зелёный и синий.
А чёрный лежит нетронутый,
острый, как факт.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Грелка в ноги, судоку
Да ромашковый чай.
Моё сердце в субботу
Перестанет стучать.
Санитарочка бодро
Перестелет бельё.
Всё? Не всё.
За субботой
Воскресенье моё.

Берега литературного наследия

Юрий Кузнецов

Лекция «Слезы в поэзии»

Из огромного наследия Ю.П. Кузнецова особняком стоит его преподавательская деятельность. Кузнецов был не только гениальным Поэтом, но и Учителем, Мастером.

Его семинары никого не оставляли равнодушным. Были в них и великолепные импровизации, и глубоко обдуманные, построенные откровения, был поиск. С ним можно было соглашаться или не соглашаться, но нельзя было отсиживаться. Они заставляли человека самоопределиться. Поэтому из семинара либо сразу уходили, либо шли за ним до конца, заряжаясь его творческой мощью и отвагой. Он заставлял думать, творить. И в то же время все его темы очень много дают для понимания творчества самого Поэта. В том, как он показывает тему, как постепенно раскручивает, затрагивая и фольклор, и мировую поэзию виден индивидуальный творческий метод.

Это раздумья Мастера, которыми он умел щедро делиться. Я не вправе ничего менять.

Темы идут в том порядке, как давал нам их Юрий Поликарпович. Вечные темы поэзии, темы импровизированные, вызванные нашим творчеством. Мне кажется все они – великое наследие, оставленное нам Учителем.

Марина Гах

Плач начинается с рождения человека. Он рождается и плачет. Входит в мир с плачем. Глоток воздуха – боль обжигает лёгкие. Противоположное плачу – смех. Может совпадать – «смех сквозь слезы» – у Гоголя, Сервантеса.

Смех и слёзы из одного корня, из одного начала – сердца. Придумать слёзы нельзя, но есть притворные слезы. Всё зафиксировано в поэзии – множество оттенков. Рядом со слезами стон, вздох. Вздох – дар Божий, связан с воздухом, идёт вверх, как пламя свечи, ставят свечи святым – это направление.

У всех народов есть плач и воплиницы, особенно у русских – над мертвым телом. Все человеческие переживания связаны со вздохами и плачами. Есть слёзы радости. Когда сердце потрясено, льются слёзы от горя, от радости.

В античности роль народа в осуждении, приветствии выполнял Хор – и плакал, и осуждал, и радовался.

Воплиница – эпическое явление, все причитания относятся к народной поэзии полубытового, полуэпического жанра. Вспомните знаменитый плач Ярославны, в «Страшной мести» плач Катерины – это из народа. Народные плачи, былины стали находить во времена Пушкина. Пушкин прошел мимо, говорил, что «Слово о полку Игореве» высится в степи, считал одиночным произведением. Но ему хватило Арины Родионовны, ей отводится большая роль в становлении мировоззрения поэта.

Плач – языческое наследие. В пословицах отражён и нравственный, и бытовой уровень:

Злой плачет от зависти, добрый от радости..

И жидка слеза, да едка.

Слёзы в три ручья.

Слёзы не проглотишь.

Есть слёзы, есть и совесть.

Что день, то радость, а слёз не убывает.

Стонет, ровно воз сена везёт.

Из дурака и плач смехом прёт.

Плачься Богу, а слёзы – вода.

Следующие пословицы близки к Достоевскому: *Страху много, а плакать не на что. Обиженная слеза не канет на землю, а все на человеческую голову.*

Много слёз в песнях.

Песня: лежит убитый, прилетели три ласточки, первая пташечка села на голову, вторая – на белую грудь, третья – на быстрые ноги. Первая – родная матушка, вторая – родная сестра, третья – молодая жена. Мать плачет, что речка льётся. Сестра плачет, что ручьи текут. Жена плачет, что роса падает.

В другой песне: прислал челобитьеце – окровавленную рубашку: без воды её беловымыти, без ветра суховысушити. Я вымою её слезами, высушу вздохами.

У Данте сонет из «Новой жизни»: «Над сферою, что выше всех кружится» – вздох странника. Пластический образ вздоха.

Над сферою, что выше всех кружится,
Посланник сердца, вздох проходит мой.
То новая Разумность, что с тоской
дала ему Любовь, в нём ввысь стремится
И вот пред ним желанная граница,
он видит донну в почести большой,
в таком блистанье, в благодати такой,
что страннический дух не надивиться.
Что видел он, то изъяснил. Но я
не мог постигнуть смысла в хитрой притче,
как ни внимала ей душа моя.
Но явно мне: он о Благой вещал,
Зане я слышал имя Беатриче –
и тайну слов, о донны, постигал.

Арабская древняя поэзия: 5 век – середина 7 века (начало Ислама, но много языческого):

Слепят воспоминанья, как песок.
Болят глаза, стремится слёз поток.
В час расставанья слёзы катились из глаз,
словно мне дыни зелёной попробовать дали.
Но облегченье от боли даёт не слеза ли,
Перевязь всю пропитали, блестят на кинжале (образ воина)
Слёзы льются по равнинам щек,
как ключ подземный, осенённой пальмы.
Катятся перлам подобные, чистые слезы,
словно ожерелье разорвано грубой рукой.
Абле, Абле, когда б ты мне не снилась,
Я б всю ночь бы стонал и рыдал напролёт. (жест)

7 век: Если на мою могилу не прольются слёзы милой,
то моя могила будет самой нищею могилкой.

И вороны кричат, садясь невдалеке (картина).

Должен кто-нибудь проникнуть, наконец-то, в тайну слёз (*Мак Чжун. Интуиция*)

Своих врагов я оплакал,
сражённых войной.

Середина 8–9 веков: Меня подушка обжигает, душа моя лишь от рыданий оживает.

А влюбленным искони слаще меда горечь слез. Вот я плачу и плачу, и облако плачет со мной.

Твоими слезами напьется сухая земля, а моими слезами напьется могила моя (крупный слог).

Киплинг «Мати моя». Дени Дивар «Казнь через повешение» – стон, отходит душа.

«Я молил, ломая руки» – обрядовое стихотворение.

Испанцы: Фредерике Гарсиа Лорка: «открытые очи деревьев плачут». «Баллада морской воды»: «Плачу воду, сеньор мой, плачу водой морскою» (крупный слог).

«Реки твои, Гранада, полны вздохов.» (новое мышление – звук через зрительный образ): «Крик оставляет в мире тень кипариса». Арабы дали много культурного наследия испанцам. «Я захлопнул окно, чтоб укрыться от плача,

Только плач, как единственный Ангел,
И вокруг ничего, кроме плача.

В, Розанов «О слезах в храме»: «И свят же человек молящийся, слёзы сами по себе суть религия. Жизнь – плач и рыдания, ничего боле».

Венгерский поэт Андре Аби – первая треть 20 века : «Смерть поэта Катулла»:

«Когда же Лесбия рыдала, Не страшно слушать было людям обнажала груди».

Восточная поэзия – плач: Фирдоуси, Низами. Плач о любви, страдание.

Русская классика. Державин – традиционные плачи на смерть – от народных плачей.

«На смерть князя Мещерского»:

Мы только плачем и взываем,
О горе нам, рождённым в свет.

Через звук: «где пиршеств раздавались клики». Ода «Бог»: «и благодарны слёзы лить»
«Отер сиротски, вдовьи слезы».

А.С. Пушкин. Много слез до 1826 года. Плач в юности.

1816 год: «печально младость улетит.. моей любви забуду ль слёзы». «Желание»: «мне слёзы утешенье». «Друзьям»: «Вашей радости беспечной Сквозь слёзы улыбнулся я». 1817 год: «Оставь меня пустыням и слезам» (крупный слог). Стихотворение «Князю Горчакову». 1821 год: «К чему тебе внимать». «К Овидию»: «Суровый славянин, я слёз не проливал, но понимаю их.» У Овидия «Скорбная элегия» (кочевало в других стихах):

Так без хозяина в путь отправляешься, малый мой свиток.

Пятен своих не стыдись, пусть каждый узнает
В пятнах следы моих слёз.

1824 год: «Фонтану Бахчисарайского дворца» – поэтические слёзы. Образ фонтана пришёл с востока, из Испании. «Одна, никто пред ней не плачет, не тоскует». «Ты плачешь? – Я спокоен». 1826 год: «Где муки, где любовь?». Стихотворение «Воспомянь»:

И горько слёзы лью,
но строк печальных не смываю

«Жил на свете рыцарь бедный»: «Слёзы лья рекой». «Над вымыслом слезами обольюсь»

М.Ю. Лермонтов. 1830 год: «Я вспомнил прежнее несчастье». «Я плачу, я томим тоскою». «Вечер после дождя»: «И буду плакать, и рыдать... и тайно грудь вздохнет, и слёзы побегут.» Слёзы и слабость, и сила. «Ангел»: «для мира печали и слёз». «Хоть эта улыбка всех, всех твоих слёз мучительней будет».

В стихотворениях «Мой демон», «Сосед» слёзы через звуки. «Молитва»: «С души как бремя скатится». 1840 год: «И странная тоска». «Слезам и тоской заплатишь ты судьбе». «Утёс» – женское начало, в мужском женские слёзы: на утёсе след тучки, утёс плачет тучкиными слезами. Поэма «Демон»:

Тоску, любовь, её волненье
постигнул Демон в первый раз...
и чудо! Из померкших глаз
слеза тяжёлая катится.
Поныне возле кельи той
насквозь прожжённый виден камень
слезою жаркою, как пламень,
нечеловеческой слезой !..

Единственная в мире слеза дьявола – прожгла камень. Мощь!

Далее развитие традиции, слеза Христа – бесплотный Ангел.

Некрасов оплакал рыдание. «Зарёю обновленья в них никогда не заблестит слеза.» «Ценой кровавых слёз купила ты судьбы». «Мне самому, как скрип тюремной двери, противны стоны сердца моего». «Внимая ужасам войны» – образ ивы, святые, искренние слёзы. «И звонкий смех твой отдается, большее слёз в душе моей». «Рыцарь на час.»

Тютчев. «Слёзы»: Гроза – тучи – глаза. «Слёзы людские, о слёзы людские... струи дождевые в осень глухую, порою ночью». «Но взрыв страстей, но страсти слёзы. Нет, то все не для меня».

Фет. Молитвенные слёзы. «Зачем же с прежнею улыбкой умиленья».

Учись у них – у дуба, у берёзы.
Кругом зима. Жестокая пора!

Напрасные на них застыли слёзы,
И треснула, сжимаяся, кора.

«Росою счастья плачет ночь». «И много мне чувства и песен, и слёз, и мечтаний»

В колокольном звоне «как будто слёзы неба есть». «Плачет старый камень, в пруд роняя слёзы». «Оставь! И дозвожь мне рыдать». «Вакханка « – «Страстные глаза томятся». «Весна»: «Мы сидели под ивой плакучей, и плакали, плакали мы». «Каждый раз благодатные слёзы закипают у меня в груди». «На родину тянется туча, чтоб только поплакать над ней». Тайна слёз: «За смертью смерть, за веком век пройдет. Слеза ведь перл в обители иной»

Жемчужников. «Журавли»

О, как больно душе,
О, как хочется плакать,
перестаньте рыдать надо мной, журавли.

Бунин. «Горько мне, что я бесплодно трачу...

Что один я радуюсь, и плачу,
И не знаю, не люблю людей.

«Стон» – Мемфис сначала приветствовал солнце, после землетрясения каменный идол стонал» «Черный камень Каабы» – раньше был белоснежный, померк от слёз и горестей людей. «Слышней звенит далекий плач козла». Последний вздох. «Плакала ночью вдова». «Звёзды слезами ночами текут с небосвода». Стихотворение «И цветы, и шмели, и трава, и колосья» – пластический образ пространства.

Гумилев. «И как я тебе расскажу про давно оплаканное счастье». «И буду плакать о Ливанте» – поэтические слёзы.

Блок. Весь на слезах. 1903 год «Не нарушай души моей, в ней всё и тихо, и спокойно.» «На могиле»: «Но когда я рыдал и молился, звонкий смех твой ко мне долетел». Над печалью «Осенняя воля» – плач о Родине. «Девушка пела в церковном хоре» – важен ребенок, плач его. 1908 год – бытовая слеза «Скатилась пьяная слеза». «Над городом вырос квартал» – поэтические слёзы. «Грустя, и плача, и смеясь, Звенят ручьи моих стихов.»

Ходасевич. «Стыдно сказать, что я плачу о женщине, мама». «Новый мир создать в слезах».

1917–18 годы: «Ах, от глупого слова Родина, на глаза навернулись слёзы».

Есенин. Много. «Где-то плачет иволга», «на бору со звонами плачут глухари».

«Я пойду к обедне плакать на цветы». Плакучая дума – плакучая ива. «Пойте и рыдайте, ветры на тропу».

Женские слезы. Евдокия Растопчина «Былые слёзы»: «вас мне завидно, слёзы былые».

Цветаева: Смывает лучшие румяна

Любовь

Попробуйте на вкус,

как слёзы солёны.

Боюсь,

Я завтра мёртвой встану.

Словно тёплая слеза

капля канула в глаза.

Там в небесной тишине

Кто-то плачет обо мне (крупный слог).

Федра к Ипполиту – плач «Ипполит, Ипполит, болит».

«Были слёзы больше глаз. Плач болотной цапли. Водоросли плач»

Ахматова. Сухие глаза. Слёз нет. «Глаза глядят уже сурово в потемневшее трюмо». Легковесно: «О тебе ли я заплачу странном». «Я Смеюсь, а в сердце злобно плачу.» «Я и плакала, и каялась, хоть бы с неба грянул гром». Чужие слёзы: «Ты плачешь, я не стою одной слезы твоей.» «Там снова обрету я слёзный дар». Должны возникать либо образ, формула, состояние. Поза – ложь. У Ахматовой ложные, театральные слёзы.

Берега памяти

Михаил Фёдоров

Михаил Фёдоров родился в 1953 году в Вологде. Его произведения опубликованы в московских журналах «Наш современник», «Москва», «Берега», «Воин России», «Искатель», «Молодая гвардия», «Подвиг», «Сельская молодежь», «Россияне», «Роман-журнал 21 век», «Новая книга России», «Милиция», «Российский адвокат», «Литературная газета», «Литературная Россия». Его широко публикуют по стране в журналах «Подъем», «Сура», «Дон», «Дальний Восток», «Север», «Родная Ладога», «Южная звезда», «Вологодский лад», «Кольцовский сквер», «Губернский стиль» и др.

Автор книг «Ментовка» (Издательство «Вече», 1995 год), «Пузыри на воде» (Издательство «Искатель», 2008 год), «Сестра милосердия» (Издательство «Вече», 2010 год). В Воронеже в серии «Замечательные люди Воронежского края» вышли книги Федорова «Гавриил Троепольский», «Василий Панин», «Егор Исаев», «Александр Сухарев», «Стефан Домусчи». Его книга «Солдат правды» посвящена Юрию Гончарову, а книга «"Громкие" дела писателей» включена в список основной литературы Воронежской историко-культурной энциклопедии.

«Это вам за пацанов!»

Посвящено
Герою России лётчику Роману Филипову¹

1

Новости СМИ шли как бы стороной, пока не зазвенел звоночек: в Сирии снова попал в переплёт наш самолёт... лётчик катапультировался... принял бой... Интернет пестрел всякими странностями: от горя «наших» до радости фашиствующих «укропов»... И я вроде слышу всё, и, может, ношу в сердце, но пока ничто не толкало к активным шагам, пока не зазвучало: тело везут в Воронеж.

«Похоронят в моём городе».

Это стреляло, как в точку. Меня как подняло. Ещё не было пяти утра, а я оказался за компьютером и жадно-жадно впитывал.

Нашёл видео. Вот «птичка» самолёта заиграла пламенем. А она летит. Пламя, как из сопла. «Птичка» выпала из поля экрана...

Другое видео: клуб чёрного дыма за горой взлетел вверх. Там самолёт взорвался.

Видео: парашют плавно парит. Похоже на тренировку, если бы не выстрелы. Стреляют в лётчика.

Вот какая-то рыжая возвышенность. Снега нет. Ясно, что где-то далеко на юге. С разных сторон сбегаются к валуну чёрные фигуры. Вот собрались в круг за камнем.

Громила с повязкой на голове с автоматом спрятался недалеко за деревом. Другой чуть вышел вперед, но к валуну не приближается.

Раздался хлопок.

Из-за валуна взлетело два дымка.

Тот, что с повязкой на голове, лег... А тех, кто был за валуном как не было... Лишь один отлетел в сторону... А другой кинулся бежать...

¹ Роман Николаевич Филипов (13 августа 1984, Воронеж, СССР – 3 февраля 2018, близ Серакиба, Идлиб, Сирия), российский военный лётчик, заместитель командира эскадрильи 187 гвардейского штурмового авиационного полка, гвардии майор. Герой Российской Федерации.

Теперь я понял, что сделал тот, кто оказался за камнем. Подорвал себя и этих в чёрном.
Интернет пестрит: перед хлопком раздался крик «Это вам за пацанов!»

Самое простое. И самое родное.

Как в подтверждение на сайте «Красной звезды» прочитал рассказ того, кто летел в паре со сбитым лётчиком:

«– Голос у него не дрогнул, когда я предупредил: “По тебе работают! Выводи! Тангаж¹, тангаж! Маневрируй!”

– Да, вижу! – ответил ведущий.

А потом так спокойно, словно это было сказано о чём-то обыденном и второстепенном:

– В меня попали...

И следом:

– Хорошо попали... Пожар правого... Тяну на юг... И левый становится...

И секунд через двадцать – крайнее:

– Вызывай поисково-спасательный отряд...

– А что было дальше? – ведомый... командира звена штурмовиков Су-25СМ замолчал. А потом, посмотрев мне в глаза, продолжил:

– А дальше были крайние слова: “Уходи в облака”. Конечно, я не ушёл. Бросить командира – последнее дело».

Я понял: в Сирии сбили наш самолет.

Взгляд летел ниже по сайту армейской газеты:

«Когда ПЗРК сработал по машине командира, все условности были отброшены, – продолжал рассказ лётчик. – Я всегда прикрывал командира в воздухе, надо было это сделать и на земле, когда он уже принял бой. Остался в этом районе и выполнил несколько атак, отработал по машинам, которые приближались к оливковой роще, где был Роман. Уничтожил два автомобиля. В то же время продолжал передавать на КП координаты, вызывал поисково-спасательную службу. Место приземления командира я видел, но самого боя – нет, были сумерки... Уходить пришлось с аварийным остатком топлива, хватавшим только дотянуть до аэродрома...»

Он ушёл... И правильно, спору нет.

А потом был валун... и хлопок...

Интернет выбрасывает видео с крылом со звездочкой российского СУ-25...

Кто сбитый лётчик...

Роман Филипов...

Только теперь глянул в окно: ещё чернела ночь, под фонарями первозданно белело, а снежинки испещрили весь видимый простор.

2

Ещё не наступило восьми, как начал звонить знакомым военным и не знакомым. И узнавал: прощание в Доме офицеров. В каком? Их в городе два – один настоящий, который с чьей-то большой головы отдал гражданским. Другой – в построенном немцами военном городке. Похороны на Коминтерновском кладбище завтра.

Стал собираться.

Хотелось быть рядом со всем тем, что так или иначе связано с незнакомым мне лётчиком.

Чуть не поскользнувшись, запрыгнул на подножку автобуса. Ехал и следил за входящими и выходящими людьми, которым не было никакого дела до обуревавших меня мыслей и чувств, а перед глазами чередовались: «птичка» с пламенем сзади, парящий парашют, чёрный столб дыма, валун, облепленный чёрными фигурами. Как слышался крик «Это вам за пацанов!», хлопок.

И – два взлетевших дымка.

Как наяву пел Высоцкий:

¹ Тангаж (*фр.* tangage – килевая качка) – угловое движение летательного аппарата относительно главной (горизонтальной) поперечной оси инерции.

«Я – “Як”-истребитель,
Мотор мой звенит,
Небо – моя обитель,
Но тот, который во мне сидит,
Считает, что он – истребитель».

Одна улица сменялась другой, одна часть автобуса пустела, наполнялась другая, а Высоцкий пел:

«В этом бою мною “юнкерс” сбит, –
Я сделал с ним, что хотел.
А тот, который во мне сидит,
Изрядно мне надоел.

Я в прошлом бою навывлет прошит,
Меня механик заштопал,
Но тот, который во мне сидит,
Опять заставляет – в “штопор”».

Переехали мост, спускались под горку и снова поднимались.

Высоцкий:

«Терпению машины бывает предел,
И время его истекло.
Но тот, который во мне сидел,
Вдруг ткнулся лицом в стекло».

Высоцкий:

«Убит! Наконец-то лечу налегке,
Последние силы жгу.
Но... что это, что?! Я в глубоком пике
И выйти никак не могу!»

Может, кто-то и посматривал на лицо пассажира, на котором выплескивались бушевавшие внутри страсти, но я этого не замечал.

Высоцкий:

«Досадно, что сам я немного успел,
Но пусть повезет другому.
Выходит, я напоследок спел:
“Мир вашему дому!”»

Со словами Высоцкого ступил на скользкий, испещрённый парящими снежинками тротуар. И где, скользя, где проваливаясь в снег, где еле удерживаясь, шёл в сторону серой кромки с нежно-голубой часовенкой, перед которой чистили дорожки от снега мужики в рыжих куртках.

3

Температура кружилась недалеко от минуса, но под снегом чавкала жижа, и я вскоре почувствовал, что промокают ноги. При входе в ворота кладбища увидел группки курсантов, которые лопатами «грызли» ещё твёрдый наст, а где и лёд, и их подгонял норовистый подполковник.

«Смогут ли они очистить, да и стоит ли – раз снег “капал” и “капал”, как дождь», – подумал я.

Старался идти по твёрдому покрову, выглядывал свежую кучу земли, но её не видел. Заметил горку из венков вокруг недавней могилы. Прочитав в лунке венков на табличке «Копылов Юрий Львович...»¹, понял: лежит тело погибшего в октябре прошлого года лётчика. В сторонке на пустах кружились мужики и лежали грудой лопаты.

«Теперь около одного ляжет и другой».

¹ В Воронеже 13 октября 2017 года прошли гражданская панихида по погибшему в Сирии штурману Юрию Копылову. Трагедия произошла 10 октября. Юрий Копылов в тот день находился на службе, его бомбардировщик Су-24 должен был вылететь с авиабазы Хмеймим в Сирии для бомбардировок позиций ИГИЛ, но выкатился за пределы взлётно-посадочной полосы и потерпел крушение. Штурман Юрий Копылов и пилот Юрий Медведков погибли, не успев катапультироваться.

Смотрел на расчищенный от снега пятак и слова: «Здравствуй, Роман...» кружили в голове.
Хотя, как здравствуй?

Но для меня – здравствуй.

Я видел место именно для Романа. А значит и как бы его...

А в сторону уходила аллея лётчикам.

«Опасная профессия у лётчика. Если пехотинец, танкист, вас много. А лётчик – он один, разве ещё с тобой ведомый».

На меня поглядывали копачи, прибежал подполковник, фотографировал очищенный участок и видимо своим командирам отправлял фото.

Нетронутый клочок земли молчал, ожидая момент, когда его покой разбудят лопаты, и когда он обнимет Романа уже навечно.

Я уже многое знал.

Что у Романа жена с именем Ольга, что маленькая дочурка...

Что он с 1 по 11 класс учился в школе, которая была в километре от кладбища.

СМИ передавали, что школе присвоили имя Романа и должны были повесить памятную доску.

Мне захотелось пройти в школу.

Выйдя с погоста, повернул на тропку в заснеженном тротуаре и, думая, сколько же горожан сегодня упадёт на этом льдистом покрове, шёл вдоль проспекта, ловил языком снежинки и теперь звучал куплет из другой песни Высоцкого:

«... Он был чистого слога слуга, слуга.
Он писал ей стихи на снегу, на снегу –
К сожалению, тают снега, снега.
Но тогда ещё был снегопад, снегопад...»

Я не знал жену Романа, но почему-то и она мне тоже была близка.

И не заметил, как пересёк одну улицу, другую и в оправах высотных домов появилась спрятавшаяся от ветров и шума школа.

Около ступенек «грызли» снег курсанты.

«Тоже готовится мероприятие».

Надеялся на стенке при входе увидеть памятную доску, но её не оказалось.

Зайдя в школу и, объяснившись с охранником, оказался в приёмной директора. Спросил у юной секретарши:

«Скажите, а что насчет памятной доски лётчику...»

Секретарь: «Всё так неожиданно... И как доску привезут, её сразу повесят...»

А поняв, что мне интересен сам выпускник: «Вы можете поговорить с классной учительницей».

Через пару минут я уже поднимался на второй этаж, по которому беззаботно бегали школяры, а на стенке висела стенгазета в память бывшего ученика этой школы.

В конце коридора с чернявой учительницей говорили двое мужчин, как я догадался, – она имела отношение к Роману. Но разговора с ней не получилось – на этаже появились операторы с треногами и камерами. Телевизионщики снимали сюжет, и я понял, что пришёл не вовремя, извинился, и удалился.

Но не горевал – шёл по коридорам, по которым бегал школьником Роман и поглядывал на двери в классы.

В нём занимался?

А в этом?

В этом...

Я продолжал идти по жизни Романа...

Выйдя из школы, увидел, что работа курсантов пододвигалась к концу.

Хотел направиться к военному городку и Дому офицеров посмотреть, может, гроб с телом привезли, и раньше всех с ним проститься, но потянуло назад. И снова проделывал пройденную дорогу, в голове звучали слова:

«...А он шутил – не дошутил,
Недораспробовал вино,
И даже недопригубил».

Подойдя к кладбищу, поразился: курсанты «отгрызли» наледи и наросты; сгребли рыжевато-месиво в кучи и разве что нижний слой какой-то сыпучей смеси снять не смогли. А их по-прежнему подгонял подполковник.

Рядом с пятачком будущей могилы Романа работяги собирали из трубок каркас для навеса.

И аллея военных лётчиков оказалась предельно чистой. Снег уже не сыпал, а еле-еле падал. Теперь, может, вместе с подполковником и курсантами подумал: «Только бы ночью не пошёл, чтобы не пришлось заново очищать...»

Физически чувствовал присутствие лётчика, который должен занять здесь место.

Так стремительно вошёл в мою жизнь Роман Филипов, и я нисколько не пожалел, что прожил с ним целый день.

4

На следующий день единственный план: проститься с Романом. С утра позвонил в Дом офицеров и мне сказали:

– Прощание в одиннадцать...

Но решил приехать пораньше. Ехал на автобусе и удивлялся: куда-то делся вчерашний нежно-пушистый снежок – этот белый дождик. Вчерашние белые просторы испещрили рыжие полосы и клоки расчищенных за ночь улиц.

Вот появилась часовенка и за ней вход на кладбище:

– Там последний приют...

Я ехал по направлению выезда из города. Улица расширилась: в жёлоб высотных домов легло шоссе. Вот впереди показался навесной переход. Я спрыгнул с порожек салона, за стайкой офицеров в лётной форме подошёл к башне, поднялся по спирали лестницы наверх и перешёл автомобильную трассу.

Вдали чернела строчка забора вокруг большого, как два футбольные поля, белоснежного пространства, которое охватило заострённый, и вместе с тем как обрубленный, чем-то похожий на профиль самолета, Дом офицеров.

Перед ним дочищали снег курсанты.

Я невольно подумал: сколько же снега вывезли. И не сомневался, что если бы его оказалось больше, его бы тоже убрали.

Перед изгородью стояли, где в одиночку, где группками, люди.

Я посмотрел на «сотовый»: 9 часов 15 минут...

Испугался: неужели опоздал?! Всё ведь могло случиться. Но понял: прощание не началось.

Теперь ходил вдоль ограды и смотрел, кто собрался. В одной стороне стояла коробка кадетов Михайловского кадетского корпуса в чёрных шапках и шинелях. Я с ними поговорил. Они мне были дороги, когда-то в полном актовом зале встречался с ними и рассказывал про Гавриила Троепольского, а позже защищал в суде их директора.

Невдалеке ёжились в куртках кадеты Горожанского кадетского корпуса.

К изгороди приткнулись школьники с цветками в руках.

Сновали казаки в зелёных камуфляжных одеждах, моряки в чёрных шинелях, лётчики – в голубых, всех возрастов женщины, мужчины – с букетами цветов и несколькими гвоздичками.

Никого не пропускали на поле к Дому офицеров полицейские и курсанты.

Вспомнил, как в бытность учёбы в военном заведении стоял в оцеплении на Красной площади в Москве и никого не пропускал, как перед цепочкой оцепления остановился «ЗИМ» с маршалом Баграмяном, как к машине подскочил начальник курса, воевавший в войсках маршала и посчитавший за счастье провести сквозь кордон своего командующего фронтом.

Но здесь маршалов не было, а собрались большей частью простые люди. Хотя, нет-нет, и появлялся какой-нибудь местный «маршал» генерал и его пропускали, или какие-нибудь чиновники среднего полёта. Встретил знакомого редактора газеты, фотокора, бывшего соседа по дому, они не усидели на работе.

Внутри пел Высоцкий:

«...Он знать хотел всё от и до,
Но не добрался он, не до...

Ни до догадки, ни до дна, до дна,
Не докопался до глубин,
А ту, которая одна, –
Недолюбил!..»

Время шло.

9 часов 55 минут...

10 часов 18 минут...

10 часов 33 минуты...

Я понял, что в 10 часов прощание не началось, но теперь надеялся, что начнется в 11.

Морозило. А людей прибывало. Уже нельзя было свободно пройти, приходилось обходить. Поёживался в куртке, видя, как мёрзнут налегке одетые люди, а редактор вытирал платком нос, а бывший сосед по дому – фотокор, уже переступал с ноги на ногу.

Вот пронеслось:

– Они летят из Чкаловска...

Прояснялось, тело Романа в Москве и сначала там должны попрощаться.

При каком-нибудь подневольном мероприятии подобное известие вызвало бы возгласы недовольства и отток людей, а тут все воспринимали с молчанием. И если и уходили, то единицы, кто вырвался с работы, а кто и в близлежащий торговый центр погреться и вернуться.

Вот появились операторы с камерами.

Я понял:

11 часов...

Мне же говорили, что начнется прощание в это время.

Но что-то никого на поле не пропускали. Видно было, как боролись люди с холодом: кто припрыгивал, кто махал руками, кто поднимал воротник пальто или куртки, кто сильнее натягивал кепку, а кто – фуражку, кто курил.

Можно было подумать, что мороз разгонит людей, но не тут-то было.

Вот к клубу откуда-то сбоку подъехала чёрная легковая машина.

«Но это не катафалк».

Вот в толпе появились знамёна.

«Пришли со своей атрибутикой».

Теперь я еле проходил по разросшейся, уплотнившейся толпе людей, заполнившей кроме тротуара, проезжую часть.

Бубнил Высоцкого, присматривался к венкам.

«Даже от Союза добровольцев Донбасса».

Люди, несмотря на мороз, ждали.

Вот возникло оживление: всю журналистскую братию пропустили, и они прошли к Дому офицеров и стали сбоку от ступеней, а перед ними вытянулась цепочка из полицейских и курсантов, перекрывая путь и очерчивая подход к двум стойкам, какие стояли при входе на вокзалы.

«Будут досматривать».

Отметил: 11 часов 10 минут...

Вот к журналистам подошёл генерал и стал накачивать: так не снимать, это не снимать, это нельзя, то. Вот пропустили через оцепление школьников и дети, каждый с двумя гвоздичками в руке, быстро пошли по дорожке к клубу.

Я мысленно попросил: «Только бы не заболели».

Народ стоял плотной стеной, как бы подавшись к двум дорожкам, которые вели к Дому офицеров. Уже протиснуться было невозможно. Все в напряжении молчали. И пробегало: «Ну, прилетел борт из Чкаловска или не прилетел?» В этой сбившейся на всю длину забора массе людей становилось теплее.

Вот слышались звуки сирены.

Подумал: едут.

Глянул на «сотовый»: 11 часов 56 минут.

Летчик Роман Филипов

Прохождение почетного караула

Взлетело два, дымка

Сбежались за валун

Летчики идут

Стена из людей

Поток нескончаем

Но ошибся, откуда-то сбоку к порожкам клуба выехал тёмно-синий микроавтобус «Форд» и за ним чёрная иномарка.

Из машин вышли и прошли в Дом офицеров люди в военной и гражданской форме. Среди них мелькнуло лицо губернатора, а сзади гостей в цивильном форме шёл бывший командующий военно-воздушными силами. Машины сдали на край площадки.

Но всё равно становилось ясно: вскоре должен появиться и тот, кого все ждали.

Минут через восемь заревела сирена и уже к входу выехали два чёрных микроавтобуса.

Все замерли. Видно было, как операторы повернули в сторону камеры: им запретили снимать. Стояла такая тишина, что слышался шелест машин, проезжавших по проспекту.

Шестеро военных в голубой форме достали из катафалка блестящий коричневым лаком гроб, покрытый флагом страны, на котором лежала лётная фуражка, и медленно понесли в клуб.

Поднявшись на ступени, подошли к входным дверям.

Внутри пробило, как курантами: 12 часов 10 минут.

Кто-то крикнул:

– Не сбейте фуражку...

Несущие чуть опустили гроб и скрылись в проходе.

Катафалк отъехал в сторону.

5

Колонна промёрзших, но не спасовавших перед морозом людей, тронулась от ворот в ограждении на поле. Впереди шли мужчины в военном камуфляже со знаменем. Люди подходили к аркам металлоискателей, их досматривали, они поднимались по ступеням в Дом офицеров. Здание поглощало людей, а поток от ворот нарастал. Словно открыли шлюз, и скопившаяся масса теперь выплывала на площадь перед клубом. Одну колонну дополнила вторая.

Появилось много военных в лётной форме. Они зашли в боковые проходы, заполняя и так полную площадь перед домом.

Операторы и журналисты забрались на бугор снимать скопившихся людей.

Их стали сгонять:

– Операторы! Спуститесь вниз! Здесь не разрешено...

А как не заснять невиданное для города скопление. И эта масса, тихо-тихо пододвигалась к пропускным пунктам.

Я заметил бабушку с внучкой.

«Какая молодец! Девочка запомнит это событие на всю жизнь».

Время тянулось.

Я приседал, согревался.

«... не дошутил... не допригубил... не дорешил...» – пел.

На часах час дня. Толпа еле-еле пододвигалась вперёд.

Двигались кадеты...

«Мальчики простояли четыре часа на морозе и не ушли».

А своего соседа по дому фотокора и редактора не видел. Не выдержали.

Я сам не замечал течение времени. Может, кто-то и ругался на препятствие, сдерживающее ход, но терпел и понимал, что нужно пройти досмотр – так безопаснее.

Глаза разбегались от многообразия людей. Словно сюда собрались все возраста, все профессии.

Дух захватывало от людского порыва бросить всё, прийти, простоять на морозе и дожидаться. На моих глазах происходило одно из важнейших событий города.

Вот снова движение застопорилось. А когда вышел из Дома офицеров местный митрополит и сел в чёрный лимузин, находящийся у порога, все поняли: что-то в Доме офицеров происходило. А потом пробежало: «Митинг провели. Выступал владыка, говорили военачальники».

От этого стало немножко не по себе: что же без людей-то. Что нельзя было сказать при всех, чтобы все пришедшие услышали. Дали и людям высказаться. А то без них говорили. Хотя говорить-

то больше должен был город, в котором родился лётчик, а не только гости из столицы и местные чиновники.

Этой возможности лишили простых людей. Но такое отношение властей давно не удивляло.

Случилось действительно трагичное событие. Люди пришли проводить и склонить голову. Все видели естественную реакцию простых людей. Звучавший в моей голове Высоцкий, как лакмусовая бумажка, высвечивал и соприкасался с происходящим. Он совпадал с чувствами людей, накладывался на них своей подлинностью.

Высоцкий в свое время противостоял всей фальши, вранью, всему официозу. Противостоял подлинностью чувств при жизни. Теперь он снова противостоял.

Люди шли не потому, что кто-то одобрял – не одобрял власть, а шли, понимая, что сложил голову свой молодой парень, выходец из народа, его кровь и плоть, да и сложил за правое дело.

Присутствовало ощущение какой-то правды, с которой человек хочет быть. Он не хочет быть с чем-то фальшивым.

Смерть человека, который такое решение принял, на что пошёл, это воспринималось, как нечто человечески подлинное.

И люди ждали...

Снова потекли ручейки людей через металлоискатели. Кто только не шёл. Даже колонна из полицейских. Они ждали. У них тоже в своё время гибли сослуживцы в Чечне, а теперь, в мирное время – на посту. И кто-то тоже был героем. Только если подвиг Романа облетел и всколыхнул всю страну, то подвиг полицейского мог остаться в тени.

Я не припоминал случая, когда вот так по внутреннему порыву собралось на прощание столько людей. И не видно конца потоку. Прибывали новые и новые.

Время текло...

Вот два часа...

Два тридцать...

Вход в клуб обрастал венками.

Понял: «Не хватило места в зале и их выставили на улице».

6

Вот поднялся по ступеням, вошёл в холл, наполненный военными лётчиками, и в потоке людей двигался на звуки тихой мелодии.

Оказался в зале, увешанном красными полотнищами. Вдоль одной стены в ряд друг к другу жались венки, которые углом уходили на другую стену, и там, на рядах стульев, сидели близкие лётчика.

По центру стоял почётный караул, и между солдатами на постаменте отливал лаком покрытый знаменем гроб с лётной фуражкой наверху.

Люди шли по двум алым дорожкам.

Вот к гробу подошла бабушка и положила две гвоздички.

Вот – омоновец сделал руки по швам.

Мужчина в тулупчике остановился и, посмотрев на родных лётчика, поклонился.

Люди шли потоком...

Наконец, приблизился и я. Невольно в глазах бежали венки по стенам. Их было с полсотни.

А ещё на улице, – вспомнил я венки при входе.

Цветы вырастали горкой перед гробом, и их то и дело охапками относил в сторону майор.

Я шёл, а передо мной всё чётче высвечивался фотопортрет почему-то очень знакомого мне человека с гордой осанкой. Он как бы смотрел в сторону. Он словно отвёл взгляд: не смотрите на меня. И от этой скромности становилось ещё горше. Может, также смотрели на него все остальные, а он – чуть отводя взгляд. Отводя его от каждого. Может, упрекая, что ж Вы... Не спасли меня...

Накатывало и слепило глаза от света и влаги. И вот я остановился и, обводя глазами седовласых людей на скамьях, может его отца и мать, его свекровь и жену – молодую женщину – в черных платках, я склонил голову. Меня немного качало, а уже сбоку кто-то толкал: проходите, проходите. Как-то автоматически рука прижалась к груди и тем, кого *он* «не долюбил...», к кому *он* «не доспешил», для кого *он* «не дорешил», вылетело:

– Спасибо...

В этих словах я ещё не сознавал, что вкладывал. Они вылетели откуда-то из глубины. И морщась со вздрагивавшей непроизвольно щекой, шагнул в сторону, и мало видя кого впереди, вышел в соседний проход.

И прозревал: спасибо, что вырастили такого парня.

Что любили...

Что родилась дочь...

Что народ всколыхнуло, что тысячи людей шли и шли...

Что в каждом возникло сострадание к летчику, которого многие теперь называли, кто своим сыном, кто своим внуком, своим-своим...

И жутко становилось от этой мысли, что гибель многое проявила... Истинное самосознание русского народа.

Зашёл в зал, где на креслах сидели курсанты. Они лучше стали понимать суть своего народа.

А на рояле на сцене росли горки цветов.

Вышел на свежий воздух, а легкие воздуха не хотели. Не хотели воздуха нового. Хотели сохранить в себе воздух, с которым так или иначе соприкасался Роман Филипов, оставшийся в траурном зале.

Я обошел здание. Хвостик последних прощавшихся уходил в клуб. На моих часах было три часа дня.

С левой стороны от входа вытянулся почётный караул из взводов трёх родов войск.

Он ждал выноса тела лётчика...

Крутились операторы и журналисты. И в сторонке стоял кортеж.

Прозвучало новое «цэу»: вынос гроба снимать не разрешат, и я не стал дожидаться, а сразу уехал на кладбище.

7

Какое счастье, если тебя будет кому похоронить. Какое счастье, когда придёт на прощание десять человек. А ещё повезёт – под сотню... А вот если несколько тысяч, как к лётчику Роману... С такими мыслями я ехал на Коминтерновское кладбище и видел, как стопорились в пробках машины, проезжавшие мимо въезда на погост, словно транспорт отдавал дань памяти.

А на душе снова пел Высоцкий:

«... Может, были с судьбой нелады, нелады
И со случаем плохи дела, дела –
А тугая струна на лады, на лады
С незаметным изъязном легла.

Он начал робко – с ноты “до”,
Но не допел её, не до...

Не дозвучал его аккорд, аккорд...»

Дорогу чуть не перекрыли вывалившиеся на проезжую часть люди. Они запрудили все дорожки и площадки.

Здесь тоже увидел тысячи.

Часовенку кольцом окружили.

– Будут отпевать...

Две бабушки ждали с часу дня. Выходило, они на морозе простояли больше двух часов.

«А я шесть. И ничего: живой...»

Уже не чувствовал холод – мой организм перешёл на какой-то режим, что либо охладел так, что больше некуда, либо, наоборот, с холодом справлялся.

Все снова ждали. Ждать приходилось неизвестно сколько.

Но вот загудела сирена.

«Едут».

Вскоре появился кортеж.

Вот крайняя машина развернулась, сдала задней стенкой.

К ней пробежал дьячок в белой рясе с послушником и горящими свечами и кадилом в руках.

Дверца открылась.

Шестеро лётчиков под траурную музыку по узкой дорожке между взобравшихся на кучи снега по бокам людей понесли на плечах гроб.

Они шли медленно. На этот раз Роман Филипов не нёсся, как в своём штурмовике, а плыл, как плывет корабль по тихой воде, и я слышал, как зашвыркали рядом стоящие бабули. И у самого снова повлажнели глаза. Хотелось выкрикнуть: да что же такое, когда уходят из жизни совсем молодые парни, которым жить и жить!

И как-то зазвучало: он погиб за тебя, за бабуль, за всех собравшихся здесь, и за всех, кто так или иначе теперь страдает.

Другой возразит: но как же – то в Сирии...

Да, в Сирии... Чтобы не пришли сюда «головорезы»...

Гроб поднесли к высокой лесенке, он стал набирать, как небольшой летательный аппарат, свою последнюю высоту, и вот скрылся в распахнутых воротах часовенки.

Народ, как стоял около входа, так и не отходил.

Журналистов и операторов растолкали на аллее по двум карманам. Вдали виднелся шатёр у могилы, но туда подходить запретили, разрешили разве что снять пронос тела. Уже мало кто из пришедших на прощание в 9 утра, чувствовал холод – каждый внутренне закалился.

Полковник гонял курсантов, расставляя их вдоль аллеи.

Вот курсант побежал от ворот кладбища по аллее, разбрасывая гвоздики. Все готовилось к последнему пути лётчика. Если в первой половине дня огромная масса людей заполняла пространство перед Домом офицеров, то теперь – всё видимое – перед воротами в кладбище. Сюда пока никого не впускали.

Я глянул на часы.

16 часов 20 минут.

Зазвучала траурная музыка.

Пронесли венки.

Прошёл вперёд почётный караул.

Вот траурная процессия вышла на аллею. Впереди офицер нёс портрет Романа.

За ним снова несли венки. Потом три офицера – награды на подушечках.

Подполковник высоко держал деревянный крест с табличкой

*«Филипов
Роман Николаевич
13.08.1984 – 03.02.2018»*

За ним офицеры на плечах несли гроб, всё так же покрытый флагом, и поверх лежала фуражка, а их сопровождали четыре солдата из роты почётного караула с карабинами.

Операторы взобрались на стенки ограждения аллеи и сверху снимали, фиксируя последние метры налетавшего тысячи километров лётчика, которые подводили итог его жизни. Дальше шли священнослужители в белых одеждах, тянулась нескончаемая колонна людей.

Молодые и старые, военные и гражданские, кто-то переставлял палочку, кто с розами, кто с гвоздиками, кто вёл внучку, а один молодой человек без головного убора нёс годовалого ребёнка на руках.

В людской массе прошёл военный оркестр. Людей остановили, не доходя, до могилы. Родственникам разрешили пройти ближе. В конце колонны мужчина катил велосипед.

Очкарик в форме старшего мичмана поддерживал усатого седого мужчину в вязаной шапочке.

– Я вот не знаю, как сам бы поступил, – обсуждали они подрыв гранатой Романом себя и боевиков.

Многие не знали, на какой шаг решится он в этой ситуации.

Вот журналистов, обводя колонну по снежным обочинам, провели вперед, где в стороне от могилы стояли курсанты с автоматами.

Все замерли.

«Сейчас опустят гроб в могилу, и прогремит салют».

Подполковник взмахнул рукой, раздались выстрелы...

Романа предали земле...

Следом оркестр заиграл «Прощание славянки» и мимо расступившихся людей маршем прошла рота почётного караула.

Я молчал. Мне хотелось пройти к шатру. Бросить свою горсть земли в могилу героя. Сказать слова. Услышать других. Но и тут не пускали. Не слышали и напутственных слов. Митинга для всех и здесь не состоялось. А тот, что состоялся в Доме офицеров в узком кругу, без людей, явно не устраивал.

Жаль, что народного героя отправили в последний путь без народного слова.

Можно услышать слова оправдания: мол, время какое, ещё проникнут террористы, но это не заслуживало внимания: есть люди, которые отвечают за безопасность людей. Они обязаны её обеспечить.

Не увидели на кладбище и тех больших начальников, которые втайне от простых граждан провели митинг.

С грудной болью расходились...

Но это не умаляло значение Романа Филипова для людей. Разве что в который раз пришлось почувствовать, что есть любовь народная и есть – любовь властей, и что такое, когда одна от другой скрывается.

На следующий день я позвонил в школу:

– Будут ли устанавливать доску...

Но мне внятного ничего не ответили...

Ну что ж!

Главное простился с Романом, а вернее, зацепил его для себя на свою жизнь.

С ним уже жил два дня. И теперь понесу его с собой. И ничего страшного, что я не побуду на открытии его доски, где будут выступать люди, которые на похоронах, может и были, но быстро с них ушли, а я продержался с 9 утра до 5 вечера и этим был удовлетворен. Как удовлетворены тысячи других, продержавшихся на морозе, чтобы сказать: «Прощай...» пожилых, взрослых, молодых, кадетов, школьников, детей. Весь мой город.

Вскоре в Интернете прочитал, что доску открыли.

Ну, и хорошо, – вздохнул я.

А Высоцкий пел:

«Конь на скаку и птица в лёт...»

P.S. Мы видели и слышали, как Владимир Путин 1 марта 2018 года во время своего ежегодного послания Федеральному собранию сказал:

«Таких летчиков, как майор Филипов, у них (намекал на противников – от авт.) не было и не будет, а у нас есть...»

Весь зал стоя, а кто смотрел выступление по телевизору или слушал по радио, тоже стоя, чтили память этого героя.

Берега культуры и искусства

Елена Лебедева

Многолетний исследователь жизни русской эмиграции первой волны во Франции, автор около 2-х десятков статей в парижской газете «Русская мысль». Во второй половине 1990-х годов, будучи в Париже, ей удалось познакомиться с парижанами, которые бывали в семье у великого русского певца Ф.И. Шаляпина, и завязать с ними контакты. Благодаря им удалось выявить неизвестные стороны жизни певца и сделать исследовательские открытия в его биографии. Многолетние исследования продолжаются до сих пор, и в этой статье они проведены благодаря новым поступлениям русской парижской прессы в Российскую государственную библиотеку в Москве.

Русский Париж вспоминал Шаляпина

Посвящаю моей матери – Марии Петровне

В этом году исполняется 145 лет великому русскому певцу Фёдору Шаляпину (1873–1938) и отмечается 80-лет со дня его кончины. Родившись в Казани в бедной семье помощника писаря, Шаляпин вначале пел в церковных хорах и работал статистом в провинциальных театральных труппах, зарабатывая на жизнь трудом грузчика и ремесленника. Во время непродолжительной бесплатной учёбы пению в Тифлисе в течение полутора лет у педагога, который заметил талант юноши, певец начал выступать на музыкально-драматических вечерах, а затем петь ведущие оперные партии на театральной сцене города. В 1895 году его принимают в Мариинский театр в Петербурге. Выступая на сценах Петербурга и Москвы, гастролируя по России, певец приобрёл всероссийскую славу и стал в 1899 году артистом Большого театра в Москве. Затем, начиная с 1901 года, Шаляпин начал выступать за границей. В 1910-е годы это был уже русский оперный певец с мировой славой, который гастролировал в лучших оперных театрах Европы и Америки.

* * *

Последние 16 лет жизни Шаляпина прошли за границей после его отъезда вместе со второй семьёй из Петрограда в конце июня 1922 года. Уехав на гастроли, лечение и отдых в сложные послереволюционные годы, он не вернулся обратно в Россию. С осени 1924 года певец обосновался в Париже. Весной 1925 года семья певца переехала в купленный им дом на авеню д'Эйло – недалеко от площади Трокадеро. В этом доме Шаляпин имел на последнем этаже роскошную большую квартиру, обставленную антикварной мебелью и увешанную многочисленными картинами русских художников. Шаляпин прожил в этой квартире 13 последних лет, часто выезжая на многочисленные гастроли в разные страны на 5 континентах, выступая с концертами и в оперных спектаклях. Живя за границей, он объездил около 50 стран. Его неоднократно звали в Россию. Однако, певец отказывался приезжать, ссылаясь на заключённые ранее контракты. Его лишили звания народного артиста в 1927 году. Певец не хотел возвращаться, вспоминая тяжёлые послереволюционные годы и опасаясь за свое будущее и судьбу своей семьи.

Шаляпин любил петь на сцене и для заработка очень много выступал за границей. Состояние, нажитое своим трудом в России, он потерял после революции. Однако, ему удалось вновь заработать деньги, которые позволяли ему покупать за границей виллы и дома. Большая семья, желание дать детям хорошее образование и обеспечить их профессиональные успехи также не способствовали возвращению в Россию. Он привык к жизни за границей с многочисленными гастрольными контрактами и общением с людьми из эмигрантской среды. Были у него и друзья из музыкального и артистического мира в разных странах. С некоторыми из них он познакомился ещё во время их приезда в Россию до революции. Конечно, он вспоминал свою почти полувековую жизнь в России. Но этой России больше не существовало. А последние годы, прожитые в Петрограде, когда приходили с ночными обысками, было плохо с продуктами и петь приходилось за мешки муки, оставляли

*Фёдор Шаляпин
в своей парижской квартире.
Середина 1930-х*

тяжёлые воспоминания. Заграничная жизнь была свободнее и комфортнее. Поэтому, устроившись в ней, певец выступал перед иностранной аудиторией, в которой часто было много соотечественников, оказавшихся, как и он, за рубежом после революции и Гражданской войны.

Благодаря ему, десятки тысяч иностранных зрителей за границей познакомились с русской песней и русским оперным искусством. Такая напряжённая работа с артистами и импресарио требовала много сил. Приходилось выступать иногда и будучи не совсем здоровым, чтобы не сорвать ранее подписанные контракты. Но певец не мог жить без выступлений на сцене и, находясь в круговороте многочисленных гастролей, по-прежнему пленял публику и завоёвывал её симпатии. Во второй половине 1930-х годов он начал чаще болеть, но продолжал выступать до лета 1937 года. У него было диагностировано неизлечимое заболевание – лейкоз, и врачи не могли улучшить его состояние.

12 апреля 1938 года певец скончался в своей парижской квартире. Шаляпин был отпет в Париже в Соборе Александра Невского и торжественно похоронен 18 апреля с большими почестями на парижском кладбище Батиньоль, где в 1931 году им была куплена концессия после смерти в Париже его свояченицы Терезы Валентиновны Печориной (сестры его второй жены Марии Валентиновны). Её семья, так же как и семья Шаляпина, уехала из России в начале 1920-х годов. Могила Печориной находится рядом с бывшей могилой Шаляпина.

* * *

После кончины певца парижская русскоязычная пресса писала о вечерах памяти, устраиваемых русской эмиграцией, торжественных панихидах в православном соборе Святого Александра Невского на рю Дарю. В газетах освещалось состояние его могилы на парижском кладбище Батиньоль. Рассказывалось об организации сбора средств на обустройство его могилы и возможном переносе праха певца на русское кладбище Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем.

Первое сообщение о состоянии могилы певца появилось в октябрьском номере парижского журнала «Иллюстрированная Россия» за 1938 год и было приурочено к полугодовому сроку после смерти Шаляпина. В нём рассказывалось, что за могилой тщательно ухаживают. Могила с деревянным старообрядческим крестом окружена белой деревянной решёткой. Часто приезжает вдова Шаляпина Мария Валентиновна и украшает её живыми цветами. Однако, вскоре Мария Валентиновна вместе с младшей дочерью певца Дасей уехала в США, предчувствуя надвигающуюся войну. В апрельском номере журнала «Иллюстрированная Россия» за 1939 год имеется сообщение о приготовлениях к свадьбе дочери певца Даси с известным американским адвокатом Джеймсом Робертсоном в Нью-Йорке. Годовщину смерти Шаляпина в апреле 1939 года его вдова вместе с дочерью встретила в Нью-Йорке. Вернулась она оттуда уже после войны. В парижской апрельской газете «Советский патриот» 1946 года, когда отмечалась восьмая годовщина смерти певца, рассказывалось о посещении могилы Шаляпина маленькой русской группой по приглашению дочери Шаляпина от первого брака Татьяны Фёдоровны. Все пришедшие стояли в благоговейном молчании около могилы, покрытой незабудками. При этом два фотографа снимали собравшихся, а Татьяна Фёдоровна в простых и сердечных выражениях благодарила присутствующих.

Однако, через два года газета «Русская мысль» уже писала о плохом состоянии могилы великого русского певца. Вот отрывок из статьи, написанной журналистом Николаем Станюковичем о посещении кладбища, опубликованный в № 49 от 19 марта 1948 года, незадолго до десятилетней годовщины смерти певца, которая торжественно отмечалась в Париже:

«В конторе кладбища Батиньоль на вопрос: где находится могила Шаляпина – прежде всего отвечают восклицаниями:

– А, русс, русс...знаем...гран... селебр...

А затем любезно указывают, как добраться до 25 дивизиона.

Три аллеи, три поворота и выделяется одинокий чернозёмный голый квадрат в три аршина. Не верится, что это и есть приют вечного упокоения мировой знаменитости, гордости земли русской.

Земля на могиле взрыхлена дождями, отчего могила выглядит как недавняя. В рыхлую землю воткнуты три красных тюльпана, ещё свежих от отзывчивого благодарной памяти соотечественника. Кто он, единственный? «Ограда» состоит из нескольких деревянных жердочек. Крест деревянный, почернел от времени. Нужно пристально взглядеться, чтобы обнаружить внизу истлевающую надпись на французском языке: «Фёдор Шаляпин». Вверху креста – иконка. Подул ветер. Полусгнивший крестик зашевелился, задрожал. Кажется, что вот-вот упадет от шквала непогоды. Страшно сделалось случайному свидетелю полного невнимания к национальной гордости российской, обретшей свой кусок земли на чужбине.

Позволительно спросить, где поклонники, восторгавшиеся перед исключительным певцом, создавшим неповторимые образы.

Осведомляюсь у кладбищенского гида: «Посещается ли могила?» Отвечает: «А нет... Раньше «фамиль» бывала на пасху, теперь не видно, да и посторонние не заглядывают».

Такое состояние могилы известного русского певца не могло оставить равнодушным русскую общность в эмиграции.

Для обустройства могилы певца и чествования его памяти в десятилетнюю годовщину председатель Литературно-юридической комиссии Союза русских адвокатов за границей Николай Корганов, хорошо знавший великого артиста, обратился через газету «Русская мысль» с письмом о сборе средств в Фонд Шаляпина ко всем русским эмигрантским учреждениям и организациям.

В Александро-Невском храме состоялась торжественная панихида, на которой присутствовало более 1000 человек. На ней, помимо членов семьи покойного: вдовы Марии Валентиновны, дочерей артиста, сына от первого брака – Бориса, внучки Ирины (дочери Бориса Шаляпина), присутствовали видные представители французского музыкального мира и русской колонии.

В одной из парижских галерей состоялась трёхдневная выставка, где было представлено несколько портретов Шаляпина, его театральные костюмы, фотографии и статьи о его выступлениях. По вечерам на выставке проходили собрания с воспоминаниями о певце и заслушивались диски Шаляпина

В фойе зала Плейель, в котором Шаляпин давал концерты, состоялось торжественное открытие шаляпинского барельефа работы русского скульптора Клео Беклемишевой. По инициативе группы ревнителей памяти Шаляпина состоялся вечер с докладом «Шаляпин и его время» профессора Валентина Сперанского, после которого была музыкальная программа с записями певца.

И в апреле в Гранд-опера был показан спектакль «Борис Годунов», вырученные средства от которого пошли в Фонд Шаляпина.

Тем не менее, в 1951 году в июле месяце в «Русской мысли» спустя 3 года после начала сбора средств на обустройство могилы появилась статья, где говорилось о письмах от частных лиц и общественных организаций, готовых оказать материальное содействие по переносу праха Шаляпина на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа, где всё в полном порядке. При этом указывалось на необходимость перейти от слов к делу по общественной инициативе и обустроить могилу, вопреки молчанию законных наследников крупного состояния покойного.

И только лишь в 1952 году 25 июня 1952 года в № 461 газеты «Русская мысль» появилось сообщение Николая Станюковича об установке мраморного памятника на могиле Шаляпина на кладбище Батиньоль:

«В пасмурный час (30 мая) кладбище «Батиньоль» выглядит величаво. Прохожу к могиле Шаляпина и вспоминаю с некоторым смущением полусгнивший крестик, который раньше видел... И вдруг... нечаянная радость! На могиле чудесно вырос мрамор. Возвышается солидный крест. На всём пространстве могилы – массивная плита. По бокам продольно посажена красная герань. На плите выгравирована надпись на французском языке:

– Здесь покоится Фёдор Шаляпин, гениальный сын земли русской.

На днях французское радио одну из своих передач посвятило памяти Шаляпина. Спикер произнес похвальное слово певцу, и в заключение сообщил радостную новость: предположено воздвигнуть на одной из площадей столицы памятник Шаляпину».

Фотография Шаляпина с собакой Ройкой, снятая незадолго до смерти. 1938 год

* * *

Спустя 14 лет после смерти певца, на его могиле было установлено мраморное надгробие. По согласованию с семьёй покойного прах Шаляпина решили не переносить на другое кладбище, а все собранные деньги от общественных организаций и частных лиц потратить на могильный памятник, который до сих пор стоит на бывшей могиле Шаляпина. Сейчас в Париже, после переноса праха певца в Москву на Новодевичье кладбище и торжественном перезахоронении его в конце октября 1984 года в присутствии всех живых в то время детей певца, это символическая могила певца – кенотаф. В ней имеется только прах его второй жены Марии Валентиновны, о котором не написано на надгробной плите. Первоначальная надпись на могильной плите по-французски:

«ICI REPOSE FEODOR CHALIAPINE FILS GENIAL
DE LA TERRE RUSSE»

никогда не изменялась. Однако, некоторые очевидцы утверждают, что одно время была небольшая накладная мраморная доска с надписью о захоронении вдовы Шаляпина. За границей такие отдельные доски к могилам очень распространены. Вероятно, её убрали с могилы по какой-то причине. Возможно, это произошло до переноса праха певца в Москву.

В статье говорится о предположении воздвигнуть в Париже на одной из площадей памятник Шаляпину. Увы! С тех пор прошло 65 лет, а памятника в Париже так и нет. За 46 лет нахождения праха певца на кладбище Батиньоль (до его переноса в Москву осенью в 1984 году) памятник на какой-либо площади не был установлен, а потом это сделать стало намного труднее.

Единственный памятный знак в Париже, связанный с именем Шаляпина, это белая мемориальная мраморная доска на доме № 22 на авеню Д'Эйло, которая была торжественно установлена 20 сентября 1984 года по сообщению сентябрьского номера газеты «Русская мысль». Установка её произошла перед переносом праха Шаляпина из Парижа в Москву.

На доске золотыми буквами по-французски написана надпись, которая переводится:

«Русский певец Фёдор Шаляпин (1873–1938)
жил и умер в этом доме».

Несколько человек из старых парижан и иностранцев (барон Эдуард Фальц-Фейн из Вадуца (Лихтенштейн); дочь Шаляпина Марина, жившая в Риме; жившие в Париже два сотрудника «Русской мысли» – Нина Прихненко и Кирилл Померанцев), бывавшие на авеню Д'Эйло до 1970-х годов, утверждали, что это вторая мемориальная доска, связанная с именем Шаляпина. Первая была повешена значительно раньше. Но во время ремонта фасада была снята, а потом она исчезла и не была повешена. В настоящий момент при многократных обращениях в парижскую мэрию шестнадцатого арондисмана удалось выяснить, что сейчас на доме висит действительно вторая доска, а первая была снята при ремонте фасада. Из-за плохого состояния она была утилизирована. Так, что есть документальное подтверждение правильности информации очевидцев.

Перезахоронив прах Шаляпина в Москве, необходимо было поставить памятник на его могиле. Было решено для этого использовать уже созданный памятник Шаляпину, который стоял в помещении Министерства культуры.

В октябре 1986 года в Москве на Новодевичьем кладбище на могиле певца был установлен памятник работы скульптора Алексея Елецкого. Он изображает Шаляпина сидящим, как на портрете Константина Коровина, написанном в 1911 году.

Сейчас в России с августа 1999 года установлено 7 памятников певцу в семи городах и поселках: в Казани, Москве, Уфе, под Нижним Новгородом, в Кирове, Кисловодске, Гурзуфе. Вероятно, если бы певец не был перезахоронен в России, такого количества памятников не было. Некоторые из них изображают певца как на картинах художников-современников. А первый памятник певцу, установленный в Казани запечатлел его прощающегося с родным городом во время его последнего визита в 1912 году. Скульптор показал Шаляпина, который уже накинул на руку пальто и взял в руку шляпу, чтобы уехать.

В настоящее время потомки Шаляпина не живут в Париже. Внуки и правнуки разбросаны по всему свету – в Англии, США, Италии, Южной Америке. За бывшей могилой певца продолжают ухаживать сотрудники кладбища и, когда приходят редкие любопытные посетители из России, их любезно провозжают до неё.

В 1956 году, спустя 18 лет после смерти Шаляпина, его дочь от первого брака Ирина Шаляпина-Бакшеева, жившая в СССР в Москве, посетила могилу отца. Ей не удалось присутствовать на его похоронах в 1938 году. Тогда после долгого оформления разрешения на выезд из СССР её не выпустили во Францию в связи с неточностями в документах при пересечении границы в Бресте. В 1956 году после больших хлопот о посещении могилы отца за границей она поехала как туристка в Париж и смогла побывать на его могиле. Вернувшись в Москву, она рассказывала потом своим знакомым, что когда она была у могилы отца, над могилой летала бабочка.

Последнее сообщение в «Русской мысли» № 3308 от 15.05.80 о посещении русской эмиграцией могилы певца в Париже датируется 12 апреля 1980 г. В статье отмечалось, что на могилу Шаляпина приходят русские парижане. Они сожалеют, что она не находится на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа, где много русских могил и там бы она чаще посещалась. В день памяти Шаляпина известные артисты Сергей Лифарь и Мария Давыдова, которые работали с Шаляпиным, посетили могилу певца. С годами таких людей становилось все меньше. Большая часть нового поколения русской эмиграции интегрировалась во французскую культуру, и её интересы были далеки от Шаляпина.

Иногда на могилу Шаляпина приходили приезжавшие из СССР на гастроли в Париж артисты или туристы.

В ноябре и декабре 1958 года в центре Парижа в театре Шатле с большим успехом проходили гастроли приехавшего из СССР Волжского народного хора из Самары (тогда Куйбышева). В то время ещё были живы многие русские эмигранты I волны. Они приходили слушать волжские напевы, которые вызывали у них ностальгию. Программа хора, состоящего из восьмидесяти артистов, вызвала восторг у Парижан. Французские газеты отмечали, что богатые красками мужские и женские голоса придают волжским песням необыкновенно яркий колорит, и артисты с берегов Волги принесли в Париж поэзию безбрежных волжских просторов. В Париже было дано 28 концертов, а затем хор поехал выступать в Ниццу, Тулузу и Тур. Волжане во время гастролей посетили могилу Шаляпина, возложили на неё венок и постояли в глубокой задумчивости у надгробной плиты.

В собрании президента Шаляпинского Центра Юрия Тимофеева в Москве есть фотография, которая запечатлела этот хор у могилы певца в Париже. Фотография была куплена Тимофеевым лет 15 назад случайно у одной пожилой женщины, продававшей её около книжных ларьков у метро. Вероятно, в частных собраниях, как за границей, так и в России имеются фотографии, запечатлевшие в разные годы людей, приходящих на могилу певца. Она вызывала интерес, и её посещали, чтобы почтить память великого человека.

В конце 1970-х годов одна моя знакомая, будучи переводчицей французского языка, сопровождала группу в поездке в Париж из Москвы от Союза композиторов. При этом, помимо осмотра достопримечательностей, были выступления музыкантов и певцов из группы на концертах. У группы было запланировано посещение могилы певца во время городской экскурсии, которую проводила гид из Парижа. Это была француженка с русскими корнями. Гид у могилы рассказывала об установке надгробия на общественные деньги от разных организаций и на частные пожертвования. При этом она отметила, что согласно завещанию певца, его вдова Мария Валентиновна была захоронена в одной могиле с ним – поверх его гроба. Это было выполнено летом в 1964 году, когда умерла Мария Валентиновна. Никто из туристов не знал о смерти жены Шаляпина и её захоронении в этой могиле согласно завещанию. В московских газетах такая информация не печаталась, а парижская «Русская мысль», писавшая об этом, была только в спецхранах для очень узкого круга читателей.

* * *

В статьях о великом певце в парижской прессе современники артиста рассказывали о встречах с ним и его актерском мастерстве перевоплощения в ролях. Воспоминания разных авторов иногда носили и противоречивый характер. Публиковались малоизвестные фотографии Шаляпина, как в русскоязычной, так и французской прессе. В апрельском номере за 1938 год журнала «Regards» («События») был помещен снимок певца с собакой Ройкой, сделанный незадолго до его кончины.

Когда отмечался год со дня смерти Шаляпина в 1939 году в газете «Последние новости» № 6588 от 11 апреля вышла статья журналиста Соломона Полякова-Литовцева «Годовщина» об искусстве пения Шаляпина. В ней автор писал о наслаждении певца, которое доставляла ему власть над аудиторией. Он любил бесконечные овации слушателей. В артистической комнате его лицо отражало

степень успеха, объём восторга публики. Певец сознавал, что не даром это ему даётся, что он умеет выступать так, как никто другой, беря баснословно высокие ноты и гремя низжайшим басом. Артисту нужно было непременно потрясти слушателей и дойти до их души. А в апрельской газете № 6593 был опубликован любопытный снимок, изображающий Шаляпина вместе с негритянской семьей в номере нью-йоркской гостиницы. Семья явилась к благодетелю в полном составе поблагодарить за помощь, которую он ей оказал.

Журнал «Иллюстрированная Россия» № 17 от 15 апреля 1939 года был посвящён Шаляпину. В нём были напечатаны воспоминания артиста Григория Хмары, фрагменты автобиографических воспоминаний «Маска и душа», воспоминания Иосифа Кашука – брата Михаила Кашука, который был импресарио Шаляпина.

Были представлены большая фотография Шаляпина на фоне книжного шкафа, снятая фотографом и коллекционером Эмилем Марковичем в 1937 году в Париже и две фотографии певца, снятые в имени под Берлином у его друга эстрадного артиста и режиссёра Якова Южного. Они запечатлели Шаляпина во время отдыха на крыльце и с корзиной яиц после обхода куриных гнезд.

Большой друг Шаляпина Григорий Хмара рассказывал, что никогда не видел Шаляпина в кругу певцов. Шаляпин охотно бывал в кругу драматических артистов и ясно, точно выражал свою мысль об искусстве театра. Увидев спектакль «Горе от ума», шедший в московском Художественном театре, он стал критиковать исполнение роли Чацкого, отмечая, что у артиста нет мужского темперамента, той горячности, которая должна быть присуща Чацкому. В Москве Шаляпин участвовал в постановке оперы «Хованщина» Модеста Мусоргского в Большом театре. Он был недоволен дирижёром Вячеславом Суком, у которого хористы в первом акте «Утро в Москве» стояли. Сук не мог справиться с движущейся толпой на сцене. Он поругался с Шаляпиным и отказался дирижировать. Пришлось вызывать дирижера из Петербурга, у которого хористы, состоящие из стрельцов, купцов, бояр, двигались в этом акте. Спектакль в итоге в Москве имел большой успех.

В памяти у Хмары осталась и вечеринка в Петрограде в 1920-е годы с балетными артистами из Москвы. Шаляпин пришёл в сопровождении фокусника, который потешил присутствующих своим искусством. После представления, когда началось застолье, Шаляпин ухаживал за одной из балерин, а её балетный партнёр ревниво наблюдал за происходящим. Уже под утро певец спел романс «Пара гнедых» под аккомпанемент на гитаре Григория Хмары. Казацкая песня «Потеряла я колечко, потеряла я любовь» в исполнении Хмары понравилась Шаляпину, и он решил её записать. Надев очки, певец старательно и досконально записывал. При этом он стал похож на славного дедушку с мягким и добродушным лицом.

Воспоминания Иосифа Кашука, который был импресарио Шаляпина во французской провинции, рассказывают о его гастролях в Тулузе и Лионе в феврале и марте 1932 года, где были показаны оперы «Севильский цирюльник» и «Борис Годунов». Вот что писал автор воспоминаний:

«На гастроли Шаляпина сопровождали всегда, в общем, не менее 4-5 человек. Поездка стоит дорого: лучший отель, масса расходов. Приезжаем за 3-4 дня до выступления, – приёмы, визиты, интервью, репетиции. Наконец, приближается день спектакля. Атмосфера становится всё более и более напряжённой. Во время репетиций Шаляпин буквально всем и каждому делает указания и поправляет, поёт вместе с артистами и с хором всё, от начала до конца. В результате он переутомляется, и накануне спектакля начинаются сомнения относительно здоровья и состояния горла. Начинается лечение. Визит врача, волнения дирекции театра и всех окружающих. У певца появляется тема «не отменить ли спектакль?». Она доминирует постоянно и нервирует всех невыносимо. Чаще всего всё проходит без отмены. А когда приходилось действительно отменять спектакли, с Шаляпиным происходила метаморфоза: он весь преобразался. Болезни как рукой сняло, появлялся аппетит, начиналось ликование и веселье. Самые весёлые ужины бывали после того, как заветное желание об отмене исполнялось».

Двухлетие памяти Шаляпина в 1940 году отмечалось 13 апреля собранием под председательством бывшего российского посла Временного правительства Василия Маклакова и выступлением хора Николая Афонского в зале Шопен, находящемся в одном здании с залом Плейель.

Во время войны, в 1942 году, когда Париж был оккупирован немцами, в русскоязычной газете «Парижский вестник» в № 7 от 26 июля была напечатана статья Николая Янчевского «Две эпитафии». В ней была приведена одна из версий эпитафии, написанной себе Шаляпиным, и эпитафия

Константина Коровина. Эпитафия Шаляпина была записана его другом Р. Томсоном (мужем певицы С.Н. Коншиной) в 1925 году после концерта в лондонском ресторане на листе меню и лично подписана певцом. А в 1943 году в этой же газете в № 43 от 10 апреля сообщалось о торжественной панихиде в соборе Александра Невского, приуроченной к пятилетию со дня смерти певца, и была напечатана ещё одна статья Янчевского «Фёдор Шаляпин – художник». В статье автор отмечал, что Шаляпин начал рисовать только тогда, когда в нём окончательно сложился певец, и рассказал, где находятся его рисунки.

В апрельских номерах газеты «Русская мысль» в 1953 году к 15-летию кончины певца было напечатано несколько статей о нём. Статьи оперного артиста, педагога Александра Александровича «Об искусстве Шаляпина» и политолога Валентина Сперанского «Памяти Шаляпина» полностью посвящены искусству пения певца. Хористка хора Русской оперы, с которым пел Шаляпин, Наталья Анненская в статье «Панихида по Ф.И. Шаляпину» приглашала на панихиду в собор Александра Невского и вспоминала, как артисты хора дежурили у гроба Шаляпина. Воспоминания музыкального деятеля Владимира Верещагина, который был племянником известного русского художника Василия Верещагина, рассказывали о встречах с Шаляпиным в Петербурге и после отъезда за границу в Лондоне, Амстердаме и Париже.

В Петербурге, когда ещё у Шаляпина не было постоянной квартиры на Пермской улице, автор воспоминаний встречался с ним в квартире у замечательного доктора ларинголога Давида Фельдберга. Он считался «придворным врачом» Шаляпина. Когда Фёдор Иванович был не в голосе, то брал с собой в театр своего «ангела-хранителя» вместе с его огромным портфелем, где были капли, мази и горловые инструменты. Хозяева были очень гостеприимны, и за длинным столом, уставленным винами и разными яствами, собирались большие компании. Шаляпин был обаятельно прост, смеялся, говорил без конца о чём угодно, но только не о театре.

За границу из России Владимир Верещагин уехал так же как и Шаляпин в 1922 году. Встречи и там всегда были дружескими и запоминались.

Вот как описывает свою последнюю встречу с Шаляпиным в Париже Владимир Верещагин:

«Последний раз я встретил Шаляпина на Больших Бульварах. Был вечер. Он медленно шёл, оставившаяся и рассматривая витрины. На нём была широкополая бархатная шляпа и жёлтое кашне. Прохожие узнавали его и оглядывались.

Меня поразила его бледность. На мой вопрос о здоровье он только вздохнул и заговорил о другом. Я проводил его до площади Мадлен, и долго смотрел ему вслед, пока его высокая, но уже сгорбленная фигура не скрылась в парижских сумерках».

В № 550 «Русской мысли» от 1 мая 1953 года рассказывалось о радиопередаче «Наш друг Шаляпин» в Париже. Вера Вольман – журналистка, переводчица, артистка и жена артиста Григория Хмары, поделилась своими воспоминаниями. А Григорий Хмара изображал криками и диким хохотом артиста. И, конечно, прозвучали записи Шаляпина.

6 мая была опубликована статья «Федя Шаляпин». Автор напечатал её под псевдонимом и одновременно с приехавшим в Тифлис молодым Шаляпиным жил в те годы в этом городе. Статья полностью посвящена тифлисскому периоду певца. И, как справедливо автор заметил в конце статьи: *«Федя Шаляпин исчез из Тифлиса, чтобы появиться на больших сценах всего мира».*

* * *

В газете «Русские новости» № 672 от 18 апреля 1958 года была воспроизведена фотография Шаляпина, снятая Эмилем Марковичем, которая публиковалась в 1939 году, были напечатаны к 20-летию кончины певца воспоминания актера Григория Хмары, который был частым гостем в семье Шаляпина. В них рассказывалось о том, как отец Шаляпина в первый раз пришёл слушать сына в Мариинский театр и о том, что Шаляпин не был доволен своим фильмом «Дон-Кихот». Дочь певца от первого брака Лидия Шаляпина рассказала о последних днях отца и неожиданной руладе Шаляпина за 3 дня до его кончины. Вся семья была поражена, как хорошо получилась у него эта проба голоса. Рассказывалось и о Шаляпинской выставке в Москве в Бахрушинском музее. Выставка называлась «Мемориальная комната Фёдора Ивановича Шаляпина» и проходила она с экспонатами, предоставленными живущими в Москве дочерью Шаляпина Ириной и первой женой Шаляпина – Иолой Торнаги-Шаляпиной. В комнату заходило по тридцать посетителей, и

Волжский хор из Куйбышева на могиле Шаляпина в Париже. 1958 год

экскурсовод рассказывал о певце и его смерти в Париже. При этом экскурсовод не смог правильно ответить на вопрос посетителя о том, на каком кладбище был похоронен Шаляпин. Вмешательство парижского корреспондента, находящегося в группе, помогло найти правильный ответ о кладбище Батиньоль. Все с большим интересом слушали рассказ парижанина о торжественных похоронах Шаляпина в Париже, при которых сотни русских таксистов молча дефилировали перед домом певца, и траурная процессия была остановлена перед зданием парижской оперы. Это была первая выставка в Советском Союзе, целиком посвященная певцу после его кончины за границей.

Газета «Русская мысль» в №1201 от 19 апреля 1958 года отмечала, что прошло 20 лет, как Париж торжественно хоронил Шаляпина – легендарного певца, великого и несравнимого исполнителя романсов, покорявшего зал своей интерпретацией, волновавшей и чаровавшей слушателей. Журналист и писатель Борис Домогатский, живший в Австралии в Сиднее, прислал статью, в которой рассказывалось о посещении поздно вечером Шаляпиным в Москве в начале 1920-х годов квартиры крупного инженера в доме рядом с консерваторией.

Несмотря на то, что прошло около двух десятков лет, как умер певец, наследники Шаляпина, рождённые от первого брака, считали себя обделёнными в наследстве. Они не любили вторую жену певца Марию Валентиновну по вполне понятным причинам и считали несправедливостью её большую долю в наследстве.

В 1959 году в газете «Русская мысль» в № 1362 от 30 апреля появилась статья «Дело о наследстве Ф.И. Шаляпина». В ней рассказывалось, что дочь певца Ирина Шаляпина-Бакшеева, живущая в Москве, предъявила иск к второй жене Шаляпина – Марии Валентиновне, требуя признание дома на авеню д'Эйло, в котором жила семья певца, принадлежащим законным наследникам певца. При покупке дома в 1924 году уплата была произведена чеком Шаляпина. Дом был подарен в собственность Марии Валентиновне. Парижская Судебная Палата признала доказанным – отчасти на основании мемуаров Ф.И. Шаляпина, – что в России после октябрьской революции и первое время по выезде за границу Шаляпин и его семья жили на выручку от продажи драгоценностей М.В. Шаляпиной. Внося покупную цену за дом, Шаляпин рассчитывался с женой по долгу, образовавшемуся в трудные годы. Иск дочери был отклонен, и М.В. Шаляпина окончательно была признана законной собственницей дома.

* * *

В 1963 году к 25-летию кончины певца в газете «Русская мысль» была напечатана большая статья русского музыкального критика Леонида Сабанеева, жившего в то время Ницце. В ней говорилось об одарённой натуре певца, созданных в оперном театре трагических и комических образах, о драматизации камерных выступлений, которые становились театральными поэмами. И хотя певец и пережил свою славу, он продолжал держаться на сцене, потому что помимо голоса он был великим актёром. Отмечались и его человеческие качества – расчётливость, любовь к деньгам, которые часто мешали его благотворительности. С гениальными инстинктами художника певец был настроен очень эгоистически. И это факт нормальный, считал автор статьи, так как великие художники часто не бывают добродетельными людьми.

В газете «Русские новости» № 934 от 26 апреля 1963 года была помещена статья «Шаяпин на экране», авторами которой были музыковеды М. Долинский и Семен Чертог. Это статья о кинематографической судьбе Шаяпина. Впервые он снялся в немом фильме «Псковитянка» в 1915 году в роли Ивана Грозного. Шаяпин говорил, что кинематограф может попасть в самые удалённые уголки глухой провинции и таким образом будет возможность увидеть его искусство в деревнях и сёлах. В 1918 году артист мечтал о съёмках в фильме «Степан Разин», но они не состоялись. В 1933 году на экраны во французском прокате вышел «Дон-Кихот», но, как это отмечалось уже выше, Шаяпину не понравился снятый фильм, хотя он и имел успех у публики. Он говорил, что фильм получился плохо заснятым, нудным театральным представлением. На экране резко бросалась в глаза вся нелепость банальных приёмов, оперных штампов. При съёмках Шаяпин делал всё, как говорил австрийский режиссёр Георг Пабст, хотя часто был не согласен с ним. У актёра не было выбора, так как при его возражениях режиссёру съёмки фильма были бы прекращены. Шаяпин мечтал о съёмках фильма «Слово о полку Игореве» (одном из его любимых эпических произведений) в 1937 году, но они уже не могли состояться. В последний год жизни певец не пропускал ни одного советского фильма. Он смотрел фильмы «Чапаев», «Гроза», «Пётр I», и они получили у него по актёрской игре высокую оценку.

* * *

Статьи о Шаяпине появлялись не только в юбилейные годы. В 1967 году в №1145 «Русских новостей» от 26 мая была напечатана статья «Шаяпинский перстень с рубином» о подарке Шаяпину перстня одной дамой в 1903 году в России. А спустя много лет – уже в СССР – на концерте дочь этой дамы увидела этот перстень у одного из зрителей. Она подошла к нему и попросила снять перстень. Рассмотрев его, она сказала, что это перстень, подаренный Шаяпину её матерью. Зритель с перстнем попытался узнать, кто была её мать. Однако он услышал от дочери только: «Ей нравился Шаяпин». Зритель оказался приятелем ювелира, изготовившего перстень для Шаяпина. Через несколько лет подаренный перстень стал мал Шаяпину. Шаяпин попросил ювелира его расширить, а тот предложил ему на обмен другой перстень большего размера. Перстень с рубином он передал приятелю, который и был зрителем на концерте.

В августе месяце того же года была статья Григория Хмары «Шаяпин – Дон Кихот». Он не один раз рассказывал в парижских газетах о недовольстве Шаяпина режиссёром Георгом Пабстом при съёмках фильма.

* * *

В 1968 году, когда отмечалось 30 лет кончины певца, в газете «Русская мысль» вышла серия воспоминаний. В неё вошёл отрывок из воспоминаний дочери певца Даси Шаяпиной-Шуваловой, записанный на магнитофон журналистом Кириллом Померанцевым в Шату под Парижем, где жила Дася; воспоминания ювелира и общественного деятеля Александра Маршака и итальянского певца Тито Скипы, который пел с Шаяпиным. Дася рассказала о своём первом ярком воспоминании об отце в три года, связанном с туфелькой, которая ей стала маловата. Это было во Франции в Ля Боль. С этой туфелькой отец никогда потом не расставался. Она была его амулетом. Однажды в Нью-Йорке она пропала в портфеле, забытом в такси. Шаяпин заявил, что без неё он петь не будет. Каким-то чудом его импресарио Сол Юрок нашел её, и концерт состоялся. Рассказывала дочь о привычках и вкусах Ша-

ляпина. Певец никогда не ел до выступления, а после очень любил варёную курицу. С 20-х годов он страдал диабетом, был на строгой диете, но раз в году на именины матери всей семьёй лепили пельмени – любимое блюдо отца. Вспоминала она и съёмки «Дон-Кихота» в 1932 году, которые проходили над Грассом во время страшной жары, и дальневосточное турне в Японию и Китай в 1936 году.

Александр Маршак вспоминал о знакомстве с певцом в 1923 году в Париже, его импульсивном характере и чрезвычайно переменчивом настроении. Любя шутки и юмор он легко радовался и очень весело и заразительно смеялся. Он увлекал всех вокруг себя. Будучи человеком большого ума, Шаляпин не был чужд некоторой наивности. Людей он познавал быстро каким-то чутьём, ошибался редко и любил особенно тех в ком замечал какую-нибудь даровитость. Иногда его настроение из-за какого-нибудь пустяка портилось. Фёдор Иванович делался мрачным, суровым и иногда грубым. Маршак рассказывал о желании Шаляпина купить во Франции дом с большим садом и построить там, рядом, русскую баню. Это желание было осуществлено им в 1927 году при покупке имения в Сен-Жан-де-Люзе на берегу Бискайского залива.

Тито Скипа с большой теплотой вспоминал о певце:

«Шаляпин был так обаятелен, вежлив и остроумен и весел. Он делал всё с большим увлечением, что сотрудничество с ним составляло только удовольствие».

В № 1184 газеты «Русские новости» от 1 марта 1968 года была напечатана статья «Портрет Шаляпина вернулся на Родину». Возвращение этого портрета, написанного Б.М. Кустодиевым в 1921 году, произошло накануне Нового 1968 года. Дочь Шаляпина Марфа написала письмо послу СССР в Великобритании. В этом письме она от своего имени, а также от имени сестёр Марины и Даси выразила желание преподнести портрет Шаляпина, чтобы он был выставлен либо в музее-квартире Шаляпина, либо в театре имени Кирова в Ленинграде. В письме рассказывалось, что портрет находился у их матери в квартире в Риме, где она умерла летом 1964 года. Портрет был переслан из Рима в Ливерпуль, где жила Марфа. При этом он был повреждён и поэтому нуждается в реставрации. В квартире Шаляпина в Париже он висел над гигантским камином резного дерева. И Шаляпин его особенно любил. В 1922 году Кустодиев написал уменьшенное повторение портрета, которое находится в Русском музее. Дар, конечно, был принят, и министр культуры Е.А. Фурцева выразила благодарность дочерям. Указывалось, что на днях самолёт Аэрофлота доставит драгоценный груз в СССР.

Однако участие в этом Даси очень сомнительно, так как из рассказанной здесь ниже статьи Кирилла Померанцева (напечатанной в 1988 году) о его дружбе с четой Шуваловых следует, что Дася не хотела никаких сделок с покинутой её отцом страной. Вероятно, Дася была вписана в письмо послу, чтобы к ней не было вопросов. Передача портрета произошла быстро. Возможно, Дася о ней и не знала.

А в ноябре 1968 года в «Русских новостях» была опубликована статья «Шаляпин, каким он был». Рассказывалось о праздновании 95-летия Шаляпина в СССР. В газете «Советская культура» было опубликовано письмо видных деятелей искусства, в котором ставился вопрос о создании музея Шаляпина в Москве. При этом отмечалось, что в Москве в августе 1957 года был установлен бюст певца и мемориальная доска на доме, где он жил. Мемориальные доски установлены также в Уфе, Харькове и Горьком в местах, связанных с пребыванием там Шаляпина. Из интервью с Ириной Шаляпиной стало известно, что недавно она привезла в Москву в Музей музыкальной культуры им. Глинки подарок дочери Шаляпина Марины – костюм Хана Кончака, в котором выступал певец. Дочери старались делать дары, чтобы был создан музей.

В этом же 1968 году в Париже была выпущена книга о Шаляпине на французском языке «Этот гений Фёдор Шаляпин». Книгу написал друг певца – музыкальный критик и писатель Жак Фешот. Она вышла уже после смерти автора и до сих пор является единственной книгой о певце на французском языке.

* * *

Столетие со дня рождения Шаляпина отмечалось в 1973 году. С марта по июнь 1973 года в газете «Русская мысль» прошла группа статей о певце. Она началась в № 2936 с воспоминаний певицы Марии Давыдовой, которая пела вместе с Шаляпиным. В этом же номере газеты были опубликованы письма Шаляпина главному костюмеру Императорских московских театров Исааку Неменскому. Их принесла в парижскую редакцию его вдова. Большая статья Даси Шаляпиной-Шуваловой «Белот на

*Бывшая могила Шаляпина (вторая слева)
на кладбище Батиньоль в Париже.
Справа могила Печориных.
Фото автора 2015 год*

*Первый памятник Шаляпину в России,
установленный в Казани в августе 1999 года*

*Памятник на могиле Шаляпина
на Новодевичьем кладбище в Москве*

Доска в Париже на доме Шаляпина

Дом в Париже на авеню д'Эйло.

авеню Д'Эйло» рассказывала о семейных карточных играх в доме Шаляпина, в которых часто участвовал его импресарио Михаил Кашук. Шаляпин мог играть в карты всю ночь, мучая своих партнеров. При этом он предпочитал французскую игру беллот, которая была русифицирована. В бридж он играл реже и хуже. Партнёры должны были обеспечить ему выигрывание. Если он проигрывал, то начинал злиться и крепко ругаться. Иногда он играл с Дасей в шахматы. Проигрывая, хмурился и был недоволен. Он считал, что везде должен был побеждать – как на сцене, так и в жизни. Статья «Рахманинов и Шаляпин» молодого пианиста Андрея Лишке повествовала о многолетней дружбе певца и композитора. Сергей Лифарь написал статью «Смерть Шаляпина». В ней рассказывалось о последнем дне жизни певца и о сложностях при его похоронах, связанных с получением разрешения на остановку похоронной процессии перед зданием Гранд-опера, так как Шаляпин не был французом. Был опубликован вольный перевод с французского языка на русский поэмы Жака Фешота «Руки Шаляпина». Он был сделан В. Машиним – сотрудником созданной в Париже русской оперной труппы Кирилла Агренева-Славянского. В. Машин также написал статью «Кое-что о Шаляпине в провинции». В ней рассказывалось о Шаляпине, который был зрителем в 1930-е годы на опере «Борис Годунов» и его деликатном уходе из зрительного зала во время антракта. В газете был напечатан и один из вариантов эпитафии, написанной для себя Шаляпиным. Это была четвёртая публикация эпитафии в русскоязычных эмигрантских газетах, которому предшествовали публикации в парижских газетах: «Дни» (№ 1243 от 20 ноября 1927 года), «Последние новости» (№ 3308 от 13 апреля) и «Парижский вестник» (№ 7 от 26 июля 1942 года). Содержание части эпитафии в статье «Авто-эпитафия Шаляпина», которое, впервые было опубликовано в газете «Дни», следующее:

«Прохожий, стой!

Вот, между прочим, и Шаляпина могила.

Скончался и оставил он другому место.

Он жил, любил, страдал,

Ругался, плакал, врал, божился.

Он с женщинами разных стран,

Как бес перед заутренней кружился...

Так скажем же ему:

Мир праху твоему.

Из века в век

Актер, певец, солист

И, вообще, народный бывший человек».

При этом отмечалось, что, читая эту эпитафию корреспондентам, Шаляпин с особым выражением произнёс слова «бывший человек».

В газете «Русская мысль» освещалось празднование юбилея Шаляпина в Западной Европе. Писали о концерте в Мюнхене и вечере памяти певца в Риме, на котором присутствовал его сын Фёдор Фёдорович, очень похожий на своего отца.

Однако, в 1978 и 1983 годах, когда было 40-летие памяти Шаляпина и исполнялось 110 лет со дня его рождения, русскоязычная парижская пресса не вспомнила о нем.

* * *

Пятидесятилетие памяти Шаляпина отмечалось в 1988 году. В «Русской мысли» № 3716 от 11 марта 1988 года была напечатана статья Кирилла Померанцева о его дружбе с четой Шуваловых – дочерью Шаляпина Дасей и её вторым мужем Петром Шуваловым. Померанцев познакомился с ними в 1966 году, и, когда они обосновались в Шату под Парижем в 1968 году, он стал их еженедельным гостем по пятницам, приезжая на выходные из Парижа к своему другу писателю Владимиру Крымову, который жил рядом с Шуваловыми. Встречи продолжались 5 лет. Шуваловы были очень гостеприимными хозяевами. Померанцев описывает несколько встреч в их доме с гостями из СССР. Во время приёма директора Большого театра из Москвы зашла речь о переносе праха Шаляпина в Россию и приглашении четы Шуваловых в Москву. Дася отказалась от поездки в СССР и отрицательно отнеслась к переносу праха отца в СССР.

В этом же номере публикуется неизвестное письмо Шаляпина из архива тель-авивской музыкальной библиотеки, написанное певцом за 1,5 месяца до его смерти и рассказывается о неопу-

бликованных воспоминаниях главного дирижера Народного дома в Петербурге Марка Голинкина. Публикация была сделана литературным критиком Семеном Чертогом из Иерусалима. 1 апреля 1988 года в № 3718 «Русской мысли» была опубликована статья Сергея Лифаря «О Шаляпине». В ней Лифарь рассказал, что впервые увидел Шаляпина на концерте в Киеве, когда ему было 10 лет. Познакомился он с Шаляпиным уже в 1926 году через Сергея Дягилева, который много говорил ему о своих встречах и сотрудничестве с певцом. Лифарь рассказал об интимных ужинах в одном из лондонских ресторанов во время Лондонского сезона 1927-1928 годов. Автор отмечал, что их дружбе не столько мешала разница возрастов (Лифарь был в два раза моложе Шаляпина), сколько его благоговение с детских лет перед именем гениального артиста.

* * *

Большой вклад в почитание памяти Шаляпина в Париже внёс певец и общественный деятель Николай Порфирьевич Некрасов. Он родился в Смоленске. Уехав из России после революции, первые годы эмиграции провёл в Италии, где учился пению. Он был тенором. Выступал в концертах. Однако зарабатывать на жизнь в Париже маляром. Частью своего заработка он поддерживал артистов, выступающих на вечерах памяти Шаляпина, покупал раритеты, связанные с его именем. После войны в 1945 году он создал музей Шаляпина в помещении своей квартиры на Монпарнасе. Он в первый же год после смерти певца начал устраивать вечера его памяти. В 1947 году Некрасов организовал Кружок ревнителей памяти Ф.И. Шаляпина, который просуществовал в течение трех лет. А в 1954 году Некрасов создал русско-французское объединение певцов и музыкантов «Сущее искусство», где выступали с докладами о Шаляпине и других великих артистах. Когда Некрасов умер в 1959 году, члены созданного им объединения «Сущее искусство» в начале 1960-х годов несколько лет устраивали в Русской консерватории вечера его памяти, на которых отмечали его заслуги по организации общественных объединений, где почитали известных русских и французских артистов, а также по созданию шаляпинской коллекции. У Некрасова были хорошие задумки, но время не поддержало их, так как новое поколение в эмиграции интегрировалось во французскую среду, а количество русских эмигрантов во Франции со временем значительно уменьшилось. Однако все его предложения реализовались значительно позже, но уже в России – на родине певца. Это открытие музеев Шаляпина в Нижнем Новгороде (Горьком) в 1965 году, в Ленинграде в 1975 году, Москве и Кисловодске в 1988 году. Первый музей певца в 1965 году был открыт в провинции при школе № 140 в Приокском районе города Горького по инициативе дочери певца Ирины Фёдоровны, предоставившей большую часть экспонатов, а также силами местной общественной организации «Старые нижегородцы». При этом в Казани в музее А.М. Горького в 1968 году была создана экспозиция «Горький и Шаляпин» на основе фотографий, предоставленных музею Ириной Фёдоровной во второй половине 1940-х годов. В 1973 году к столетию Шаляпина экспозиция была расширена и стала называться «Шаляпин и Казань». Экспозиции в Горьком и Казани отражали в основном жизнь певца в этих городах. Ирина Фёдоровна мечтала об открытии музея в Москве, где более 10 лет жила первая семья Шаляпина, но в те годы это осуществить было невозможно.

В 1993 году в Москве был создан Межрегиональный Шаляпинский Центр – общественно – творческая организация, занимающаяся изучением жизни и творчества Шаляпина и пропагандой его искусства. Организация возникла благодаря людям, которые знали дочь Шаляпина Ирину Фёдоровну, дружили с ней и были её гостями в памятные даты семьи Шаляпина. Сейчас Центр имеет 13 отделений в разных городах России и 3 отделения за границей (Белоруссия, Латвия, Сербия). Благодаря сотрудникам Центра, удалось выяснить новые стороны жизни певца, как в России, так и за рубежом, написать много статей и издать новые книги о нем.

Так время показало, что память о великом человеке, прожившем много лет за границей и умершем в чужой стране, концентрируется на его родине. Благодаря активности культурных связей по инициативе России в Российском культурном Центре в Париже происходят памятные вечера и выставки, приуроченные к юбилейным датам. В 2013 году состоялся концерт, посвящённый 140-летию Фёдора Шаляпина. На мероприятия Центра приходят все, кому интересна русская культура и новые исследования жизни русских творческих личностей, живших во Франции. Среди них, конечно, иногда бывают и потомки русской эмиграции, которая около 100 лет назад покинула Россию и смогла устроить свою жизнь в принявшей её стране, несмотря на все сложности, которые приходилось ей преодолевать.

Берега истории

Княгиня В. Д. Лобанова-Ростовская

О российской трагедии XX века. До и после 1917 года: Воспоминания матери (1903–1935)

«Из Белого стана»

Вступление профессора Екатерины Фёдоровой.

Комментарии Л.Г. Умновой и Е.С. Федоровой

Сердце сокрушенно и смиренно...

Пс. 50, 19

Журнал «Берега» пользуется честью впервые представить на русском языке первый фрагмент¹ из задуманной серии публикаций книги «О РОССИЙСКОЙ ТРАГЕДИИ XX ВЕКА. ДО И ПОСЛЕ 1917 ГОДА: ВОСПОМИНАНИЯ МАТЕРИ (1903–1919)».

Это воспоминания княгини Веры Дмитриевны Лобановой-Ростовской (1870–1943), урождённой Калиновской – бабушки известного общественного деятеля, коллекционера, мецената Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского. Ранее текст никогда не был опубликован на русском языке.

Впервые воспоминания увидели свет на болгарском языке в Болгарии, в Софии, под вымышленным именем Наталия Артамоновна Захарина, озаглавленные «Рассказы матери. Пережитые испытания» (Княгиня Наталья Захарина. Разкази на една майка, преживяна действителност / Пер. с рус. София, 1936–1937).

Повествование охватывает пятнадцатилетний период перед Октябрьским переворотом до вынужденного бегства семьи от большевиков на исходе 1919 года. Подробно описана жизнь семьи в имении, быт российских помещиков; надвигающиеся предчувствия неотвратимого, подтверждаемые предсказаниями Оптинских и Лаврских старцев, а также духовных писателей, с которыми у автора происходит интенсивное общение; постепенно усиливающиеся невзгоды семьи в связи с появлением новой власти – разорение имения, угрозы, несправедливость по отношению ко всем представителям их круга, недоброежелательство, болезни, аресты близких.

«Жизнь начиналась и нелепая, и странная, и неудобная. Привыкнуть к ней было невозможно», – пишет Вера Дмитриевна (*гл. 14*).

Всё это заставляет прийти к единственному решению, которое бы позволило физически выжить домашним – к бегству. Главным инициатором его является Вера Дмитриевна. В долгом пути на чужбину семью вновь ожидают опасности, тюрьмы и лишения. В конце его Лобановы-Ростовские попадают в Болгарию. Летопись семьи почти через девяносто лет продолжил (и совершенствует замысел в разных монографиях и периодических публикациях) их внук, Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский:

«...вскоре после революции им удалось переехать в Одессу... Ещё до войны 1914 г., старшая сестра моего отца, Ольга Ивановна, уехала учиться в Швейцарию. В 1919 г. у неё созрел план отправиться в Советскую Россию и вывезти семью».

В почти невероятном плане спасения Ольге Ивановне помог румынский морской капитан Константин Улик, за которого позже она вышла замуж.

«Самое удивительное, что Ольге удалось перевезти всю семью... Потомки Рюриковичей, князя Лобановы внешне очень похожи на татар. Оделись крестьянами, загрузили вещи в телегу и отправились в путь»².

¹ Публикатор Н.Д. Лобанов-Ростовский. *Примечания* к фрагменту Л.Г. Умновой и Е.С. Фёдоровой. Выражаем сердечную признательность Л.Г. Умновой за помощь в комментариях к реалиям описываемой эпохи.

² Эпоха. Судьба, Коллекция. М., Русский путь, с. 10.

Более трех лет уходит на то, чтобы прийти в себя и осмыслить случившееся с семьёй русских князей, ставших эмигрантами. Автор сама называет точные даты начала описываемых событий и начала написания романа:

«у меня явилась потребность, после нахлынувших воспоминаний, сегодня же, ноябрьской ночью 1923 года, начать собирать весь имеющийся у меня материал и соединить его воедино. Итак, перенесёмся к середине сентября 1903 года в Петербург».

Почти 12 лет уходит на то, чтобы переработать разного рода частные записи в целостное произведение, не допускающее никакого вымысла, однако получившее в результате ясную структуру, и, следовательно, автор продуманно использовала некоторые художественные приёмы, касающиеся не самого материала, но его организации. Роман публикуется в эмиграции, в Софии, на болгарском языке на рубеже 1936—1937 гг. Крестный путь русских князей на чужбине, увы, не окончен.

Времена эмиграции не остановили страданий и испытаний в семье Рюриковичей. Апостол Павел говорил в Послании к Коринфянам: *верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так что вы могли бы перенести* (1 Кор.10, 13). Какова же была дана сила этой женщине, переносившей один удар за ударом, и нашедшей в себе внутреннюю опору, чтобы оставить людям письменное свидетельство российских бед! Так, в 1921 г. погиб сын Веры Дмитриевны Никита Иванович, в 1932 г. – другой сын, Иван Иванович. Вера Дмитриевна покинула этот мир в 1943 году, не узнав об аресте семьи её сына Дмитрия Ивановича, который вместе с невесткой Ириной Васильевной и 11-летним внуком Никитой оказались в тюрьме, прошли свой, уготованный им путь мытарств. Не узнала о неудавшемся им побеге; расстреле Дмитрия Ивановича, о жуткой судьбе в лагере сына Николая Ивановича. Об этом рассказал её внук в уже упомянутой книге, а также в двух других¹...

Необходимость псевдонима, придуманного для публикации романа, а также имён большинства персонажей, продиктована вовсе не требованиями этики той среды, к которой принадлежала Вера Дмитриевна, как можно было бы подумать. Псевдоним взят по необходимости. И выдуманные наименования большинства действующих лиц – не художественный приём: не навредить себе и другим в ту эпоху, когда волна репрессий могла накрыть не только живущих в «Совдепии», как называет страну Советов автор, но и уцелевших эмигрантов. За многими условными именами – по самой принадлежности русскому аристократическому кругу – скрываются лица, бывшие в своё время на слуху. Ныне так или иначе они должны быть вписанными в «русские летописи Перелома эпох». Некоторые имена, особенно это касается старцев, священников, монахинь, – сохранены. К сожалению, вовсе не все вымышленные персонажи поддаются дешифровке. Публикатор, Н.Д. Лобанов-Ростовский, восстанавливает подлинные имена детей Веры Дмитриевны. А вот, например, понять, какая именно из сестёр князя Ивана Николаевича Лобанова-Ростовского, мужа писательницы, скрыта под именем «Дашеньки» или «Сони» можно только с определённой долей вероятности. И это обидно. Ведь речь идёт о «свите Великой княгини Елизаветы Фёдоровны», фрейлинами которой были сёстры Александра Николаевна, и Любовь Николаевна, и двоюродная сестра Людмила Григорьевна Лобановы-Ростовские. Конечно, любая деталь обихода, каждодневные события, связанные с этой великой личностью, были бы драгоценным свидетельством. Эта «туманность» ещё раз свидетельствует: в истории России столетней давности до сих пор остаются серьёзные лакуны. Их «стягиванию», «суживанию», помимо других бесспорных достоинств, служит предлагаемый ныне текст.

Другой важнейший круг воспоминаний – духовные руководители и старцы. Свекровь Веры Дмитриевны была духовным чадом преподобного Амвросия Оптинского. На страницах рукописи мы узнаём реальных лиц, выведенных под своими подлинными именами, так или иначе близких к Оптиной пустыни: схиархимандрит Венедикт (Дьяконов), схиархимандриты преподобный Вар-

¹ «Рюрикович в эмиграции», М. 2015, «Рюрикович в XXI веке», М., 2017.

сонофий и старец Зосима, священноисповедник¹ Георгий (Егор) Чекряковский. Драгоценны тщательно выписанные конкретные эпизоды, в форме диалогов подробно рисующие наставления, весь строй монастырского обихода и манеру общаться с людьми, обращающимися к ним за помощью. Однако неведомым остаётся подлинное имя «Болящего Иоанна», жившего в Крестовоздвиженской женской обители Нижнего Новгорода. Хотя по всему видно, что имя этого старца в своё время было весьма известно и почитаемо. И тут тоже до сих пор «исторический обрыв» – дорога к некоторым лицам российской духовной истории только открывается свидетельством книги «О российской трагедии».

Структура романа и строгая документальность

Скромность и конкретность авторского названия задают и тон повествования. Вера Дмитриевна строго следует:

«письмам, дневникам и заметкам о прошлом» (Пролог).

Своевременно зафиксированные каждодневные события предстают, видимо, в своём почти первоизданном виде. Это показывает сам текст, где предпочтение отдаётся диалогам, передаются характерные черты речи разных сословий, упоминаются столь точные детали быта, которые «поздняя память» в предложенном автором изобилии сохранить никак не могла бы. Однако автор называет сочинение «романом», и совершенно справедливо. В том смысле, что ею лепится свод целостного произведения, соотносится гармония частей в единой структуре. Задача автора: «собрать воедино... то, подчеркнуто в памяти, то, что оставило след на всю последующую жизнь, то, что было темой многих дум и многих чувств». Материалом являются строго действительные события и реальные персонажи, однако эпизоды романа подчинены не только структуре текста, но общей идее произведения. Внутри романа заложена драматургическая пружина. Повествование «отталкивается» от горьких личных испытаний, ступень за ступенью расширяя их «кругозор» – испытания семьи – ближнего круга – людей самого разного происхождения, вероисповедания, национальности. И в финале «семейная хроника» – в силу естественного развития – приобретает явственное общественное звучание. И это тот художественный приём, который позволяет себе автор, поскольку он совпадает с ходом событий в конкретной семье на фоне российской катастрофы. Высоко взятая трагическая нота – смерть маленького сына – оказывается первым, личным этапом мытарств. Далее следуют постепенное и потому особенно мучительное разорение фамильного гнезда, лишения и испытания семьи; тяготы друзей, знакомых; наконец, напасти у людей её круга и сословия. Вступающие один за другим «голоса» создают в конце трагическую многоголосную коду – невзгоды, злключения и взаимное озлобление людей в России, затянутых стихией общего краха.

Итак, мы можем отнести новый роман к жанру «романов-эпопей». Или вернее к жанру «мини-эпопей», учитывая семейную доминанту – в целом, камерный характер повествования. Написанный женской рукой, он, бесспорно, сквозь призму женского видения передаёт страдания России на «переломе эпох». Активная роль свидетельницы событий в романе предрешена самим их ходом:

«В то время, опасаясь за судьбу мужчин, все вопросы женщины старались решать сами» (Гл. 14).

Таким образом, автор оказывается одновременно и героиней романа. Завершив чтение, мы понимаем, что при всей скромности отношения к себе, именно её действенные усилия спасают семью. Один из персонажей романа говорит:

«Смелым Бог владеет» (гл. 16).

Это без оговорок может быть отнесено к личности Веры Дмитриевны.

В этом отношении роман, на наш взгляд, сравним разве что с крупным и трагическим произведением внучки прославленного композитора Ирины Владимировны Головкиной (Римской-Корсаковой) «Побеждённые» (ныне публикуемого под названием «Лебединая песнь»). Полагаю, и роману княгини Лобановой-Ростовской тоже предстоит долгая жизнь. Следует оговориться: если подыскивать определение этому жанру, с долей условности можно было бы назвать его *документальным рома-*

¹ Священноисповедник – причисленный к лику святых священнослужитель, открыто исповедующий христианскую веру во время гонений и сам гонимый, но не претерпевший мученической смерти.

ном, в силу того, что персонажи и события не являются плодом вымысла. Одновременно текст не перестаёт существовать – то есть восприниматься – и как личные воспоминания частного лица – мемуары. Ну что ж, симбиоз различных жанров – явление нередкое в литературе рубежа эпох. Его диктовал сам характер времени, когда перед захватывающими «сюжетами» реальных событий бледнели события, измышлённые художественным воображением. То же, но имея ввиду более существенную литературную переработанность жизненных впечатлений, можно сказать и о романе Головкиной «Побеждённые»; личные впечатления и мемуарная компонента, безусловно, составляют фундамент и в романе Берберовой «Железная женщина».

Нельзя сказать, что за прошедшие ближайшие десятилетия в России не появилось бы найденных, впервые опубликованных интереснейших свидетельств «разлома России», принадлежащих перу верующих, духовно настроенных лиц, среди которых и аристократы¹. Однако следует признать, что и сегодня их «историческая пропорция» остаётся явно нарушенной по отношению к морю изданных-переизданных мемуаров и исторических романов победившей в октябрьском перевороте стороны.

Проживя жизнь в миру, бывая в свете, будучи матерью семерых детей, Вера Дмитриевна по складу своему, в определенный момент стала

«чувствовать себя скорее монахиней, чем мирскою, каковой я, однако, и была по внешним условиям моей жизни».

Привычка к сосредоточенному анализу своих помыслов, годами выработанный контроль над собой не позволяют её перу сочинять лишнее, не соответствующее её представлениям о ходе событий, сущности и поступках людей. По крайней мере, таков её настрой и стремление следовать документальности датированных записей. Помимо того, она в прошлом хозяйка большого имения, хозяйка-женщина-мать-жена-сестра в самом широком понимании смысла этих неразрывных понятий, хорошо знающая разные стороны устройства жизни, устройства человеческой природы, не потерявшая зоркости зрения на события и людей. Личная жизнь её, видимо, складывалась благополучным для неё образом, поскольку муж – князь Иван Николаевич Лобанов-Ростовский по религиозному складу соответствовал своей супруге. По воспоминаниям внука, и в старости, после всех потерь и трагедий, православие оставалось опорой и стержнем его личности².

Честность пера, верность увиденному, а также колоссальный объём испытаний, опыт горести и делают заявленный роман как «семейный» и эпохальный.

Это вовсе не означает, что автор стремится к всеобъемлющей объективности. Напротив, явственно показывает, что принадлежит определённой эпохе, социальному кругу, поколению, и исповедует его ценности. Она всецело на стороне Белых, она – с «той» стороны – из «Белого стана».

Разумеется, при всей нелюбви к большевикам, но оставаясь последовательной в установке – запечатлеть событие, фиксированное дневником, она вдумчиво следует рисунку сложных хитросплетений жизни, не стремясь спрямлять углы. В повествовании и «красные», бывало, являют «человеческое лицо», а «белые», например, демонстрируют явную зависть. Законченные внутри себя, как бы «самодостаточные» эпизоды (главы) не представляют собой разрозненные фрагменты бытия, к чему так тяготеет современная проза. (И потому, заметим в скобках, прозаикам сегодняшнего дня так редко получается создать финал романа). Лобановой-Ростовской удаётся дать сквозную линию развития идеи романа, при этом выстроив сложные, не прямолинейные, косвенные логические связи событий. На этом основании роман княгини Лобановой-Ростовской нами осмысливается принципиально *крупной формой*, во всей её цельности, а не «видимостью» романа, внутри которого «повести, скреплённые общей идеей».

¹ См. напр.: *Татьяна Мельник-Боткина*. Царский лейб-медик. Жизнь и подвиг Евгения Боткина. СПб., «Царское дело», 2016 / Перевод с франц.; *Баронесса М.Ф. Мейендорф*. Воспоминания, М., Сретенский монастырь, 2017; *Игуменья Таисия (Солопова)*. Автобиографические записки. Беседы с отцом Иоанном Кронштадтским. М.: Отчий дом, 2006; *Александра Нарцизова*. Письма о путешествиях с отцом Иоанном Кронштадтским // Рядом с Батюшкой. Воспоминания духовных чад о св. прав. Иоанне Кронштадтском. М.: Отчий дом, 2012; *Екатерина Духонина*. Как поставил меня на путь спасения отец Иоанн Кронштадтский (Дневник духовной дочери) // Там же; *Монахиня Серафима (Булгакова)*. Воспоминания // Преподобный Серафим Саровский и Дивеевская обитель. М.: Отчий дом, 2011; *Арцыбушев А.П.* Милосердия двери. М.: Ника, 2014 и др.

² См. Эпоха... с. 10.

А финал здесь «открытый», то есть формально его нет. Но реально он подготовлен всей чёткой структурой романа. Если угодно, мнимое отсутствие «конца» можно рассматривать как удачный художественный приём. С другой стороны, если рассматривать текст как личные воспоминания, «открытый финал» диктуется ходом самой жизни: исход из России – лишь переход на другую ступень испытаний.

Проявления главной идеи в романе

За их случайною победой
Роится сумрак гробовой.

А Блок

Обаяние романа и в том, что автор не претендует на обобщения. Однако большая идея, во всех её сложностях и противоречиях, разными оттенками сквозит сквозь толщу плотной и подчёркнуто реалистической прозы. (Как это и свойственно русской классике). Её проявления естественно живут то в одном эпизоде, то в другом, как отзвуки на реальные события. Конечно, автору помогает тут духовный опыт. Она, как и другие «Оптины дети», т.е. духовные чада Оптинских старцев, была одной из тех немногих, кто, благодаря постоянной духовной практике и перенесённым страданиям, предчувствовала и ощущала близость обрыва русской культуры, пришествия «грядущего хама». Мы знаем, как это сказалось в творчестве А.А. Блока, и у Андрея Белого, Дм. Мережковского, Вл. Соловьёва.

Существуют немногочисленные фрагменты, где автор решается высказаться прямо от себя:

«Хамом запахло давно, а теперь должны были воцариться и его сатанинские слуги...» (гл. 11).

Или:

«Подполье напрягало все усилия, чтобы приблизить катастрофу: подкапывало, расшатывало и подпиливало устои нашего отечества, толкая его в страшную пропасть... Ни для кого не является тайной, что в марте 1917 года... готовился дворцовый переворот, а потому, боясь его, силы другого лагеря поторопились провести свою февральскую «бескровную» революцию, затопив в крови и двор, и всю Россию. Таким образом, то, что было произведено два года спустя кучкою отбросов и палачей в Екатеринбурге, было лишь следствием окончательного разрыва общества со своим Государем в шестнадцатом году. Я шаг за шагом следила, в бессильном оцепенении, за этой трагедией. Раздражение было сильнейшее, смена министров стала уже почти неприличным явлением, нервозность обеих сторон была максимальная, сдержанная у Государя и не сдерживаемая в обществе. Духовный разрыв Петрограда с престолом произошёл окончательно, а репрессии после смерти Распутина ещё сильнее распалили страсти» (Гл. 8).

Но чаще персонажи романа с разных сторон видят и передают (со всеми особенностями их речи) ответы этой большой идеи, её тонкости, заложенные в ней парадоксы и разногласия. Так, Маша, женщина из народа, близкая Вере Дмитриевне духовно, бывшая «горничная Марихен», а в описываемое время монахиня Дугиненской обители, возникшей под духовным руководством Оптиной и возглавляемой её чадом, игуменьей Софией (Гриневой), говорит ей:

«Судьба России, Ваше сиятельство, как хранительницы православия и родины сонма святых, по свидетельству старцев, совершенно особенная: недаром она называется в народе: «Святою Русью». А вместе с тем мы знаем, что стала она себя вести чуть ли не хуже прочих стран» (гл. 3).

А в другом месте читаем:

«Кого люблю, того и бью»; любимое дитя больше наказуется» (гл. 3).

Или вот такой выразительный эпизод, с пронизательностью которого может поспорить разве что провиденциальный «Серебряный голубь» Андрея Белого. Здесь проявляется та мифологическая, сказочно-былинная реакция народа на события 1905 г., которую всеми силами в течение семидесяти лет пытались «затушевать» советские идеологи, придумав и «наложив» на события свою сконструированную «мифологию», таким образом, ложно выстраивая и дальнейший «путь развития». Тут явлена и народная детская вера в царя – краеугольный камень российской действительности – столь чётко исторически объяснённая и описанная очевидцем событий, родным дядей Н.Д. Лобанова-

Ростовского¹, и желание света и справедливости, и полное отсутствие зрелости для социальных перемен, которые железным наганом вводили большевики.

«Как-то вечером нам было особенно жутко,.. пришли к нам выборные – человек пять от крестьян. Мы, как ни в чём не бывало, приняли их честь чество. Усадили в буфетной и стали угощать, а старший и говорит нам: «Спасибо за хлеб, за соль, а только общество прислало нас, чтобы посоветоваться: приходили к нам люди из Москвы, говорят – приказал царь-батюшка христианам, чтобы порешили они всех господ и всё их добро меж собой поделили; и будет он тогда христианским царём и настанет счастье в России. А как от князя с княгиней мы окромя добра ничего не видели, то пусть они сами себе смертушку выберут: водой ли, огнём ли, просто ли их удавить, чтобы скорей было – это как им будет угодно. – Я слушаю, ушам своим не верю. Говорит он всё это без сердца и без зверства, и *не в азарте*. – А что князь был ли к вам добр?»

– А как не добр: и травую, и лесом помогал.

– Так как же, – говорю, – порешить их, ведь это грех!

– Грех то грех, матушка, а только они поцарствовали, а теперь и наша пора вышла. Вспомнил о нас царь-батюшка и послал своих людей по всему народу расейскому. – Да так ли? Ведь вот же, кажется, от царя в Москве адмирал Дубасов с бунтарями бьётся. Не подождать ли, что будет? Не вышло бы ошибки! Вот если народ побьёт адмирала Дубасова в Москве, тогда приходите к нам, будем о деле говорить. А пока передайте мой совет в деревню, чтобы сидели смирно, а то как бы хуже не вышло.

– И то правда твоя, матушка, сер народ, что и говорить! И вправду так лучше, и на сердце легче. Пойдём, братцы, что ль!

– Проводили мы их, помолились Богу, что пронёс Господь беду, да и думаем – как и впрямь сер народ Российский, что с ним водка да беспутство сделали!.. Да, была Святая Россия, а теперь во грехе лежит. Старцы одно твердят: «Быть беде, если не покаяться». Думается мне, что после пожарища каждый хозяин рад, если ему на новую печь кирпичину принести. Вот, если бы студенты вместо того, чтобы царя да своих родителей огорчать, каждый по кирпичику бы принёс, чтобы подпорку для отечества строить, то было бы лучше, чем народ подбивать господ резать, да с царским адмиралом драться. Вот и разумею я, что слов Царицы Небесной теперь нам не понять, а когда дети ваши вырастут, то увидим мы, что ещё будет с нашей Россией.

Одно скажу, когда с нами в буфетной сидели мужики, то я чувствовала, как будто *Россия колышется*, и как ей от этого легко упасть и разбиться». (гл.3; курсив мой).

Понимание старчества на Руси

Подобного рода «многоголосные» идеи, содержащие этико-религиозную и этно-культурную компоненту, с трудом удавалось уложить в «ложе» строгих философско-богословских рассуждений, как мы видим, например, из произведений Г.П. Федотова или Н.М. Бердяева, по крайней мере, они начинали явно тяготеть к более вольному жанру. Автор и не позволила бы себе предлагать читателю обобщающие умозаключения, и не ставила такой задачи, её путь – передать личные впечатления, порой добавив непосредственные умственные реакции на них. Однако форма романа – «на конкретных примерах» – оказывается чутким проводником разных сторон общей идеи.

Таким примером оказывается анализ существа и действий Распутина, представленный Верой Дмитриевной читателю как бы изнутри понимаемого русского старчества.

«Но раньше я скажу тебе несколько слов о Григории: это умный и в высшей степени одарённый человек, но находящийся во власти тёмных сил, – потому его дары не помогают ему, а, наоборот, придают только яркость его моральному падению. Прибавь к этому полное отсутствие в нём культуры и элементарного образования, которые бы сдерживали хоть несколько разнузданный, бесшабашный разгул этого зазнавшегося хама... Он безобразничал, дрался, пил, не просвещал своего ума.

¹ «Для русского, дворянин он или нет, царь – это национальный символ, как Бог для верующего. Всякий раз, когда происходит встреча с императором, крестьянин говорит ему «ты», в то время как другие говорят ему «Вы», потому что они уже внутренне изменились... Русский – это всегда монархист и в течение столетий жил для Бога и царя – это какая-то мистика». Вырубов Н.В. «Русский барин – герой Франции» М. 2017.

Но вот и у него наступил момент просветления. Григорий стал послушником одного из монастырей. *Тогда-то многие из наших чтимых иерархов, встречаясь с ним, были поражены его дарами.* Оставив монастырь также легко, как и всякое другое из своих увлечений и попав в среду, ему непривычную, он при первом успехе потерял голову. Тут-то дьявол окончательно и овладел им. Хам вышел наружу, и Григорий с тех пор не щадил ни двора, ни себя. А силы Григория большие и удивительные, лицо его замечательно и ужасно: на тебя глядят точно режущие, совершенно светлые небольшие глаза, сидящие в громадной орбите абсолютно чёрного цвета. Смотреть на него нельзя без внутреннего содрогания – из таких людей выходят деревенские колдуны» (гл. 7).

Невозможно понять России и трагедии, в ней случившейся, без одной важной этно-культурной особенности – так называемого «двоеверия». В конце XX в. на неё стремились обратить внимание общества видные учёные, в частности, Б.А. Успенский и Н.И. Толстой. Суть этого явления в том, что начиная с времён Древней Руси, под спудом реально воспринятого христианства жили, цвели и зелнели языческие представления и традиции. В результате практикуемого языческого «волхования»:

«... в целом духовная жизнь русского общества оказалась расколотой – с двумя параллельно существовавшими уровнями культурного развития»... Христианство, в отличие от множества других религий, основанных на мифологии, – религия историческая... Христианство и его церковный календарь ежегодно побуждают паству переживать земную жизнь Христа и уже тем самым задумываться над своим жизненным путём. Язычество же побуждало человека переживать вместе с природой цикличность её годового развития, её пробуждение, цветение, увядание и зимний сон, равносильный временной смерти. Вероятно, это сближало две религии, два восприятия мира, как сближало и то, что обе религии были экологическими: язычество было направлено на экологию природы, а христианство – на экологию человеческого духа. Не потому ли и древняя Русь, восприняв христианство, не делала уже попыток его отвергнуть, и процесс полного закрепления новой веры шёл довольно быстро?»¹

Носители двоеверия, как сейчас, так и ранее, как правило, отчёт в этой двойственности себе не отдавали и не отдают. Но оно сказывается в той «практике» лечения, заговоров, обрядов, которые с христианской точки зрения представляются не только чуждыми, но и прямо наносящими вред бессмертной душе. В сущности, эта «практика» является «отпадением» от нравственной доктрины, падением вниз, в тёмные и неблагоприятные для современного христианского человека времена, когда он познал только духов природы и им всецело отдавался. Особенно это касалось сельских жителей, чей уклад не менялся веками. Впрочем, акад. Б.А. Рыбаков в конце XX века специально занимался этими «бессознательными реликтами язычества» в городской среде, находя даже проявления его у студенчества. Всякий, кто соприкоснулся с этнолингвистическими экспедициями в Полесье в 70-х – 80-х гг. прошлого столетия, возглавляемыми акад. Н.И. Толстым, не может забыть яркие свидетельства «мифологического мышления», подробно записанные филологами и послужившими основой для создания многотомного «Словаря славянских древностей». О чём идёт речь? Об окказиональных обрядах, совершаемых деревенскими колдунами для исцеления болезней людей, скота, для улучшения урожая, для изменения погоды. Народ их называл разными именами. Но суть этого неразгаданного доселе явления была в том, что близкие к природным стихиям некоторые люди получали силу, к сожалению, тёмного и неведомого происхождения. То есть она могла реально излечить, но душу покалечить. Это явление до сих пор никак ещё научно не разгадано. Но многие попадали под его воздействие. Оно дожило и до наших времен. Влияние этой силы, увы, на «переломе эпох» спутали с благодатью старчества.

Княгиня Вера Дмитриевна, называя «распутинщину» «сатанинской карикатурой старчества», именно с этой строго христианской точки зрения оценивает Григория Распутина и его роковую роль в истории последних Романовых на престоле.

Помнится, в записанных нами многочисленных полесских быличках (фантастических историях, как будто привязанных к конкретному бытию, времени и месту), влияние этой силы, поначалу дающее здоровье, прибыль, успех, неизменно заканчивалось превращением всего добытого путём «чудесной силы» в пепел, пустоту и крах. Потому, думается, и предсказывал Григорий Распутин скорое распадение всей семьи Романовых, после его гибели – перестанет действовать эта ложная, «прельстительная» сила – и обратятся её «достижения» в ничто.

¹ Толстой Н.И. «Язычество и христианство древней Руси».

Многое в реальной гибели Распутина сопровождалось устойчивыми «фольклорными элементами». Так, по преданию, колдун долго мучается перед смертью, да и не может умереть, не передав своей тёмной силы кому-либо из живущих. Зоркий взгляд писательницы выхватывает из потока бытия подобный эпизод, сопоставляя его с гибелью Распутина.

«Да опять-таки: у нас в деревне, недалеко от Рукавишниково жил колдун, который в церковь никогда не ходил и никогда не приобщался¹. Он мог наводить мор на скот, отводить людей от их долга, внушать недолжную привязанность и всячески за мзду продавал свою совесть. К нему шли гонимые страстью или потерявшие равновесие несчастные люди. В прошлом году он умер.

Наш батюшка мне рассказывал, что это была лютая смерть: в течение четырёх суток душа его никак не могла отделиться от грешного тела². Он кричал, молил его убить, судороги сводили его лицо, руки и всё тело. Он всё повторял, или, скорее, рычал, что сатана со своими слугами начал его истязать уже при жизни. Руки и ноги колдуна были так сведены в момент смерти, что их пришлось сломать, чтобы положить его в гроб, а смрад от него шёл такой, что, несмотря на зиму и немедленные похороны, никто, кроме духовенства, не мог остаться в храме, хотя и много любопытных набралось к этому отпеванию. Одним словом, батюшка был не в состоянии передать без чувства содрогания всех подробностей этой ужасной смерти» (гл. 7).

Выводы, которые делает Лобанова-Ростовская в связи с «распутинщиной» и другими подмечаемыми ею «подрывными» процессами в обществе, предугадывают дальнейший распад традиционной России.

«Мы чуяли, что надвигается что-то жуткое и страшное, но что именно – мы не в состоянии были облечь в реальную форму. Государь не сумел или не мог пред любимую женою поступиться Распутиным, этою сатанинскою карикатурою старчества, петербургское общество не хотело или не могло ждать конца войны и нести свой крест с терпением. А злые силы нашёптывали, лгали, работали, издевались и клеветали. Уже открыто в обществе, на железной дороге, на улицах поносили двор и Распутина.

Государь был на редкость обаятельным человеком, до войны Россия достигла при нём небывалого развития во всех отраслях; она шла к полному своему расцвету шагами гиганта, и надо же случиться такой нелепой истории, как распутиновщина, чтобы отшатнуть высший класс государства от царя и этим, в сущности, произнести приговор над ним. Не отвернись общество, будь патриарх – не было бы и революции» (Гл. 8).

В обобщенном виде эти соображения передаёт один из персонажей повествования:

«Ещё преподобный Серафим начал об этом говорить, и целая плеяда старцев это повторяет, углубляет и подробно предвещает, а они всё продолжают толкать родину на погибель. Что жизнь частного лица, что государства – всё едино: ошибки, промахи, прегрешения вызывают увещевания, если его не послушают – следует начальное наказание, а это не подействует, – Господь попускает сатану отчасти показать свою силу. Отец лжи приступает к своей известной всем работе: соблазнять и ввергать в позор. Море крови, стоны и стыд, ломка и крушение сопровождают его шествие. В частной жизни это кончается обыкновенно смирением и обращением, а в государственном масштабе процесс длительнее и потому болезненнее» (Гл. 5).

Постепенно, углубляясь в события романа, мы понимаем: старцы, которых посещали Вл. Соловьев и Достоевский, Толстой и Ахматова, оказываются для автора важнейшей ценностью русской жизни, главным итогом многовековой духовной православной практики. Однако сильнейшее духовное почтение к ним не мешало ей разглядеть в текущей жизни «подделки», применяя весь свой обширный духовный опыт, и не ко всякому славимому большинством имени стремиться.

«Настоящих старцев, вдохновенных и прозорливых, очень немного, да и найти их не так-то легко и просто: и неведение, и дальность расстояния и всякие препоны, и Бог только знает, какие помехи восстают между ними и ищущими их людьми. А потому, кто имел счастье обрести в лице старца своего духовного руководителя, тот твёрдо должен помнить выработанное

¹ Т.е. приобщаться святым Христовых тайн – причащаться в церкви после исповеди для очищения души и прощения грехов.

² По многочисленным «Полесским записям», сделанным участниками этнолингвистического семинара МГУ, руководимого акад. Н.И. Толстым, колдун не может «уйти», не передав своего черного умения кому-либо из живущих, и страшно мучается перед смертью.

опытом веков правило: лучше не обращаться к старцу, чем, обратившись, не выполнить его заветов и указаний» (Гл. 20).

Напротив, «Болящий Иоанн» вызывает неприятие у людей её круга, это её нисколько не останавливает.

«– Нет уж, княгинюшка, увольте. Боюсь я к нему ехать: это чародей какой-то, точно колдун! Боюсь, он мне ещё прорицать будет, Бог с ним. Уж вы меня извините, может быть, кого другого найдёте, а я не могу... Убеждать, объяснять значение старчества я не стала, а с горьким чувством поскорее ушла» (Гл.8).

Особенности прозы

Не обо всем можно рассказывать коротко. Именно дневниковый характер, тщательность выписанных эпизодов создаёт ту «подробность бытия», которая помогает читателю стать как причастным описанным событиям, представить себе зримо, как обыденная русская жизнь, испокон веку полная «злобы дня», забот и хлопот, постепенно, не сразу, начала «разъедаться» деятельностью новой власти. Тем более, без медленного развития сюжета нам не удалось бы войти в сам ход рассуждений религиозных людей, созерцать уникальный опыт духовной практики.

Роман в манере изложения остаётся преданным традициям русской прозы XIX века, конечно же, хорошо известной его автору. Без всякой иронии, понимая как положительную особенность прозы Веры Дмитриевны, соответствующую задачам повествования, мы можем применить к ней пушкинские строки: «Роман классической, старинный, Отменно длинный, длинный, длинный, / Нравоучительный и чинный, Без романтических затей». Все эпитеты на удивление окажутся верными.

Более того, медлительная подробность, постепенность погружения в атмосферу описываемого, разбег для обдумывания, пространное «текстовое время» оказывается непременной компонентой хорошей прозы, её жанровой необходимостью, по мнению И.А. Бунина. Что и было выражено писателем в присущей ему резкой лапидарной форме: «проза должна быть скучновата»¹.

Течение жизни, которое специально не придумаешь: среди всеобщего горя – весёлый благотворительный вечер с целью «утереть слезу» потерявшим всё имущество, грубости «товарищей» и страх перед жестокой народной стихией; модные пальто и поездка в Оптину. Естественность, ныне потерянная, отсутствие позы и смиренное описание того, как это было – в понимании автора. Подробность бытия сказывается во внимании к людям, с которыми сводила судьба. Благодаря сохранённой дневниками обстоятельности деталей случайная попутчица, обладающая московским характерным говором, или кучер Григорий, спасший лошадей ценой своего здоровья, становятся запоминающимися фигурами разветвлённого повествования.

Характерная особенность текста княгини Лобановой-Ростовской – внимание к фонетическому и семантическому облику слова, даже к синтаксису народной речи – на фоне авторской речи, чётко нормализованной и правильной. Так её ухо улавливает и передаёт особые значения выражения «*скоромник ты и художник*» в речи горничной, осуждающей пустого человека, буфетчика Семёна. Слово «скоромник» употреблено в переносном значении: нескромный, неприличный человек. Слово *художник* здесь тоже употреблено в неодобрительном смысле, т.е. позволяющий себе *художества (простореч.)* – озорные или дурные выходки. Разговорные формы «становилось все *слаже и слаже*» (слаше); «управляюсь, *ужотка* и поплачу»; «да народ *бает*, Ваше Сиятельство, что *ажно* мозги выскочили, так он обухом долбанул... *Кандалицика* уже *пымали*»; «наши ребята с лесом ездили, так *утрость* будут *порожнём*», *базаровать* (продавать на базаре). Синтаксис «у меня и в школе урок Закона Божьего за *самый любимый шёл*». Мы привели малую толику примеров, показывающих лингвистическую чуткость автора. Однажды мы встречаемся и с прямым выражением любви к русской речи в разных её вариантах:

«Эта очень приветливая, симпатичная женщина средних лет говорила с тем чудным акцентом, с каким говорит народ только в Москве. Для меня это бесподобная музыка, и я сразу же утешилась как звуком её голоса» (гл. 4).

¹ «...Он смотрит на меня насмешливо. – Пушкин говорил: поэзия, прости Господи, должна быть глуповата. А я говорю – проза, прости Господи, должна быть скучновата. Настоящая, великая проза. Сколько в «Анне Карениной» скучных страниц, а в «Войне и мире»! Но они необходимы, они прекрасны. Вот у вашего Достоевского скучных страниц нет. Нет их и в бульварных, и в детективных романах» См. Одоевцева И.В. Воспоминания о Бунине.

«Установка» строго передавать факты, не лишает всё-таки роман влияния поздней ретроспекции. Да и кто бы мог избежать чуть изменённого взгляда на то далёкое и недостижимое более сокровище – «потерянную Россию»?!

Так, могло бы показаться преувеличением или некоторым «перебором» неприятие заграницы русскими людьми «простого звания», и непонятно умиление автора по этому поводу. Однако если мы обратимся, например, к образу нянюшки у Ивана Шмелёва, оказавшейся в Париже, мы вряд ли найдем какие-то различия в восприятии «чужестранства» и в отношении писателя к этому восприятию. Надо признать, что княгиня описывает реальное явление таким, каково оно было в определённой части народа.

«– Аннушка, милая, что же ты на красоту такую не смотришь? – Да разве, Ваше сиятельство, у нас в России своей красоты нет? Я на Кавказе, в Ставрополе родилась и выросла, с родителями ещё к Чёрному морю ездила – там до Батума такая красота, что глаз не отведёшь. Вот то, действительно – красота! А это что?.. Не больше, как на открытку взглянуть... хороша страна: со вчерашнего дня чая не пили, кипятку нигде не достать...» (Гл. 6).

Определённая религиозная дисциплина присуща умунастроениям автора, однако это вовсе не означает, что её суждения – плод, не испытанный собственными впечатлениями и размышлениями. Круг её обязательного чтения – духовные писатели, русские и зарубежные. Среди них Лодыженский, Глубоковский, протоиерей Гр. Дьяченко, Фр. Фаррар. Последнего ей рекомендовал священник, она, читая, тонко чувствует некоторую фальшь, о чём и говорит.

«Я взялась за чтение Фаррара и стала шаг за шагом изучать земную жизнь нашего Господа. Чудная книга! Но чего-то мне не доставало в ней: она не была согрета одной со мною любовью к сокровищу всех скорбящих, к Пресвятой Деве Марии... Она по своему содержанию совершенно не отвечала состоянию моей души. Но несмотря, так сказать, на подневольное состояние моего духа, я чувствовала степень таланта автора. Прочтя этот труд, где трактовалось о создании мира, о наших прародителях и трагическом грехопадении их, я сразу ощутила силу автора, красоту его интуитивных выводов, оригинальность образа мысли и глубину самобытных суждений» (Гл. 2).

Или:

«После всего только что пережитого, мне не хотелось садиться, но к девяти часам усталость всё же дала себя знать, и я начала пользоваться в дозволенное церковным уставом время сидением, как и братия, памятуя, что лучше сидя думать о Боге, чем стоя о ногах» (Гл. 5).

Нельзя сказать, чтобы автору не был присущ юмор, княгиня вдыхает всю полноту жизни, любит красота во всей её земной, зримой и осязаемой полноте.

«Хотя еда была самая незатейливая – превкусно приготовленные щи и каша, рыбный студень и молочный кисель, но из бора тянуло смолистым ароматом, воздух был немного прохладный, волшебно-живительный, а солнце блистало ярче летнего, и повсюду носилась паутина» (Гл. 5). Щи да каша – пища наша – хлеб насущный, а не просто мирское! Воздухом и солнцем и монахи дышат!

Или:

«Несмотря на то, что тётушка доживала седьмой десяток, она была так хороша собой, что все дети, не понимая этого и не сознавая, тем не менее, были под обаянием её величественной красоты. И по характеру, и по манерам, и по голосу, и по размаху, и, конечно, по внешности, она так не подходила не только к Швейцарии, но и к жизни начала нашего столетия, что всё кругом бледнело пред нею, как бледнела бы буржуазная гостиная, если бы в неё внесли кресло из Версаля. Она любила окружать себя молодёжью, и поездка старших детей к ней была для них сплошным праздником» (Гл. 6).

Или описание спектакля в Швейцарии:

«Ракеты пускались по сотне штук сразу, причём они минут пять держались в воздухе. Казалось, что в необозримой выси лопались точно шары различных цветов, а из них вылетали роём, например, зелёные жуки и, полетав, лопались и превращались в голубые ленты, последние, в свою очередь, преобразовывались в золотые звёзды, которые скоро менялись в серебряный дождь, уже лившийся в озеро. Всё это, изменяясь в цвете и в изображениях, неоднократно повторялось с неизменным рёвом будто падавших снарядов» (гл. 6).

Интуиция, которая приобретена была всем опытом чуткой духовной жизни и самоконтроля, подсказывает автору порой совершенно художественное видение надвигающейся трагедии:

«Фейерверк начался. Как всегда, изумительный... лился какой-то волшебный фонтан, светился какой-то огненный корабль, какой-то гигантский букет бросал все тени радуги от своих цветов. Вдруг, точно дугообразная молния сверкнула над эстрадою и прямо упала к месту под деревом. Через мгновение послышались зловещие слова: «tuée, tuée sur place»¹... Мы подошли к месту происшествия – на полу лежала молоденькая девушка и тут же, в луже крови, её отрезанная голова. Публика в ужасе ринулась по аллеям к выходу... Над головой моего Никиты пролетел раскалённый добела диск, но не тогда суждено было Господом разлучить его с нами» (Гл. 6).

«Начало длительной казни нашего Отечества»

В тексте Веры Дмитриевны, в плотном следовании один за другим потоков конкретных событий, то тут, то там разбросаны свидетельства надвигающегося «одичания», «чувство омерзения и отращения к большевикам».

Она верно предчувствует длительность предстоящего «плена»:

«Вскоре пришло потрясающее известие об убиении Государя. Многие сошлись на тайную, полубезымянную панихиду. Это убийство было не только убийством Царя и его семьи, оно было началом длительной казни нашего Отечества – все это почувствовали, если ещё и не вполне осознали» (Гл. 12).

И тут княгиня деятельно проявляет все возможные женские, житейские качества, мудрость матери, а также изворотливость, ловкость, хитрость – для спасения близких. Её Христос – здесь, с людьми, в лишениях и грязи бытия. В её натуре нет разрыва между высоким строем души и «хлопотами Марфы» и «ложью во спасение». Наверное, и сотой доли не открывает она читателю

«всех секретов, которых при большевиках было так много» (Гл. 11).

«...мы потеряли целую неделю на хитрости и уловки, на перенос вещей вечерами к близко живущим знакомым, а затем на вывоз их оттуда в телеге» (Гл. 14); «Господи, вразуми, о чём мне с ними говорить, чтобы они не очнулись, пока их сердце не расположится ко мне» (Гл. 16).

Великая женщина, мать и жена, действует сообразно обстоятельствам, беря ответственность за семью в пылающей России, и не могла бы иначе:

«А только ты не учитываешь того, как я сама себе бываю противна: ведь когда я говорю с большевиками, мне приходится перевирать правду с неправдой, и этой ниткой вышивать нужный узор» (Гл. 24). И некоторым упрёком звучат в её адрес слова одного из действующих лиц: другие же, мол, жёны не пошли на поклон к «злодею», пытаюсь вызволить своих близких из тюрьмы? Она их честно фиксирует, оставаясь при своем мнении. Досадует она порой и на слишком прямолинейно понимаемую порядочность мужа, уговаривая его притвориться больным ради спасения из тюрьмы. Князь отказывается, не желая чем-то выделяться среди других обречённых. Но в задуманной ею и осуществляемой на пределе напряжения сложной комбинации по вызволению Ивана Николаевича Провидение оказывается на стороне женщины.

А вот сцена, которая автором передана так, что мы ощущаем и ужас её и чуть мелькнувший авторский юмор. Спасая в сотый раз положение в опасной ситуации, она спешно сочиняет «житейски подходящую» историю:

«– А где ваш муж, хозяйка? – коварно спросил меня на прощание матрос... – Да что делать... была молода – так жалел меня муж, а начала стареть, так и бросил меня. Теперь вот и бьюсь одна-одинёшенька».

Здесь она чутко употребляет глагол «жалеть» в значении «любить», ибо народная речь знала только это слово в обозначении личного чувства к противоположному полу. Удивительна подсознательно положительная реакция простого человека на мощь и силы её природы:

«– И такую-то бабу бросить! – ударив себя по коленке, возмущённо воскликнул сидевший на кровати красноармеец» (Гл. 24).

Обо всём Вера Дмитриевна судит с трезвым взглядом работающей опытной хозяйки:

¹ Убили, убили на месте [прим. автора]

«Развратителем же деревни и её горем стало другое явление: развитие «комбедов» – комитетов бедноты, куда попадали отбросы крестьянства, потому что смело можно сказать, что бедность в нашей чернозёмной, плодородной полосе происходила большей частью не от несчастно сложившихся обстоятельств, а от морального падения, от пьянства, озорства, всякого буйства и озверения. Лишь незначительная часть бедноты состояла из обездоленных – калек, безземельных, бывших дворовых, сирот или же бобылей... В общем же своём положении село Захарино отличалось от многих других сёл как своим видом, так и зажиточностью своего крестьянства. Ввиду этого у нас бедность крестьянина была часто синонимом порочности, лично его или всего рода» (гл. 14).

Она способна честно заглядывать себе в душу в тех случаях, в которых редкий человек решается на неё:

«До смерти моего сына Господь столько уже показал мне богатств милости Своей, что пора было бы мне осмелиться сказать, что я скорее не верю в бытие Божье, а знаю о нём, однако вражеские нападения настолько иссушили душу, что я уже потеряла силу молитвенного общения с небом, а потому начала сомневаться и в загробной жизни» (Гл. 2).

Уже упоминалось, что до событий переворота весь главный круг интересов связан с последователями преподобного Амвросия Оптинского. Пройдя весь круг мытарств, закончившийся исходом из России, кн. Лобанова-Ростовская вновь возвращается к теме старчества.

«Мы были поставлены в безвыходные условия жизни. Волей или неволей надо было искать выход и думать, и придумывать, как его найти. И я пришла к заключению, что никто не мог его нам указать ни земными путями, ни логикой, ни рассуждениями, – потому что даже каждое правильное действие наше в один миг могло разбиться о вихрь бесправия и преступления. Одно высшее вмешательство «не от мира сего» было нам необходимо в нашем положении, и только старец, следовательно, мог дать нам нужные указания и благословить на безошибочные, в смысле их результатов, шаги. А голос совести, единственный нелицеприятный судья и помощник в безошибочном разрешении вопросов жизни нравственного характера, в данном случае, ничего ровно не мог подсказать» (Гл. 15).

Особо следует отметить близость семьи к Дому Романовых. Мы уже упоминали о том, что сестры князя Ивана Николаевича были фрейлинами Великой княгини Елизаветы Фёдоровны. Сын Дмитрий Иванович, который будет расстрелян в Болгарии – отец публикатора Н.Д. Лобанова-Ростовского –

«...получил в благословение от Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны образ Ангела Хранителя, а от княгини Сухоруковой – специально ею заказанный образок Козельской Божьей Матери. И опять она была так серьёзна и многозначительна, когда, благословив им новорожденного, передала мне образ и просила, чтобы Кирилл [т.е. Дмитрий] не расставался с ним во всю свою жизнь, и чтобы я записала всё, сказанное ею».

К сожалению, не удаётся восстановить ныне подлинную фамилию «княгини Сухоруковой» (мы знаем из комментариев автора, что подлинные титулы, должности и звания в тексте сохранены, изменены только имена)...

* * *

В любой, самой беглой рецензии, когда вводится в литературный обиход новый текст, хочется, чтобы читатель имел возможность почувствовать авторскую манеру изложения. Мы позволили себе в этом случае обильно цитировать автора «О российской трагедии XX века». Голос автора звучит и в заключение:

«Годы проходили, молодость души уходила безвозвратно. Я уже не только перелистывала страницы книги о жизни и смерти, но уже читала её внушительные строки и поняла опытом, что смерть на земле, это трагическое завершение нашей земной жизни, могла произойти только от неповиновения Творцу, неповиновения, ведущего к потере нашего спокойствия и радости. Я познала также опытом, что все гонятся за счастьем, а оно у нас в руках – только никто не видит его и не хочет видеть, а, наоборот, с каждым днём удаляются от него всё дальше и дальше» (гл. 3).

Профессор Екатерина Фёдорова

Княгиня В. Д. Лобанова-Ростовская

О российской трагедии XX века. До и после 1917 года: Воспоминания матери (1903–1935)

Из пережитого

Воспоминания Веры Дмитриевны Лобановой-Ростовской, урождённой Калиновской, написанные под псевдонимом – Наталья Артамоновна Захарина (София, 1926)

О природе чудесного

Митрополит Владимир Богоявленский

В конце января злополучного 1917 года в двухсветном зале античного особняка в Петербурге¹ собралось около ста человек на публичные чтения.

Большинство лиц было представителями высшего петербургского общества, однако присутствовали и несколько священников, а в первом ряду сидел покойный уже ныне митрополит Владимир². Гвоздём этого вечера было чтение М.В. Лодыженским³ отрывка из его книги: «Невидимые волны». Автор читал превосходно: мягкий голос его невольно приковывал внимание слушателей, а умело выбранное им место – о чудесном исцелении героя у мощей Святителя Митрофания⁴ – послужило темой дальнейших философских обсуждений. Книгу Лодыженского я читала раньше и очень сильно её переживала, а потому всё моё внимание сосредоточилось на священнике, подошедшем после автора «Невидимых волн» к столу.

– Позвольте и мне, – начал он, – поделиться с Вами впечатлением о хорошо известном мне, во всех подробностях, случае исцеления тяжело больного у мощей Святителя Митрофания. Лет семьдесят-восемьдесят тому назад, в глухом селении в ста пяти-

десяти верстах от Воронежа, жило семейство одного церковного служителя. Средств было, конечно, мало; семья большая, и мать с утра до вечера, и с вечера до утра возилась по хозяйству и с детьми. Среди них был мальчик Коля, лет пятнадцати, хорошо учившийся и радовавший родителей своим живым умом и добрым сердцем. Но, мало-помалу, какая-то болезнь стала подкрадываться к нему. Сначала заболел у него бок, потом спина, затем ногу стало сводить. Мальчик начал хромать, полёживать дома. Обучение было оставлено. Среди хлопот по хозяйству и возни с новыми детьми, появляющимися на свет, у семьи не было ни времени, ни сил лечить заболевшего. От времени до времени открывались у него раны, которые сильно его мучили. Средства лечения были местные и домашние, жизнь не останавливалась, и больной из мальчика превратился в мужчину-калеку.

¹ «Дом Половцева» на Большой Морской, 52?

² Священномученик Владимир (Богоявленский; † 1918), митрополит Киевский и Галицкий (с 23.11.1915). В 1912–1915 митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский, священноархимандрит Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры и первенствующий член Св. Синода. Высказывался против влияния Распутина при Дворе и был переведен на Киевскую кафедру. Убит революционными солдатами около Киево-Печерской Лавры, где и был погребен.

³ Митрофан Васильевич Ладыженский (1852–1917) религиозный мистический писатель, искавший пути единства православия, индуизма, теософии. Л.Н. Толстой глубоко интересовался идеями писателя. Это беллетристическое сочинение повествует о преодолении темных сторон, заложенных в природе человека, и о дороге к свету.

⁴ Святитель Митрофан (в схиме Макарий), епископ Воронежский († 1703), имел от Господа дар исцеления и чудотворения. В конце 1831 состоялось обретение честных нетленных мощей святителя, от которых стали происходить многочисленные чудеса. 7.08.1832 епископ Митрофан был причислен к лику святых.

Паломники Монастыря св. Митрофания, жаждущие исцеления

Болезнь всё продолжалась: она перебросилась и связала руку, и на руке появились язвы. Если кто-либо спрашивал: «Да как же больного не сведёте Вы к Святителю Митрофанию?» – то бедная, изнемогающая мать отвечала: «Да вот всё не удосуживаемся». Тем не менее, в семье жила глубокая непоколебимая вера, что лишь было бы время свезти, а уж исцеление-то у мощей будет верное. Всё дело во времени. А его-то для таких дел, как известно, никогда не бывает. Вот Господь и заставил найти время: болезнь ухудшилась и, наконец, стали у больного выпадать из ног и рук части разрушающихся суставов. Боль скорченных членов не давала ни минуты покоя, и несчастный страдалец в страшных мучениях не мог больше сдерживать стоны. В эту пору ему уже исполнилось тридцать восемь лет.

Наконец, сердце родителей не выдержало этих картин, и они, после стольких лет, снарядили телегу, и состарившаяся уже мать повезла больного сына к Св. Митрофанию. Мучения, вынесенные больным в дороге, не поддаются описанию. Еле живого его сняли с телеги и отнесли в храм. Был отслужен молебен Святому, а затем больного приложили к мощам Святителя, и священнослужитель помазал елеем страдальца. Сам больной, человек глубоко верующий, кроткий и тихий, знал и верил, что боли должны прекратиться, как только он приложится к мощам. А потому, как только они действительно прекратились, он этому не удивился, но в радости и блаженстве воспринял милость Божию. В таком настроении его понесли отдохнуть и переночевать в монастырскую гостиницу, куда за ним последовала, конечно, и мать.

Наутро их ожидала новая радость: ран как не бывало – всё затянулось кожей. Хотя места выпадения суставных костей и происшедшие от этого изменения были заметны, но кровь исчезла, и перевязки сделались уже излишни. Больной стал шевелить руками и ногами, однако чувствовалась ещё связанность в имеющихся у него искривлениях. Понемногу и совершенно безболезненно сполз он сам с постели и, о диво! Стал, хотя и шатаясь, на искалеченные ноги. Ликование его не имело пределов. Благодать Божья явно коснулась его, и благодарное сердце просто разрывалось на части от восторга и веры. В таком настроении мать и сын вернулись домой. Укрепление последовало за исцелением, и прежний больной стал расцветать к новой жизни. Правда, всё его тело было искривлено и покрыто шрамами; правда, он ходил, хромя, но новая жизнь и новые силы влились в него.

Как случается обыкновенно, одно счастье последовало за другим: к этому времени престарелый отец исцелённого был посвящён в диаконы и переведён в город. Явилась возможность для Николая

продолжить прерванное учение. Помощь Божия, природный ум и твёрдая воля сделали своё великое дело: сорока двух лет ему нашлась подходящая жена, и он рукоположен был во священники. Жена скрасила его жизнь, дала ему пятерых детей. А теперь, когда отцу Николаю уже девяносто пять лет и он ослеп, она с великим терпением и любовью продолжает служить ему. Отец Николай, которого я видел этим летом – весел, бодр и говорил мне: «Какова милость Божия ко мне грешному; Господь даёт мне теперь возможным внутренним взором ещё ярче видеть Его неизречённую благодать ко мне, недостойному. И ангела земного, – говорил он, разумея свою жену, – послал Он покоить мою старость. Я думаю, счастливее меня нет человека в этом мире. Это моё счастье и радость, о, Господь, я заповедываю, как лучшее, что имею – детям своим. Да будет благословение Господне и над ними».

У отца Николая есть два сына-священника и три дочери, счастливо живущие со своими мужьями. А я, Вам это рассказывающий, – один из двух сыновей здравствующего и поныне отца Николая.

Так закончил своё слово небезызвестный в Петербурге священник, при общем душевном порыве к нему всех слушателей.

Затем выступил следующий докладчик. Это был светский человек около сорока лет, владевший словом и получивший хорошее образование и воспитание, но доклад его производил смутное и на многих неудовлетворяющее впечатление, хотя он и получил от знакомых, не понявших сути дела, звучные аплодисменты. Докладчик затронул вопрос о том, что: есть ли чудо, по существу? И многими примерами хотел доказать, что нам, с ограниченными нашими сведениями о сущности окружающего нас мира, несмотря на старания науки, многие явления кажутся чудом, так как мы не можем себе их объяснить; но с постепенным раскрытием тайны знания многие чудеса становятся вполне понятными. Развивая таким образом и далее эту мысль, мы увидим, что каждое чудо может быть и понято, и объяснено естественным образом.

В подтверждение всего этого докладчик рассказывал о многих совершенно непонятных, как бы чудесных явлениях, которые производятся такими же людьми, как и мы, только лишь имеющими и особые познания природы, и особую тренировку, хотя бы, например, йогами в Индии. Затем была приведена масса примеров из области действия электрической энергии и прочих научных открытий, объясняющих явления, до того считавшихся как бы чудесными. Однако всё это обилие примеров оставляло сердце холодным.

Далее говорил опять священник, но уже другой, тоже протоиерей и притом известный проповедник. Слова его успокоительно подействовали на многих встревоженных слушателей.

– Позволю себе, – начал он, – возразить многоуважаемому докладчику и категорически отвергнуть данные им сейчас пояснения. Чудо как понятие религиозное не есть только феномен физического мира, нами в данный момент не понятый: это есть и нас удивившее явление физического мира, и одновременно явное прикосновение к нам благодати Божией, которая выращивает в сердце нашем смысл данного события и даёт плод свой на радость, на счастье и на пользу души. Без благодатного прикосновения, без радостного ощущения его теплоты, не бывает чуда. Оттого и воздействие его необыкновенно, и душа, согретая неземным огнём, зажигается любовью к небесному.

В мире мы окружены непонятными явлениями, которые чудесами, однако, мы не считаем. Мы знаем удивительные явления-феномены: хотя бы, например, перелёты Юма¹, в середине прошлого столетия, при Королеве Виктории в Англии. Он чуть ли не вылетал из одного окна и влетал в другое, или расплывался как бы на атомы и переходил, как казалось, через стену.

Однако никто из присутствующих от этих явлений не возгорался любовью к Господу Богу и этим не положил начало новой, лучшей жизни. Как ни поразительно это явление, оно давно забыто и не выращивается в сердце на пользу человека. Чудеса же могут быть незначительны как феномены, но неизмеримо велики как изливающаяся сила благодати, как ласка, посланная с неба на одно или на несколько лиц. А сила благодати полагает начало новым чувствам и новым делам. Заканчивая моё

¹ Дэниел Данглас Хьюм (или Юм; 1833-1886) шотландский медиум-спиритуалист, помимо прочих «сверх способностей» слыл преодолевать земную гравитацию. Так, в 1852 г. в присутствии свидетелей он дважды взлетал к потолку, демонстрируя свою возможность левитации; Посещал Россию, показывая свои спиритические возможности на организованных А. Н. Аксаковым и А. М. Бутлеровым встречах, участие в которых приняли члены царской семьи и император Александр II. Был дважды женат на русских, во втором браке перешел в православие. См. Lamont Peter. The First Psychic. The Perculiar Mystery of a Notorious Victorian Wizard. Little, Brown. London, 2005; Вяткин Аркадий Летающий медиум Даниэль Хоум // Аномальные новости : газета. – 2011. – № 34. – С. 6–7.

возражение, я прошу впредь очень извинить меня, потому что должен назвать предшествующее определение чуда еретическим и недопустимым, а многоуважаемым слушателям моим желаю на опыте почувствовать силу и значение чудес, которые и ныне щедро изливаются Всемогущим Господом Богом на верующих чад Его, так как Господь *и прежде и днесь* всё *Тот же*¹.

Как сразу стало легко на сердце от этих слов, и как самый воздух показался насыщенным бодрящими силами!

Любезные хозяева поднялись и подошли к Митрополиту Владимиру, к представителям белого духовенства и к нам, прося откушать чашку чая. Затем всё пошло по обыденному руслу: встреча со знакомыми, обмен мыслями, разговоры и разъезд. И как пело сердце тех, кто всё слышанное о чуде хоть отчасти ощутил когда-либо в течение своей собственной жизни!

Второй сын

Дорожные дамские радости и заботы

– Дашенька², если уже заказывать пальто, то на этой подкладке. Взгляни, какая прелесть! Воображаю, как будет тепло. Интересно знать, не тяжело ли будет носить? Ведь это настоящий мех! Хочешь, войдем в магазин, спросим, сколько стоит?

– Да, и мне нравится, это что-то новое. Войдем.

Материя-мех оказалась последней новинкой и была выработана из лучшей шелковистой и легчайшей шерсти, незаменимой по теплу и удобству³. Мы взяли адрес магазина, затем сели в коляску Дашеньки и отправились к портному. Каждая из нас заказала себе по осеннему тёмно-серому пальто на этой подкладке, дав портному карточку магазина. Милая Дашенька была очень довольна. Она, наконец, нашла то, что ей было нужно: пальто должно было иметь свойства шубы, а внешность – корректного английского cover-coat⁴.

От портного мы поехали к Дашеньке во дворец, к чаю, и стали совещаться об отъезде. Дашенька была городской фрейлиной⁵ обеих Императриц (что и обозначалось буквами на её

¹ Ср.: Евр. 13, 8.

² Речь идет об одной из сестер мужа. Фрейлинами в семье были: *Александра Николаевна Лобанова-Ростовская* (1868–1948), «Фафка» как ее звали в семье – детское произношение «Сашка», младшая сестра Ивана Николаевича Лобанова-Ростовского (1866–1947) и Ольги Николаевны урожденной Лобановой-Ростовской (1863–1947; леди Эджертон во втором замужестве, основательницы Модного дома «Paul Caret» в Лондоне в 1919 г., филиалы которого вскоре были открыты в Париже и Каннах). *Александра Николаевна* – фрейлина обеих Императриц, а также с 1889 по 1891 гг. – фрейлина Вел. кн. Александры Георгиевны, с 1892 по 1901 г. – фрейлина Вел. кн. Елизаветы Федоровны.

Самая младшая из сестер: *Любовь Николаевна Лобанова-Ростовская* (Лэндфилд) (1881 – 1952) фрейлина Вел.кн. Марии Георгиевны и фрейлина Императрицы Александры Федоровны с 1899 года. В браке (1907) с профессором Калифорнийского Университета Дж. Лэндфилдом.

Видимо, «*Дашенька*» – *Любовь Николаевна*, поскольку далее, в гл. 6 говорится, что «она вышла замуж и уехала за границу». *Александра Николаевна* замуж не выходила.

Двоюродная сестра *Людмила Григорьевна Лобанова-Ростовская* (в зам. Балясная; 1860–1932) фрейлина Вел.кн. Елизаветы Федоровны.

Екатерина Александровна Лобанова-Ростовская (Эристова) (1858-?), в зам. с 1890 года с князем Б. Д. Сидамон-Эристовым (1860–1923.); фрейлина Вел. кн. Марии Павловны (Старшей).

А также фрейлины Императрицы Марии Александровны, супруги Александра II: *Мария Александровна Лобанова-Ростовская* (Урусова; 1853–?) замужем за князем В. Д. Урусовым (1838–1903); *Мария Михайловна Лобанова-Ростовская* (Скарятинна), замужем за В. В. Скарятинным (1847–1919); *Ольга Михайловна Лобанова-Ростовская* (Околичани; 1858–1903), замужем за австро-венгерским дипломатом А. Околичани-и-Околична (ум. 1905)

³ Скорее всего, здесь описание *ватина*, завоевавшего рынок меховых изделий на целое столетие. Это нетканый или трикотажный материал изобретен во Франции как легкий утеплитель для рабочей одежды, а завоевал высший свет. Наименование от фр. слова *ouatine* («руно»), которым обозначали ватную ткань на сетчатой основе. Ватин чаще всего состоит из шерсти и хлопка и имеет пористую воздушную основу, по характеристикам схожую с ватой.

⁴ *Коверкот* – шерстяная материя [*прим. автора*]. Наличие новинки –теплой подкладки из ватина позволяло раскрываемый по модели костюма коверкот использовать в качестве элегантной зимней одежды.

⁵ Фрейлина (Fraulein) придворное звание девушек благородного происхождения, служивших при Императорском или Великокняжеском дворах. Свитные фрейлины обязаны были жить и постоянно находиться при Дворе, у городских фрейлин (их еще именовали: Фрейлины Высочайшего Двора) не было постоянных обязанностей. Последнее наименование часто означало признание заслуг их родителей.

Великая княгиня Елизавета Федоровна с фрейлиной княгиней Александрой Николаевной Лобановой-Ростовской, младшей сестрой мужа автора, князя Ивана Николаевича Лобанова-Ростовского

шифре¹⁾, но временно она состояла при одной из Великих Княгинь, недавно вошедшей в Русскую Царскую семью. Доброта Дашеньки была безгранична, как и любовь её к детям своего брата и моего мужа. Она не знала, как повеселить детей и чем порадовать их. Сама она ещё была очень молода, по нраву весела и по виду нарядна...

Сны и явь

– Дашенька, я тебе не рассказала, какой я странный сон видела в феврале про Бориньку? ...
– Нет, не рассказывала, – как-то без особого интереса ответила мне Дашенька.
– Спала я плоховато, под утро в седьмом часу проснулась с большим утомлением и думаю – может быть, ещё удастся заснуть. Только что закрыла глаза – вижу себя в деревне, в Рукавишниково!.. Стою я спиной к правому флигелю, то есть в профиль фасада передо мной весь главный подъезд и вдали левый флигель, а справа колоннада, большой дом и опять колоннада. Ты представляешь ли себе это, Дашенька? Но моим глазам виделось что-то странное: вместо нашей большой клумбы росла высочайшая великолепнейшая рожь, из неё выскочил мой Боринька и побежал, как он это всегда делал, представляя лошадку. Радостно, убегая на восток, он кричал мне: «Посмотри, мама, какие в большом доме животные». Я подошла к клумбе. Рожь изумительна. Она так густа и высока: более, чем на аршин поднимается над моей головой. А колос вершков семь длиной; зёрна же у него огромные и плотно посаженные. Иду к большому дому. Только вхожу в него, вижу – огромная жаба невиданной величины и омерзительного образа

¹ *Фрейлинский шифр* – золотой вензель, украшенный бриллиантами и короной сверху, изображающий инициал Императрицы; двойной инициал (сплетенные инициалы действующей и вдовствующей Императриц); инициалы Великих княжон. *Быть пожалованной шифром* – получить звание фрейлины. Шифр носили на банте, соответствующем по цвету Андреевской голубой ленте (Орден Андрея Первозванного – высший орден Российской Империи). Прикрепляли с левой стороны корсажа.

таращится на меня. Я с ужасом убегаю в другую комнату, а там заметался страшный, дикий чёрный кот. Он и боялся меня, и старался укусить в то же время. Я от него рванулась, но в дверях он схватил меня за ногу, однако не укусил. В ужасе я пронеслась через всю ширину дома на другую его сторону. Тут меня охватила полная тишина и спокойствие: у газона стояла Маша¹, (ты помнишь Марихен, бывшую горничную моей Мамá? Она поступила в монастырь и приехала к нам погостить, в деревню). В руках Маша держала решето, наполненное правильно нарезанными кусками белого хлеба. «Бог послал овце ягнёнка, иду кормить его» – мысленно как бы сказала мне Маша. Я оглянулась: возле меня у самой стены дома вижу – лежит большая белая овца, а возле неё – большой белый ягнёнок. Тут я открыла глаза. Сон ли это был?

Всё так ярко, так отчетливо... Я, несколько раз себе его рассказывая, повторила и думаю: «Это сон про Бориньку». Однако чувствую, что это сон из тех, какие бывают только иногда в жизни, и всегда на разумление... «Верно, – думаю, – на Борины именины или на рождение что-либо обозначится». Но прошло и 16 марта и 24 июля², я всё ждала, но ничего не случилось. Как ты этот сон понимаешь, Дашенька?

– Да что ты, Наташа, сон как сон; мало ли какую несуразицу во сне видим, зачем ты об этом думаешь?

– Да думаю, Дашенька, и даже очень. У меня этот сон из головы не выходит... Ты была девочкой двенадцати лет, а я только что вышла замуж и видела тоже сон: точно наша речка в деревне, в Захарьино, куда, как ты знаешь, мы приехали после свадьбы, – обратилась в огромный поток, который пошёл с правой стороны, а по берегу потока стелилась зелёная рожь, необыкновенно густая и сочная, и вся переливалась, точно зыбь на море. А через семь лет было получено наследство. И всякая мелочь и подробность, иносказательно показанная во сне, исполнилась наяву с изумительной точностью и красочностью. Но теперь я видела во сне не зелёную рожь, а спелую – жёлтую. И колосья у неё были полновесные и огромные... Положительно ничего не понимаю... Да ты смеёшься, Дашенька, над снами, а вместе с тем как ты объяснишь, что все в доме более или менее одновременно видели необыкновенные вещи?

Кроме Саши, из детей только Боря имел право один ходить по усадьбе. Садовник, все рабочие, сторожа, кучера, конюхи – были его приятели. Когда он приходил, то каждому помогал серьёзно и дельно. Умел он и запрягать лошадь в одиночку, и сам подавал к крыльцу одну из смиренных лошадей. Нравственная чистота ребёнка имела на всех своё особое воздействие, и рабочие рассказывали друг другу, как, например, нетрезвому скотнику Степану Боря сказал: «Зачем пьёшь, это грех, Бог этого не любит, береги денежки про чёрный день».

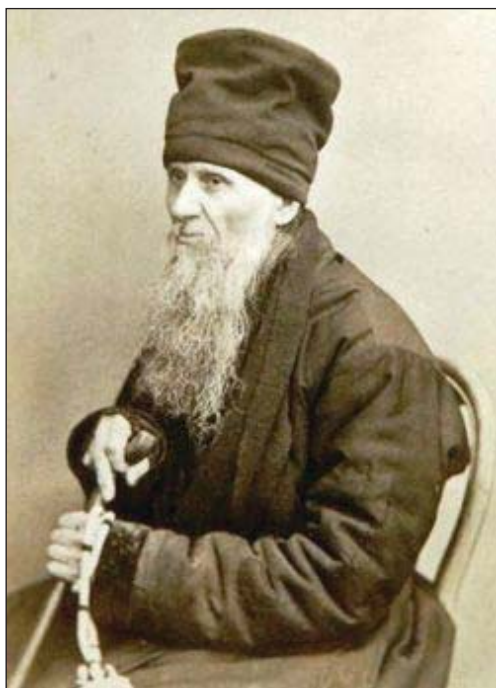
Борис Константинович был их радостью, их помощью, их бессознательным примирением. Он был соединяющим звеном между деревней и барским домом. На сенокос он не приходил зрителем, а чувствовал внутренним тактом, что не следует сидеть и смотреть, когда другие работают. Он взаправду работал, не покладая рук. Ворошил ли он сено в рядах, копал ли гряд-

Фрейлина великой княгини Елизаветы Федоровны княгиня Любовь Николаевна Лобанова-Ростовская, младшая сестра князя И.Н. Лобанова-Ростовского – на костюмированном балу

¹ Монахиня *Дугиненской обители*, в 45 километрах от Калуги, игуменьей которой была *София (Гринева)*, что ясно из последующих глав.

² 16 (29) марта – день рождения «Бориньки»; 24 июля (6 августа) – празднование мучеников благоверных князей Бориса и Глеба († 1015).

*Преподобный
Амвросий Оптинский*

*Маркиз
Иван Иванович де Траверсе,
адмирал русского флота*

ки – он понимал красоту и необходимость системы и порядка. Помогая метать скирды – дело трудное и далеко не простое, – он бывал полезен даже наверху, сразу поняв, как и что подсовывать и накладывать, чтобы выходил правильный скат. Боря бесконечно любил природу. Я чувствовала, что душа этого ребенка будет чисто русской, в лучшем значении этого слова, что он полюбит и поймет красоты русской жизни.

Про одну из таких красот, но особого свойства, много мне рассказывала моя свекровь, которая была духовной дочерью покойного старца, батюшки Амвросия Оптинского¹. Свою безграничную любовь к нему она всецело передала мне, поведав и о замечательных его беседах с нею. Я читала книги, им указанные и тянулась всей душой к нему, сразу почувствовав всё счастье личного общения с таким человеком: он мог ясно раскрыть и растолковать цель и смысл жизни, засорённой ненужными и зловредными осложнениями, и противоречиями. Но старец, к несчастью, вскоре преставился. Заочно почерпнутый от него запас моих духовных знаний, как ни были они малы, я старалась передать моим детям. Однако, из старших – один только Боринька, впиваясь в меня глазами, замирал от волнения и счастья, слушая меня. Особенно на него действовали рассказы о Рождестве Спасителя, о житии Божьей Матери на земле, об ангеле-хранителе и о борьбе духов света с царём тьмы...

Ещё вспомнился мне случай про Бориньку: эту зиму мисс Шафт как-то прихворнула, а мадам Вилетт необходимо было отлучиться. Я приняла на себя наблюдение за детьми, и со мною после завтрака остались Саша, Ксения, Боря и крошка Лена. Конечно, Саша тут же засел за чтение и, как всегда, был спокоен. Остальных я заняла рассматриванием картин и рассказами, но трудно было применить к различиям в возрасте и характере детей. Скоро Ксения стала шалить, другие нервничать. Всё это Бориньке сделалось невмоготу.

Вот я и взялась за последнее средство, сказав: «Дети, пойдёте наводить порядок в моих вещах». Они бросились с восторгом в мою спальню. Я отпёрла шифоньерку. Лене дала подбирать пуговицы, ленточки и прочие мелочи, а старшим открыла ящик с золотыми вещами. Не камни и не оправа, конечно, прельщали их, но те рассказы, которыми сопровождался осмотр каждой вещи.

Вот эта брошка от покойной тётушки их отца; вдовы посланника Ribeiro da Silva² – и следуют рассказы об её жизни в Бразилии, вспоминается прочая семейная хроника, доступная детям. А вот

¹ *Преподобный Амвросий Оптинский* (Александр Михайлович Гренков; † 10 (23) октября 1891), один из самых известных старцев Оптиной пустыни, прообраз старца Зосимы в романе Фёдора Достоевского «Братья Карамазовы».

² *Рибейро да Сильва* (ум. в 1874 г.; Ribeiro da Silva) посланник Бразилии в России; был женат на Любове Алексеевне Лобановой-Ростовской (да Силва) (1818?–1874), дочери князя Алексея Александровича Лобанова-Ростовского (1786–1848) и Александры Григорьевны, урожденной графини Кушелевой (см. след. сноску).

*Александр Александрович Лобанов-Ростовский
с супругой Александрой Григорьевной,
внучкой адмирала де Траверсе*

*Церковь в подмосковном имении
Лобановых-Ростовских Лобаново-Троицкое*

кольцо моей прабабушки, маркизы Saint Sac de Traversay¹, сопровождаемое рассказами из французской революции: эпизод бегства прадеда и его семьи, жизнь уроками рисования прабабушки в Швейцарии, приезд ко двору Екатерины II и прочая. А вот маленькая заветная ложечка, подаренная бабушкой на мои крестины и рассказы о том, как я была маленькой. «Ну, теперь-то вы всё рассмотрели?»

Вдруг крошка беленькая Лена пролепетала: «Мама, покажи, что дашь, когда мы будем большие». «Ну, выбирайте, дети, сами, что каждому нравится». Но это оказалось трудным, и я стала указывать то на ту, то на другую вещь, медленно перечисляя: «Вот это Ксении, это Саше, это Лене, а это невесте Бориньки». Вижу, он сделал такое сосредоточенное, серьезно-озабоченное личико и говорит: «Тебе, мама, трудно; у тебя детей много. Я сам зарработаю своей даме». Я молча обняла его...

Неотвратимое

Незаметно в своих мыслях я перешла на себя самоё. В духовной жизни я была тогда, как почти каждый человек, достаточно одинока. Семья, свет, родня, знакомые, переписка, деревня, администрация дома и прочее было одной стороной жизни, исполнением иногда приятного долга, а иногда и необходимости. Это первое не лишено было и радостей, но радости эти были кратковременными и беспокоящими, так как результат их терялся в неизвестности. Вторая же сторона жизни было то другое – заветное: трудное продвижение к двери, только приоткрытой старцем. Она найдена, и это одно уже было большим счастьем, но найдена она ошупью и в темноте, и какая темнота! Жизнь держит клещами в своих рамках попавшего к ней. Условность светской жизни с её подражаниями во всех областях бо-

¹ Иван Иванович де Траверсе – Жан Батист Прево де Сансак, маркиз де Траверсе (1754-1831; Jean-Baptiste Prévost de Sansac, marquis de Traversay), бежал от французской революции; получил российское дворянство; адмирал Российского флота, командующий Черноморским флотом, первый губернатор Николаева, морской министр России в 1811–1828 гг. Его внучка, графиня Александра Григорьевна Кушелева (1796–1848) вышла замуж за Алексея Александровича Лобанова-Ростовского (1786–1848). А.А. Лобанов-Ростовский – дед мужа повествовательницы.

лее «культурным» странам, нелепейшие моды, противоречащие климату и здравому смыслу, и прочие затеи из человека делают раба, хотя бы и вполне сознающего свою рабскую долю. Чем сильнее было сознание всего этого, тем радостнее было хотя мгновениями бросаться к заветной двери...

Мы дали Боре Доверов порошок. Поздним вечером жар поднялся у него до 38, и ощущение камня на груди всё продолжалось. Ночью Боринька часто просыпался, спал очень тревожно. Утром четвёртого у него появилась тяжесть дыхания. Погода несколько прояснилась. Григорий выехал с фельдшером рано и повёз в Сафроново от меня письмо к доктору. О городе трудно было и думать. Утром я пошла проведать мамá; она совсем уже не кашляла, собиралась днём навестить внука и очень сожалела, что он прихворнул. Вернувшись, я застала следующую ужасную картину: Боринька лежит в полузабытье. Феня, сменившая мисс Шафт, сидит тут же. Бледные ручки его лежат ладонями вниз, и он бессознательно скребёт пальцами простыню, а сам так тяжело дышит. Что это? Что это значит? Господи, хоть бы доктор скорее ехал. В это время все пошли завтракать, а я вышла в одном платье на галерею и часа два ходила взад и вперед, как запертое в клетку животное, не чувствуя ни усталости, ни холода. Когда я вновь вернулась в комнату, то Боря был уже в сознании.

– Боринька, что ты чувствуешь?

– Мне тяжело дышать, мама, у меня камень на груди, – и он сорвал что-то, чем было завязано его горло.

Опять я посмотрела горло, и опять в нём ничего не было видно.

Ещё дала я ему порошок и тёплого молока с мёдом, которое он так не любил. А Боря всё повторял: «Дайте успокоиться...»

Жар у него был незначительный, но бледность и выражение тоски на лице всё увеличивались. Маша позвала меня и просила, чтобы я хоть немного поела. Я пошла в столовую. Почему-то вот уже более двадцати лет не могу забыть, что одним из блюд была брюссельская капуста с гренками. Но для моего сжатого тоской горла и капуста казалась камнем; и я ничего не могла проглотить... У меня тоже лёг тяжелый камень, но не на грудь, а на сердце. В шестом часу, когда зажгли уже лампы, приехал доктор. Я приняла его рядом с гостиной и рассказала о ходе болезни. Затем мы вошли с ним в спальню. Одновременно Боринька вскочил на ноги и во весь рост стал в кровати, рукою срывая ворот рубашки. Выражение глаз его было ужасно... Он начал задыхаться... Это было первое видимое проявление его непонятной болезни...

– Господи, отдай мне Борю, сотвори чудо, не бери его, Господи, милосердный Господи, помилуй и спаси его! ... – так лепетали губы, а сердце тосковало и разрывалось на части...

Когда я вернулась в свою комнату, Боринька тихо угасал, и доктор сидел в его ногах. Я не знала, что придумать; думая, что это его освежит, я стала мочить в холодной воде полотенце и покачивать им, уже выжатым, над головой сына. Так я продолжала целый час... но чудные глаза Бори стали останавливаться, уже не видели... Я поднесла лампу: из чёрных – глаза стали совершенно светлыми... дыхание делалось всё реже...

Меня вдруг осенила мысль:

– Доктор, могу я дать сыну вина? У меня есть первокачественное валлийское вино...

– Очень хорошо, только скорее давайте.

Маша и Семён моментально бросились вниз в погреб и через пять минут принесли бутылку. Разжать зубы Бориньки было очень трудно, вливали вино капля по капле... Наконец, мы влили ложку, и он зашевелился! Затем мы влили другую, третью, – он стал подниматься, а после целой рюмки вдруг сел на кровати.

– Ах, как хорошо, я ведь выздоровел, – сказал Боринька совсем нормальным голосом. Куда девались окостенение языка и слабость.

– Что это, доктор?

– Это реакция болезни, перелом, которого я и ожидал. Поздравляю вас...

– Боринька, что ты, куда?

– А я одеться хочу – ответил он и, с энергией совершенно взрослого и здорового человека, стал одевать принесённый по его желанию матросский костюм с длинными брюками, без всякой посторонней помощи...

У всех отлегло от сердца. Глядя на него, все ещё раз друг друга поцеловали и разошлись. Наше состояние было равносильно чувству помилованных пред казнью.

Когда мы остались одни, Боринька мне сказал:

– Что это со мной было, ведь мои глаза ничего не видели, всё было темно предо мною?

– Это бывает, мой Буренький, когда кровь отливает от головы.

...Вырвал сердце?

А у самой у меня было полное сознание, что после причастия подходила тихая и торжественная смерть, но всё же смерть...

Прочь, прочь, страшное, ужасное видение! Это невысказано, чтобы Господь вырвал моё сердце! Он только хотел показать, что означает истинное горе, но, конечно, отвел Свою руку...

«Но чем же ты лучше других матерей? Почему же тебя надо миловать?» – спрашивал меня внутренний голос. «Только по безграничному милосердию Божьему», – был мой ответ...

Боря заснул, а я точно провалилась в тёмную бездну, – так спят только после тяжких потрясений.

* * *

Я пробудилась от внутреннего нервного толчка, и мне казалось, что прошло лишь пять минут. Мои часы показывали семь часов и уже светало. Через секунду я овладела действительностью и повернула голову в сторону Бори. Он сидел без кровинки в лице – точно восковой, с тусклым потухшим взглядом и тоскою в лице. Затем вдруг он заметался:

– Мне тяжело дышать, мама, воздуха, воздуха!..

– Ваше сиятельство, что-то господин доктор мелко пишет, не разберу.

Записку, видимо, привёз из Сарафанова Фома, и я не забуду её содержания, сколько ни проживу на свете: «Иван Иванович, когда мальчик умрёт, приезжайте немедленно с ингалятором, он здесь необходим. Захватите все остальные принадлежности, привезённые мною». Следовала подпись. Нож пронзил моё сердце и переворачивался в нём.

...О, Господи, дай сил! Значит он приговорён!.. Зачем же город, какая это трубка для горла? ...Нет, я вырву его у второй смерти! Боже, не оставь меня! Лишь бы мальчик ничего не заметил...

– Доктор просит привезти ингалятор и всё прочее, когда здесь окончится помощь, – ответила я фельдшеру.

– Да уж, известно, не забуду, – ворчливо, по адресу доктора, ответил фельдшер и мы приступили к ингаляции...

Боря всё слабел, но ничем не выражал каких-либо признаков страдания: его восковые ручки тихо лежали по сторонам. Ноги и всё его тело до груди стало ледяным... Глаза совершенно были закрыты...

Вдруг затрепетали веки, затем усилие, и они поднялись... Но на нас глядели ничего не видящие, совершенно светлые глаза... Боже мой, Боже, ведь это смерть вторая... ведь это те же глаза. Я поспешила закрыть веки, чтобы избавить его от вторичного сознания, что он ничего не видит... ведь он всё понимал и, со страшным усилием, но исполнил мою просьбу...

Около него, справа, стояла его Маша, сама скорее мёртвая, чем живая. Бессознательно движимый какой-то силою, в открытую дверь вошел Семён. Казак рыдал.

Дыхание прекратилось... Пробило половина одиннадцатого. Огромный сноп солнечных лучей разорвал тучу и осветил Бориньку. Первое солнце за десять дней. После большого промежутка мы услышали последний вздох.

Бори не стало.

Все опустили на колени, и я почувствовала удар по голове, словно балка упала на меня, а внутренний голос мне сказал: «Вот твой сон»...

Бабушка не знала о ком плакать: – об ушедшем внуке или об убитой горем дочери...

*Князь Иван Николаевич
Лобанов-Ростовский,
муж автора*

Скорбные хлопоты

Дорогие матери и отцы, терявшие и теряющие детей, к вам я обращаюсь: кто бы мы ни были с вами, мы сплочены в один союз. Мимолетный взгляд друг на друга нам достаточен, чтобы понять друг друга. Это горе одинаково чувствуется у каждого народа и в каждой стране, поэтому между нами, на этой почве, не может быть недоразумений.

Вы знаете, что значит видеть своё дитя одетым, причёсанным, ставшим почему-то огромным, лежащим торжественно на возвышении и слушать, как тихо читают над ним псалтырь.

Потому вы поймёте, что я переживала, когда составляла телеграмму, чтобы вызвать отца, ничего не подозревавшего об ужасе, который предстоит ему пережить; когда телеграммой выписывала гроб из Москвы; когда должна была назначить день отпевания и похорон; когда, наконец, письмом я должна была отменить ожидаемый приезд доктора. Через всё это надо было перейти, и я переходила...

Боря лежал в гостиной, как живой. Первые два дня лицо его было серьёзно и скорее скорбно, но на третий день дивная улыбка заиграла на нём...

В нашем флигеле все говорили шёпотом, зеркала гостиной были завешены. Я не могла молиться, страшный, невыразимый протест овладел мною. Я была убита, как мать, прежде всего; но, кроме того, мне казалось, что я поругана пред всем светом, так как лучшее и самое драгоценное отнято от меня. «Как жить? – думала я и говорила Маше – если улыбка жизни взята у меня...»

– А как живут другие матери, Ваше Сиятельство? Ведь не у Вас первой и последней взят теперь лучший ребенок. Господь всегда берёт лучших, а не худших. Господь берёт поспевших, но Он часто берёт не предупреждая, а Вас предупредил Милосердный Господь Бог о Своей воле дивным сном. Вспомните только, как велик был колос и насколько выше Вас была рожь... Вспомните, как покойный радостно убежал на восток. Наступит время, и Вы будете благодарить за всё это Бога.

Так повторяла мне Маша в немногие минуты, когда я или не рыдала, или не хлопотала, а только протестовала всем существом моим против совершившегося. К тому же на меня находила непостижимая спячка, как реакция нервного потрясения и постоянного ощущения близости сумасшествия. Этот глубочайший сон продолжался несколько часов и походил на летаргию...

Даже старичок-батюшка, так любивший Борю, что плакал, когда служил о нём панихиду, и тот не находил нужных слов, которые дошли бы до моего сердца...

Уже одетая, я первый раз за это время взглянула на себя в зеркало: оттуда на меня смотрела старая женщина. Эта женщина уже знала, что значит горе... А знала ли я его раньше? Конечно, нет. Я знала неприятности, может быть, и крупные, которые чередуются с радостными минутами, как серенький день с солнечным, но беспросветного горя я не знала...

А без этого не суждено нам, грешным, перейти поле жизни: мы должны познать на опыте, что нет пропасти на земле, куда бы ни проникал свет Господа Бога нашего...

Я не могла молиться. Упрёки душили и терзали меня. Зачем ты сказала ему брать tub¹ в холодной комнате? ...Зачем ты не сдержала слова, данного Соне? ...Зачем ты не посмотрела, что у полушубка неплотно застёгивается ворот? ...Зачем ты сейчас же не послушалась Дашеньки и не послала за доктором в город... – он привёз бы прививку., и прочие упрёки, один другого ядовитее и болезненнее, уязвляли меня... Наконец, панихида окончилась...

Вечером я долго рассказывала Косте² о ходе непонятной болезни:

– Это глубоко сидевший дифтерит бронхов, – высказал он своё предположение – ведь у дочери скотницы Марии тоже дифтерит, но девочка, слава Богу, выздоравливает. Надо позаботиться о других детях, предостеречь хоть их от заразы.

¹ Tub – большой резиновый таз-ванна [прим. автора]

² Под этим именем подразумевается князь Иван Николаевич Лобанов-Ростовский, муж повествовательницы.

Князь Иван Николаевич и княгиня Вера Дмитриевна Лобановы-Ростовские

Затем я сказала Косте о моём желании после похорон, восьмого октября, в Москве, поехать с Машей в Боровск в Обитель Святого Пафнутия к её старцу Архимандриту Бенедикту¹.

– Хорошо, поезжай, а я приготовлю всё к твоему приезду: переведу всю семью и всех из большого дома во флигель и займусь детьми... О них надо думать и их надо сохранить... – закончил Костя.

Затем он стал молиться, а я вышла. Ещё и ещё резали мне душу упрёки... Маша старалась утешить меня.

– Господь явно же Вам указал пророческим сном, что Его Святой воле было угодно взять Вашего сына, также и то, что искуситель будет мучать Вас двояко. Вот Вы и видели двух зверей. Один зверь – это упрёки о простуде, а другой зверь – упрёки о неумении лечить. К тому же этот зверь хотел ещё укусить Вас, то есть он будет стараться умалить веру Вашу в то, что волос с головы Вашей не может упасть без воли Отца Вашего Небесного... Вот князь, на что любили сына, а сейчас же подчинились воле Божьей. По-вашему, Ваше Сиятельство, выходит, что Мария, скотница, умеет лечить, что она вовремя доктора позвала и оттого её Маруся выздоравливает, а Вы не умеете, верно, а потому Ваш сыночек скончался. А у царей, уж, кажется, докторов много, а разве дети их не умирают?

– Меньше, Маша, чем в народе.

– А зато в народе и родятся больше, – не унималась Маша, возражая мне по силе своей любви и жалости ко мне. На этом, вся истерзанная, я погрузилась в мой каменный сон.

¹ Рождества Пресвятой Богородицы Пафнутьев-Боровский монастырь был основан в 1444 г. преподобным Пафнутием Боровским († 1477). В XIX в. монастыри Калужской епархии находились под духовным окормлением Оптиной пустыни, старцы которой благословляли многих своих воспитанников быть настоятелями и духовниками в этих монастырях.

Так и архимандрит Венедикт (в тексте «Бенедикт»), духовное чадо прп. Амвросия Оптинского, был назначен в 1903 г. настоятелем Пафнутьев-Боровского монастыря Калужской епархии и благочинным монастырей Калужской епархии. Схиархимандрит Венедикт (Дьяконов; ?–1915) окончил Смоленскую Духовную семинарию; до 1884 г. священник с. Чеботова Дорогобужского уезда Смоленской губернии. Овдовев, в 1884 г. стал послушником Оптиной пустыни; в 1887 г. пострижен в монашество, был секретарем преподобного Амвросия Оптинского (см.: Жизнеописание Оптинского старца неросхимонаха Амвросия / сост. схиарх. Агапит (Беловидов). 2-е изд. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. С. 163–164).

«Не ворошить нам больше сена с тобой...»

Наступило седьмое октября. Открыв глаза и придя в сознание, я поняла, что сегодня надо добираться до вершины душевных мук: надо видеть любимое своё дитя уходящим навеки из родительского дома. «После этого возможно уже вынести и отпевание, и погребение», – думалось мне. Наш крестный путь доходил до тягчайшей минуты: весь дом заполнили служанки и крестьяне. Вынесли. Обедню служили соборно оба священника. У отца Матвея, тоже в своё время испытывавшего подобное же горе, всё время службы прерывался голос от слёз... Потому не он, а младший священник села нашего вышел сказать слово:

– Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Досточтимые родители и возлюбленные братья и сестры во Христе, к вам я обращаюсь с кратким словом моим. Среди вас вырос, ныне в Бозе усопший, отрок Борис. Мы все знали и все любили его. Этот отрок подобен чудному хлебу, выросшему во дворе Отчем. Когда хлеб поспел, Божественный Жнец снял его и унёс в свою житницу¹. Нам ли неумеренно предаваться скорби и печали. Ведь после первородного греха, принёсшего смерть на землю, смертью уходят в вечность и праведники, и грешники. Праведный отрок этой же смертью, этой же дверью был отозван от нас, так как иного пути на небо не существует. У нас проводы, а там радостная встреча. У нас прощание, а там ангельское приветствие. Да не отягчится сердце наше неумеренной скорбью, которая бы омрачила ликование отрока. Не будем забывать, что мы христиане, и что смерть есть для нас лишь временная разлука, а жизнь сего отрока прошла пред нами для нашей пользы и назидания. Помолимся же об упокоении души усопшего раба Божия отрока Бориса, чтобы и он помянул нас пред Престолом Всевышнего, когда вселится в селения праведных. Аминь. Да будет так, – закончил батюшка.

«Откуда это священник знает про сон? – думалось мне. – Ведь я не рассказывала ни ему, ни отцу Матфею... про мой сон. Да никто и не интересуется им. Чудно что-то. А может быть, Сам Господь внушил батюшке сказать это слово?» – пронеслось в моём сердце...

Наконец, мы подъехали к вокзалу и направились к вагону; в это время крестьяне устанавливали в него гроб.

– Прощай, прощай, Борис Константинович. Не ворошить нам больше сена с тобой, не метать скирды... Царствие тебе небесное, дорогой ты наш, – говорил седовласый крестьянин; он несколько раз перекрестил вагон и смахнул набежавшую слезу...

Затем последовал приезд в Москву, встреча гроба, лития, второй крестный путь – бесконечная дорога к Новодевичьему монастырю, опускание гроба в могилу, первый удар земли о крышку, с этим забываемым ужасным звуком...

Да, более изощренной пытки, как материальная сторона всего того, что следует за смертью, не может быть, думала я в своем протестующем и мятущемся сердце...

Сама же я собиралась уезжать с вечерним поездом в монастырь, куда неудержимо рвалась моя душа...

Я чувствовала, что собственными силами не встану на ноги. Наоборот, погибель моральная, физическая поджидали меня, если я не найду себе крепкой и надежной опоры.

– Вот Вы увидите, Ваше сиятельство, – говорила Маша, – как утешит Вас архимандрит Бенедикт². Я так молила Бога, чтобы Ваша первая поездка к старцу была Вам на пользу... Земная тина уж больно засасывает нас... За то, что Вы всегда тянулись к Царству Небесному, Господь позвал Вас на работу и дал знать, что пора, мол, настоящим образом взяться за дело...

– А почему Господь отнял у меня воздух, которым я дышала? ... Сам Он дал мне такого сына, а когда я всей полнотой любви моей привязалась к нему, Господь так утончённо покарал меня, поставив в такое положение, что я сама считаю себя виноватой в смерти сына, сначала простудив его, а потом не умея и вылечить. Да, нельзя было посмеяться утончённее и больше...

¹ См.: Ин. 4, 35–36.

² *Архимандрит Венедикт* (Бенедикт) был воспитанником Оптиной пустыни, письмоводителем прп. Амвросия Оптинского. В свое время семья Лобановых-Ростовских была близка к старцу Амвросию. Приезд княгини в Пафнутьев монастырь к архимандриту Венедикту, 9–10 октября 1903 г., совпал с 12-й годовщиной со дня преставления преподобного.

Слово утешения

В келью вошёл отец архимандрит. Я подошла под благословение и сразу почувствовала себя совсем маленькою. Он был высок и скорее полон. От сановитой внешности его веяло отеческою ласкою и добротой. Умные, пронизательные глаза его всё видели, всё понимали, а потому умели и прощать. Они выдавали большой житейский опыт и большую, не от мира сего, мудрость.

– Счастлив я, что Вы, княгиня, после посещения Вас Господом Богом, приехали в обитель, а не искали утешения в чём-либо ином. Вот и матушка Вашего супруга, княгиня Елена Сергеевна, во вдовстве своём и горе находила великое утешение в беседах с покойным старцем, батюшкой иеросхимонахом Амвросием Оптинским. Завтра исполняется двенадцать лет, что и я потерял в нём и старца и великого благодетеля. К знаменательному дню Вы приехали к нам. Мы будем молиться о почившем дивном старце, помолимся и о сыночке Вашем. Расскажите мне о своём горе.

Всё, что было у меня на душе, вылила я старцу. Рассказала о сыне, о сне, о двукратной смерти, о проповеди, о моих терзаниях и сомнениях, о Маше...

– Дорогое дитя, теперь и Вы меня выслушайте. Вы не потеряли сына, а обрели его. Он будет переходить от света к свету и предстательствовать за Вас пред Господом Богом. Люди теряются не на небе, а на земле в великих бурях житейских. Настанет время, когда Вы меня поймёте и будете благодарить Господа за то, что Он укрыл сына Вашего. Бог есть Любовь и огонь всё пожигающий. Над людьми смеётся лишь сатана – он лжец и отец лжи¹. Это он распяляет сердце Ваше и терзает его сомнениями. Сатана видит, что Вы всегда искали Господа Бога, и теперь, в минуту испытаний, когда Вы заколебались, он хочет вытравить Имя Божие из сердца Вашего. Молитвой и постом отгоняйте супостата. Любовь к Богу есть величайший дар, который подаётся людям Самим же Господом Богом. Старайтесь вымолить у Бога этот дар. Тоску сердечную выбивайте молитвой Иисусовой. Творите её, когда можете: и сидя, и лёжа, и в путешествии, и у себя дома. Если удастся по обстоятельствам, поживите сосредоточенно в деревне. Читайте Священное Писание, обдумывайте прочитанное и старайтесь понять, что Сам Господь Вас призвал: где сокровище ваше, там и сердце ваше²... А вот что я расскажу Вам про самого себя: было это лет тридцать тому назад – я был приходским священником, имел любимую жену и двух малых детей. Сначала Господь взял у меня детей, а в скором времени и жену. Затосковал я невыразимым образом, а по сану своему должен был сам подавать утешение людям. Меня грызла непрекращающаяся тоска по жене и детям. В таком состоянии пришёл к старцу Амвросию, похлопал он меня рукою по голове, да и говорит:

– Вот ты каков, а ещё священнослужитель! Что мне с тобою делать? Становись на молитву – утром, вечером и днём, говори так Господу: «Ты видишь меня, Господи, весь я пред Тобою, трость, ветром ломимая³, изгибаюсь я весь под тяжестью скорби моей и боюсь я сломиться. Не смею просить, а прошу, не смею молить, а молю: покажи мне, Господи, где находятся жена мои и дети? Господи, прости и помоги! Но да будет воля Твоя во всём, Господи, а не моя⁴». И не даст тебе Господь видеть, – смирись: не смеем мы этого просить у Бога. По малодушию твоему разрешаю я тебе. А увидишь что, – приди и расскажи.

И стал я молиться, как заповедал мне старец, и увидел в тонком сне жену и детей – рассказали они мне про райские обители и про радость свою. По молитвам старца горе моё с тех пор как рукой сняло. Принял я тут монашеский чин и благодарю Господа по сей день за милость его ко мне, грешному. Так и Вам заповедываю: молитесь и Вы, как учил меня старец: «По малодушию моему, Господи, подай увидеть мне сына, но да будет во всём воля Твоя, Господи, а не моя». Если и не подаст Господь просимое, не унывайте – в иных путях может Господь утешить Вас. Вот так-то, дитя моё: да будет милость Божия с Вами...

Монастырская трапеза

...Вошёл отец гостинник с послушником. Они начали накрывать на стол и принесли обед.

¹ Ин. 8, 44.

² Мф. 6, 21.

³ Ср.: Мф. 11, 7.

⁴ Ср.: Лк. 22, 42.

– Повар у нас отменный, испробуйте, матушка княгиня. Он от князей Щербатовых, недалеко тут от нас их поместье. Лет двадцать пять у них жил, а потом потянуло в обитель, вот и спасается у нас, несёт кухонное послушание...

– Для дорогой гостьи повар особенно приготавливал. Покушайте, Ваше Сиятельство, подкрепитесь. Вы ведь эти дни к еде и не прикасались. В обители огонь для печи берётся по благословению, от лампы, и всё затем готовится с молитвою и душевным расположением, оттого и вкус бывает особенный, – говорила Маша.

Я молчаливо согласилась, и мы стали обедать. И правда, монастырь ли тут был причиною, повар ли, а только по вкусу такого обеда я никогда не ела и есть, наверное, больше не буду, так как впечатления редко когда повторяются. Сначала был постный борщ и пирожки с кашей. До сих пор помню легчайшее калачное тесто пирожков, наподобие филипповских¹, но не такое! Затем была жареная рыба с картофелем и солёными огурцами, а на сладкое – овсяный кисель с медовой подливкою. Этот кисель возбуждал во мне всегда тихий ужас, когда я видела его у людей, но то, что подали тут, было утончённейшим блюдом и по вкусу, и по виду. Маша по-детски обрадовалась, что мне всё так понравилось.

– Вот видите, что значит обитель! Ведь мы находимся под кровом, где почивают святые мощи². Сегодня Вы в первый раз подкрепились. А то воск, и то Вас краше. Теперь отдохните немного. И я прилягу – только уберусь. А потом пойдём обитель осматривать.

Я рада была погрязнуть в небытие – каменный сон опять овладел мною.

Монастырский обиход

Гостиница наполнялась монашенками и всяким простым людом. Видя, как они прибывают, отец гостинник заметил:

– Вот батюшкину старческую руку почуяли, идут на окормление... А что в Оптиной делается! Замучает, бывало, народ батюшку, так он еле живой от них уходит.

Мы переходим в другой корпус – всюду седая старина, толстейшие стены, веет особою, своеобразною тишиною.

– Тут вот келья старичка-иеромонаха; он спасается здесь: отчитывает бесноватых и порченных, помогает народу. Многих несчастных вылечивает.

Чрез полуотворённую дверь кельи доносились слова молитвы об изгнании бесов. Особенность и сила слов молитвы, а также присутствие безумных с их провожатыми, усиливали впечатление. Мне казалось, что время отодвинулось на две тысячи лет назад.

– Вам, матушка, это на диво, а мы столько чудес видим, что уже и не удивляемся, а знаем, что: «Господь близ нас есть³».

В келью к старичку-иеромонаху вели другую больную.

– Так замучается бес молитвою, что иной раз после первого причастия отходит совсем, но, во всяком случае, всегда притихает, а то, большей частью, изгоняется после нескольких раз. Вот завтра сами, матушка княгиня, увидите: к Чаше подводить будут бесноватую... Ведь с иной еле-еле десять человек управиться могут. Силища у них какая! А иная больная, что твоё пёрышко, откуда только сила берётся...

Мы пошли дальше. К нам навстречу по коридору шёл небольшого роста мужичок. Глаза у него были прищурены, и весь он, казалось, порос мхом. Мужичок низко поклонился отцу гостиннику:

– Здорово, дядя Филипп, вот расскажи матушке княгине про твои глаза.

– Да что, матушка, моё дело самое обыкновенное. Родился я слепым, жил больше Христовым Именем, себе и людям в тягость. Вот батюшка, отец Лев, всё это знает. А тут на Ильин день пришли к нам старушки-богомолки. Шли они поклониться новому Преподобному⁴ батюшке отцу Серафиму, да и

¹ Пирожки наподобие филипповских – булочные И.М. Филиппова (1824–1878) и его наследников (в указанное время фирма называлась «Торговый дом братьев Филипповых»), в пекарнях которых пекли не только хлеб, калачи, бублики, но и пироги с разнообразной начинкой по особым рецептам, считались лучшими и образцовыми изготовителями выпечки.

² Преподобный Пафнутий Боровский был прославлен в лике святых в 1547 г. Его святые мощи почивают в главном храме обители – соборе Рождества Пресвятой Богородицы.

³ Флп. 4, 5.

⁴ Преподобный – особый разряд святых, совершивших духовный подвиг в монашестве. Новым называют его здесь, поскольку от его канонизации в 1903 г., на которой настоял лично император Николай II, до описываемых здесь событий 1913 г., прошло 10 лет.

говорят мне: «Ты всё равно не работник, пойдём с нами, мы тебя до Успения доведём, может, у Преподобного ты и прозреешь». А у меня как упала надежда в сердце, так и стал я сам не свой. Бог помог: где проехали, где прошли, а у меня в сердце всё слаже, да слаже. И добрались мы, наконец, до святой обители¹. У Преподобного я и выкупался в его источнике – глаза водою мыл, к мощам прикладывался и глаза мантией вытирал. Что Вы думаете? С глаз стала сходить словно пелена за пеленою, а как блеснул в первый раз свет, то уже не тому свету я рад, а тому, что Господь меня вспомнил. И пошло – что дальше, то больше свету. Вот и стал я всё видеть, правда, как чрез кисею, а – вижу! И даром хлеба не жую, и дома кое-что подсобляю.

Я глубоко была тронута этим рассказом, поблагодарила за него мужичка, помогла, чем могла, и поздравила с исцелением.

– Батюшка, да ведь это исцеление, как во времена Иисуса Христа, – сказала я, когда мы отошли. – Я никогда не думала, что в наше время слепорождённые могут прозревать.

– Что Вы, матушка! Да ведь Господь всё *Тот же*²! Люди только другие: не верующие, холодные, озлобленные. Только в народе и теплится вера, да и то не сильная. За это отступление – старцы, наши Оптинские, говаривали, – быть беде на земле Русской.

Он вздохнул, а мы шли всё дальше и дальше, осматривали святыни монастыря, древние его части и новейшие пристройки.

«Враг напал на меня...»

К шести часам ударили в колокол, и мы пошли в тёплый зимний храм. Он содержался с великою любовью, с безукоризненною чистотою и тщательностью, что проскальзывало во всякой мелочи. Всё время, несмотря на виденное и слышанное, мысль о сыне не покидала меня. Я чувствовала, что во мне началась новая двойственная жизнь: во первых – переживание воспринятых извне впечатлений, а во вторых – постоянная мучительная, томящая жизнь терзаний и воспоминаний. Эта вторая жизнь ни на минуту не прекращалась, а, наоборот, томила, давила и душила меня. Несмотря на это, я решилась молиться, как заповедал мне старец.

Всенощная с парастасом³ началась. Отец архимандрит служил соборно. Было очень торжественно. Прекрасно звучало пение монастырского хора. Враг напал на меня изо всех сил, молитва была холодна, и я каменела в моём горе. После богослужения пришёл к нам в келью послушник и прочёл вечернее правило... А затем, когда все разошлись, я впала до утра в мой спасительный, непробудный сон...

Колокол ударил к обедне, и мы с Машей пошли в храм. Туда же двое сильных крестьян вели бесноватую, – сзади шла родня. Больная упиралась, временами произносила хулу на Господа, плевалась и кричала. Однако её удалось ввести в храм, и она утихла. Церковь быстро наполнялась людьми. Тут были: и степенная братия, и духовные дети отца архимандрита, и почитатели покойного старца отца Амвросия Оптинского.

Началась Литургия. Мгновениями и в мою душу проникал свет, но тотчас же и угасал от не покидавших меня ни на секунду терзаний. Во время малого выхода снова послышались возгласы и крики бесноватой. Время приобщения Святых Таин надвигалось. Я молила Господа пощадить меня, угасить огонь мучений моих, и мне удалось подойти к Чаше с некоторою тишиною в душе. Искра надежды на секунду опустилась ко мне, когда после причастия я возвращалась к своему месту с умилением в сердце, несмотря на нападки врага.

– Зачем гонишь меня? Не терзай меня! Никуда не уйду! – неслись вопли бесноватой.

Её подводили к Чаше. Изо рта шла пена, лицо перекошилось... Она вырывалась из рук восьми мужчин, державших её очень крепко. Временами она падала на пол, и голова её, ударяясь, издавала звук камня, падающего на металл: казалось, что череп от такого удара должен разлететься на тысячу кусков.

¹ *Серебряная рака* (дар Государя Николая II) со святыми мощами прп. Серафима Саровского была установлена в Успенском соборе Успенской Саровской обители, расположенной на границе Нижегородской и Тамбовской губернии при слиянии рек Саровки и Сатиса. Путь до Сарова занял у богомольцев около месяца: с 20-х числа июля (после открытия мощей) до праздника Успения Пресвятой Богородицы 15 августа по ст.ст. Ныне честные мощи прп. Серафима Саровского пребывают в Троицком соборе Серафимо-Дивеевского монастыря.

² Ср.: Евр. 13, 8.

³ *Парастас* (греч. «ходатайство») – Великая панихида – заупокойная Всенощная по всем усопшим православным христианам; совершается на Всенощном бдении *родительских суббот* (особых дней поминовения усопших).

Отец архимандрит бесстрастно ожидал с Чашею. Ему, верно, часто приходилось видеть такие картины...

У самой Чаши вопли, хула на Господа и крики дошли до своего предела... Бесноватую сковали железные руки державших её, чтобы она не выбила Чашу. Женщины открыли ей рот ручкой ложки, заранее, наверно, приготовленной. Отец архимандрит быстро приобщи́л её... Все мужчины разом отступили: на руках у женщин полулежала кроткая, тихая, милая молодая девушка. Она была очень слаба и часто дышала. Её отвели в сторону и усадили на скамью.

«Так вот как меняется человек, когда терзающий враг отступает, – думалось мне. – О Господи, отведи его от меня, помилуй меня». Но не тут-то было: он жёг и резал душу воспоминаниями.

Началась панихида. Как близок был мне дорогой покойный батюшка Амвросий! Через него изливались чудеса на семью моего мужа, моя свекровь постоянно рассказывала об этом. Батюшка умер в первые годы моего замужества, оплакиваемый всей нашей семьёй. Его-то и стала я молить помянуть моего сына и меня пред Престолом Всевышнего.

Меня преследовал ещё особый вид мучений: я представляла одиночество и холод могилы, которые чувствовал мой сын. Нелепое и тяжёлое мучение, которое враг насылал на меня. Молитвы об упокоении «раба Божия иеромонаха Амвросия» сплетались с молитвой о «новопреставленном отроке Борисе»...

Архимандрит о «сонных видениях»

– Рад я с Вами побеседовать ещё раз пред Вашим отъездом, княгиня... Покойный батюшка, отец Амвросий, был очень близок к Вашей семье, и вот Господь привёл и Вас к такому знаменательному дню в нашу обитель. В двенадцатую годовщину по смерти батюшки молитвы о нём и о Вашем сыне слились воедино.

Оптинская пустынь издала книгу о покойном старце; составил её один из Оптинских архимандритов, но, по смирению своему, не пожелал выставить своего имени¹. Хотя и хороша она по содержанию своему, но, тем не менее, не может передать и сотой доли всех чудес дивного старца. По истине, прозорливость его не имела границ.

Я ведь состоял при отце Амвросии письмоводителем, и вот, как-то раз, в первые годы моего послушания, писал я под диктовку батюшки письмо, а самого меня так и искушают помыслы: ну вот мучают, а отогнать не могу. Вдруг чувствую, платочек на меня падает. И помыслы от меня отлетели, как и не бывали. Посмотрел я на батюшку, а он так ласково улыбается и говорит: «Это я бросил, чтобы отогнать врага».

Да и поплакали же мы, когда Господь взял его от нас! Вот в этой книге жизнеописания покойного батюшки есть приложение: «содержание писем к старцу о виденных замечательных сновидениях и их толкования, в ответ обращавшимся лицам». Там же, в этом же приложении, постарайтесь прочитать и то, что Симеон Новый Богослов излагает о снах. Имеется особый вид сонного видения, который он называет «зрением», – его он рассматривает, как величайшую милость от Господа Бога. Эти сонные видения очень редки, и понятны они только воспринявшему все их оттенки и мелочи². Вот и Ваш сон,

¹ Возможно, речь идет об издании: *Краткое сказание о жизни Оптинского старца иеросхимонаха отца Амвросия с приложением избранных его поучений*. Брошюра. Издание Оптиной пустыни. М., 1893. По соборному благословению Оптинских старцев во главе с отцом Иосифом (Литовкиным) на основе этого и других монастырских источников архимандритом Агапитом (Беловидовым) было составлено Жизнеописание прп. Амвросия. Этот труд задумывался как наиболее полный материал для грядущей канонизации святого, в которой никто не сомневался, и был издан в 1900 г.

² Речь идет о суждениях прп. *Никиты Стифата*. См.: Смиренного Никиты монаха и пресвитера святейших обителей Стифата Студийского, ученика Симеона Нового Богослова, вторая естественных главизн сотница, о очищении ума. П. 61–63 // Добротолубие, или словеса и главизны священнаго трезвения, собранныя от писаний святых и богодухновенных отец, в немже нравственным по деянию, и умозрению любомудрием ум очищается, просвещается и совершен бывает (в четырех частях). Переведено с еллиногреческого языка. Часть 4, 1798.

В русском переводе такие сны, «зрения», названы «видениями»: «Видения суть такие сновидения, которые во все время стоят неизменными, не преобразуются из одного в другое и так напечатлеваются в уме, что остаются на многие лета незабвенными: они показывают сбытие будущих вещей, доставляют душе пользу, приводя ее в умиление представлением страшных видов, и видящего их делают самоуглубленным, и притрепетным от неизменного созерцания представляющихся страшных вещей; тщательнейшие ревнители должны считать такие видения драгоценными».

думается мне, принадлежит к разряду «зрений». Он должен служить Вам и утешением, и назиданием. Одним из отличительных признаков «зрений» служит незабываемость: проходят десятки лет, а сон во всей полноте своей стоит перед глазами, и самая малейшая подробность его выявляется в жизни в целом ряде сцепленных между собой событий.

Да умудрит Господь мать Марию поддержать и утешить Вас. Она – хорошая душа, и Господь Сам её Вам послал на утешение. И молиться, и радоваться о Господе можете с нею вместе. От земли к Господу Богу каждый человек поднимается по духовной лестнице. Вы вступили на первую ступень её. Не обрывайтесь, держитесь твёрдо и отвоёвывайте дальнейший ряд ступеней. Пусть пост и молитва будут Вашим оружием. Свято храните и держитесь установлений Церкви.

Тут отец архимандрит перешёл на разговор об общих церковных вопросах и о Патриархе, который, по его разумению и со слов старцев, должен был бы возглавлять Русскую Церковь. Об этом также мечтали многие миряне и надеялись на предстоящий созыв Поместного Собора, потом, между прочим, отменённый¹. Покойный отец Амвросий, как хорошо помнил и знал это отец архимандрит, очень сокрушался о загробной участи того, кто нарушил патриаршество в России.

Побеседовав ещё немного со мною о семье моей, отец архимандрит меня благословил образом и дал две просфоры: одну для мамá, а другую для мужа... В утомлённом состоянии я вернулась в Рукавишниково.

Пустота

Я вошла в детскую сыновей. Боринькина кровать без подушки, прикрытая белым покрывалом, стояла холодная, точно в саване. До этих пор не могу забыть моего тогдашнего ощущения, и воспоминание об этой пустой кровати палит трепещущее сердце. Все вещи его: платье, бельё, найденный маленький дневничок, любимые его сказки, фотографический аппарат, тетради, и даже маленький хомут, приобретённый им для пони, его детской мечты, лежавший раньше аккуратно свёрнутым под кроватью – всё это было уложено в особый сундук. Когда я приехала, ничего больше не лежало на виду.

Какая страшная пустота без него!..

В Рукавишниковской церкви шёл сорокоуст. Наступил и девятый день. Я старалась молиться, как заповедал мне старец. Но общее состояние протестующей души моей было в то время таково, что меня терзали голоса то одного, то другого мучителя, и молитва не шла на ум. Первый голос твердил, не переставая: «Ты простудила сына, ты сказала ему мыться в холодной воде, ты не надела ему фуфайку, ты не заставила выпить чего-нибудь горячего, ты выпустила гулять слишком рано, ты дала слово и не исполнила его, ты не посмотрела, что ворот полушубка не высок, ты не сказала ему одеть башлык, ты не позаботилась о его мокрых ногах, ты виновата в его болезни, ты виновата, ты виновата...».

Второй голос твердил вторую вариацию: «Ты не поняла важности болезни, ты опоздала послать за доктором, ты не послала за лучшим, ты ошиблась в выборе доктора, ты убийца, ты убийца, ты убийца!..» Голоса эти мучили меня неистово, и я не имела ни минуты покоя. Каменный сон начал пропадать, а с этим ухудшилось моё состояние. В особенности тяжело было присутствие мужа. Мне так было жаль его: я видела и глубоко сознавала, и понимала его благородную борьбу с личным горем...

Я чувствовала, что душа моя стала положительно разбитым инструментом и можно ли починить его, я не знала... а когда мне было очень тяжело, бежала к мама и выливала ей весь запас больной накипи. Я видела, как это бесконечно огорчало её, но не в состоянии была удержать своего порыва в минуту томящей тоски и жгучих терзаний. Мама не дано было, в данном случае, уметь утешить меня, или, хоть временно, освежить мои палящие раны. Ведь во сне было мне указано, кому это было дано свыше; я это знала наперёд, но, в исступлении, поступала обратно тому, что приказывали и сердце, и разум.

¹ Весной 1905 г. Св. Синод единогласно высказался за восстановление патриаршества и за созыв в Москве Всероссийского Церковного Собора для выбора Патриарха. В декабре Государь Император Николай II издал рескрипт о создании Предсоборного совещания для подготовки созыва Собора (*Ольденбург С.С.* Царствование Императора Николая II. Т. 1. Белград: О-во распространения рус. нац. и патриот. лит., 1939. Гл. 11). Совещание выполнило чрезвычайно важную и ценную работу, потребовавшую много времени и труда, но вспыхнувшая Мировая война помешала созыву Собора в царствование Императора Николая II.

Фрейлина, княгиня Людмила Григорьевна Лобанова-Ростовская, двоюродная сестра Ивана Николаевича Лобанова-Ростовского, в народном costume

жишь?» – «Да роса на меня нападала», – говорит. А роса – это наши слёзки. Грех, матушка, так отрока слезами обливаться...

У нас в деревне за большой грех почитают – убиваться так по ребёнку. Уж нам там не быть, где он будет. Поплакали и хватит. На всё воля Божья!

Даже от этих слов неграмотной, простоватой Дуни, у меня посветлело на душе, правда, на мгновение, но зато и большее не стало, как от мирских рассуждений...

– Напрасно я ездила в Боровск к архимандриту Бенедикту, – говорила я Маше, – он мне не старец – не умел он меня утешить; и не прозорлив он совсем, ничего я во сне не вижу.

– Вы совсем не знаете, как нужно относиться к старцам... Их не так легко понять, как вы думаете... Старцы по смирению своему скрывают свою прозорливость; и подаётся она им, поскольку она нужна нам. *По вере вашей – дастся вам!*... Поверьте, что Господь Всевидящий и Всеведущий, сном предупредивший, какими двойными мучениями искуситель будет мучить Вас, положил и на сердце праведного архимандрита, как утешить Вас...

Горькие праздники

Наступили праздники... Когда мне пришлось надеть белое платье и выйти к ожидающим детям – я изнемогла. Боже, поддержи меня! Из своей комнаты я не пошла сразу в гостиную, где стояла ёлка, а вышла на верхнюю площадку и долго стояла под дверью, чтобы прийти в себя и высушить глаза. Слышу шаги Семёна Лучка: «Ваше сиятельство, крепитесь, не огорчайте его. Как тяжело ему оттуда смотреть, что даже в такой праздник Вы беспокойны».

Я взяла себя в руки и решительно вошла в гостиную... Мне до сих пор тяжело вспомнить настроение этой первой ёлки без него! Даже для детей она была менее весела, чем обыкновенно раньше... Праздники, как и яркие солнечные дни, оскорбляли и ухудшали моё, и без того тягостное, настроение. Эти дни были днями особенной скорби... Перед глазами проходили картины прошлого Рождества в Петербурге. На ёлку, чудное огромное дерево до потолка, убранное нами в закрытой на ключ от детей зале, собралось много приглашённых. Заиграла музыка, двери открыли и ввели детей.

– Успокойся, Наташа, что с тобою. Ты несправедлива, ты требуешь от старца сверхъестественных вещей, а старец такой же человек, как и ты. Только он посвятил себя молитве, а ты семье. Сон же есть следствие наших впечатлений, воспринятых в течение дня, и сон есть только сон. Ты сама себя возьми в руки и помни, что, прежде всего, надо исполнять свои обязанности, а ты забросила детей и только думаешь о себе, когда надо думать о других. В печении о детях ты найдёшь покой.

– Ах, мама, мама, нельзя разбитой чашке приказывать поить людей.

– Что ты говоришь, Наташа? Ведь всё моё счастье в тебе! Если ты так несчастна, на что и мне жить?

Тут я окончательно выбивалась из сил...

Напрасно?

Как-то, приблизительно пред двадцатым днём сорокоуста, постучалась ко мне утром судомойка Дуня.

– Что ты, милая, не случилось ли чего?

– Как же, Ваше сиятельство, вот что я хотела тебе сказать – видела я плохо во сне Бориса Константиновича: лежит это он в кроватке весь в белом, да весь мокрый. «Что это, – говорю, – ты, Борис Константинович, мокрый ле-

¹ Мф. 9, 29.

Сколько радости и восторга! Вечер закончился появлением фокусника. Из рядов сидящих детей он выбрал себе в помощь Борю. Как деловито, просто и ловко держал он себя и как сразу покорила сердца всех присутствующих родителей... Наконец, праздники прошли...

Одна

И вот, я осталась в Рукавишниково на долгое время, так сказать, одна, и могла безо всякой помехи заняться тем, что было мне теперь единственно по душе – молитвою и чтением. Я не могла не думать о себе: мать есть душа дома. Душа пуста, пуст и дом. Я вполне понимала, что Костя не мог оставаться в деревне, когда моё состояние настолько его удручало, что он сам мог обессилеть в личной борьбе со своим горем. Ведь Костя, как раньше шутила над этим Дашенька: «зажимал в дверях зверя», душил и убивал терзавшую его скорбь, покоряясь воле Божьей; а будучи свидетелем моих терзаний, он и сам мог изнемогнуть в своей борьбе.

* * *

Чем сильнее была моя решимость бороться и исполнять то, что заповедал мне старец, тем сильнее мучил меня враг. Дошло дело до того, что я стала молить Бога о смерти. А как же дети? В своём исступлении я стала молить Бога и об их кончине. Я, кажется, дошла до последних пределов горя. Я молила Бога взять к себе меня и всю мою семью. Я придумывала, что могло бы сразу перенести всех нас в иной мир?..

Несмотря на всё, со мною происходившее, я продолжала заниматься чтением... Каждый день я читала Библию, и вот однажды нашла место в книге Премудрости Соломоновой, гл.4, ст.7-15, о причинах преждевременного отхода юных душ. Так вот почему Господь берёт в молодых годах избранных своих и удаляет их от нашего мира! Дивные вдохновенные строки утешали меня на мгновение, а затем все впечатления уплывали, и опять я подпадала под власть своего мучителя.

* * *

...вот уже пять месяцев, как я молю утром и вечером Господа хоть на мгновение показать мне во сне Борю, чтобы узнать о судьбе его, а всё ничего нет и нет. Скоро шестнадцатое марта, день его рождения, солнце уже блестит и греет, а у меня всё ужаснее и ужаснее на душе.

– И Вы, Ваше Сиятельство, всё настойчивее и настойчивее молитесь по слову старца. Господь не посылает испытания сверх того, что можно вынести¹. С неба же всё берётся силою. Царствие Божие нудится². Потом сами увидите: у Вас будет не радость, а ликование!..

Враг продолжал терзать меня до исступления. Я всё время, так сказать, ходила пред Батюшкой Преподобным Серафимом: «– да вымолит он у господина мне подарок с неба к этому дню, да снимет с меня всю тяжесть искушения – ведь я падаю и изнемогаю. Если Богу угодно взять меня, то да возьмёт Он меня поскорее, – если же нет, то да подаст мне силы жить и благословлять Его...»

Предутренний сон: сын

Ночь я спала сплошь до утра... Часы показывают семь. Боже, хоть бы ещё заснуть, хоть бы ещё утром увидеть Борю.

– Драгоценный Батюшка, надежда моя, поддержи меня, подай мне, по вере моей, о чём прошу тебя...

Я начала цепенеть, продолжая, однако, всё воспринимать и сознавать. Вдруг, справа от моей кровати, подходит ко мне Боря, одетый в тот матросский костюм, в котором его хоронили. Он прилёг и положил голову на моё правое плечо, а правой ручкою обнял меня так крепко, что я почувствовала от этого прикосновения давление на левом плече. Я подумала: «Ведь ему должно быть, холодно», и прикрыла его ноги концом моего одеяла. И ещё пришло в голову: «Не изменились ли у него глаза, не

¹ См.: 1 Кор. 10, 13.

² Ср.: Мф. 11, 12.

стали ли светлыми, как пред смертью?» Тогда он, приподняв с моего плеча чуть-чуть голову, посмотрел на меня, обдав таким дивным, таким лучезарным взглядом своих тёмных глаз. А ручка его всё продолжала обнимать и сжимать меня. Не могу передать своего счастья! И подумалось мне – хоть бы всё спросить, пока он не ушёл. Это он по просьбе Батюшки ко мне пришёл. Вот и начала я задавать свои вопросы, но с большою нервностью, желая успеть всё спросить, ничего не забыв:

- Хорошо ли тебе?
- Очень хорошо, – последовал тихий, степенный ответ.
- В раю ли ты?
- Да, я в раю!
- С ангелами ли ты?
- Да, я с ангелами!
- Видел ли ты Бога?

Тут мгновенно мозг мой пронизала мысль: это самовнушение, он отвечает теми же словами. Вдруг слышу на мой вопрос, заданный в прошедшем времени, ответ:

– Я вижу Бога!

Нет слов передать звук этого голоса. Он выражал и безбрежную любовь, и безграничное поклонение, и восторг, и умиление. После паузы, точно подыскивая выражения, Боря продолжал:

– Я вижу свет! – и ещё через мгновение, явно подыскивая выражение для пояснения своих слов, он прибавил, – Это тонкое ощущение.

Восторг наполнил мою душу. Но надо торопиться, он сейчас уйдёт, он уже долго со мною находится. Что, напоследок, спросить? Вот и Лена кончает мыться. Да, вспомнила:

- Тебе было больно умирать?
- Мне было неприятно, – последовал его ответ и он исчез.

Я открыла глаза. Это он был, он! Он жив! Я чувствую его руку до сих пор...

* * *

Борина ручка продолжала обнимать меня, а дивный проникновенный голос всё повторял: «Я вижу Бога».

– Как вы себя чувствуете, Ваше сиятельство?

– Отлично! Мне кажется, что я вышла на свободу из ужасной тюрьмы!.. Ведь смерть есть величайшее событие в жизни человека, и люди давно бы погибли, если бы опирались только на свою догадливость и знание.

«Вместо острого жала...»

Этот день был поминальным по Боре, и мы пошли к обедне... Когда я слышала слова поминовения: «об упокоении отрока Бориса» – вместо острого жала, которое впивалось раньше в сердце, теперь сердце наполнялось радостью и счастьем. Я ощущала, что мой возлюбленный сын уехал в путешествие в дальнюю чудную страну. Да, пока я живу, я не увижу его на земле; радости этой не будет у меня. Но и бояться за него больше не стану. Он уже доехал до места назначения и находится в верной надёжной пристани, а нам всем предстоит длинное и долгое путешествие...

Как назвать то, что я видела и слышала? Это не сон; ведь я сохранила и полное сознание и все слуховые способности, но, вместе с тем, глаза мои были всё время закрыты, и я находилась в состоянии какого-то оцепенения.

– Это то, что в монастырях называют: «тонкий сон», во время которого можно получить видения, – называемый Симеоном Новым Богословом: «зрение». А как вы должны молиться за отца архимандрита Бенедикта: ведь Господь вас утешил по его старческому слову. Теперь вы поняли, что значит старец?..

* * *

Воистину, там, где начинается бесконечное, – законы конечного более неприменимы.

И знала я, что вся эта неземная пища дана мне и всем, кто будет окружать меня и встречаться на моём пути, про запас, пред годами голода, когда будем питаться роскошью этого пира, вновь переживая его только в воспоминаниях.

Русский мир без границ

Берега Варшавы

Барбара Кригер

Барбара Кригер – философ, культуролог. Выпускница Краковского Ягеллонского Университета, в прошлом научный сотрудник и преподаватель Академии наук и Института истории культур. С 1990 года активный деятель Славянского Движения, участница I-го Учредительного Всеславянского Собора. Автор более 90 работ в области славяноведения, экологии, охраны окружающей среды. Член Международной Кирилло-Мефодиевской академии славянского просвещения, член Международной Славянской Академии. „В своих философско-исторических выявлениях Б. Кригер исходит из препозиции славянства как целостного феномена исторического бытия и как потенциально действенного фактора человеческого процветания [...] исходная позиция её философско-исторического славяноведения: «Славянское мировоззрение основывается на целостном (холистическом) и многомерном восприятии с использованием и применением всех возможностей постижения одновременно чувствами, сердцем (философия сердца) и мыслью»” (Профессор Алексей З. Дмитровский).

Может ли славянская цивилизация быть универсальной?

Когда мы так охотно рассуждаем о будущем славянской цивилизации, а точнее, о славянской цивилизации как будущем, возникает вопрос: касается ли это только нас, славян?

В нынешнюю эпоху, которую можно назвать эрой планетаризации, мы должны ответить себе на этот вопрос. И для нас речь отнюдь не идёт только о глобализации в экономическом смысле, а о всеобщем росте сознания, что нас касаются все геофизические, климатические и, прежде всего, социальные проблемы, которые появляются в геосфере, магнитосфере и биосфере всей планеты. И только в таком масштабе эти проблемы могут быть успешно решены.

На протяжении последней четверти столетия неоднократно на многих конференциях и съездах говорилось об универсальных ценностях славянской цивилизации либо универсализме в славянской философии, подчёркивалось общечеловеческое значение цивилизации, созданной в границах Славянского мира, то есть о способе жизни этой общности.

В таком контексте особого внимания заслуживает русско-славянский космизм, который обозначил широкую космическую перспективу для любых решений, касающихся сути нашего существования и существования нашей планеты. Это в равной степени затрагивает нашу отдельно взятую судьбу, как и судьбу всего рода человеческого. И именно космизм как четко определённое направление в славянской философии эту космическую перспективу возвел до первостепенного, наиважнейшего принципа бытия.

«Судьба существа зависит от судьбы Вселенной» – это первый принцип космизма, сформулированный К. Э. Циолковским.

Разумеется, космизм не может ограничиваться только Славянским миром, а касается всех людей как части единого феномена в биосфере, каким является весь наш человеческий род, населяющий одну из многих планет нашего Космоса.

Таким образом, в философских размышлениях, и не только о будущем Славянского мира, мы не можем обойти нашу принадлежность ко всему человеческому роду, а также нашу ответственность за ту роль, которую мы выполняем в этой общности. А ведь издавна не только славянские мыслители предвидели важную роль цивилизации Славянского мира, но об этом писали также выдающиеся западные историософы, как Иоганн Г. Гердер и Освальд Шпенглер. Н. Данилевский уже в 1871 году

писал, что славяне «могут и должны сформировать свою самобытную цивилизацию». В то же время В.Ламанский в качестве мировой задачи России и славянства выводил освобождение человечества от ложного одностороннего развития и выведение из тупика, в который завёл его Запад.

История развития цивилизации показывает нам, что каждый последующий этап развития реализовался в конкретных формах на определённом пространстве земного шара, а затем оказывал влияние, то есть распространялся, на другие территории. Исследуя эволюцию цивилизации, мы можем достаточно чётко выделить одиннадцать существовавших до сих пор различных цивилизационных типов, и формирующийся в настоящее время двенадцатый. Детальным исследованием их занимается, в частности, универсология, которая является синтезом наук и представляет собой непрерывный процесс познания принципов и истин, объединяющих все области человеческих знаний. Наиболее выдающимся современным представителем универсологии является Виталий Поляков, автор многочисленных книг и основатель около 150 школ, базирующихся на принципах универсологии.

В рамках универсологии различают 12 цивилизационных формаций: урало-сибирскую, или гиперборейскую, Беловодье, монгольскую, японскую, китайскую, тибетскую, индийскую, вавилоно-ассирийскую, персидскую, греко-римскую, англо-саксонскую и, наконец, славянскую. Эта последняя рождается как синтез уже существующих культур всей планеты, последовательно вбирая в себя весь общечеловеческий опыт¹.

Эволюционный подход

В современном мире в настоящее время мы переживаем великий цивилизационный перелом. Цивилизационный центр тяжести смещается на Восток, вернее, описывает круг. Расширяется территория интегрированного сознания, включающего знания и духовные ценности Востока и Запада. Раскрывается их комплементарность и универсальность для всего человеческого рода как планетарного феномена, на наших глазах и с нашим участием создаётся интегральное мировоззрение.

Это историческая закономерность. Каждой новой эпохе, создававшей новую общественно-экономическую формацию, предшествовали принципиальные изменения в восприятии и понимании окружающего мира, иначе говоря, мировоззренческие изменения. В различные периоды доминировали сформировавшиеся и ставшие общепринятыми мировоззрения: ритуально-магическое, мифическое, религиозно-философское, рационалистическое (научное) и, наконец, постмодернистское (плюралистическое). Мировоззренческие изменения сопровождаются также глубокими изменениями способа и стиля мышления. Изменяются также основополагающие, «образцовые» принципы освоения реальности, то есть парадигмы познания: от анимизма через механистический материализм до развивающегося в настоящее время системизма.

Заслуживает внимания тот факт, что, как в минувшие эпохи, так и сейчас, формирование нового мировоззрения не приводит к устранению прежних доминирующих мировоззрений, а охватывает их, перерабатывает и вбирает. В сущности, в каждую эпоху живут носители всех сформировавшихся прежде мировоззрений. Поэтому мировоззренческое многообразие можно признать эволюционным фактом, с которым мы должны считаться и его принять. Но всё же наиболее важно, какое из ведущих мировоззрений доминирует и является решающим при определении направления и характера происходящих социальных, экономических и общекультурных перемен. Источником этих изменений, прежде всего, является рост сознания.

Мы можем попытаться сделать смелый вывод, что сформированные прежде эволюционные способы восприятия, методы познания и описания мира не должны быть отброшены, а скорее изучены и синтезированы, поскольку взаимно дополняют друг друга, раскрывая различные аспекты миропонимания. Но прежде всего, они указывают путь развития нашего человеческого сознания, которое по мере развития цивилизации всё более расширяет свои горизонты.

Возникает вопрос: на каком этапе мировоззренческого развития человечества мы находимся сейчас?

Как известно, мировоззрение определяет общие воззрения на мир, цели человеческих стремлений, стратегию нашего поведения. В эпоху великих перемен, в которой нам пришлось жить, пере-

¹ Поляков В.А. Универсология. Москва, 2004.

численные выше составляющие мировоззрения требуют переосмысления. Развитие естественных и многих других наук привело к огромному расширению знаний о мире. А развитие средств и технологий массовой информации сделало возможным их быстрое распространение. Цивилизационный кризис почти во всех областях жизни показывает нам, что прежние предпочтительные цели и стремления людей в обществе, основанном на материализме оказались не верны, они не соответствуют природе нашей действительности и противоречат нашей собственной натуре и её предназначению. В результате прежние применявшиеся и признанные стратегии поведения также оказались неэффективными.

Именно сейчас мы стали свидетелями всеобъемлющих перемен, но не только свидетелями, а также участниками и творцами этих изменений. Изменяется наша картина мира. Изменяются личные и общественные цели. А, следовательно, и стратегии поведения. Однако, прежде всего, изменяется наше мышление. Эти перемены, разумеется, происходят постепенно и мало-помалу охватывают всё больше и больше людей. Как утверждают исследователи проблемы (Дэвид Хокинс, Кен Уилбер, Анджей Верцинский) в настоящее время они охватывают приблизительно 5-8% всего населения планеты. Но это не такое уж плохое известие, поскольку, как показывают исторические исследования, до смены общественной формации может пройти в случае достижения нового уровня сознания, а, следовательно, нового мировоззрения, у 10% всего населения. Тогда оно становится ведущим и способствует формированию новой парадигмы.

Славянская цивилизация как синтез

Мы можем смело провозгласить тезис, что славянская цивилизация является для нас очень привлекательной концепцией, которая нам, современным людям, может помочь вновь обрести желанное чувство взаимосвязи с миром и возрождающее, полное надежды ощущение значимости нашей жизни.

Характерные для славянского мышления черты создают возможности для возникновения современного мировоззрения как альтернативы для нынешнего мировоззрения, углубляющего цивилизационный кризис. Особенно важным является то обстоятельство, что славянская философия и традиция создают пространство для диалога восточного мистицизма и западного рационализма, устраняя тем самым затруднительный конфликт между материализмом и идеализмом. Этот конфликт за последние десятилетия значительно обострился и стал серьёзной преградой в достижении гармонии общественной жизни.

Как предвидел Мирче Элиаде, именно в пространстве Славянского мира создаётся новый мировоззренческий синтез, охватывающий и объединяющий многомерность и многообразие жизненных аспектов. Возникает интегральное мировоззрение, которое не противопоставляет материальных и духовных измерений жизни, а указывает на их взаимодополняемость.

Таким образом, после почти сорокалетней постмодернистской неразберихи возникает новое, небывалое и очень привлекательное интегральное мировоззрение. В основе его возникновения лежит парадигма системизма, в котором главную роль играет понятие системы. Это понятие выводится из скрупулезных наблюдений за живыми организмами, также за социальными организмами. Системное мышление, свойственное славянской философской мысли, нашло свое отражение в категориях «целого», «целостности» и «всеединства», точно определяющих системный характер жизни. Идеал цельного познания т.е. познания как органического всеобъемлющего единства провозгласили Киреевски и Хомяков. Мышление в категориях «целостности» в настоящее время присутствует как в русско-славянском космизме, так и в традиционной обрядовости и её символике. Эти черты славянской традиции довольно детально представлены в рамках универсологии, которая охватывает как историческое культурное наследие, так и достижения современной науки.

В настоящее время мы вступаем в фазу интегрального мышления, которое является настоящим эволюционным скачком, возвещающим новый синтез в познании. Оно создает основу для развития именно интегрального мировоззрения. И только лишь его распространение завершится эпохальной переменой в виде новой общественно-экономической формации. Интегральное мышление включает в себя и интегрирует все выработанные прежде способы мышления, не изолируя интуиции, пережитых эмоций и способности чувствовать сердцем. Это даёт возможность охватить весь спектр по-

знавательных средств и использовать их для создания интегральной картины мира. "Только собрав в единое целое все свои духовные силы – чувственный опыт, рациональное мышление, эстетическую перцепцию, нравственный опыт и религиозное созерцание – человек начинает понимать истинное бытие мира и постигает сверхрациональные истины. Именно этот цельный опыт лежит в основе творческой деятельности многих русских мыслителей." (Н.О.Лосский)

Хорошей базой для такого типа мышления является славянский менталитет, подпитанный именно таким разноуровневым и разнородным типом познания и восприятия мира. О различии западного и славянского типов мышления ещё в первой половине прошлого столетия писал Николай Бердяев.

Англо-саксонский, западный цивилизационный тип принёс господство рационализма, что повлияло на распространение мышления, основанного главным образом на работе ума (интеллекта). Это стало причиной сосредоточенности на изучении материальных аспектов действительности и приуменьшило роль других, естественных способов освоения реальности, снижая их значение в жизни человека. Последствия такой тенденции мы ощущаем сегодня, поскольку так познаваемый мир выявил нам свои внешние, материалистические аспекты, а духовное измерение осталось закрытым, поскольку для его распознавания и прочувствования рационалистические методы недостаточны. Чтобы охватить многомерность действительности, необходимо задействовать всю систему постижения, а прежде всего, активизировать сочетание «ум-сердце».

В славянской культуре в восприятии сигналов из окружения преимущественно задействован не только разум, а главным образом сердце вместе со всеми эмоциями. Поэтому в русской и украинской философии появляется как ясно обозначенное направление «философия сердца» (Борис Вышеславец, Памфила Юркевич). Но самое интересное, что такой способ трактовки процессов восприятия мира был описан в современных работах Института сердца в Калифорнии, где были применены новейшие методы и техники исследований, применяющиеся сегодня в нейробиологии.

Значение духовного пути развития посредством «сведения ума в сердце», уже давно подчеркивалось в православии. А мотив сердца как центра постижения часто выступает в славянской поэзии и литературе. Современные знания о работе сердца из области нейробиологии полностью подтверждают эти отраженные в славянской культуре интуитивные предположения.

Значение общности

Упадническая западная культура характеризуется чрезмерным ростом персонализма и индивидуализма, в то время как для достижения социальной гармонии необходимо равновесие всех составляющих. Особенно это касается жизненных позиций слишком индивидуалистических при недостатке тех направленных на общее благо.

Жизнь в общности не может, однако, исходить из принуждения, а лишь из сознательного понимания своей собственной, естественной связи с общностью и принадлежности к общественному организму. Как крайне развитый персонализм и индивидуализм, так и чрезмерный культ массовости и бездумной принадлежности к группе в равной степени являются неестественными. Так как им не хватает гармонии между свободой и ответственностью за судьбы общности и окружающей среды. Принципиальным условием благополучия как личного, так и общественного является развитие сознания. А это не может произойти без личного желания и активного продвижения в направлении самопознания и совершенствования себя.

Понимание таких элементарных правил на давней территории Славянского мира нашло своё воплощение в таких общественных явлениях, как «собор», «соборность», «задруга», «община», «вече» и т.п. Это был оптимальный метод создания структуры общественного самоуправления. Основываясь на этой традиции, а прежде всего, на родовой традиции, научное и культурное сообщество – сотрудничающее более 15 лет в рамках ежегодных конференций в Минске – разработало идеологию МИРОВОГО ЛАДА НА РОДОВОЙ ОСНОВЕ, как противопоставление господствующей ныне идеологии хаоса. Это уникальная и целостная концепция, основанная на глубоком знании общества.

Взаимоотношения с природой и космосом

Русский космизм на рубеже XIX и XX века обращал внимание на опасный для человека и окружающей среды процесс отрыва цивилизации от природы и непонимание взаимосвязи с космосом. Эту проблематику позже подхватила экофилософия и экология, занимающиеся вопросами места и роли человека в природе, выдвигая требования охраны окружающей среды. Это привело к осознанию единства человека и природы, а также их взаимозависимости. Это было скорее припоминание себе истины, очевидной когда-то и ярко выраженной в славянской природной мистике, вдохновляющей литературу и другие области искусства.

В девятые годы прошлого столетия наступило возрождение славянской философии. Обратились к богатству идей, в особенности тех, которые предсказывали начало новой эпохи. По счастливому стечению обстоятельств философские интуитивные предположения подтвердила новая наука, выявив малоизвестные истины о сущности бытия и открывая космическую перспективу. Квантовая физика, астрофизика, космобиология и молекулярная биология обогатили и расширили нашу картину мира. Но прежде всего, углубились знания о человеке, о нашей природе и сложности человеческого организма, о нашем потенциале и возможностях развития, а также о нашем месте в природе и космосе.

Мы уже знаем, что являемся космическими существами. Нас породил Космос, и мы принадлежим Космосу. Мы созданы из того же самого вещества, что и Вселенная, и участвуем в эволюции Вселенной с самого начала существования в ней, независимо от того, осознаем мы это или нет. Наша природа является энергетической так же, как энергетической является природа всего, что нас окружает. Взгляд на человека как энергетическую структуру имеет уже давнюю традицию, также в славянской культуре и науке. Современные знания в области физики полностью подтверждают, что действительно мы существуем, прежде всего, как энергетическая структура, включённая в энергомагнитное поле Космоса. Более того, уже известно, что все процессы, связанные с изменениями, начинаются в нашем энергетическом теле, а затем проявляются в теле физическом. Процесс нашей личной интеграции происходит путем активизации связи с биосферой через сердце. Впервые в официальной науке говорится о сердце не в метафизическом смысле, а как о центре управления, главном органе восприятия, тесно связанным с мозгом и всегда взаимодействующим с ним.

Как космические существа, мы не являемся какими-то живущими изолированно созданиями, которые могут руководствоваться произвольно выбранными для себя принципами. Мы включены в поле, имеющее резонансный характер, мы являемся его частью и одновременно центром, который это поле может изменять своими свойствами и сознательными действиями. А это приводит к тому, что мы являемся не только созданиями, но и одними из создателей Космоса.

Необходимо подчеркнуть, что при эволюционном и целостном подходе, мы понимаем, что развитие происходит путем расширения и обогащения прежних структур, а не их устранения. Поэтому исходным пунктом современной славянской цивилизации является исторически развитое славянское самосознание и идентификация, основанные именно на универсальных ценностях.

1. Бабурин С. Возвращение русского консерватизма. Москва 2012
2. Загоров О. Славянская духовность европейской мечты. София 2013
3. Кригер Б. Свет славянский. Варшава 2011
4. Платонов О. Русская цивилизация. Москва 1995
5. Поляков В. Универсология. Москва 2004
6. Трубачев О. В поисках единства. Москва 2005
7. Циолковский К. Очерки о Вселенной. Калуга 2001
8. Чижевский А. Космический пульс жизни. Москва 1995

Русский мир без границ

Рижские берега

Татьяна Житкова

Поэт, публицист, переводчик. Автор трёх поэтических сборников. Публикуется в журналах, антологиях, альманахах, в международных изданиях, как на русском, так и на иностранных языках. Член Славянской литературной и художественной академии, Союза писателей России, президент Международной ассоциации писателей, главный редактор журнала «Настоящее время».

ОГОНЬ

Златокудрый огонь
В полутёмном саду
На весёлых поленьях
Разучивал танец.
И горела ладонь,
И цветы на ветру
Зажигали свой свет
На вечернем экране.

Он закручивал стан,
Он кивал и кружил,
Граня новую форму
В борьбе синусоид,
Уходящих в ничто,
В никуда, в миражи,
В восходящую сферу
Божественных строк.

Я смотрю на огонь
И в его письменах
Всё пытаюсь открыть
Заповедное слово...
Но спускается ночь
И бледнеет очаг,
Увлекая во тьму
Золотые узоры.

* * *

Не спрашивай меня,
Как пишутся стихи,
Как льётся их мотив
Из дальнего пространства.
Я только пианист,
Слова мои легки,
Когда бегут они
Из-под озябших пальцев.

Я только музыкант.
Над таинством строки,
Едва услышав звук,
Настраиваю лиру
И ритм её, и такт,
И свет из-под руки,
И радость волшебства
Незримого эфира.

Струна моя – душа –
Чуть слышно зазвонит
И будет снова пир,
И будет ночь в изгнание,
И будет воздух свеж,
И будет чист мой лист,
Когда придёт твой зов,
Стихов моих создатель...

* * *

В дремотное окно,
Под тусклый свет луны,
Явились тени,
Спины изогнули –
То, может, старый сад
С тревожностью листы
Безвольной серой мглы
В мои глаза плеснули.

Всё так и всё не так.
Потерян красок мир,
Изящество цветка
Запрятано под спудом
Смятенной немоты,
Безликой темноты
В невнятности границ
Хрустального сосуда.

Слетел с картины звук,
Упала в ночь звезда,
И строгих ликов свет
Коснулся глаз усталых.
Неяркий полукруг
Над плоскостью холста
Неведомая кисть,
Смеясь, дорисовала.

Уснуть. Скорей уснуть!
От лунных странных стен,
От влажных этажей
Томящегося дома
Скользнуть, как тонкий луч,
Меж этим сном и тем,
Где точность рубежей
Разделит духов сонмы.

Я ЧИТАЮ...

Я читаю книгу ветра
На оранжевом закате,
Я читаю книгу моря
В бирюзовости волны,
Я читаю книгу солнца
На скалистом перекате,
Раскрываю свиток древний
У таинственной горы.

В свитке – войны и дороги,
Океаны и моря.
В свитке – горе, слёзы, боги
От чужого алтаря.
В свитке парус, в свитке – ножны
И учёный, и творец.
В свитке – слава и художник,
Циркуль, череп и ларец.

Всё вместил и всё сокрыл он,
Будто в сказке о былом.
Только море серебрилось,
Только вечер бил крылом,
Только мачты зажигали
Разноцветные огни...
Тихо звёзды засыпали
Над Испанией в те дни

* * *

Он меня отведёт в пустыню,
К раскалённым её пескам,
Где от жажды все жилы стынут,
Где стук сердца прильёт к ушам.

Там, пронзая мои потоки,
Прожигая тоску и тлен,
Пробивают другие токи,
Поднимают меня с колен.

Я в пустыне живу безлюдной,
Безголосой и вневременной,
Как же стать мне Твоим сосудом,
И кого напоить водой?

Кто захочет прийти напиться
Из источника Твоего?
Тишина на сто вёрст струится,
Исчезает во тьме веков.

Где-то солнцем согреты травы
И открыт горизонт грозе.
Не отринь меня, Боже правый,
Дай пройти по Твоей стезе.

* * *

Я вышла из дома.
И путь был опять одиноч.
И капли заката стекали
На нить окоёма.
Всё выше и выше,
Всё дальше иду на Восток,
И прошлая жизнь показалась
Совсем не моей, незнакомой.
Что там, впереди?
Не загадывай всё наперёд,
Лишь только прильни
К роднику у заветного камня,
И горстью воды
Оживив пересохнувший рот,
Услышь тишину
И нехитрый мотив, стародавний.
И став жёлто-красной,
Взлетит над горою заря,
Сплетаясь в клубок
И бросая лучи по карнизам.
Отвесные скалы лоснятся
И падают брызги
Седых водопадов
На почвы цветов янтаря.
Я вышла из дома,
Из тёплых, привычных мне стен,
Где каждый мотив
Убаюкивал звёздную память
И маятник бронзовый
Тускло поблёскивал гранью,
И стрелки часов
Удлиняли невидимый плен...

* * *

Душа взлетела, крыльями обняв
Частицу света, Существо иное,
Что льёт лучи, склонившись над тобою,
Незримым солнцем в зримой жизни став.

И не сжигает, не разъемлет плоть,
Тончайшей тканью обвивая нервы.
Кто был вторым, тот завтра станет первым –
Уйти с Земли и Там родиться вновь.

«Войди в Мой Дом, – промолвит Существо, –
Возьми, что есть – пространство, время, космос –
И будь творцом, читай по рунам звёздным,
Как претворить земное естество.

Когда твой взор пронзит мираж глубин,
Когда твой разум успокоит воля,
Когда твой дух – непобедимый воин –
Пребудет со Вселенною един, –

Зальётся сердце волнами огня,
Цветами радуг засверкают центры
И ты поймёшь – лишь только то бесценно,
Что беспредельно в тайне бытия».

* * *

Я заблудилась в жаркой той Москве
И на мосту стояла Патриаршем.
И солнце било метко, колко, страшно
По людям, водам, зданьям и листве.

И в этом буйстве света и огня
Вдруг чей-то Лик возшёл над колокольной,
И стало вмиг легко в Первопрестольной
И на Руси, и в сердце у меня.

Я долго шла, теряя счёт страниц
Каких-то улиц, удушавших зноем...
И только в храмах каменно-спокойных
Дышала жизнь и возносилась ввысь.

ЛЕТО

Исцеляло утро светом,
Утомлял и нежил полдень,
Вечер в узелок заветный
Лучик солнечный продёрнул.
Воздух пах стихами, мятой,
Грезил тучкой громовою.
А по горочке покатою
Кони двинулись в ночное.

* * *

Я сегодня не сплю, мне не спится опять,
Будто кто-то закрыл в небо двери.
Я устала смотреть и устала читать,
Как над морем рассветы горели.

Что сломалось во мне, что свернуло мой сон
И упрятало в тайные клады?
А лучи – по стене, чьи-то фары – в окно,
Снова ночь, я не сплю, мне не надо...

Я стихам постелю у порога постель
И налью им вишнёвого сока.
И качается звёздная их колыбель
Так далёко, далёко, далёко...

Нам не спится. Планшет притаился в руке –
Запиши, загадай на прощанье,
Чтоб до завтра, до ночи текли по строке
Легкокрылые сны мироздания.

Чтоб ступени вились до седых облаков,
Чтоб на них проявились страницы
Ненаписанных книг, недосказанных слов,
Неразгаданных вех вереницы.

* * *

Дети Вселенной!

Вы закрылись в своём планетном домике.
Изрыли Землю окопами.
Задёрнули шторы границ.
Захлопнули ставни национальности.

От перетряхивания старого тряпья
Призрачной собственности
Потухли огни ваших сердец,
Заиндевела окна глаз
И крики о помощи не достигают ваших ушей.

Проснитесь!

Светлая радость поёт вам песню утра.
Мудрая радость сплетает венок труда.
Тихая радость взлетает над сенью ночи.

Пойте!

Крылья растут от мыслей добра.
Счастье идёт от мыслей света.
Мудрость сияет от чистой молитвы.

Знайте!

* * *

Мы танцуем у края,
Там, где дышат вулканы.
Из подземного ада
Извергается магмой
Боль – накалом в полмира,
Стон – накалом в полсвета,
Это корчится в муках
Наша мать-планета.

Мы её погубили
Воем тысяч снарядов.
Мы её не любили –
Только ранили взглядом,
Чёрной мучили думой,
Поливали злым зельем,
Отравляли и ядом,
И тяжёлым похмельем.

И гадать – не гадали,
И подумать не смели,
Что планета – живая,
И под видимой твердью
Бьётся сердце земное,
Льются слёзы, как реки,
Осаждаясь в кристаллах
Цветной круговертью.

Гонит атомным ветром,
Расширяется кругом
Вал стихийных набегов,
Мечь затравленных духов.
И цунами – стеною,
И расщелины – дрожью.
Мы танцуем у края
И поём у подножья.

* * *

Между чёрным и белым,
Между небом и адом
Наши души и нервы,
Как в дыму канонады.

Бег за счастьем – не слышен,
Бег за смыслом – не виден,
Может, кто-то и выжил,
Но остался невидим.

Между чёрным и белым,
Между небом и адом
Мы живём и не верим
В то, что верить так надо.

Наши души – в полёте,
Наши нервы – в разрыве.
Мы забыли: на взлёте
Нам пророчили крылья.

Нам сказали: вы – боги,
Оказалось – не люди.
Так малы и убоги
Наши мысли и судьбы...

Наши мысли – снаряды,
Наши судьбы – страданье,
Мы изгоями стали
На краю мироздания...

* * *

В ласковых сумерках чувств,
В мороке злых страстей
Дом сокровенный пуст,
Сердце ещё пустей.

В небе течёт рекой
Звёздное молоко –
Вот бы достать рукой,
Вот бы вздохнуть легко,

Вот бы навек стряхнуть
Тяжесть земных надежд,
Не утратить свой путь
Средь торжества невежд.

Вот бы откинуть вниз,
Сквозь паутину уз,
Образ недобрых лиц,
Шёпот лукавых уст...

* * *

Моя душа летала где-то здесь,
Ещё металась гонимая по следу,
Снег заметал замёрзшую карету
И горе поднималось до небес.

Листала ночь листы календаря,
Сжималось время всё тесней и жёстче,
Но сквозь метель сияли Божьи Очи,
С небесного зывали алтаря.

Вновь вышел срок и Ангел вострубил,
Последний Ангел, долго ждавший чуда...
Но где Герой, там жди всегда Иуду,
За ним – костёр или мороз могил...

* * *

Я по ветрам узнаю, как
Грустишь вдали ты в этот вечер.
Я по звезде увижу знак
Обетованной нашей встречи.

Я по волнам пойму язык
Лишь мне доверенного чувства.
Как прост и вечен, и велик
Словарь природного искусства.

* * *

Нежным веером сон овеивает мечты,
Тонким запахом фрезий колышет пространство.
И спешит фаэтон по дорогам судьбы,
Оставляя поэзии в ней проявляться.

Поворот, поворот, взлёт, падение, бой –
Так дорога трудна и опасны провалы,
Ну а слышим поэзии голос живой –
И война не страшна, не страшны перевалы.

Что-то есть в красоте тех написанных слов,
Что-то в мудрости есть – без прикрас и убранства.
И смягчает сердца, и пророчит любовь,
На Земле только ей можем мы покоряться.

Смоют капли дождя тень страданья из глаз,
И жара унесёт споры те огневые.
И поэзия крылья расправит и нас
Увлечёт за собой на вершины благие.

* * *

Так медленно течёт река –
Как будто жизнь в её начале,
И также кучны облака,
И также горестны печали.

К тебе прильну легко-легко
И так усну на кромке ночи.
И тихо светится окно,
И счастье уходить не хочет.

* * *

Таинственно и несказанно тихо
Нисходит во спасенье Рождество.
А где-то рядом взорвалась шутиха
И поразила это волшебство.

Так взрыв печален, он прервал молитву,
Она лилась, как песня, словно мёд.
И таял оковавший душу лёд,
И на одну лишь звало сердце битву:

За свет, который даровал Христос,
За ту любовь, что раздавал без меры,
За радость мира и за слово веры,
За горный путь, в который нас вознёс.

* * *

Ночь темна, и неярк свет.
Жизнь как ночь, мы идём в потёмках.
Где-то брезжит Твой силуэт,
Впереди, за границей тонкой.
Там, где шелест полей затих,
Там, где мысли полёт бескраен,
Ты Один средь времён седых –
Основания вечный камень.

* * *

Я смотрела сквозь жизнь, сквозь мир,
Сквозь крутой лабиринт квартир,
Сквозь окопы и города,
Сквозь ракеты и горы льда,
Я смотрела в двадцатый век –
Как же выжил ты, человек?

Русский мир без границ

Латгальские берега

Пётр Антропов

Автор пяти поэтических книг. Родился и вырос в Латгалии (так называется восточная часть Латвии) в семье русских староверов, которые бежали сюда из России три века назад после раскола в Русской православной церкви.

Стихи писать начал рано под влиянием творчества Сергея Есенина. Правда, больше времени отдавал журналистике. В начале девяностых годов был собственным корреспондентом газеты «Экономика и жизнь» в Прибалтике и Калининградской области.

Публиковался в международных сборниках «Академия поэзии», «Планета поэтов», «Славянские колокола», «Словоприношение» и других. Его стихи переведены на английский, болгарский, латышский, латгальский, польский, японский и другие языки.

Лауреат Всемирного поэтического марафона, награждён золотой Есенинской медалью и медалью Валентина Пикуля. Член-корреспондент Академии поэзии России, вице-президент Международной ассоциации писателей и член СП России. Живет в Риге и преподаёт в Балтийской Международной академии.

ЗВЕНЯТ В ДУШЕ ЛАТГАЛЬСКИЕ МОТИВЫ...

Звенят в душе латгальские мотивы
И песни старых деревень,
Где удивительно красивы
И Рождество, и Янов день.
А говорок чарующий латгальский,
Как прежде, за душу берёт,
И образ новой Бениславской*
Опять в Латгалию зовёт...
Там всё особое, родное –
Изба и пруд, жасминовый забор
И поле васильковое, ржаное,
Где земляникой пахнет косогор.
Как будто вновь я бегаю мальчишкой
И жадно пью из жбана молоко,
А по ночам тайком читаю книжки,
Что увели из той деревни далеко.
И вот я снова собираюсь
Опять в места, похожие на Русь,
И вам с надеждою признаюсь,
Что я ещё в Латгалию вернусь...

* Галина Бениславская, верная подруга С. Есенина, свою юность провела в Латгалии.

Я ПРОСТОЙ ПОДОРОЖНИК

Я простой подорожник.
Рос в латгальской пыли.
Меня мяли колёса,
И хлестали дожди.
Высоко не поднялся
И красиво не цвёл.
Но зато не зазнался,
И людей не подвёл.
И свой крест я не бросил,
Не сбежал под откос
И целебные росы
Вам до сердца донёс.
Я увяну безвестно,
Словно вовсе не жил...
Только помните честно:
Я стихами
Вам души лечил.

ДАЛЕКО ОТ РЯЗАНИ ЛАТГАЛИЯ

Далеко от Рязани Латгалия
И озёра здесь вместо Оки,
Но и здесь про Есенина знали
С давних пор в деревнях мужики.
Рассуждали:

«Ну, знамо, он нашенский,
Староверских рязанских кровей...»,
Вспоминали про барыню Кашину,
Что была Бениславской нежней.
Те легенды давно позабылись,
И ушли в другой мир старики,
Но в душе навсегда сохранились
Те сошедшие с неба стихи.
Я писал,
И приблизиться пробовал,
Я хотел на него походить
И любить этот мир по-особому,
По-есенински верить и жить.
Только жизнь
По-другому сложилась,
Я её по-другому сложил,
И другие стихи
У меня получились,
И не так я, наверно, любил...
Мне уже не прославить Латгалию,
Не воспеть её чудную рожь,
Но хочу,
Чтоб Есенина знала
И в Латгалии молодежь...

СЕГОДНЯ СНОВА СОЛНЕЧНО В ЛАТГАЛИИ

Сегодня снова солнечно в Латгалии
Ромашки тянут к небу лепестки,
Цветущий лён
Сгорают синим пламенем
И свежим сеном пахнет у реки.
Мне вновь в душе
Былое вспоминается –
Не только рожь, ромашки, васильки,
А как мозоли кровью наливались
На том покосе
Утром у реки.
И было мне тогда не до романтики –
Нужда мальчика сгибала до земли,
А кто-то дёргал девочек за бантики,
И уходили в космос корабли.
И ты прости,
Любимая Латгалия,
Что я за долей лучшею сбежал,
И не мои труды тебя прославили,
И не тебе я лучшее отдал.
Теперь я здесь,
Как будто гость непрошенный,
Перед тобой сгибаюсь до земли,
Прости,
Что луг останется нескошенным,
И не по мне
Увянут васильки.

ВЕЗЁТ ЛАТГАЛИИ НА ЖЕНЩИН

Везёт Латгалии на женщин,
Что на себе Латгалию везут.
Они достойны почестей не меньше,
Чем та, что Марой* бронзовой зовут.
Они тихи и с виду неприметны,
Но приглядишься душой, –
Какая статья,
Как много в них величия и света,
Что в королевы можно записать.
Но только жизнь у них
Совсем другая,
Не королев, а Золушек судьба,
Которые здесь отдыха не знают
И принцев не встречали никогда.
Но всё равно – они везут и тянут,
В делах, трудах
С утра и до зари
И никогда, я верю, не устанут
Читать своим детишкам буквари.
Они не только почестей достойны,
Достойны лучшей жизни и судьбы,
Чтоб мужики не делали им больно,
Хотя бы пол-Латгалии везли.
Я их, наверно, тоже не достоин,
Поскольку сам сбежал из этих мест,
Но за судьбу Латгалии спокоен,
Пока над ней
Живые мары держат крест.

ГОРДИМСЯ ТОБОЙ, МОСКВИНО

*Татьяне Колосовой, которая
открыла для мира деревню
Москвино*

Уж три века гордится собой деревенька,
Что её староверы зовут Москвино** –
То ли к славе московской великой ступенька,
То ль в историю предков московских окно...

Знать и раньше им снилась Московия
И российский безмерный простор,
Что забылись гоненья московские,
И названье связали с Москвой не в укор...

А потом подружились с Латгалией,
В ней увидели свет и судьбу
И о лучшем здесь часто мечтали
У Фейманки на мягком лугу...

* Мара, небесная покровительница Латгалии, в латгальском городе Резекне ей установлен бронзовый памятник.

** Староверская деревня в Латгалии на реке Фейманка.

И прижились здесь внуки Ивановы,
Им любить этот край суждено,
Открывать его прошлое заново
И гордиться тобой, Москвино....

Я КРЕЩЁН СТАРОВЕРОМ

В старом храме
Латгальского края
На рассвете осеннего дня
Мне досталась вера такая –
Старовером крестили меня –
Вместе с ней –
И судьба старовера,
И характер упрямый такой,
И поступкам –
Суровая мера,
И надежда на вечный покой.
Я её растерял по дорогам
И детей в другой церкви крестил,
А теперь признаюсь перед Богом –
Мало верил и много грешил,
Всё спешил этот мир переделать,
Осчастливить людей и себя,
А теперь –
Даже жить расхотелось...
Но как жить,
Этот мир не любя?
Как мне к вере своей
Прислониться,
На неё опереться,
Как в детстве, душой?
Пусть мне нынче хотя бы
Приснится
Старый храм
Над латгальской горой.

СНЕЖИНКИ ЛЮБВИ

Заметают года в моей памяти лица,
Как метель по земле замечает следы.
И всё реже мне юность латгальская снится,
И уже нету сил убежать от судьбы.

Белый снег, как повязка, ложится
На уставшие раны озябшей души,
И в безмолвии белом кружится,
Словно пепел сгоревшей любви.

А земля в белоснежной фате хорошеет,
Хоть невестой на свадьбу зови...
Только снег белизной моё сердце не греет,
Только нету снежинок любви.

МНЕ СНИТСЯ СТАСЬКА БАЛАБОС

Мне повезло в Латгалию влюбиться,
Но до любви ответной не дорос
И не пойму, зачем полвека снится
Простой латгалец Стаська Балабос*.
Особой долей не был он отмечен
И даже трав, как Дукшт,** не собирал,
Зато с утра до самой поздней ночи
Он над землей спины не разгибал.
Всю жизнь свою молчком пахал и сеял,
Упрямо с поля камни убирал,
Что Бог поможет по-мужицки верил
И счастья за границей не искал.
Но что-то в нём особенное было,
То, до чего не смог я дорасти:
В его руках огромнейшая сила –
Он не давал земле латгальской зарастить...

НАМ ДОРОГА ЛАТГАЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ

Нам дорогА до слёз латгальская земля,
Она для нас почти родная –
Сюда бежали староверы от царя,
Детей и веру сберегая...

Никто тогда нас оккупантами не звал
За наш язык не упрекали.
Никто молиться Богу в храмах не мешал,
Нас земляками называли.

Теперь на русичей гонения опять,
Не тот язык употребляем.
Мол, можем в трудный час и недругами стать,
Корней своих не вырываем.

И что теперь? На Запад дальше убежать?
Искать защитников в Брюсселе?
На небе нас и предки могут не понять,
Они и большее терпели...

Нам в трудный час нельзя Латгалию бросать
И приближать ей увяданье.
Наш долг её, как встарь, от бед оберегать,
И это – Божье испытанье.

* Мой сосед по деревне.

** Латгальский собиратель целебных трав.

Русский мир без границ

Берега Алматы

Станислав Ли

Станислав Ли родился в Целинограде в 1959 году. Окончил Алма-Атинский технологический институт. Поэт, художник, переводчик. Автор нескольких поэтических сборников. Стихи включены в антологию «Современное русское зарубежье» (М., 2002). Переводит древнюю, средневековую и современную корейскую поэзию, в частности, в его переводах (совместно с И Ын Кён) вышли избранные стихи современного корейского поэта Ко Ына [2010] и «Антология корейской классической поэзии» (совместно с Ким Хён Тхэк) [2013] в издательстве «Художественная литература». Участник Всемирного фестиваля поэзии (Сеул, 2005). Стихи переводились на корейский и английский языки. Победитель Московского международного фестиваля «Золотое перо», лауреат премии «Ариран».

Участник коллективных республиканских выставок, в том числе Международной в г. Кванджу с художниками из Англии, Японии и Республики Корея. Персональная выставка в галерее «Вояджер» в 2002 «Дзэнские акварели». Работы находятся в музее эмиграции г. Инчон Республики Корея и в частных коллекциях граждан Японии, США, Южной Корея и других стран. Живет в Алматы.

* * *

В пять лет,
Бабушка носила
Меня на спине,
Её плечи помнят
Моё детство...

* * *

Светлым шёлком
на ветках струится –
солнечный свет!..

* * *

– Дерево стоит
Далеко от Воды, –
Только это и сказал
Матери гадальщик,
Мельком глянув
На книгу свою,
О моей первой
Любви...

* * *

Далеко до рассвета,
но птицы запели в тиши
и сердце забилось!..

* * *

Мальчик полей...
Так в детстве
Меня называли.
Наигравшись вдоволь один,
Сладко я, засыпал в шалаше,
Мама рядом,
На грядках полола траву.
А по кромке поля
Камыши шелестели легко,
Убаюкивая меня.

Камышинок напев
Колыбельный...
Неужели со мной это было?
Неужели вся жизнь –
Это сон наяву?

* * *

На интересную новость
Старик Чон
Реагировал односложно:
– Но! – Воскликнул он
И умолкал.
И всё же порой
Так хочется снова
Его услышать!

К снежным вершинам

* * *

В ущелье, где эхо
Откликалось на голос,
Я вернулся, тихо,
Позвать своё
детство...

* * *

Синеют снега,
закат на горизонте —
ярко-красный...

* * *

Не потому весну
весной зову,
что отошли снега
и горы завернулись
в светло-зелёные шелка,
что расцвели цветы,
и бабочки кружатся,
а потому что ты
приснилась мне,
как в прошлый раз,
примерно в это
время года!..

* * *

Уходит апрель,
акварельный за горы,
за алый рассвет
облаками вдали,
я с грустью
тебя провожаю,
не в силах сказать, -
подожди...

* * *

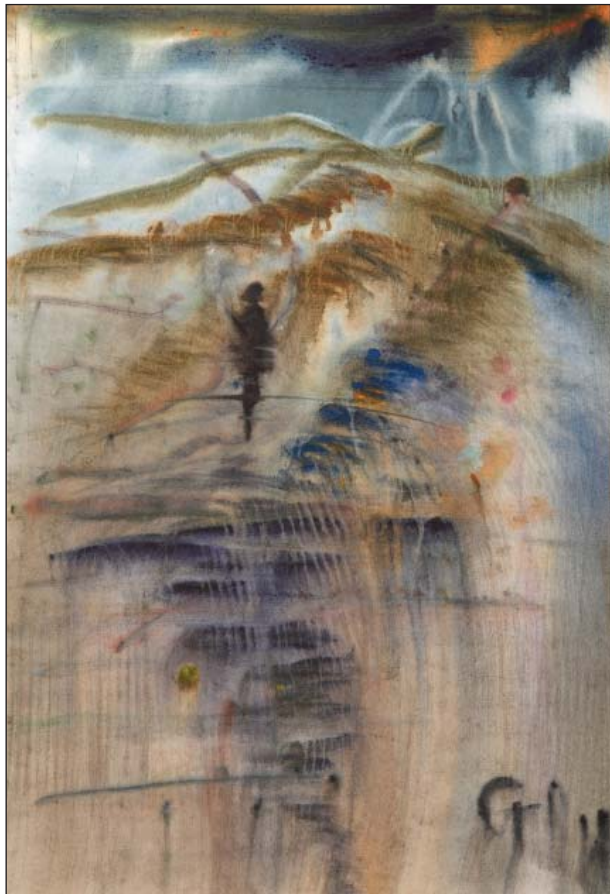
Летней ночью,
в богом забытом краю,
дети одной деревни,
на нагретом асфальте
единственной дороги,
лежат и смотрят на звёзды.
— а, за звездами что?
Звёзды!
А за ними?
Звёзды...
А, бог он кто?
Он всё знает, видит и слышит!
Лунный свет осветляет их лица,
на всю звёздную ширь,
бога улыбка...

Небесная зима

Тишина

Одиночество во вселенной

в сером порохе
дымчатого неба,
солнце, словно опал!..

Балки навеса
согнулись под снегом...
эй, воробышек, не садись!

Золотой улиткой,
солнце вползает в чрево
ночного кита...

В медленном танце
вскинула длинный рукав,
танцовщица!

Критика

Лидия Довыденко

Лидия Владимировна Довыденко – прозаик, публицист, краевед, член Союза писателей России, член Союза журналистов России, кандидат философских наук, главный редактор художественно-публицистического журнала «Берега», автор 19 художественных, историко-краеведческих, публицистических книг, ряда телевизионных фильмов. Победитель в конкурсе журналистского мастерства «Слава России», лауреат литературной премии «Щит и меч Отечества», первое место в номинации «Познавая союзное государство» конкурса журналистских работ «Беларусь-Россия. Шаг в будущее». Диплом и нагрудный знак «Трудовая доблесть России» – «За труд во славу России», медаль имени поэта Николая Рубцова, Золотая медаль в конкурсе СМИ Патриот России – 2017, медаль «За труды в просвещении, культуре, искусстве и литературе» -2017, лауреат сайта Росписатель -2017.

Метафизика Александра Проханова

С 90-х годов прошлого века каждый из нас сталкивается с вещами, которые сложно объяснить с научной, философской, исторической, метафизической точки зрения, несмотря на то, что уже свыше четверти века историки, политики, философы, учёные пытаются объяснить нам, что случилось с нами и страной. Мало кто прислушивается к писателям, или слишком много тех, кто не хотел бы, чтобы к ним прислушались, рекламными поделками и литературными пустышками, заслоняя попытки понять себя и окружающий мир.

Даже такому богатырю, витязю современной русской прозы, как Александр Андреевич Проханов, навешивают ярлыки, совершенно не подходящие характеристики, которые часто звучат при упоминании о нём: «соловей Генштаба», «политрук литературы» – слишком узкие определения для масштабной фигуры писателя-державника. Его творчество – это русский синтез, это актуальная традиция и философия русских космистов, вынужденная прорываться через планктон рыночников, чтобы напомнить или объяснить высшее предназначение человека.

Как в своих статьях, так и в прозе, Проханов стал выразителем берегающих русский народ идеологий, мощных тенденций, которые врагам России слишком опасны, чтобы они оставались равнодушными и не впрыскивали в общественное сознание ядовитые замечания в адрес представителя могучего народа. В его недрах родилась философия, ставящая вопрос о смысле жизни человека. В то время, как Германия направила на Россию пушки, в 1915 году, русский философ князь Евгений Трубецкой поднимает этот вопрос «в дни обнажения мирового зла и бессмыслицы». Александр Проханов стоит на плечах русских космистов. Он один из немногих, кто через своё творчество пытается найти обоснования нашей духовной жизни, нашего смысла существования, открыть нам брезжащий свет завтрашнего дня, который искали русские философы. Они будили в нас чувство «нравственной тошноты» от пошлости, слепой и хаотичной жизни, предупреждали, что хищническая культура может быть злой и опасной, противопоставляли биологической жизни этическое начало.

Александр Проханов в своём творчестве наследует нашу могучую литературу, и его творчество перекликается с пушкинскими молитвами:

Владыко дней моих! Дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.

Любоначалие – этот страшный недуг потрясает общество: властность, деспотизм, самовластие, властолюбие, чувство превосходства обманом и хищением разбогатевших людей над теми, кто не желает обогащения любой ценой. «Сокрытая змея» кусает нас со страниц газет и с телевизионных экранов, в судах, в «единых окнах» муниципалитетов.

И потому я всегда жду нового романа Проханова, который нам даёт каждый раз провисающий на всевозможных ток-шоу и телевизионных баталиях ответ на вопрос: как же произошло, что мы такие светоносные, полные святого энтузиазма, несущие человечеству величие и благородство, всегда готовые на помощь, к самопожертвованию для других, вдруг в одночасье сдались, шагая «в едином строю», перед неким окриком: «Разойдись!» Разошлись по своим углам и никак не соберёмся, забыв, что мы строили светлый рай на земле, что мы боролись с материальным порабощением человека, что мы видели жизненную правду в противостоянии звериному и низменному в человеке. И вся планета это знала и уважала нас.

«В дни обнажения мирового зла и бессмыслицы» доктрина Александра Проханова оповестила мир «о великом братании и примирении «красных» и «белых», государственников красной и белой империй, которые должны прекратить вековую вражду перед лицом жестоких напастей», во имя новой, возрожденной России, огромной империи, насыщающей мир мощными, светлыми, духоносными вибрациями.

Действие романа Александра Проханова «Гость» //Берега, №№ 1–2, 2018, – происходит, на первый взгляд, в условиях некой «неопределённости во всём, навязываемой русофобской средой, где отсутствуют критерии нормы, куда привнесены западные двойные стандарты, провокационность, издевательства над «святыми обетами» – очередным моральным мировым потоком. Но поверх беснования нечисти тайными кодами вливается в кровь имперской России, всплывающей из тёмных вод распада, разложения, «торжество пасхальной литургии, мистерия воскресения», мистический повтор Россией судьбы Христа.

Роман «Гость» начинается с описания бесовщины, то есть экономического форума, который продолжился банкетом банкиров. Шёл разговор о замках, яхтах, инвестициях, процентных ставках, слияниях корпораций. Шутили над премьер-министром: «Вакуум мысли», – отмечали прекрасную форму президента: «Власть – не часы, которые нужно менять». Художественное описание того, что происходит в России, писатель часто дополняет публицистикой. Уже о реальном, недавно закончившемся Гайдаровском форуме он написал: «Теперь эта философия винеров и лузеров реализуется в трагическом и неизбежном конфликте, когда элита, вскормлённая народом, его потом и кровью, производит на свет не Пушкина, не Чайковского и Мусоргского, а банки-изменники, ублюдочные театры, философию распада и осквернения» – http://zavtra.ru/blogs/zagovor_bankirov.

Вернёмся к художественному повествованию – роману «Гость». Автор характеризует главного героя, как «блистательного фантазёра и мага», который своими выдумками, экстравагантными поступками создаёт у зрителей переживания, разрушающие обыденные представления, вызывающие изумление, а порой – шок. Этот вид искусства называется перформанс. По описанию Аркадий Веронов, главный герой романа, очень напоминает известного ведущего политического ток-шоу: «лет пятидесяти, но молодежав, в тёмном, застёгнутом на все пуговицы сюртуке, напоминающем френч». Узнаваема его усмешка, которая «относилась к шумному многолюдью зала, мужским бокалам и женским бриллиантам, а также к самому себе, к своему полувоенному френчу, серебряной цепи, кругу света, в который он встал, как цирковой артист», и начал говорить то, что хотели от него услышать: «...современное российское общество делится на “победителей”, и “лузеров” – “проигравших”, выброшенных из истории. “Винеры” – это самые деятельные, способные, авангардные люди России, которые заняли лидирующие места в стране и ведут её к процветанию. Они получили во владения заводы, рудники, корпорации, а вместе с этим и русские реки, леса, океанские побережья. Распоряжаются они всем этим в интересах не только России, но и всего человечества. “Лузеры” – это лохмотья истории, лишённые воли, талантов. То сырьё, из которого едва ли можно создать полноценный человеческий материал. Они брюзжат, ропщут, пьют водку, живут в своих зловонных подъездах, устраивают поножовщину и раз в году, в годовщину Октябрьского переворота, проходят по Москве в колонне под красными флагами, развлекая своим видом иностранных туристов, – жалкое подобие бразильского карнавала».

Писатель продуманно раскрывает низость и продажность подобных «артистов», получающих каждый раз за свои провокационные выпады по два миллиона долларов на свой банковский счёт от западно-европейских «добродетелей». Главный герой романа живёт один, свою любовь, дружбу в молодые годы он предал, он не способен на чувство любви; только неприязнь, для которой он находит почву и возвращает ненависть: «...к нарциссу Цесерскому, изнурённому старческим эротизмом. К извращенке Воронежской, решившей перейти из одного народа в другой. К салонному революционеру Кавалерову, чья имитация воспета модными французскими журналами. И к этой пресыщенной дочке

миллионера, которая из холёной Европы приезжает в Россию позабавиться среди обезумевших московских обывателей, как приезжают иностранцы поохотиться на экзотического русского зверя».

Все они были сверхлюдьми, возвышались над маленьким бранным человечком, находили в этом оправдание своим интеллектуальным бесчинствам. «И Веронову хотелось взорвать это клановое превосходство, – говорит Александр Проханов, – сбросить их на грязную землю, потоптаться на них измызганными подошвами. Он чувствовал, как начинает сочиться в душе мучительное наслаждение, предчувствие тёмной пропасти, куда полетит, оставляя за собой рваный провал, взрывную волну, сносящую незыблемые опоры, и он спрячется от этой волны в бездонную воронку».

Веронов начинает понимать, что в теле его поселился «гость», змей, внушающий своему хозяину, что искусство не должно доставлять радость и удовольствие, а нужно «заставлять людей страдать». Художник-перформансист то строчит холостыми в толпу из пулемёта, то пляшет без одежды перед священниками, то сжигает макет памятника Зое Космодемьянской, то отравляет бомжей. Каждая новая провокация, новая выходка Веронова, в основе которой зло и ненависть, порождает в другом конце города или в одном из уголков планеты террористический акт (известный взмах бабочки), землетрясение, гибель ни в чём не повинных людей, питая кровью дьявола внутри художника зла. Сокрушая очередную моральную твердыню, Веронов вызывает вихрь разрушений на планете.

Чтение романа «Гость» рождает вопросы: откуда столько зла, нечисти, пошлости, разврата, боли, страха в стране, в народе, где мы всего лишь два с половиной десятка лет назад ощущали своё человеческое достоинство, стремились к знаниям, были овеяны, озарены подлинными, невыдуманными победами своих отцов и дедов, как на полях сражений, так и на своих рабочих местах?

Мы все виноваты, что позволили заползти в наши тела страшным «гостям»: змеиному, тёмному, низменному началу, злобным мыслям, потребительству, пошлому мещанству и греху уныния.

Страдания людей, вызванные провокациями Веронова, возвращаются бумерангом к перформансисту. Поняв это, он встречается со своим другом юности Степановым и понимает, что тот, сидя в инвалидной коляске, этот представитель презираемых им «лохмотьев истории», стал на пути зла, вершившегося Вероновым, наложив «крепких семь печатей», противопоставив зловещим деяниям созидание. Он уверен, что есть в мире нежность, любовь, милосердие, помощь, сострадание, великодушие, благородство, которых достаточно, чтобы уравновесить мировое зло, рвущееся из «чёрных катакомб».

Сила слова Александра Проханова в его вере, глубинном знании, что есть «божественные смыслы, чертежи, по которым русские строят ковчег своей государственности».

Когда случается в России, что уже нет надежды на избавление, в «крошечной тьме вдруг начинает светиться лампада спасения, и за этой лампадой, что горит в руках русского ангела, народ выходит из пропасти и вновь одерживает великие победы, строит чудные храмы, пишет дивные книги».

«Говорящие головы» в телевизоре, шоумены с «усмешкой», провокационными выходками множа зло, подобно Веронову, рушат в безумии – «заработать бобла» – представления о прекрасном и благородном, умном человеке, которого они близко не подпускают к микрофонам, чтобы разъединять народы и культуры, подвергать сомнению подвиги, церкви, святые.

Веронов совершает свои провокации за два миллиона. Но не потакаем ли мы злу бесплатно, не поощряем ли тёмные силы, подпитывая их, когда в разговорах в семье, на работе, в кругу друзей культивируем в себе злобу, ненависть, страх, осуждение, уныние.

Мы сами должны помочь себе, поверить в себя и в свою страну. Об этом говорит колоссальный по осуждению мирового зла роман Проханова. Берись и делай: выметай нечисть из себя, чтобы не превратиться в «лохмотья истории». Проблемы 5-й и 6-й колонны – это ведь проблема «гостя» внутри нас, а также проблема светоносной национальной идеи, спасающей от уныния, врачующей духовные раны, вызывающей «на духовную брань каждого русского воина».

Мир управляется не одной звериной силой. У нас есть не уснувшие, не замёрзшие высокие духовные качества, светом и чистотой выдавим из себя непрощенного тёмного «гостя», посадив сатану на цепь, как написано в Апокалипсисе, верой в себя, энтузиазмом (что святое!), воодушевлением национальной идеей мировой справедливости, обращением к коммунизму в его космическом значении, к пониманию Вселенной как храма. Уверена, что Александр Андреевич в следующем своём романе обратится к этой идее, где мы встретимся с героем, изгнавшим «гостя», что писатель даст нам рецепты преодоления уныния, которые и может дать только он в силу склада своего ума, своего жизненного опыта патриота, государственника и русского философа.

Критика

Алексей Казаков

Благодатный дар Андрея Авдеева

Новая книга историка-искусствоведа Алины Чадаевой «Виденья из пламени и стекла...» Эмали Андрея Авдеева» (М. Изд-во «Литературная Россия», 2017) – это очередная познавательная встреча-разговор о сущности нашего земного бытия, облагороженного повседневной природной и творимой красотой. Автор изначально задаёт тон всей книге утверждением: «Где дух не водит рукой художника, там нет искусства» (Леонардо да Винчи). Здесь каждая страница-размышление поочередно поднимает заинтересованного читателя по ступеням «пути восхождения» к осмыслению творческих работ мастера эмали Андрея Авдеева.

Своё повествование Алина Яковлевна начинает со страниц дальневосточной (о. Сахалин, Хабаровск) биографии сына-художника, с юных лет подмечавшего причуды природы древней сахалинской земли, на которой жило когда-то таинственное племя айну. С тех начальных впечатлений, с первых альбомных рисунков началась «лестница восхождения художника, ведомого Свыше», тернистый путь в большое искусство будущего мастера-профессионала, ибо в том давнем прошлом уже начинался диалог ребёнка и природы. В ранних рисунках запечатлелись разноцветье осенних сопков, «метаморфозы цвета» у вековых лиственниц. И в той первичной цветовой гамме, в постижении пластики природы проявлялись «характер, намерение, движение», оформляясь в призвание мальчика.

«Я старалась не быть назидательным ментором и не подчёркивать удивлявшую необычность восприятия мира Андреем», – вспоминает автор книги о том времени, которое зовётся «чудом детского восприятия природы». В нём всё удивительно-таинственно: «меднозвонная вертикаль сосны» соседствует с «тонконогой, многорукой берёзкой, а «сфинкс непроницаемо-дремучей ели» – со стволом уходящего под облака дубом.

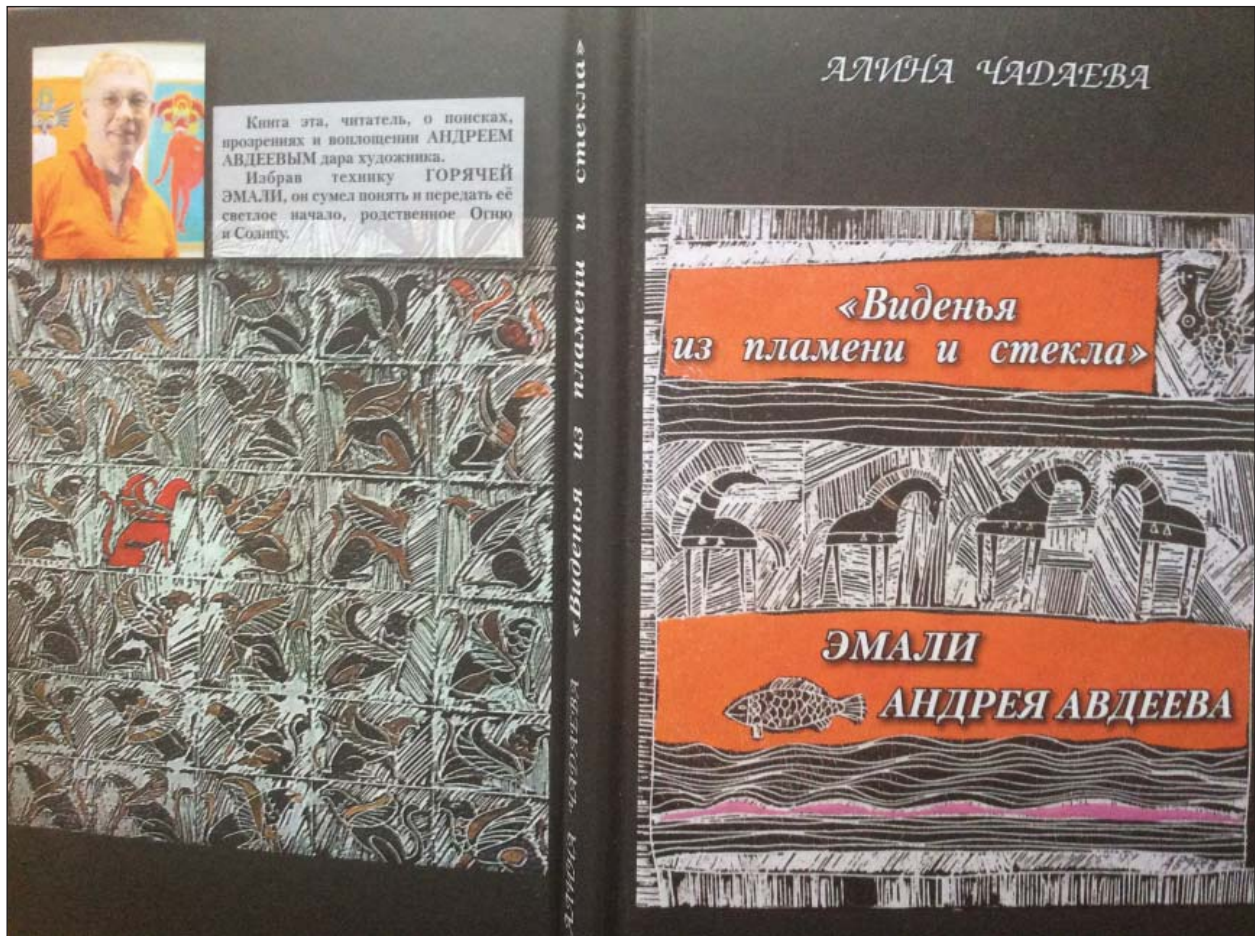
По существу, перед нами – учебное зримое пособие эстетического воспитания ребёнка, когда стиль, слог, язык автора книги передают живописно-поучительную картину земного рая, как нашу общую «эдемскую память о тысячелетнем прошлом растительно-тварного мира.

А. Чадаева постоянно выводит читателя на философский разговор-размышление, втягивая в стихию изысканных ассоциаций в окружающем нас земном бытии, «полном тайнописи, звучащего цветом».

Диалог художника и природы продолжился, когда Андрей Авдеев избрал в своём творчестве мастерство нетленной эмали, звучащей, подобно «музыке сфер». А. Чадаева уместно вспоминает священника-философа Павла Флоренского, его размышления об одушевлённой земной природе, в её целом и частях, где «всё дышит вместе друг с другом».

Автор книги – наш постоянный географический путеводитель, перемещающий читателя в пространстве: от острова Сахалина до Северной Двины и Мезени, от Белого моря до нижегородской Ветлуги. Для неё – это своего рода «пьедесталы времён», так как связаны с творческой биографией сына Андрея. Из путешествий, наблюдений, встреч с умельцами народных промыслов создавался свой неповторимо-оригинальный «авдеевский» стиль, работал ли он в начале пути – многогранным мастером -формовщиком, металлистом, витражистом, оформителем... В работах художника совместились озарение и изобретение, как у легендарного испанца Гауди в его архитектурных соборных фантазиях в Барселоне. Побывав в Испании, Андрей создал свои «Испанские картинки» в технике эмали, в центре которых – композиция «Фламенко». Ему удалось передать его вихревую, «огненную» природу.

«Зелёная оратория», «Конь. Вода. Отражение», «Тени идущего», «Архангельские коники», «Усольские старцы», «Стихия огня», «Античный ангел», «Библейские мотивы», «Миро – творение» – в каждой из этих работ А. Авдеева – многоголосие сакрального смысла, хранящегося народной памятью многих поколений. «Художник, – пишет А. Чадаева, – варьирует темы, приближая изображение к древнему архетипу.

И как ещё одно, но – поэтическое проникновение в глубинную суть мироощущения художника – философско-восторженный стих «Эмаль» Романа Славацкого, поэта, живущего в подмосковной Коломне.

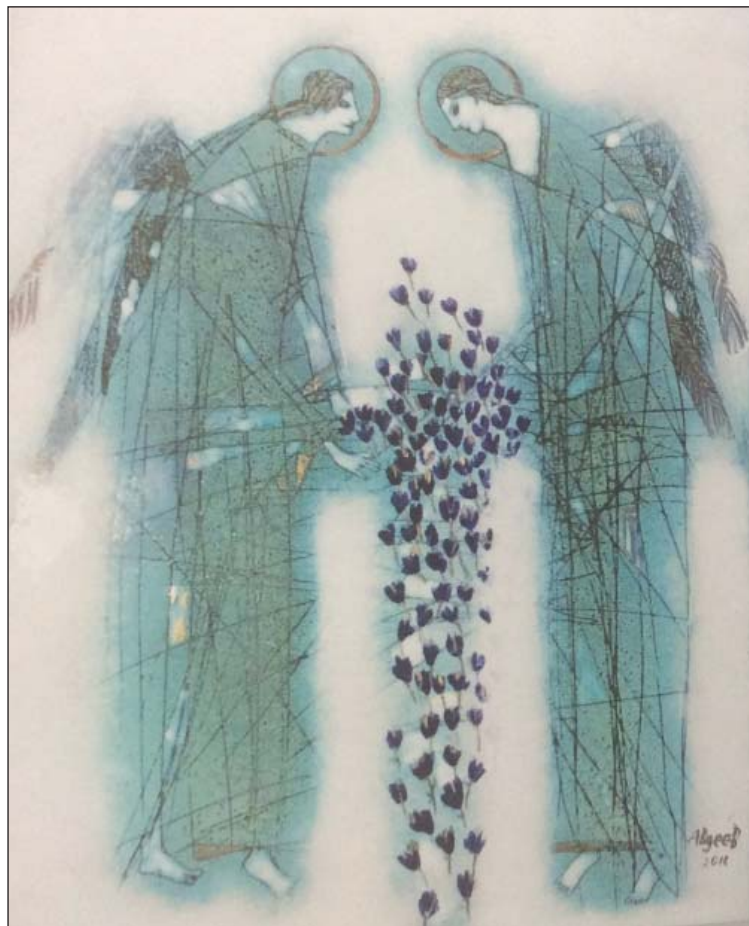
«Виденье из пламени и стекла
 янтарною лодкой плывёт во мраке,
 и сгустками духа слоится мгла,
 мерцающая, как в сказочном зодиаке.

 Янтарной хвоиной горчит эмаль
 сквозь вечную тьму,
 сквозь звучащую звёздность...
 И что это? – В небе речная даль
 иль светлой рекой отражённый Космос?»

Наверное, смысл «виденья из пламени и стекла» и в этих словах автора книги: «Каждому из нас предопределена Земная Судьба. Каждому дан благодатный Дар. Книга эта, читатель, о поисках и прозрениях, и о воплощении Андреем Авдеевым ниспосланного ему Дара художника. Избрав сложную технику горячей эмали, художник понял мистическую природу этого вида творчества и по мере сил сумел передать её светлое начало, родственное Огню и Солнцу».

Скажу несколько слов об авторе книги. В 1990-е смутные годы она своим подвижничеством, «огнепальным рвением», по слову благословившего её Митрополита Нижегородского и Арзамасского Николая, начала вместе с мужем Алексеем восстанавливать Троицкий собор в Ветлуге, постройки 1805 года, в котором много лет хозяйничал электромеханический завод.

Иконостас северного придела был воссоздан, благодаря Андрею Авдееву. Иконы, в древней технике горячей эмали, были выполнены им в безупречно каноническом стиле. Сам же он говорил об этом: «Иконы для меня – открытая дверь к Спасителю».

Ему удалось в какой-то мере повторить икону Святой Троицы, созданную Андреем Рублёвым. И были памятны заветные слова о ней о. Павла Флоренского: «Вражде и ненависти, царящим в долънем, противопоставилась взаимная любовь, струящаяся в вечном согласии, в вечной безмолвной беседе, в вечном единстве сфер горних».

Под влиянием своей матери, много лет работавшей над книгами об Алапаевских мучениках, брошенных живыми в Нижне-Селимскую шахту 18 июля 1918 года по приказу Ленина и Свердлова, Андрей создал уникальный иконно-эмалевый цикл, посвящённый памяти этих мучеников – князей из рода Романовых и их сподвижников.

«Счастлива за себя и за сына Андрея, прикоснувшихся пером и «кистью трепетной» к незабвенным именам и деяниям Алапаевских мучеников», – писала в книге Алина Яковлевна.

Напомню, что сегодня в России нет храмов (кроме монастыря во имя Новомучеников Российских, основанного возле злополучной шахты), где бы поимённо поминали ВСЕХ Алапаевских мучеников.

К названным выше иконам, созданным Андреем Авдеевым, примыкает и храмовая: «Братья-страстотерпцы: князья Борис и Глеб, Николай II и Михаил».

Добавлю, что репродукции упомянутых икон будут достойно представлены в моём монументальном историческом двухтомнике «Венценосные слуги России: Романовы на Урале и в Сибири».

Завершая разговор о книге А.Я. Чадаевой, отмечу, что написана она страстно, подобно солнечно-му искусству горячей эмали. Сама книга, как артефакт, напоминает мне старинную северную прялку, которую мастера делали из цельного ствола ели с корнем («Штоб прямо от корня лопапка-то шла»).

И как постскрипtum – авторское стихотворное послесловие – послание: «И чаша на столе алтарном полна надежд».

В тех светлых надеждах мы и пребудем, закрыв последнюю страницу этой удивительной книги.

Бережок

Елена Родченкова

Родченкова–Кир Елена Алексеевна – поэт, прозаик, публицист, автор-исполнитель, автор 30 книг прозы, стихов, публицистики, стихов для детей. Лауреат многих премий, в том числе Всероссийских: премии «Имперская культура» им. Э.Володина и премии им. В.И.Белова. Автор официально утвержденных гимнов городов Валдая Новгородской области и Новоржева Псковской области. Переведена на китайский, арабский, турецкий и другие языки.

Сказка про Аиста

Аист Лист был самым трудолюбивым аистом на всей Северной земле. Он без усталости носил в клюве младенцев, и Господь только ему доверял близнецов, тройняшек и ещё – особых детишек с хрустальными огненными душами.

У Аиста Листа были мощные крылья и железный клюв, сильная грудь, крепкие лапы, непоколебимая воля, спокойный нрав и безграничная ответственность. Поэтому Бог ему доверял.

Днём и ночью Аист Лист приносил детей в дома, стучался краешком крыла в окно, укладывал осторожно ребёнка на крылечко и торжественно взлетал на крышу. Оттуда он счастливо наблюдал, как открывалась дверь, из дома выходили изумлённые родители, находили Божий подарок и уносили его домой.

Однажды Аист Лист летел рядом с журавлиной стаей.

– Листик, хватит тебе работать, летим с нами на Юг! Ведь ты никогда не видел моря, никогда не ел крабов и устриц. Отдохни!

Аист Лист покачал головой и повернул направо.

На другой день он встретил стаю лебедей.

– Листик, ты всё трудишься? Какая тяжёлая у тебя работа! Вот нам Бог не доверил такую ответственную работу. Зато мы свободны и прекрасны. И мы радуем людей своей красотой. Полетели с нами! Ты отдохнёшь и тоже будешь красив, как мы. Посмотри, какой ты худой, изнурённый, усталый!

Аист Лист покачал головой и повернул налево от стаи.

На следующий день Аист Лист встретил стаю диких гусей.

– Листик, хватит тебе работать! Полетели с нами на юг, и ты увидишь, как прекрасна наша планета. Ты увидишь весь мир! Ты узнаешь, как великолепна свобода! Ведь ты птица! Птица должна быть свободной!

Аист Лист помотал головой.

Дикие гуси загоготали:

– Ты даже не можешь раскрыть рот, иначе ребёнок упадёт. Ты даже не имеешь голоса! Ты потерял главное, что есть у птицы – свободу и голос! Ты теперь не птица, ты раб!

Аист Лист сурово помотал головой и стремительно полетел к земле. Там в доме ждали младенца папа и мама.

Но вдруг с ним что-то случилось. Он круто развернулся и полетел за дикими гусями, крича во все горло:

– Я не раб! Я тоже птица! Но у меня такая судьба! У меня такой долг! У меня такая обязанность!

Клюв-то он раскрыл – ребёнок и выпал.

Упал малыш в пышные, кружевные еловые лапы густого леса, как в колыбель, и пропал там.

Аист Лист испугался, долго кружил над лесом, но так и не нашёл малыша. И так он расстроился, так растерялся, так запаниковал, что не полетел сразу к Богу, а почему-то помчался следом за стаей

диких гусей. Потом снова вернулся, снова долго кружил над лесом и, наконец, решил, что ребёнка кто-нибудь уже нашёл и забрал. Находят же детей в капусте. А он ненадолго слетает на юг. Никто и не узнает, что он там был. Только на минуточку отлучится, одним глазком огромный прекрасный мир посмотрит, попробует на вкус крабов и – вернётся.

Полетел Аист Лист на Юг, а Бог тем временем ангельские души деткам в тельца вдыхает, другим аистам малышей кричащих раздаёт, а особых детишек – с хрустальными огненными душами – в сторонку складывает, Аиста Листа ждёт. Никому особых Бог не доверяет. Особые лежат, кричат, много накопилось, а Аист Лист всё не летит и не летит. На Юге фрукты клюёт, плюётся – кислые, вязкие фрукты, не нравятся ему. О крабы панцири весь клюв расшиб, размолотил, лапы об острые камни скал поранил, щиплет раны солёная морская вода. Ищет Аист Лист на Юге болото и лягушек, найти не может. Крылья на солнце стали у него сильнее, красивее, сверкают, лоснятся. Летать он стал быстрее, но ни одной рыбы так и не смог поймать – больно вёрткая в море рыба, как головастики.

Тем временем в лесу малыш переполох устроил. На еловых лапах качался-качался, спал, а потом проголодался, да как заорёт! Кричит, надрывается, будто понимает, что потерялся.

Белки из дупла выскочили, малыша успокаивают, зайцы примчались, под ёлкой пляшут, развеселить его стараются. Медведю доложили, что случилось такое дело – он мёду принёс, стали мёдом малыша кормить, а он всё равно плачет. Бабочки вокруг порхают, малышу щёчки щекочут, рассмешить хотят, а тот всё равно плачет.

Прибежали волки – беспокоятся, вдруг за ребёнком люди придут, а у людей ведь есть ружья. Просят белок, мол, дайте ему побольше медвежьего мёда, пусть молчит, а то наведёт беду на весь лес. Белки дали ещё малышу мёду, на еловых лапах покачали – вроде уснул ненадолго. Ночью опять проснулся – и давай кричать! Видимо, замёрз. Подняли наверх на ёлку пушистую лису – рядом положили, чтоб шубой своей грела. Уснул. Пригрелся. Мёдом причмокивает. Вроде тихо стало. Но лес не спит. Все, как струны натянутые, как войско на изготовке, под ёлкой стоят, ждут сигнала...

– А-а-а-!!!

И опять: кто бегаёт, кто скачет, кто крыльями машет, кто просто лежит без сил и горюет. Тяжко зверям человеческий плач переносить – мучаются они от человеческого плача.

Стали звери оленя просить, отнеси, мол, ребёнка на своих рогах, как в люльке, в деревню, где другие люди живут. Не вырастить нам его самим, звери ведь мы. А олень на дерево залезть не может.

Стали ночных мышей просить; подхватите ребёнка, да положите оленю в рога, как в люльку, пусть людям его отнесет. Те попробовали – тяжёлый, не поднять. И сове даже не поднять, и дятлу, и филину.

Малыш орёт на весь лес, аж душа у леса заходится.

Решили послать кого-нибудь на небеса к Богу, спросить, что делать? Вызвалась синица, говорит:

– Вдруг там очередь? Я маленькая, без очереди проскочу. Дело срочное, мне простительно.

Прилетает синица в Богу, без очереди проскочила, упала в ноги, спрашивает, как быть, что делать, когда ребёнок постоянно плачет?

– Любить его, – отвечает Бог.

– А если всё равно плачет? Если чужой ребёнок?

– Ещё сильнее любить, – отвечает Бог.

– А если он – человек, а все вокруг – звери?

– Такого я заберу Себе, он из зверей людей не сделает, – сказал Бог и послал с синицей дежурного аиста.

Аист малыша забрал, Богу назад принёс, а в лес вернулись тишина и покой. Звери даже успели забыть о случившемся. А весной прилетел Аист Лист. Он кружил над лесом, махал пышными жаркими крыльями и кричал громким южным голосом, звал малыша.

Белки из дупла выскочили, кулачками машут:

– Бессовестный! Где же ты раньше был?

– На Юг летал. Но там плохо, нет лягушек, а рыб невозможно поймать. Очень вёрткие морские рыбы, как головастики. Не видели ли вы ребёнка?

- Мы даже разговаривать с тобой не хотим! Спроси у Бога!
- Как же я к Богу полечу, если я ребёнка родителям не отнёс?
- А как хочешь, так и лети. Нам всё равно, – сказали белки и спрятались в дупло.
- Полетел Аист Лист к Богу, прилетел, лёг у ног, плачет, кается, мол, уронил ребёнка и не нашёл.
- Когда? – спрашивает Бог.
- На днях.
- А где ты его искал?
- Везде.
- Искать нужно там, где потерял, – сказал Бог и велел Аисту Листу быть обычным аистом, ловить и есть лягушек, вить гнездо на столбе и летать по всему свету.
- Как теперь мне будет хорошо! – радовался Аист Лист. – Я стану свободной птицей! Настоящей птицей счастья!
- Да, тебе станет известна цена счастья, – сказал Бог. – И ты поймёшь главное: счастье – это Моё доверие. Те, кто утратил Моё доверие – обретают все краски мира, но теряют суровый, бесцветный холст, его основу. Лети, Аист Лист, маши своими свободными крыльями, рисуй. Картины в небе отличаются от узора жизни на Земле.

Наши друзья

Советуем почитать:

- Журнальный мир:** <http://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/vse-zhurnaly>
Союз писателей России: <http://www.rospisatel.ru/>
Союз писателей Беларуси: www.oo-spb.by/
День литературы: <http://denlit.ru/>
Сайт Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры: <http://slav-academ.ru/regions.html>
Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»: haos216@mail.ru Почтовый адрес: 690003, Владивосток, ул. Авраменко, д.17, кв. 65
Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru
Журнал «Великоросс»: <http://www.velykoross.ru/>
Журнал «Экоград» Москва: <http://ekogradmoscow.ru/novosti/novosti-press-sluzhb/zhurnal-berega-pobedil-v-konkurse-zhurnalistikogo-masterstva-slava-rossii>
Виртуальный салон искусств «Преголя-арт»: <http://pregolia-art.com>
Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>
Русский народный дом: <http://rusnardom.ru/russkaya-literatura/poeziya/intervyu-yunnyi-morits/>
Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru
Журнал «Новая Немига литературная»: <https://zapadrus.su/partnery/novaya-nemiga-literaturnaya>
Портал Переправа: <http://pereprava.org/>
Московский журнал [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)
Общество Русско-Американской дружбы «Добрая Воля» в Вашингтоне www.raga.org
Русская народная линия <http://www.ruskline.ru>
Журнал «Подъем»: <http://www.podiem.vsi.ru>
Культура в Вологодской области: <http://cultinfo.ru>

О приобретении и подписке на журнал

Дорогие друзья!

Помощь журналу, приобретение и подписка на журнал «Берега» осуществляется перечислением на карточку Сбербанка Маэстро на счет: **63900220 9003003076**.

Стоимость одного журнала — 400 руб. Подписка на год — 2400 рублей.
Свой почтовый адрес после оплаты выслать Лидии Владимировне Довыденко:
dovidenko_L@mail.ru